КОРТЕС

Кристиан Дюбергье

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Испанский конкистадор Эрнан Кортес, как утверждает автор книги – историк и писатель Кристиан Дюверже, не был обыкновенным завоевателем. Перед нами психологически сложная, многогранная и неординарная личность, мечтатель, опередивший время.

Автор предпринял попытку показать конкистадора на протяжении всей его жизни, связав воедино ее различные этапы. В книге Кортес предстает не только в годы завоевания Мексики, но и на службе в администрации Сан-Доминго, в экспедиции 1541 года против берберов, мы увидим Кортеса – исследователя Тихого океана, открывателя Калифорнии, коммерсанта, первым установившего морскую торговлю с Перу, искателя Западного пути к Молуккским островам и Филиппинам.

- Кристиан Дюверже
  - СПОРНЫЙ ГЕРОЙ
  - КОРТЕС
    - ВСТУПЛЕНИЕ
    - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
      - Детские годы
      - Средневековая Испания Изабеллы Католички
      - Отрочество (1499–1504)
      - Эспаньола (1504–1511)
      - Куба (1511–1518)
    - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
      - Выход в море
      - Карл I
      - Жертва кораблекрушения
      - Ла Малинче
      - Высадка
      - Градостроительство
      - Союз
      - Карл V
      - Затопление судов
      - Столкновения и союзы
      - Резня
      - Кортес и Мотекусома
      - Междоусобица
      - Снова резня
      - «Ночь Печали»

        - Отступление
        - Восстание
        - Новая Испания
        - Коронация
        - Эпидемия
        - Подготовка
        - Расправа
        - Осада
        - Интриги
        - Поражение ацтеков
        - Ратификация
    - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
        - Проект Кортеса
        - Поход на Лас-Гибуэрас (1524–1526)
        - Снова интриги (1526–1528)
    - ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
        - Первая Аудиенция: изгнание в Кастилию (1528–1530)
        - Вторая Аудиенция: зов Южного моря (1530–1535)
        - Зависть вице-короля Мендосы (1536–1539)
        - Время разочарований (1540–1547)
    - ЭПИЛОГ
    - ЗАКЛЮЧЕНИЕ
  - БИБЛИОГРАФИЯ
  - ХРОНОЛОГИЯ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61

- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105

- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149

- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193

- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237

- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251

Кристиан Дюверже
Кортес

СПОРНЫЙ ГЕРОЙ

Сравнительно недавно «Молодая гвардия» порадовала своих читателей выпуском книги М. Дефурно «Повседневная жизнь Испании золотого века», в которой подобающее внимание уделено и американским владениям испанской короны. Предлагаемое на сей раз сочинение К. Дюверже «Кортес» возвращает читателя к самому началу этого периода в истории страны, само название и содержание которого вызывают к себе неоднозначное отношение со стороны исследователей. Столь же спорную личность представляет собой и Эрнан Кортес – один из тех конкистадоров, благодаря самоотверженности и героизму (но вместе с тем беспринципности и жестокости) которых на американском континенте появились колонии, собственно, и обеспечившие в материальном отношении величие Испании упомянутого «золотого века».

Предлагаемая К. Дюверже трактовка личности и деяний знаменитого конкистадора по-своему интересна. Чтобы написать хорошую биографическую книгу, надо любить своего героя. Правда, весьма желательно, чтобы эта любовь не была слепой и не мешала автору показать персонаж во всей его полноте, не скрывая и того, что не работает на авторскую концепцию. Дюверже так любит Кортеса, что умудряется находить его правоту даже там, где сомнительность поступков героя совершенно очевидна. В трактовке Дюверже, Кортеса на протяжении всей его жизни окружали завистники, интриганы, плуты и прочие людишки, мешавшие ему воплощать грандиозные замыслы, призванные осчастливить человечество. При этом для автора словно бы не имеет значения, что персонаж его книги идет к своей цели, оставляя позади себя горы трупов, обманывая доверившихся ему людей и совершая то, что по всем законам называется неподчинением властям.

Сразу же оговорюсь, что Дюверже не фальсифицирует факты, в изложении событий он точен, и лишь те или иные интерпретации способны вызывать недоумение у читателя, более или менее знакомого с данным сюжетом. Не исключено, что его подводит стремление быть оригинальным – он даже не употребляет общепринятое написание имени погубленного Кортесом вождя ацтеков Монтесумы, заменяя его замысловатым и непривычным для российских читателей именем Мотекусома. Правда, основанием для подобного рода авторского произвола может служить неоднозначность произношения и написания слов языка ацтеков. Хотя личный героизм Кортеса не подлежит

сомнению (невольно охватывает чувство восхищения, когда читаешь о его подвигах, пусть и не всегда безупречных с моральной точки зрения), однако стремление использовать этот героизм в качестве фона для показа ущербности других исторических деятелей вызывает протест. Несколько тенденциозно представлен в книге император Карл V: при всех своих недостатках он не был таким ничтожеством, а его отречение от престола и уход в монастырь – не повод для злорадства.

Произвольность трактовок в книге Дюверже (в целом, безусловно, интересной), повторю еще раз, не укроется от многих читателей, тем же из них, для кого предлагаемая биография Кортеса может показаться откровением, хотелось бы напомнить, что имеются и другие интерпретации его жизненного пути. Поскольку мало что известно о детских годах будущего конкистадора (сомнительна даже дата его рождения, 1484/85 год), стоит начать с того момента, когда он семнадцатилетним юношей вступил в самостоятельную жизнь. Проучившись два года в университете в Саламанке, Кортес получил достаточно знаний в области права и латинского языка, чтобы производить впечатление на невежественных людей, однако в прямом смысле слова человеком, имевшим университетское образование, он не являлся. Пройдя полный курс обучения, он мог бы сделать карьеру стряпчего или королевского чиновника, теперь же ему, бедному идальго, оставалось единственное достойное занятие в жизни – военная служба.

Многие поколения идальго Эстремадуры служили Кастилии, ведя войну против мавров. По завершении Реконкисты эти отважные люди, потомственные профессиональные воины, остались не у дел, однако после открытия Колумбом в 1492 году «Западных Индий», позднее названных Америкой, у них появилась новая возможность приложения своих сил на поприще создания Испанской империи за океаном. Такой выбор сделал для себя и юный Эрнан Кортес. В 1504 году он сел на корабль, отплывавший на Эспаньолу («Малую Испанию», ныне Гаити). Безуспешно попытав счастья среди многих других, искавших на острове золото, Кортес обратился к более прибыльному занятию, поступив на службу в канцелярию губернатора, где занимался составлением официальных документов, получая за это щедрое вознаграждение.

Однако его непоседливая натура требовала приключений, и в 1511 году он присоединился к экспедиции Диего Веласкеса, направлявшейся на завоевание и колонизацию Кубы. Веласкесу нужны были энергичные и толковые помощники, и его выбор пал

на Кортеса. Он назначил его командиром одного из отрядов, и на какое-то время они даже стали друзьями, чтобы потом сделаться злейшими врагами. Диего Веласкес не довольствовался Кубой, мечтая о завоевании новых земель во имя короля, что принесло бы ему славу и большие богатства. Как и многие другие испанцы, он полагал, что недра Америки буквально нашпигованы золотом и надо лишь взять его. Но у Веласкеса была проблема: он не мог покинуть Кубу, чтобы лично возглавить экспедицию (а львиная доля захваченного доставалась именно предводителю конкистадоров). Надо было найти кого-то, кто бы остался верен ему и возвратился на Кубу, тогда Веласкес смог бы в донесении королю приписать все заслуги лично себе, поскольку предводителем экспедиции был всего лишь наемный солдат. И он обратился к своему секретарю и другим доверенным советникам с просьбой порекомендовать ему верного и вместе с тем толкового и отважного человека. Они единодушно указали ему на Кортеса. Казалось, это был хороший совет. Кортес, несомненно, являлся отважным, толковым и популярным среди воинов человеком, но при этом не был столь крупной личностью, чтобы стать соперником для губернатора. Это оказалось роковым заблуждением. Веласкес не знал, что Кортес давно уже обрабатывает нужных людей, в том числе и губернаторского секретаря, соблазняя их взятками и щедрыми обещаниями, чтобы возглавить намеченную экспедицию на континент.

Кортес совершенно изменил весь свой образ жизни, как только Веласкес назначил его на вожделенную должность. Он начал одеваться, как то подобает важному господину, в дорогие шелковые и бархатные одежды и носить на шее массивную золотую цепь. Он столь рьяно принялся снаряжать корабли и набирать команду, что экспедиция была готова отправиться в путь еще до того, как Веласкес понял, что возвысил человека, который никогда не будет повиноваться его распоряжениям. Когда закрались первые подозрения, было уже поздно изменить что-либо. Флотилия Кортеса подняла паруса, и будущий знаменитый покоритель Мексики оказался для губернатора Кубы вне досягаемости.

Причалив к берегам континента, Кортес собрал весьма важную для себя информацию о существовании богатого, изобильного золотом государства ацтеков и о враждебном отношении к нему окружающих индейских племен. Он решает двинуться на столицу ацтеков город Теночтитлан и встретиться лично с правителем Монтесумой, что было отчаянно смелым шагом. Почему Кортес решился на такой риск? Кортес был поразительно амбициозным человеком, ради славы готовым

рискнуть даже собственной жизнью. К тому же он был религиозен, поэтому полагал, что испанцы совершат благое дело, обратив индейцев в Христову веру, и Бог воздаст за это. Могло сыграть свою роль и то обстоятельство, что ацтеки совершали человеческие жертвоприношения, и Бог, полагал Кортес, непременно поможет ему прекратить эту отвратительную практику. Но были и менее возвышенные мотивы. Ацтеки, прислав испанцам подарки, показали, что живут в богатой стране, поэтому имело смысл предпринять рискованное предприятие, чтобы овладеть этой страной – а Кортес всегда был готов рисковать. К тому же золото для него значило слишком много. Кортес будто бы признавался: «Все мои товарищи, как и сам я, страдают сердечным недугом, исцелить который может лишь золото».

Кортес затеял рискованную игру, полагаясь на то, что в случае успеха экспедиции он пошлет Карлу V золото и тот простит ему неповиновение Веласкесу. В письме, направленном Кортесом императору, не было откровенной лжи, но и не была сказана вся правда, в частности, что имело место неподчинение губернатору Кубы. Чтобы отрезать колеблющимся путь к отступлению, Кортес якобы обнаружил, что суда изъедены червем, и приказал их затопить – по расхожей версии, он будто бы велел сжечь их, отсюда и пошло выражение «сжигать свои корабли».

Дальнейший ход событий известен: Кортес занял Теночтитлан и захватил Монтесуму. Почему правитель ацтеков столь легко поддался? Если бы мы знали ответ на этот вопрос! Трудно сказать, что в действительности произошло тогда. Кортес в своих письмах сообщал лишь то, что было выгодно ему. Он утверждал, что Монтесума совершенно добровольно передал ему власть над своей империей, поскольку верил, что Кортес послан ацтекскими богами. Действительно, у ацтеков было пророчество, что один из их богов должен прийти и потребовать себе власть над землей и народом Мексики. Монтесума, будучи религиозным человеком, мог поверить в это, но мог ли он верить в божественное происхождение Кортеса и после длительного непосредственного общения с ним? А может, вождь ацтеков просто просчитался? Возможно, в собственном городе он чувствовал себя в безопасности, полагая, что сможет расправиться с испанцами в любое удобное для себя время. В поведении Монтесумы проявился некий фатализм – он всецело положился на волю богов, полагая, что без их знамения лучше ничего не предпринимать. Нам никогда не узнать правды, ибо имеющиеся в нашем распоряжении источники слишком скудны.

В оценке того, как Кортес хозяйничал в завоеванной стране, суждение Дюверже диаметрально противоположно общепринятому: для него конкистадор – не погубитель одной из блестящих цивилизаций в истории человечества, а новатор в области межкультурных и межнациональных отношений, инициатор смешения этносов, которое должно было бы принести благотворные плоды. Останки Кортеса покоятся в Мехико, и маленькая медная табличка указывает на место, где похоронен конкистадор, однако найти это место не так-то и просто, поскольку многие современные мексиканцы не любят вспоминать о Кортесе, считая его агрессором, погубившим их страну.

Кортес благодаря собственной отваге и уму сумел подняться из безвестности до вершин славы. Он достиг всего, о чем мечтал каждый идальго, – богатства, власти, славы. Он был наделен редкостным обаянием, что в сочетании с сильным характером позволяло ему вести за собой людей в огонь и воду. Обладая огромным мужеством, он вступал в сражение с несоизмеримо более многочисленным противником и одерживал победу. Но была и другая сторона его натуры. Он предал Веласкеса. Не раз он внушал людям одно, а затем делал другое. Не единожды доводилось ему устраивать кровавую резню. При дележе добычи он не отличался особой щепетильностью, давая повод к подозрению в обмане. Современные мексиканцы не считают возможным простить Кортесу то, что он сотворил. Весьма сомнительно, чтобы он хотя бы раз испытал сожаление в содеянном, считая, как и прочие испанцы того времени, свою религию и цивилизацию превыше всего на свете.

В предлагаемой ныне российскому читателю книге Дюверже рассказано много интересного о подвигах, удачах и неудачах Эрнана Кортеса. Нет необходимости проводить здесь подробный ее разбор, указывая на отдельные недостатки. Доверимся эрудиции и интуиции читателей, которые сумеют отличить факты от их интерпретации автором, порой весьма не беспристрастным. Да и можно ли остаться беспристрастным, когда имеешь дело с таким персонажем?

В. Д. Балакин

КОРТЕС

Истинно, истинно говорю вам: кто не дверью входит во двор овчий, но перелазит инде, тот вор и разбойник.

Ин. 10, 1

ВСТУПЛЕНИЕ

Кортес – человек-легенда. Конкистадор был личностью столь сложной и многогранной, что во все времена различные конкурирующие школы мысли и соперничающие идеологии не прекращали споров о ней и каждый мог легко найти «своего» Кортеса – полубога или демона, героя или проходимца, поработителя или защитника индейцев, передового человека или феодала, корыстолюбца или великодушного синьора…

В этом заключается очевидный парадокс. Обилие интерпретаций было бы естественно при отсутствии или неполноте письменных свидетельств об историческом персонаже, но в случае Кортеса ситуация как раз обратная. Завоеватель Мексики известен нам по целому ряду доступных источников. Прежде всего это его собственные произведения, официальные отчеты королю Карлу V, личная переписка, публичные обращения или юридические акты. Имеются и свидетельства современников, архивариусов и хронистов, как Мартир де Англериа или Лопес де Гомара, соратников по конкисте, как Диас дель Кастильо или Агилар, и священников, как Лас Касас.

И что особенно оригинально – сохранились описания событий со стороны побежденных. По совету первых францисканцев некоторые туземцы записали на собственном языке – науатле, переданном латинскими буквами – свою версию конкисты. Ко всему этому библиографическому обилию можно добавить серию административных документов, относящихся к управлению завоеванными мексиканскими землями и множество судебных актов, в которых со всеми подробностями были занесены процессы против Кортеса и ответные жалобы конкистадора. Со второй половины XVI века эту библиотеку пополнили биографии участников завоевания Мексики, составленные историками различных национальностей. Тем не менее в течение многих лет это историографическое наследие давало пищу для самых разных прочтений и толкований.

И камнем преткновения явилась даже не трактовка тех или иных исторических документов, а скорее всего именно личность Кортеса, сама по себе уже крайне спорная и противоречивая. С конкистадором связан самый трагичный период истории Америки, когда испанская колонизация стерла с лица земли все индейские цивилизации. Столкновение Старого и Нового Света сопровождалось таким всплеском невиданной жестокости, что каждый может найти доказательства «варварства» как той, так и другой стороны. В защиту и тех и других часто выдвигаются

аргументы сугубо идеологического, субъективного и просто импульсивного характера. В покорении Мексики как никогда ярко отразилась противоречивая природа человечества. Смерть заложена в основу любого прогресса, в эгоизме тонет всеобщее самопожертвование, счастье одних несет несчастье другим. Как воспринимать культуру, в которой друг другу противостоят костры инквизиции и свободомыслие Ренессанса? Как увязать высочайшие достижения ацтеков и мракобесие человеческих жертвоприношений?

Как объективно подойти к истории Кортеса? Нельзя понять человека, не анализируя в то же время и легенду, созданную вокруг него, какой бы эта слава ни была, черной или белой. С другой стороны, ограничиться только легендой, значит, не увидеть реального человека и его время. Жизненный путь Кортеса не сводится к двум годам (1519–1521) завоевания Мексики. У него были детство, мечты, семья, друзья и любовь; он обладал недюжинным умом и силой духа; время шло, виски посеребрила седина, он познал горе и радость, падения и взлеты; его честолюбивые планы столкнулись с суровой реальностью; перед приближающейся смертью он думал о своем времени, будущем Испании и Мексики… Словом, шестьдесят два года жизни Кортеса богаты событиями.

Любопытно, что традиционная историография даже не пыталась рассмотреть эту личность во всей ее полноте и на протяжении всей ее жизни. Разве известно о службе Кортеса в администрации Санто-Доминго или управлении своими поместьями на Кубе? А кто знает об участии Кортеса в экспедиции 1541 года против берберов?[1] Образ конкистадора, сжигающего свои корабли у берегов Веракруса или пытающего последнего индейского тлатоани Куаугтемока в надежде вырвать признание, где скрыты. «сокровища ацтеков», вытеснил из памяти людей Кортеса – исследователя Тихого океана, открывателя Калифорнии, коммерсанта, первым установившего морскую торговлю с Перу, искателя западного пути к Молуккским островам и Филиппинам. Историки не заметили Кортеса среди гостей, приглашенных на свадьбу наследного принца, будущего Филиппа II, не заметили человека, всего за несколько лет до того осмелившегося бросить вызов короне, установив свою власть в Мексике. Различные этапы жизни Кортеса должны быть связаны воедино, хотя бы хронологически.

Наивно было бы надеяться понять человека, не понимая времени, в котором он жил, но и здесь вопрос имеет две грани. Испанец Кортес нашел свой новый дом в Америке индейцев. Поэтому нельзя ограничиться исследованием только испанского

контекста, надо изучить и туземный мир, чтобы по достоинству оценить странный путь Кортеса, петляющий на границе Старого и Нового Света, что стал связующим звеном двух частей цивилизованного мира.

Не будь Кортес неординарным человеком, наверное, его имя не было бы окутано мифами и легендами. Эта очевидная истина часто не замечается в угоду механистическим концепциям, представляющим конкистадора заурядным инструментом неумолимой испанской колонизации, начавшейся задолго до него, еще с первого путешествия Колумба в 1492 году. Но все, что связано с Кортесом, выходит далеко за рамки привычного и банального. В противоположность архетипу грубого неотесанного солдафона, грабителя и убийцы, Кортес был утонченным, образованным человеком и искусным обольстителем; великолепный оратор, он предпочитал воздействие слов грубой силе, которую умел обуздать; он эксплуатировал золотую лихорадку своих соратников, умел анализировать и предвосхищать события, выстраивая стратегические планы на далекую перспективу, тогда как остальные не видели дальше собственного носа; охотно манипулируя людьми, он поддерживал широкую сеть знакомств и связей. Именно его видением исторического и политического развития, высоко поднявшимся над господствовавшими тогда схемами, объясняется его совершенно нетипичное поведение. Тогда как большинство испанских переселенцев первой волны демонстрировали глубочайшее презрение к индейцам, Кортес лелеял мечту о слиянии с ними. Сумев – в огне и крови – предотвратить повторение антильского сценария истребления туземцев и привить на культурной и гуманистической почве ацтекской империи испанский корень, Кортес заложил основы современной Мексики. Это эпическое рождение новой расы привело к столкновению метисов и чистокровных потомков завоевателей, и отголоски его слышны до сих пор, потому что в нем тесно переплелись уважение и притеснение, восхищение и ненависть, великодушие и жестокость, альтруизм и алчность, любовь и равнодушие, потому что ничто в этой истории не вписывается в рамки привычных представлений, и требует изучения всех граней сложного здания человеческой личности и его восприятия нового мира.

Другой вопрос, неразрывно связанный с судьбой Кортеса, – это отношение Испании к нарождавшейся колониальной империи. Непредвиденное открытие Америки глубоко потрясло католическую Кастилию, занятую в тот момент освобождением и объединением своих земель. Могло ли это неокрепшее

государство на ходу разработать новую философию власти, которая учитывала бы всю экстраординарную новизну «Западных Индий»? Какие полномочия передать на ту сторону океана? Как организовать администрацию и установить контроль над территорией в сорока пяти днях плавания от метрополии? И как обращаться с многочисленными туземцами, принадлежность которых к человеческой расе даже ставили под сомнение?

К этим вопросам вскоре добавилась и проблема управления наследством, доставшимся Карлу V. Юный Карл Гентский, внук Фердинанда Арагонского и Максимилиана Австрийского, одну за другой унаследовал обе королевские короны своих дедов: Фердинанд скончался в 1516 году, Максимилиан I – в 1519-м. В шестнадцать лет Карл взошел на трон Испании, три года спустя стал императором Священной Римской империи. И к этим гигантским владениям, разбросанным по всей Европе (управление которыми уже было делом не из легких), добавились огромные территории на новом континенте. Их размеры не шли ни в какое сравнение с ранее захваченными островами в Карибском море. Завоевание Мексики, предпринятое Кортесом в 1519 году, создало беспрецедентную ситуацию, с которой Испания едва могла справиться. Кортес оказался в эпицентре мировоззренческих и политических потрясений, вызванных изменением пропорций мира, а его деятельность послужила водоразделом между Средними веками и эпохой Ренессанса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ОТ МЕДЕЛЬИНА ДО КУБЫ (1485–1518)

Детские годы

Происхождение Кортеса окутано тайной. Эрнан родился, по всей вероятности, около 1485 года в Медельине, в Эстремадуре, в самом сердце иберийской Месеты. Точная дата его рождения неизвестна, и сам Кортес всегда ее скрывал, причем по только ему известным мотивам. Даже его официальный биограф падре Франсиско Лопес де Гомара, ставший в последние годы жизни Кортеса его капелланом и духовником, был вынужден довольствоваться в своей «Истории покорения Мехико» всего лишь указанием года рождения – 1485.[2] Эта лаконичность первых биографов, единодушно поддержавших версию Гомары, была нарушена всего лишь раз в анонимном тексте на двадцати страницах, который сохранился только в копии XVIII века.[3] Неизвестный автор приводит краткую биографию Кортеса, которая обрывается 18 февраля 1519 года. В ней говорится, что конкистадор «родился в 1485 г. в конце июля месяца».[4] Эта неопределенность в уточнении также вызывает удивление. Но есть и другие предположения.

По францисканскому преданию конца XVI века, Кортес родился в 1483[5] году. И нетрудно догадаться почему: это год рождения Лютера. Мексиканские францисканцы видели в этом совпадении своего рода знак Божий: Кортес явился на землю Новой Испании ради обращения в лоно истинной Церкви индейцев и восполнения ими рядов католиков, поредевших после Реформации! Уже с первого дня жизнь этого человека стала легендой. Если добавить, что в Медельине (Вадахосе) на месте его родного дома установлена стела с надписью, что здесь «стоял дом, в котором в 1484 году родился Эрнандо Кортес»,[6] станет ясно, что никаких догм в этом вопросе не существует. Даже если придерживаться версии, предложенной самим Кортесом своим близким (то есть 1485 год), то нельзя до конца исключать, что эта «истина» выдает за действительное желаемое, пусть и по непонятной причине.

Генеалогическое древо

Кортес не любил говорить о своей родословной. С его подачи

в историографии получила широкое распространение версия о происхождении Кортеса из семьи мелких дворян, благородных, но бедных. Отсюда якобы и его тяга к деньгам, которых ему не хватало, и жажда почестей, как следствие зависти мелкопоместного идальго к испанским грандам. По этой гипотезе Кортес становится конкистадором среди таких же конкистадоров, другими словами, заурядным продуктом своего времени и класса. Но был ли он действительно таковым?

По документам Фернандо Кортес де Монрой был единственным сыном Мартина Кортеса де Монрой и Каталины Писарро Альтамирано. При крещении в церкви Святого Мартина в Медельине он получил имя деда по отцовской линии. Фернандо, Эрнандо и Эрнан были в то время одним и тем же именем, для которого в Испании существовало три разных написания, поэтому нет ничего удивительного, что они используются в текстах на равных правах. По свидетельству Берналя Диаса дель Кастильо,[7] конкистадор требовал от своих подчиненных и друзей обращаться к нему коротко, без титулов, что создавало далеко не такую уж и малозначимую проблему протокола. Испанские дворяне и лица, занимающие государственные должности, имели право на приставку «*дон*», происходившую от латинского «*доминус*» – господин. Кортес всегда отказывался именоваться доном Фернандо или доном Эрнандо, и многие из его окружения были этим недовольны. Он считал, что авторитет нельзя получить вместе с титулом или унаследовать по праву рождения. Даже за такими деталями уже просматривается неординарная личность с критическим взглядом на устоявшиеся правила.

Кортес был идальго[8] по меньшей мере в двух поколениях. «Его отец и мать были благородного происхождения, – пишет Гомара. – Семьи Кортесов, Монроев, Писарро и Альтамирано древние, славные и уважаемые».[9] В другом документе уточняется, что речь идет о «древних родах Эстремадуры, кои происходят из города Трухильо».[10] Некоторые льстецы[11] умудрились даже отнести происхождение Кортесов к древнему ломбардскому королю Кортезио Нарнесу, семья которого переселилась в Арагон! И напротив, доминиканец Бартоломе де Лас Касас, не скрывавший своего недоброжелательства к Кортесу, выдвинул уничижительную версию, представив конкистадора «сыном мелкого дворянчика, которого я знавал лично, очень бедного и очень скромного, но доброго христианина и, как утверждала молва, идальго».[12] Кортес сам уверил Лопеса де Гомару в незавидном благосостоянии своей семьи. Хронист нашел элегантную формулировку: «Они были богаты не имением,

но честью».[13] В 1940 году местный историк занялся исследованием рентабельности асьенды Кортесов в Медельине, и его оценки подтвердили, что доходы семьи были скромны.[14] Однако этот подсчет скирд и бортей вместе с арендной платой за сдаваемое жилье (5 тысяч мараведи), явившийся реконструкцией на основе таких же реконструкций, выглядит неубедительно. Объективный метод предполагает абсолютный учет всего, не только урожаев, но и покупаемых товаров, уровня жизни. Поэтому выполненный подсчет целиком относится к области теории, и нет уверенности, что сегодня мы располагаем сведениями о всей собственности, принадлежавшей Кортесам. Нет никакой необходимости повторять то, что уже было сказано о бедности Эрнана Кортеса. Тем более что есть основания утверждать обратное.

Нам известно из юридических актов и показаний, данных под присягой,[15] что Диего Альтамирано, дед Эрнана по материнской линии, женатый на Леоноре Санчес Писарро, был мажордомом Беатрисы Пачеко, графини Медельинской. Он входил в число городских советников и стал бургомистром (алькальдом). Мартин Кортес де Монрой, отец Эрнана, в течение всей жизни занимал государственные должности, в частности, был эшевеном (регидором), затем генеральным прокурором городского совета Медельина. В условиях средневековой испанской системы эти должности могли занимать только идальго, и, поскольку они были связаны с немалыми затратами, выбор падал на лиц с большим состоянием. Этим не только поддерживался престиж, но и достигалась гарантированная защита от взяточничества.

Кроме того, Диего Алонсо Альтамирано фигурирует во многих текстах как «секретарь королевского суда и придворный нотариус».[16] Значит, он был юристом и, по всей вероятности, изучал право в университете Саламанки. Семья Альтамирано, также известная под именем д'Орельяна,[17] была одним из двух господствующих в Трухильо кланов. Вторыми были Писарро. Гербы этих фамилий можно встретить почти на всех домах Трухильо, относящихся к XIV, XV и XVI векам. Кортес был кровно связан с обоими самыми могущественными родами этого города. Медельин в некотором роде являлся продолжением Трухильо, пригородом или даже подобием дачного поселка.

О семье Монроев, к которой Эрнан принадлежал по линии отца, известно много. Несмотря на французское имя, это был весьма древний род из Кантабрии. Именно с севера Испании, где на горных вершинах Астурии в течение всего арабского господства укрывались христиане, и началось движение Реконкисты, ставшее необратимым после битвы при Лас-Навас-де-

Толос в 1212 году. Монрои, «старые христиане», вступили в борьбу с мусульманским засильем и приняли активное участие в возвращении Эстремадуры, получившей свое название в XIII веке, когда здесь пролегал «крайний предел», граница владений королевства Кастилии и Леона. В ходе этого Крестового похода сформировалось испанское рыцарство: ордена Сантьяго, Калатравы и Алькантары. В феодальной среде эти могущественные ордена, верные союзники короны, получили немалую военную, религиозную и экономическую власть.[18] Вместе с другими союзными или соперничающими кланами Монрои контролировали в XV веке орден Алькантары. В 1475 году при обстоятельствах, к которым мы еще вернемся, Алонсо де Монрой стал его Великим магистром.

Феод Монроев находился в Белвисе, в долине Таги, в сотне километров к северо-востоку от Трухильо; внушительный родовой замок сохранился и по сей день. Но Монрои занимали также господствующее положение и в городе Пласенсия, где их просторный дом с башнями по бокам возвышался с XIII века рядом с собором. Владели они и домом в Саламанке, где с ними даже связана одна из городских легенд: где-то в середине XV века два брата Монроя были убиты братьями Манзано, которые уступили первым в игре в мяч и пришли от проигрыша в ярость. Вместо того чтобы лить слезы, мать погибших, знаменитая в будущем Мария ла Брава, надела доспехи и вместе с друзьями детей погналась за убийцами, скрывшимися в Португалии. Она настигла их в Визеу и отрубила им головы, которые прихватила с собой, насадив на копья. Мария ла Брава въехала в Саламанку верхом на коне впереди жутковатой процессии и бросила головы убийц в церкви, где были погребены ее сыновья. Алонсо де Монрой, неукротимый магистр ордена Алькантары и дед Эрнана, также нашел место среди героев, воспетых трубадурами. В том, что этот человек огромного роста и недюжинной силы вдохновил менестрелей на создание образа легендарного непобедимого рыцаря, нет ничего удивительного: всю свою жизнь он провел в сражениях и походах.

Родословная Кортеса не только богата яркими персонажами, но и говорит о великолепной сбалансированности его рода: военные и «люди умственного труда» поддерживали и дополняли друг друга; городские дома сочетались с обширными сельскими угодьями; брачные союзы рассчитывались настолько тщательно, что вся Эстремадура была охвачена сетью семейных уз, породнившей Монроев, Портокарреро, Писарро, Орельяна, Овандо, Варилласов, Сотомайор и Карвахалов. Денег хватало, так как время от времени эти дворяне позволяли себе разорительные

междоусобные войны из-за дележа наследства или споров о принадлежности замка. В сущности, абсолютно средневековая картина.

Хотя Кортес гордился тем, что никогда не был богатым наследником и папенькиным сынком и всем, чего он добился, обязан только себе, тем не менее на начальном этапе Эрнан пользовался поддержкой привилегированной семейной среды. Отец был надежной эстафетой в делах сына и всегда задействовал свои связи при дворе Карла V, пользуясь расположением и доверием высокопоставленных лиц.

Отчий дом в Медельине

Кортес, по-видимому, не питал особо нежных чувств к своей матери Каталине. Он в духе того времени, несомненно, выказывал ей сыновью почтительность, но не более того. Портрет, который с его слов передает Лопес де Гомара, крайне жесток и сух: «*recia y escasa*», сурова и скаредна. Хронист использовал перифразу, лишь отчасти смягчившую этот образ: «Каталина не уступала ни одной другой женщине своего времени в порядочности, скромности и семейной любви».[19] Когда она овдовела в 1528 году, Кортес взял ее с собой в Мексику в 1530 году, где она умерла несколько месяцев спустя. Ее смерть не ввергла его в безграничную печаль.

Зато Кортес обожал своего отца Мартина, и, поскольку нежность и проявление любви не были приняты в то время, их связывали доверие и общие интересы. Эрнан всегда чувствовал, что отец понимал его, поэтому никогда не стеснялся попросить о помощи. Так, например, в марте 1520 года, когда положение Эрнана в Мексике было еще неустойчивым, дон Мартин Кортес де Монрой обратился в Королевский совет с жалобой на преследования его сына со стороны губернатора Кубы. «Диего Веласкес, не имея на то причины, преисполнился ненавистью к сыну моему и делает все, что во власти его, дабы чинить ему обиды… Я прошу Ваше Величество дать указания надлежащие, дабы прекратить сей скандал остановить».[20] Таков был отец, осмелившийся обращаться с требованиями к Карлу V и добившийся своего: беспрецедентной свободы действий для сына.

Отца и сына связывали не только взаимные доверие и уважение, но и некоторая близость характеров. Эрнан унаследовал от Мартина своеобразную набожность, которая выражалась не в слепом следовании обрядам, а в принятии судьбы, находящейся в руках Божьих. Правда, признавая волю

Всевышнего, они оба без особого уважения относились к его наместникам на земле. В отличие от придворных шаркунов Мартин всегда ясно и просто выражал свои убеждения. Мартин Кортес де Монрой не признавал господином никого кроме Бога. Попытки Католических королей Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской объединить Испанию, захватив дворянские уделы, не могли найти у него поддержки. С оружием в руках Мартин участвовал в гражданской войне 1475–1479 годов в чине капитана легкой кавалерии. Он встал на сторону Алонсо де Монроя, «эль Клаверо», рассорившегося с королевой Изабеллой.[21] Бросать вызов королевской власти было в духе времени, к тому же свою роль сыграла и семейная солидарность. Дерзость испанских грандов, не склонившихся перед королем, не вызывает удивления. В конце XV века еще существовал пиренейский феодальный мир, где было принято проявлять храбрость, отстаивая сословные привилегии, а неподчинение нарождающейся политической власти почиталось за доблесть. Закалка, полученная Мартином в эти годы, разовьется в Эрнане в настоящую черту характера и превратит его в прирожденного фрондёра.

Единственный сын наверняка баловавших его родителей, маленький Эрнандо рос в семейном доме в Медельине под присмотром кормилицы.[22] Скоро по традиции дворянских семей им занялись гувернер и учитель фехтования. Почему так часто Кортеса изображали болезненным, хилым ребенком, подверженным простудам и прочим недугам? Не из простого ли желания указать на животворное воздействие молитв его кормилицы и благословение святых, в частности апостола Петра? Эта агиография, по которой чахлое создание стало избранником Божьим, а посему получило защиту и покровительство, дабы могло свершить предначертанное, легко разбивается в пух и прах. Кортес обладал природными силой и здоровьем и, несомненно, в детстве также был крепким и здоровым карапузом, иначе просто не выжил бы в тот век, когда человек боролся с болезнью один на один.

До четырнадцати лет Кортес прожил в маленьком эстремадурском городке с населением всего в несколько тысяч человек. Медельин, прилепившийся к подножию внушительного замка, что красиво расположился на вершине холма, господствующего над широкой долиной рио Гуадиана, всегда держал под контролем все перемещения в этом крае. Городок находился на пересечении дороги с севера на юг, из Севильи в Саламанку, и дороги с востока на запад через долину Гуадианы, связующей Кастилию с Португалией. Здесь всегда была крепость.

Сначала кельтская,[23] затем греческая, потом с 74 года до нашей эры – римская: тогда консул Квинт Цецилий Метелл сражался с мятежным Серторием за Лузитанию. Именно в честь победителя город был назван Метеллинумом, от которого и пошел кастильский Медельин. Римляне построили каменный мост, необходимый для сообщения, крепость, чтобы защищать этот стратегический мост, и при них целый город с форумом, театром и храмами. В 715 году Медельин был захвачен арабами и пять веков находился во владении мусульман, от чего ничуть не пострадал: замок поддерживался в полном порядке и реконструировался, пахотные земли обрабатывались. Затем рыцари ордена Алькантары повели Реконкисту и захватили крепость в 1234[24] году. С этого момента расположенный на границе двух соперничавших держав Медельин оказался в эпицентре бесконечной территориальной распри Португалии и Кастилии. Позиционная война прекратилась только в 1479 году с подписанием договора в Алькасоваce.

Юный Эрнан родился в относительно спокойное время, хотя еще продолжали тлеть угли противостояния двух враждующих сторон, разделявшего дворянские фамилии и жителей Медельина. Однако было очень далеко до той идиллической картины, которую слишком часто рисуют биографы Кортеса: травля зайцев борзыми, купание в Гуадиане и бесцельная скачка по бескрайним полям и лугам. В конце XV века Медельин, хотя и зажатый в кольце поместий орденов Алькантары и Сантьяго, тем не менее оставался активным и процветающим городом с зажиточной буржуазией и богатой еврейской общиной. Так, когда королева Изабелла объявила мобилизацию средств на борьбу с Гранадой, вклад Медельина поставил его на десятое место в списке городов, выплативших военный налог.[25]

Поэтому деревенского паренька из Кортеса получиться не могло, но вырос он на больших просторах. Ему было достаточно взобраться по склону холма к замковой стене, присесть на камни полукруга древнего римского театра, чтобы его взору открылись бескрайние дали Эстремадуры, волновавшие мечты, а быть может, и звавшие к приключениям.

Средневековая Испания Изабеллы Католички

Сейчас трудно представить, каким был мир, в который вступал юный Эрнан. Эпоха Средних веков угасала на его глазах, и он не мог не ощущать культурного переворота конца XV века. Уже долгое время историки относят конец Средневековья к 1453 году, когда Константинополь был захвачен султаном Магометом

II и Византийская империя перестала существовать. Хотя подобные исторические вехи и хорошо подходят для классификационных целей, иногда все-таки стоит оспорить обоснованность подобного разграничения. По моему Личному убеждению, Ренессанс со всем, что он привнес в плане обновления мира, проявился не ранее 1515–1520 годов. Мы еще вернемся к этому вопросу, поскольку это изменение общества, ставшее прямым следствием открытия Нового Света, произойдет непосредственно в период завоевания Кортесом Мексики. А пока посмотрим на Испанию второй половины XV века.

Кастилия: между Португалией и Арагоном

Испания занята прежде всего возвращением собственной территории. Пиренейский полуостров был захвачен маврами в VIII веке. В XI началась Реконкиста – освободительная война, которую повели наследники христиан-вестготов. Именно в этой борьбе снискал себе славу знаменитый Сид – Родриго Диас де Бивар. В XIII веке после решительной победы христиан при Лас-Навас-де-Толоса в 1212 году мусульмане вынуждены были отступить, удержавшись только в королевстве Гранада в южной части полуострова. С этого времени христианских правителей не оставляла мечта о единой Испании. Но до него было еще далеко. Пиренейский полуостров оказался разделенным на три основных блока – Португалию на западе, примерно в тех границах, что она занимает и теперь; Кастилию в центре; и Арагон на востоке. Единая и могучая Испания XVI века появится по воле женщины – Изабеллы Кастильской.

С 1454 года Кастилией правил король Энрике IV Бессильный. Не остановившись на этой малосимпатичной личности, нельзя будет понять смысл действий Изабеллы Католички.

Будучи единственным ребенком короля Хуана II Кастильского от первого брака с Марией Арагонской, Генрих IV взошел на трон после смерти своего отца. В то время ему уже минуло тридцать. В результате череды кровосмесительных браков его предков король носил явные признаки вырождения. Помимо ставшего легендарным уродства он унаследовал от отца безволие и за всю жизнь не смог принять какого-либо решения самостоятельно. За власть над ним вели бесконечную борьбу два фаворита – Белтран де ла Куэва, его бывший паж, и Хуан Пачеко, маркиз Вильенский. Еще в самом юном возрасте Энрике был обручен с Бланкой Наваррской, но исполнить супружеские обязанности оказалось выше его физических сил. Став королем, он под давлением

советников, движимых заботой о наследнике престола, был вынужден отослать остававшуюся девственной Бланку и подготовить новый союз. 21 мая 1455 года в Кордове он сочетался вторым браком с Хуаной Португальской, сестрой португальского короля Альфонса V. Но и красивая черноокая Иоанна не добилась успеха. В этот раз король Энрике также не справился с супружескими обязанностями и начал испытывать сильное отвращение к женщинам.

Окружив себя подобием преторианской гвардии из мавров и охотно повязывая тюрбан, чтобы скрыть свои рыжие волосы, король Кастилии полностью погрузился в развлечения, оскорбляя чувства дворян, только и ждавших повода для мятежа. Повод представился в 1462 году, когда королева родила дочку, названную Хуаной. По общему мнению отцом ребенка был не кто иной, как фаворит короля Белтран де ла Куэва, видимо, бисексуал. Маленькая Хуана была немедленно прозвана Белтранихой (Beltraneja) и так и вошла в историю под этим именем. Признание королем Энрике IV этого незаконнорожденного ребенка наследницей трона стало искрой в пороховом погребе. Ропот части дворянства перерос в открытую войну после того, как в Авиле 5 июня 1465 года был публично сожжен герб короля. Восставшие хотели посадить на трон Альфонса – сводного брата короля. Хуан II Кастильский, отец Энрике, овдовев, женился во второй раз на Изабелле Португальской, которая, прежде чем потерять рассудок и умереть в Аревало, родила ему двух детей – Изабеллу в 1550 году и Альфонса в 1553 году.

Под давлением обстоятельств Энрике согласился назначить наследником Альфонса. Тот, несомненно, имел больше прав на престол, чем Белтраниха, но он не обладал соответствующими данными. У него были врожденные изъяны, главным из которых стало расстройство двигательного аппарата челюстей, что не позволяло ему говорить. Это был не тот король, о котором мечтали. Яд помог делу, и 5 июля 1468 года юный Альфонс скончался в Карденосе в возрасте пятнадцати лет. Его смерть оказалась сколь неожиданной, столь и спасительной, открыв путь к трону Изабелле. Маркизу Вильенскому удалось изгнать из королевского двора своего соперника Белтрана де ла Куэву и заставить Энрике признать наследницей кастильской короны Изабеллу. В результате встречи короля со своей сводной сестрой 19 сентября 1468 года в Лос-Торос-де-Гвисандо был подписан пакт.[26] Король отказывался от защиты прав Белтранихи и назначил наследницей престола Изабеллу, а также даровал прощение всем дворянам, поднявшим оружие против него.

Единственным требованием к Изабелле было не вступать в брак без согласия брата. В Кастилии снова воцарился мир.

В последующие месяцы маркиз Вильенский был вынужден раскрыть карты. Впечатленный богатством Португалии, которая в то время становилась самой могущественной морской державой мира, враждебный Арагону, считая его угрозой для Кастилии, Пачеко задумал объединить Кастилию и Португалию: он намеревался устроить брак Изабеллы с королем Альфонсом V Португальским, тогда как Белтраниха должна была стать женой сына португальского короля, наследовавшего корону. По этому изощренному сценарию сторонники Изабеллы и приверженцы Белтранихи достигали согласия за счет Арагона.

Но в плане не учитывались личность Изабеллы и настрой ее советников – могущественного Альфонса Карильо, архиепископа Толедо, и Алонсо де Карденаса, занимавшего высокое положение в ордене Сантьяго. Восемнадцатилетняя зеленоглазая и белокурая Изабелла, вооруженная титулом наследницы престола, молодостью и красотой, решилась избавиться от опеки брата и отказалась от брака с португальским королем, как она еще раньше отвергла всех претендентов, пойдя даже на убийство одного из них – родного брата маркиза Вильенского, – чтобы уж навсегда защитить себя от его притязаний.[27] Сознавая, что нарушает договор и провоцирует новый всплеск гражданской войны, Изабелла тем не менее готовится вступить в брак с Фердинандом, наследным принцем Арагона, который был младше ее на год. О переговорах, которые велись в большой тайне, стало все же известно, и разгневанный Пачеко приказал закрыть границу с Арагоном. После долгих мытарств, которые пережил будущий король, вынужденный переодеться погонщиком мулов и спать на соломе в стойлах, чтобы не попасть в руки шпионов Энрике, Фердинанд добрался до Вальядолида, где его ждала Изабелла.

Бракосочетание состоялось 18 октября 1469 года в городском дворце в обстановке полной секретности. Как и желала Изабелла, Кастилия и Арагон объединились, но судьба Испании все еще не была определена. Соглашения, достигнутые в Гвисандо, более не имели силы, и Пачеко подтолкнул Энрике IV к союзу с Францией в противовес Изабелле и Арагону. Последняя была лишена права наследования престола, Белтраниха, напротив, возвратила себе статус наследной принцессы и была выдана замуж – через представителя – за герцога Гиеньского, брата Людовика XI. Но герцог, к слову сказать, полный дегенерат, был отравлен в Бордо в 1472 году. Страна оказалась в бедственном положении: дворяне, разделившись на партии Изабеллы и Белтранихи, вели затяжную

войну; города отказывали в повиновении двору; царила анархия.

Гражданская война: Изабелла против Белтранихи

Выход из комы ускорили три весьма своевременные смерти. Сначала в 1471 году этот мир покинул папа Павел II: тот не хотел благословлять брак Изабеллы и Фердинанда, находившихся в близком родстве, и тем самым ставил под сомнение законность союза юных монархов! Его преемник Сикст IV, обработанный эмиссарами Изабеллы, поспешил подписать разрешительную буллу: кастильская принцесса теперь могла рассчитывать на поддержку Ватикана. Затем 14 октября 1474 года преставился Хуан Пачеко, маркиз Вильенский и гофмейстер Энрике IV, Великий магистр ордена Сантьяго. Борьба за освободившуюся в ордене вакансию – самую почетную должность в королевстве – немедленно привела к расколу дворянства. В довершение всего 11 декабря того же 1474 года при сомнительных обстоятельствах скончался сам король, вероятно, отравленный мышьяком. Так завершилось это гибельное правление.

Не давая оппозиции времени собраться, Изабелла провозгласила себя в Сеговии «владетельной королевой Кастильского королевства» и дала клятву. Это самопровозглашение произошло не во дворце-крепости Алькасаре, а в церкви Святого Михаила. Изабелла хотела этим с самого начала заявить, что она передает свою власть под защиту Церкви. Пользуясь сильнейшей поддержкой арагонского королевского дома, Изабелла сумела обойти Хуану Белтраниху, которой, в свою очередь, помогал король Португалии – ее дядя. Двадцатитрехлетняя королева Кастилии добилась трона ценой гражданской войны, разделившей страну на сторонников союза с Арагоном и тех, кто делал ставку на альянс с Португалией. В конце концов Кастилия слилась с Арагоном, и так появилась Испания, но произошло это только спустя четыре года ожесточенной борьбы. Ультраавторитарный стиль управления оттолкнул от Изабеллы некоторых ее прежних сторонников, которые перешли в стан оппозиции. Так, надменный Карильо, архиепископ Толедо, и Монрой, Великий магистр ордена Алькантары, перешли к «португальцам». Белтран де ла Куэва, напротив, перебежал в лагерь кастильской королевы. Пока дворянство металось между двух огней, в Кастилию (25 мая 1475 года) вторглись войска португальского короля. Альфонс V выступил в поход. Он обосновался в Пласенсии, где обвенчался с Белтранихой, еще не достигшей половой зрелости. Альфонс и

маленькая Хуана были провозглашены королями Кастилии и Леона. Португальцы взяли Торо, Самору, а затем и Бургос. В Сеговии, которая привела Изабеллу к власти всего два года назад, вспыхнуло восстание. Трон королевы зашатался, несмотря на щедрую раздачу дворянских титулов. Аннексия Кастилии, казалось, была предрешена.

Но тут, наконец, свое слово сказал отважный и упорный Фердинанд. Во главе арагонских войск он разгромил португальцев и изгнал Альфонса V с Белтранихой. Война завершилась в Эстремадуре 24 февраля 1479 года битвой при Ла Альбуэре возле Мериды, где силы, верные Изабелле, одержали решающую победу.

И где же был последний оплот оппозиции Изабелле? В Медельине! В сражении у Мериды, вошедшем в историю как битва при Ла Альбуэре, войсками Изабеллы командовал Карденас, Великий магистр ордена Сантьяго, а противостояли ему силы Монроя, Великого магистра ордена Алькантары, и португальские войска епископа Эворского. В разжигании конфликта одну из ведущих ролей сыграла Беатриса Пачеко, графиня Медельинская, дочь преданного слуги короля Энрике. Именно в ее замке в Медельине укрылся потерпевший поражение епископ Эворский. В марте 1479 года, когда в Алькантаре велись переговоры о мире, Медельин все еще оказывал сопротивление. Город открыл ворота только после пятимесячной осады… и при гарантии неприкосновенности, которая была занесена вдоговор, подписанный противоборствующими сторонами в Алькасоваce.[28] На деле Изабелла нарушила все данные обещания, конфисковав имущество дворян, сражавшихся против нее. Поскольку Мартин Кортес находился в числе тех, кто сложил оружие последним, он, по всей видимости, должен был заплатить немалые суммы за прощение. Эти события объясняют, с одной стороны, намеки Лопеса де Гомара на скромный образ жизни Кортесов в конце века, а с другой – дистанцию, которую держал Эрнан в отношении королевской власти, всегда считая ее результатом случайного стечения обстоятельств. Действительно, в этот бурный период (1474–1479 годы) едва не переплелись судьбы Испании и Португалии.

Судьбоносный 1479-й

1479 год стал переломным. По договору, заключенному в сентябре в Алькасоваce, Пиренейский полуостров разделялся на две части, каждую из которых отныне ждала своя судьба. В обмен

на отказ от всех притязаний на Кастилию король Альфонс V получал для Португалии выгодный раздел морей: хотя Канарские острова оставались за Кастилией, Мадера и Азорские острова признавались португальским владением, а Изабелла обязалась соблюдать монополию на торговлю с африканским побережьем, дарованную Португалии буллой папы Николая V в 1455 году. Белтраниха, ставшая политическим заложником в изнурительной борьбе за власть, предпочла удалиться в обитель Святой Клары в Коимбре.

Почти в это же время, по смерти короля Хуана II,[29] его сын Фердинанд, «законный супруг» Изабеллы, занял трон Арагона. Две короны соединились. Помимо собственно Арагона с центром в Сарагосе его короне принадлежали Каталония – бывшее королевство Валенсия, Балеарские острова и Сицилия. Эти территории с миллионным населением присоединились к Кастилии, в которой в 1479 году проживало четыре миллиона человек, не считая жителей Наварры и Гранады.[30] Новое образование на карте Европы, ставшее Испанией Фердинанда и Изабеллы, пока еще мало что представляло по сравнению с Францией с ее тринадцатью или четырнадцатью миллионами жителей. Но Испания могла соперничать с Северной Италией (5,5–6 миллионов человек), Англией (3 миллиона) или Нидерландами (2,5–3 миллиона). Германия того времени демографически была незначительнее Португалии (около одного миллиона жителей).

Но хотя на бумаге Испания 1479 года, ставшая плодом удачного брака, наследства и победы в гражданской войне, обрела свое существование, она все еще была скорее абстракцией, нежели реальностью. И в Арагоне, и в Кастилии сохранялось собственное внутреннее устройство, и в пределах этих «границ» каждая провинция стремилась подчеркнуть свою самобытность. В Кастилии сосуществовали Галисия, Астурия, Страна Басков, Леон, Эстремадура, Андалусия, Кордова, Хаэн, Мурсия и Толедо, которые составляли вокруг Бургоса, столицы Старой Кастилии, весьма неустойчивое образование. В Арагоне дела обстояли не лучше: каталонцы ревностно культивировали свой партикуляризм, тогда как в Валенсии, отличавшейся сильной концентрацией морисков,[31] витал дух мятежа. К этому надо еще добавить независимую позицию и военную силу дворян, засевших в своих поместьях, экономическую мощь духовно-рыцарских орденов, вольности, дарованные городам, университетские свободы и безнаказанность разбойников с большой дороги… Что же еще осталось от королевской власти?

Фердинанду и Изабелле был брошен вызов: им предстояло

объединить страну, раздробленную противоречивым ходом истории и средневековой политической организацией. Изабелла приняла простое решение: цементом единства Испании станет религия.

Что подтолкнуло ее на этот путь? Почему правнучка португальского короля Жуана I не склонилась к союзу с Португалией? В то время там говорили на диалекте, еще не столь сильно отличавшемся от кастильского, да и в остальном общего у Кастилии с Португалией было не меньше, чем с еще более разношерстным Арагоном. Конечно, нельзя не учитывать влияния политических советников, считавших средиземноморское побережье Каталонии и Валенсии необходимым плацдармом для сдерживания растущей мощи мусульманского флота, которая начинала беспокоить всю Европу. Но истинные мотивы поведения Изабеллы, по-видимому, не связаны с практическими соображениями и объясняются особенностями ее характера. Можно выдвинуть следующее предположение о том, как формировались убеждения и психологические рефлексы кастильской королевы. Убогий Энрике IV стал для нее абсолютной контрмоделью. Энрике был изнеженным; она станет жесткой и неумолимой. Он был щедрым и расточительным; она полюбит деньги. Он был нечистоплотен; она начнет мыться. Он был отвратительно уродлив; она будет следить за своей внешностью и постарается быть обаятельной. Он ценил евреев и мавров; она их изгонит. Он был терпимым; она станет фанатичной. Он не выносил вида крови, она поведет войну. Он не мешал развиваться анархии, она установит железный порядок. И так во всем: нерешительность – решительность, распутство – добродетель, безбожие – вера. Он поддерживал Португалию, она выберет союз с Арагоном.

Итак, католическая религия станет для Фердинанда и Изабеллы средством реализации политики объединения. Первые признаки избранной стратегии проявились немедленно, уже с самого прихода королевской четы к власти: с 1480 года учреждается инквизиция, а на следующий год корона решает возродить дух Крестовых походов и завершить Реконкисту, предприняв первое наступление на мавров Гранады.

Инквизиция

Испанская инквизиция, о которой столько писали, обязана своим появлением политической воле королевы Изабеллы искоренить иудаизм в Кастилии. Воплощением этой воли стало

восстановление старого института, созданного папой Григорием IX для борьбы с ересью катаров после военного поражения альбигойцев (1229 год). Святая инквизиция, вверенная доминиканцам, задумывалась как орган надзора, который должен был воспрепятствовать возрождению ереси катаров на юге Франции после Крестового похода против альбигойцев, завершившегося победой французского короля. Пользуясь расположением Сикста IV, благословившего ее брак по политическим мотивам, Изабелла добилась от папы разрешения на создание в Кастилии трибунала святой инквизиции и предоставления королеве Кастилии права назначать его членов.

Папская булла, учреждавшая новый орган, была датирована 1 ноября 1478 года, когда в Кастилии еще полыхала гражданская война и власть Изабеллы не окрепла, а потому данный документ не возымел немедленного эффекта. Только 27 сентября 1480 года королева смогла приступить к активным действиям, назначив трех инквизиторов первого трибунала, открывшегося в Севилье. Деятельность инквизиции была мало связана с ее первоначальным предназначением. Здесь, в Кастилии, под предлогом разоблачения лже-обращенных евреев инквизиция становится инструментом для преследования иудеев и захвата их имущества. Изабелла стремилась к достижению двух целей: превратить католицизм в государственную религию и наполнить опустевшую королевскую казну.

К несправедливости гонений, омерзительности процесса дознания, когда жертвы судей подвергались самым жестоким пыткам, добавлялась аморальность наказания, которым во всех случаях становилась конфискация имущества осужденных. Инквизиторы первыми получали свою долю – они официально имели право на покрытие судебных издержек, – затем оставшаяся часть переходила в казну. Учитывая высокое социальное положение испанских евреев в XV веке, для королевы вдруг открылось настоящее золотое дно. Когда поток ослабевал, корона не стеснялась заводить процессы против умерших, чтобы отобрать наследство у их детей!

Первый костер запылал в Севилье 6 февраля 1481 года. Два года спустя Изабелла реорганизует структуру инквизиции, учредив пресловутую «Супрему», полное название которой звучало как «Совет верховной и генеральной инквизиции». Совет состоял из четырех членов, под председательством главного инквизитора. Первым этот пост занял доминиканец Томас де Торквемада – новообращенный (*converso*), ставший фанатичным католиком. Любопытно посмотреть, насколько быстро и органично инквизиция стала одним из основных инструментов

управления королевской власти. Советы превратились в консультативные органы короля; в то время их было два типа – территориальные (Совет Кастилии, Совет Арагона, Совет Фландрии и пр.) и тематические (Государственный совет, Военный совет, Финансовый совет, Совет по военным орденам). То, что инквизиция как таковая была структурирована под совет, уже само по себе указывает на принадлежность религиозных вопросов к государственной сфере и полную зависимость от власти короля, который назначал и смещал советников по своему желанию. В том же 1483 году после некоторых колебаний папа Сикст IV уступил настойчивому желанию Фердинанда учредить инквизиционный трибунал в Арагоне. Главным инквизитором Арагона был немедленно назначен Торквемада. Это как нельзя лучше демонстрирует, что с помощью сети инквизиции католическая религия становилась мощным двигателем территориального объединения Испании.

Региональные трибуналы росли как грибы после дождя. Костры горели по всей стране. На волне Реконкисты Изабелла подписала 31 марта 1492 года указ об изгнании из Испании всех евреев. Последним предлагалось или покинуть страну, или обратиться в христианство в течение отведенных четырех месяцев. Желающих креститься было немного, и первая мера, предполагавшая, что иммигрирующие евреи могут продать свое имущество и захватить с собой капиталы, была отменена: на вывоз ценных металлов наложили запрет. Начинается процесс конфискации. При данных обстоятельствах те, кто предпочитал обращаться в христианство, навлекали на себя подозрения. Прошел еще один год, и более двадцати трибуналов, разбросанных по всему полуострову, занялись новообращенными: под предлогом разоблачения тайного исповедования иудаизма инквизиция быстро перешла к рассмотрению вопроса о *limpieza de sangre*– «чистоте крови» испанцев. Сам факт наличия в роду евреев становился если не преступлением, то по крайней мере поводом для судебного преследования.

В этой атмосфере нетерпимости появился на свет Эрнан Кортес. Новый образ мышления, навязанный Испании королевой Изабеллой, несомненно стал одним из факторов, определивших тягу к дальним заморским путешествиям юного Эрнандо и многих его соратников.

Падение Гранады

Логика государственной религии подталкивала Изабеллу

Католичку покончить с последним мавританским анклавом на полуострове. Со времен Реконкисты XIII века маленькое королевство Гранада оставалось единственным мусульманским эмиратом на кастильской земле. Гранада была основана в 1238 году Мухаммедом ибн аль Ахмаром, когда уже начинался исход мусульман из Испании. Этот эмират с зелеными полями и садами, живописно раскинувшимися у подножия гор Сьерра-Невады, сумел сохранить свою арабскую самобытность ценой компромисса: его основатель был вынужден признать себя вассалом короля Кастилии, платить дань и поддерживать добрые отношения с христианами, проживавшими на границах этого государства площадью в 30 тысяч квадратных километров.

Кастильские короли в течение двух веков не знали забот с этой страной, раздираемой изнутри бесконечными клановыми раздорами. Впрочем, в 1476 году, воспользовавшись гражданской войной, которая исключала ответный удар кастильских войск, тогдашний султан Абуль Хассан Али отказался платить дань. Впоследствии это станет предлогом для Крестового похода. Обнаглев от безнаказанности, Абуль Хассан Али совершил в 1481 году набег на маленький христианский городок Захара, уведя в плен всех жителей для продажи в рабство в Гранаде. Такое нарушение договора о добрососедских отношениях требовало на сей раз достойного ответа. Фердинанд в этот момент как раз собирался отвоевать у Франции провинции Сердань и Русильон, но Изабелла потребовала обратить жерла орудий в другую сторону и нанести удар по мусульманам.

Несмотря на некоторые неудачи в первые дни боевых действий, кампания прошла успешно. Крепости мусульман были взяты штурмом одна за другой. Победе испанцев в немалой степени способствовали внутренние разногласия в лагере арабов. Конец династии Насридов стал классическим сюжетом для романов. Упомянутый Абуль Хассан Али был женат на султанше Айше, которая родила ему двух сыновей; старшего звали Боабдилем. Затем эмир взял в жены молодую пленницу-христианку благородного происхождения – белокурую Изабеллу де Солис, которая приняла ислам и выбрала имя Зорайя – «свет зари». Она также родила ему сына. Поскольку старый султан намеревался передать трон ребенку от второй жены, Айша организовала заговор против мужа. Она вырвалась из Альгамбры, где находилась в заточении вместе с сыновьями, и свергла султана, бежавшего в Малагу в 1483 году. Началось противостояние двух группировок: партии Боабдиля, посаженного на трон Айшой, и партии Аль Загаля, брата низложенного правителя, поддерживаемого Зорайей. Этот раскол ускорил

поражение мусульман. После рождения двух своих первенцев Изабелла лично приняла участие в кампании: она осадила Малагу, которая сдалась в августе 1487 года. С этого времени королева более не покинет поле сражения.

Взятие Малаги отлично продемонстрировало новое мышление королевы Изабеллы, в полном боевом облачении вступившей в покоренный город вместе с Фердинандом среди великолепия войск и штандартов. Никаких переговоров. Безоговорочная капитуляция. Все население обращено в рабство. Треть предназначалась для выкупа пленных христиан, удерживаемых в Африке; треть предоставлялась воинам за оказанные услуги; последняя треть отводилась для продажи, чтобы собрать необходимые средства для продолжения наступления. Изабелла вела тотальную войну.

Фронт откатывался на восток; кастильские войска осадили Базу, которая пала в 1489 году. Аль Загаль был более не в силах защищать Альмерию – последний порт, еще удерживаемый мусульманами. Он сдал город Фердинанду в обмен на личную свободу: спустя некоторое время он получил разрешение уехать в Магриб и вывезти свою сокровищницу. Боабдиль остался один, запертый в Гранаде, которая утратила все свои земли. Фердинанд и Изабелла осадили городские укрепления в апреле 1491 года. В июле в походном шатре королевы вспыхнул огонь и перекинулся на соседние палатки. Выгорел весь испанский лагерь. Изабелла решает тогда построить настоящий город, который за восемьдесят дней вырос у стен Гранады перед глазами изумленных осажденных: Изабелла назвала его Санта-Фе – «святая вера». Надежда оставила 50 тысяч мавров, затворившихся в обреченном городе: начались переговоры об условиях сдачи.

Договор, заключенный Гонсало Эрнандесом де Кордовой, был подписан 28 ноября. Он казался довольно великодушным, но все в нем должно было только ввести в заблуждение другую сторону: официально Боабдиль получал в управление независимое микрогосударство в Лас-Альпухаррасе к востоку от Сьерра-Невады, а жители Гранады могли по выбору или свободно выехать в Магриб со всеми ценностями, или остаться в городе; мусульманам обещали сохранение их имущества, языка и религии. Так было на бумаге. В жизни Боабдиль немедленно продал короне свои крошечные владения в Лас-Альпухаррасе и перебрался в Марокко. Его примеру последовала вся мусульманская элита Гранады. Когда отток прекратился, в 1499 году все гарантии терпимости были отменены, Коран сожжен по приказу Сиснероса, а ислам запрещен.

2 января 1492 года, въезжая на коне в парадном облачении в

покоренную Гранаду, чтобы получить ключи от последнего мусульманского города Испании, Изабелла знала, что католицизм отныне становился прочным фундаментом ее политической власти. Но правила она в тот момент практически эфемерным государством или скорее пустыней: казна пуста, Кастилия потеряла банкиров, коммерсантов, образованную элиту, медиков и юристов; бегство мавров и морисков привело к нехватке рабочей силы в деревнях. Но у судьбы свои капризы: в гарнизонном городке Санта-Фе за триумфом королевы скромно наблюдал некто Христофор Колумб. В том же году, 17 апреля, этот интриган, соблазнитель и циник изменит ход событий, убедив королеву Изабеллу скрепить своей подписью контракт века. Открытие Америки преобразит историю Испании, изменив первоначальные цели политического проекта Изабеллы, задуманного для решения только внутренних проблем кастильского королевства.

Открытие Америки

Кортесу было семь лет, когда Христофор Колумб открыл Америку. Будет не лишним вновь рассмотреть этот архиизвестный исторический эпизод, поскольку анализ обстоятельств открытия Нового Света имеет самое большое значение для понимания проблемы, которая скоро станет главной в жизни Кортеса и королевской администрации в заморских испанских владениях.

Атлантика, португальское море

По правде говоря, Кастилия была совершенно не готова к американской авантюре; ей постоянно приходилось импровизировать на протяжении всего XVI века. Только невероятное стечение обстоятельств позволило Испании стать той знаменитой империей, на землях которой, как говорил Карл V, никогда не заходило солнце.

Посмотрим, какая в XV веке сложилась ситуация на морях. Во второй половине столетия Средиземное море, являвшееся традиционным путем ввоза пряностей, утратило свое господствующее положение в торговле. Падение Константинополя привело к росту могущества турок, которые объединились с венецианцами в стремлении монополизировать доставку индийских пряностей, тут же ставших более редким и

дорогим товаром. Взоры купцов обратились к Атлантике. Наибольший вклад в развитие атлантической навигации, бесспорно, внесла Португалия. С 1425 года португальцы обосновались на Мадейре, а с 1432-го начали осваивать Азорские острова. К югу они исследуют африканское побережье. В 1456 году Диего Гомес вернулся из Гамбии со 180 фунтами золотого песка, выменянного на стеклянные безделушки. В 1460 году были захвачены острова Зеленого Мыса у побережья Сенегала.

Хотя Испания завладела Канарскими островами еще в 1402 году,[32] она не могла соперничать со своей соседкой. Именно желание заполучить ее морскую мощь, сулившую многие выгоды, двигало противниками Изабеллы, когда они с таким жаром настаивали на союзе Кастилии с Португалией. Но договор, заключенный в Алькасоваce в 1479 году, хотя и положил конец войне между двумя странами, вывел Испанию из борьбы за господство на море: в обмен на отказ от всех территориальных претензий к Кастилии Португалия получила полную свободу действий на Атлантике. За исключением Канарских островов, оставшихся за Испанией, океан становился внутренним португальским морем: с одной стороны, монопольное право на торговлю с Африкой официально признавалось за лиссабонским флотом, с другой – короли Кастилии и Арагона отказывались от всех земель и островов, известных и еще неизвестных, «ниже Канарских островов вплоть до Гвинеи».[33] С этого момента Гвинея обозначила границы плаваний португальских судов.

Чтобы поставить все точки над i, португальцы поспешили получить благословение договора у папы Сикста IV. Святой отец был хорошо расположен к Изабелле Католичке, но у него не оставалось иного выбора кроме как издать буллу «*Aeterna Regis*» от 21 июня 1481 года. Булла подтверждала соглашения в Алькасоваce, передавая Португалии все земли «к югу от Канарских островов».

Обращение португальцев к папе за подтверждением обоюдно согласованного и уже подписанного обеими сторонами[34] договора может показаться простой юридической формальностью, когда законность актов подкрепляется авторитетом церкви. Тем не менее в текстах договора и буллы имеется небольшое семантическое расхождение: «ниже Канарских островов» и «к югу от Канарских островов». Если в договоре определяется участок африканского побережья, то булла отводит Португалии все земли к югу от 28-й параллели! Проведя разграничительную линию по Атлантике, можно убедиться, что Португалии отходили, таким образом, все Антильские острова, половина Флориды, почти вся Мексика и, конечно же, Центральная и Южная Америки… Вот

она, знаменитая «тайна португальцев»! К 1481 году португальские мореплаватели, по-видимому, уже открыли американский континент, и король Португалии тайком, но при этом практически официально получил на него права от папы в обмен на мир с Кастилией.

Большинство историков сегодня приходят к выводу, что Христофор Колумб не был первооткрывателем Америки; но именно он сумел первым получить юридический документ, даровавший ему права на эти земли. В момент подписания буллы Христофор Колумб находился в Лиссабоне, где пытался обговорить с королем свой контракт «первооткрывателя». Тщетно.

Несмотря на то что ахтерштевень[35] и улучшение такелажа несколько повысили управляемость судов того времени, навигация осуществлялась преимущественно по ветру и течению. С большой долей уверенности можно предположить, что в 1480-х годах кое-кто из португальских мореходов бывал увлечен течением – или занесен бурей – к бразильским берегам; они могли обнаружить, что существует обратное течение, которое позволяет вернуться к африканскому побережью. То, что могло произойти с Бразилией, допустимо и для Антильских островов. Удивительно, что с самого начала экспедиции Колумб уже знает, куда направляется: он ищет остров Гаити и находит его. Более того, он знает, как вернуться назад, а это не просто, учитывая, что в коридоре от Канарских островов до Антильских и ветры, и течения имеют западное направление. Не зная этого секрета, обратного пути в Испанию не найти. От Антильских островов надо взять к северу, чтобы достичь Гольфстрима, который практически естественным образом выносит суда к Азорским островам. Христофор Колумб уверенно выполнил этот маневр, что было непохоже на первую попытку.

Загадочный, очень загадочный Колумб

Христофор Колумб был темной лошадкой, а происшедшие события и особые обстоятельства еще сильнее укрыли от нас его истинное лицо. Скорее всего, он был иудеем. Правда, королева Изабелла жалует ему невероятно выгодный контракт спустя две недели после того, как сама отдала приказ об изгнании всех евреев из Испании! В этой связи вся предшествующая биография Христофора Колумба казалась непристойной, и жизнеописание первооткрывателя, написанное позже его сыном Фердинандом, представляет собой шедевр изворотливости в замалчивании фактов. Зная секретный маршрут, он не мог раскрыть свою тайну,

не утратив всех ее преимуществ.[36] Поэтому он был вынужден выдумать «соус», под которым предстояло подать проект пересечения Атлантики, но сделал он это весьма неумело: великолепный штурман, но самоучка, Колумб цитировал авторов, чьих работ не читал, и защищал безнадежную теорию «короткого пути» в Индию. Чтобы убедить в своей правоте, он сознательно занижает расстояния. Все комиссии экспертов, созванные португальским королем и королевой Кастилии, единодушно – и совершенно справедливо – отвергли его аргументацию. На самом деле под ширмой путешествия в Индию – казавшегося в то время весьма заманчивым – Колумб хотел заполучить в полную собственность земли, о существовании и точном местоположении которых знали кроме него лишь немногие избранные.

После тщетных попыток заинтересовать своим проектом короля Альфонса V, а затем с 1482 года его сына Жуана II Христофор Колумб поспешно оставляет Португалию в 1485 году и направляется в Испанию, где осаждает королеву Изабеллу, пока его брат Бартоломей закидывает удочки при дворах королей Англии и Франции. Христофор впервые был принят королевской четой Кастилии и Арагона в Алькала-де-Хенарес 20 января 1486 года. И с этого момента история Америки вступает в сферу иррационального: некто Колумб, крепкий красавец с лицом искателя приключений и темным прошлым, с его самоуверенностью, псевдоученостью и невообразимым кастильским, приправленным португальским акцентом и сдобренным генуэзским диалектом, завоевал расположение королевы. Она была поражена, и Колумб почувствовал это: так было положено начало сердечной склонности. Между разоренной королевой и обещающим искателем приключений, возможно, возникла любовная связь, или, еще проще, установились деловые отношения. Со следующего года королева Изабелла назначает ему содержание, затем с 1489 года держит его при своем дворе. Со своей стороны Колумб отныне становится повседневным свидетелем Крестового похода против Гранады.

Раскрутить американскую затею, казалось, было делом невозможным. Португалия, добившись господства на Атлантике, не интересовалась ничем, кроме дальнейшей экспансии на африканском побережье. В 1488 году Бартоломео Диаш обогнул мыс Доброй Надежды, открыв путь в Индию в обход Африки, которым десять лет спустя пройдет Васко да Гама. Западный путь в Индию утратил свое стратегическое значение. Кастилия же была связана как договором с Португалией, так и освободительной войной в Гранаде. Англия не имела средств, чтобы броситься в трансатлантическую авантюру, а Франция не имела желания. Кто

тогда мог поверить в успех Колумба?

Но вот 17 апреля 1492 года Изабелла Католическая подписывает в Гранаде поразительный документ – знаменитые «капитуляции» Санта-Фе, чье название обозначает всего лишь контракт, состоящий из нескольких глав (*capitulos*) и разбитый на параграфы. Этот контракт с Христофором Колумбом выглядел нелепым во всех отношениях.[37]

Весьма загадочна уже сама преамбула, в которой вместо будущего времени используется прошедшее и предметом договора указывается то, что Колумб «открыл в морях-океанах». Неужели, чтобы добиться желаемого, первооткрыватель раскрыл свой секрет? Если да, то какой смысл испанским королям заключать такой контракт с обратным действием?

А тут еще странное обращение, подобающее титулованной особе: этот безродный авантюрист именуется королевой «дон Кристобаль де Колон». По какому праву?

Затем следует лавина полномочий. Сначала Колумба назначают Адмиралом морей-океанов, затем «вице-королем и генерал-губернатором всех земель и островов, которые будут открыты и завоеваны в морях-океанах». Генерал-губернатор это еще куда ни шло, но вот вице-король? Как же удалось Колумбу создать для себя совершенно немыслимую должность, не имевшую исторических прецедентов, да еще столь тесно переплетенную с королевской властью?

А как отнестись к требованию наследования? Колумб потребовал, чтобы все его титулы и должности переходили его потомкам по наследству. И это требование было удовлетворено в виде грамоты о привилегиях от 30 апреля, ставшей своего рода дополнением к капитуляциям. Колумб становился вице-королем с правом передачи титула по наследству! Да ведь это почти параллельная династия, и с благословения королевы Кастилии! Как же так?

А чего стоит наглое желание быть выше законов? В случае коммерческих конфликтов Колумб – в прагматизме ему не откажешь – не желал иметь для себя другого судьи, кроме самого короля!

И наконец, не менее поразительное финансовое соглашение: Колумб получает от королевской четы в полную собственность все блага и богатства, которые можно добыть на открываемых землях. Далее генуэзец с удовольствием перечисляет оные блага, дабы внести в этот важный вопрос полную ясность: «жемчуга, драгоценные камни, золото, серебро, пряности и все прочие вещи и товары, какими бы ни были их вид, количество и природа, все, что может быть куплено, выменяно, найдено, выиграно, и все, что

находится в пределах означенного Адмиралтейства». Впрочем, новоиспеченный вице-король обязался передать 90 процентов своей добычи Католическим королям, что для короны было не так уж плохо. Важен здесь не объем торговой сделки, а сам факт передачи Америки королем Христофору Колумбу как частному лицу.

И еще один непонятный момент, 17 апреля 1492 года Изабелла и Фердинанд жаловали Колумбу земли, правами на которые сами не обладали: они прекрасно понимали, что по условиям договора и папской буллы это – собственность Португалии. Конечно, расстаться с чужим добром намного проще, чем со своим. Будь булла 1481 года в пользу Кастилии, Изабелла не так легкомысленно распорядилась бы новыми территориями.

В конце концов можно рассматривать две трактовки этого события в Санта-Фе, где переговоры с Колумбом вела одна Изабелла, так как Фердинанд поставил свою подпись не сразу и под сильным давлением. Либо эйфория победы над маврами настолько опьянила королеву, что она уже не отдавала отчета в своих действиях и с легкостью отнеслась к перспективе новой войны с Португалией за земли, которые никогда не принадлежали ее короне, либо Изабелла подписала документ, прекрасно сознавая всю ответственность этого шага. И сделала это только после длительных раздумий, – у нее было шесть лет, чтобы подумать, – поскольку желала по только ей ведомым сентиментальным или циничным причинам сделать из красавчика Колумба своего вице-короля: поэтому дарует ему право наследования, чтобы создать таким образом новый трон на две персоны, на котором она будет соправительницей, то есть поступить так же, как и со своим мужем и Арагоном.[38]

Как ни странно, но эта иррациональная (в любом случае сюрреалистичная) история определила будущее управление американскими колониями. Тот факт, что с самого начала Антильские острова становились собственностью первооткрывателя, создал прецедент. Корона так никогда и не возвратит себе заморскую земельную собственность, которая будет беспорядочно приватизироваться по мере обнаружения, при вылазках конкистадоров и по итогам борьбы за власть на местах. Та легкость, с которой Кортес установил свой контроль над Мексикой, происходит именно из Колумбова контракта. Единственным правом испанских монархов становилось назначение чиновников на должности в колониальной администрации. Подписав договор с Колумбом, они с самого начала отказались от всякой инициативы в вопросах экономики Нового Света в обмен на налог с американского экспорта.

Экспедиция Колумба была снаряжена с помощью королевской семьи и личного банкира королевы Сантагеля. 3 августа две каравеллы «Ниньа» и «Пинта» и тяжелый галисийский корабль «Святая Мария» вышли из Палоса и взяли курс на Канарские острова. Там Колумб отдыхает, затем с 6 сентября идет все время на запад, не заходя южнее 28-й параллели, чтобы не нарушать Алькасовасский договор. Только в конце своего путешествия он отклонится к юго-западу, чтобы 12 октября после тридцати шести дней плавания открыть Гуанаани среди Лукайских (Багамских) островов. Оттуда он огибает Кубу с северо-востока и достигает своей цели – северного побережья острова Гаити, который он назвал испанским островом (Эспаньола). Он действительно полагал, что достиг восточной оконечности Индии, и не понимал, что это за нагие люди встречают его удивленно и недоверчиво. Заверив у нотариуса вступление во владение каждым островом и захватив нескольких пленных в качестве живого доказательства своих завоеваний, Колумб выходит в море 16 января 1493 года уже всего на двух судах.[39] По северному пути 18 февраля он достиг Азорских островов, находясь на борту «Ниньи», затем 4 марта он вошел в гавань… Лиссабона и только 15 марта Колумб вернулся в Палос. Вторая каравелла, «Пинта», вышла к испанским берегам намного раньше Колумба, достигнув Байоны возле Виго. Но королевская чета отказалась принять капитана «Пинты» Пинсона, и корабль ждал прибытия адмирала, чтобы вместе прибыть в Палос. Изабелла желала говорить только с Колумбом! Генуэзец с попугаями и голыми туземцами направился в Барселону, где 20 апреля испанские монархи устроили первооткрывателю торжественную встречу. Под волнующие звуки *Te Deum* Изабелла усадила Колумба рядом с собой…

Однако встал деликатный юридический вопрос о правах собственности на западные земли, на которые вполне предсказуемо будет претендовать португальский король Жуан II, принимавший Колумба у себя в Лиссабоне. Скандал! Фердинанд и Изабелла еще раз обратились к папе, чтобы провести миротворческие переговоры. «И Господь пожелал, чтобы в это время римским понтификом был испанец», – убежденно пишет хронист-францисканец Мендиета.[40] И действительно, некто Родриго Борха, арагонец из Хативы близ Валенсии, взошел на трон святого Петра в августе 1492 года, именно тогда, когда Колумб отплывал в Америку. Совпадение или тайный ход? Борха, которые переделают свою фамилию на итальянский лад в Борджиа, были верными сторонниками арагонского дома с конца

XIV столетия. Один из них, епископ Валенсии Алонсо де Борха, уже становился римским папой под именем Каликста III (1455–1458). Родриго, вошедший в историю как Александр Борджиа, запомнился только семейственностью, разгульной жизнью и пороками своих многочисленных детей, среди которых были небезызвестные Цезарь и Лукреция. А ведь Александр VI является ключевым персонажем в истории Америки. Поддержав испанских государей, он исполнил два их пожелания, которые даже некоторым образом объединил: он пожаловал им Америку – которая тогда еще не носила это имя – и согласился на передачу власти, чтобы правители Кастилии и Арагона напрямую управляли делами Церкви как на Пиренейском полуострове, так и за океаном. Александр VI подписал знаменитую буллу «*Inter caetera*» и учредил то, что назвали словом *patronato*.

Испанские монархи поспешили приказать своему послу в Риме Бернардино де Карвахал (дальнему родственнику Кортеса и епископу Бадахоса) активизировать деятельность. Вероятно, в начале марта, когда стало известно о возвращении Колумба, прелат приложил все усилия, чтобы добиться от папы желанной буллы. Он достиг цели, поскольку Александр VI подписал буллу «*Inter caetera*» 3 мая 1493 года, то есть со времени возвращения адмирала не прошло и двух месяцев. Для папы дело было деликатным: он не мог нарушить обещаний, данных португальцам его предшественниками, и тем более не желал ставить препоны Изабелле и Фердинанду, которые только что завершили Реконкисту и выступали победителями-крестоносцами католичества. Поэтому из-под его пера вышел довольно туманный документ, по которому тем, кого он обозначил Католическими королями, передавались земли, открытые Колумбом, в обмен на обязательство их христианизировать. В тексте говорится об «очень удаленных островах и суше», расположенных «на западе, в направлении Индий», «в море-океане, в котором еще никогда не плавали суда».[41]

Хотя папа и пытался в своей булле объяснить, что привилегии, дарованные Кастилии, имеют тот же характер, что и те, которыми уже пользовалась Португалия «в Африке, Гвинее и на Золотом Берегу», этот документ не мог не вызвать раздражения у португальского короля Жуана II, мало расположенного уступать территории, которые булла 1481 года передавала ему де-факто. Папа был вынужден пересмотреть свой текст, и в июне он вновь издает буллу под тем же названием и почти под той же датой (4 мая), только содержание ее претерпело существенные изменения. На этот раз Александр VI обозначил настоящую демаркационную линию, проложенную «на 100 лье к

западу от Азорских островов и островов Зеленого Мыса». Эта вторая булла «*Inter caetera*» осуществила настоящий раздел мира между Португалией и Испанией: к западу от этого меридиана, соответствующего примерно 38˚ западной долготы, все отходило Испании. Раздел – не самый честный – отдавал всю Америку в руки Католических королей.

Понимая, что ее пока еще тайные бразильские колонии могут уйти в другие руки, Португалия предлагает Кастилии прямые переговоры. Делегации еще находились на пути в Тордесильяс, что возле Вальядолида, когда 25 сентября 1493 года Колумб отправился в новую экспедицию уже во главе флотилии из 17 кораблей и команды в 1500 человек. Между тем Александр Борджиа выпустил третью редакцию своей буллы под названием «*Eximiae devotionis*» от 3 мая, хотя написана она была в июле. Новая версия лучше балансировала между привилегиями, предоставленными Португалии, и теми, что были дарованы Испании. Но новые формулировки не могли изменить сути вещей.

Португалия имела некоторое преимущество при переговорах с Кастилией: она знала предмет торга – Бразилию, тогда как другой стороне о ней не было известно. В декабре, когда полномочные представители были близки к соглашению, Александр VI издал четвертую буллу «*Dudum siquidem*», помеченную задним числом – 25 сентября. Булла имела эффект разорвавшейся бомбы. Папа уточнил, что испанские владения простираются к западу от известной линии «вплоть до восточных областей Индии». Естественно, что португальцы, имевшие виды на Индию, куда они собирались добраться в обход Африки, не могли с этим примириться. Но португальско-кастильские переговоры, зашедшие на какое-то время в тупик, возобновились, и 7 июня 1494 года был подписан Тордесильясский договор, по которому были четко обозначены зоны влияния в Северной Африке и в Атлантике. Демаркационная линия север – юг, установленная папой, была отодвинута к западу на 370 лье от островов Зеленого Мыса. Этого перемещения, передвинувшего меридиан на 46˚30 западной долготы, было достаточно, чтобы включить восточную оконечность Бразилии в зону португальских владений. Политическая география Америки была сформирована и скреплена печатью.

В том же году папа официально пожаловал Фердинанду и Изабелле титул «Католических королей». Он уступил им право назначения лиц на церковные должности для решения задач по христианизации «Западных Индий», то есть Америки. Обязательство обращения американских туземцев в христианство в ответ на привилегии приобретало юридический характер, и

проверка качества выполнения взятого подряда поручалась Католическим королям и их наследникам. Такова была правовая ситуация, когда Кортес сошел на берег в Санто-Доминго.

Отрочество (1499–1504)

Саламанка

В 1499 году четырнадцатилетний Кортес поступает в университет в Саламанке. Его отец родился в этом городе и имел необходимые связи, чтобы юный Эрнан был принят в это престижное заведение. Университет Саламанки был основан в начале XIII века и быстро превратился в интеллектуальный центр первого плана наряду с университетами Парижа, Оксфорда и Болоньи. В конце XV века Саламанка стала очагом бурного развития литературы и влияние ее было велико. Именно здесь один из самых блестящих профессоров Антонио Небрийя написал свою основополагающую «Грамматику кастильского языка» («*Gramatica sobre la lengua castellana*»), которая увидела свет в 1492 году. В посвящении королеве Изабелле он напомнил ей, что «язык – это спутник империи во все времена». В том же году Небрийя издал латино-испанский словарь, призванный придать испанскому языку статус культурного. Среди профессоров университета преподавал в то время некто Франсиско Нуньес де Валера. Так случилось, что этот юрист и нотариус (*escribano*) женился на Инее де Пас, внебрачной дочери дедушки Монроя, а значит, сводной сестры Мартина Кортеса. В доме Нуньесов и проведет Эрнан все время своей учебы в Саламанке, которая не продлилась и двух лет. Зимой 1501 года, к большому разочарованию родителей, желавших для сына службы при дворе, Кортес возвратился в Медельин. «Родители встретили его неласково, поскольку они возлагали все надежды на своего единственного сына и мечтали, что он посвятит себя изучению права, каковая наука повсюду в большой чести и уважении».[42]

О непродолжительности университетских занятий Кортеса было высказано немало пустых и совершенно несправедливых суждений. Так, например, под вопрос ставилось знание конкистадором латыни. Вздор. Все, кто знал его, подтверждают, что он прекрасно владел латинским языком, как и все эрудиты того времени. «Он говорил на латыни, – пишет Берналь Диас дель Кастильо, – и когда он беседовал с просвещенными людьми или с теми, кто обращался к нему на латинском, он отвечал им на этом языке». «Он слегка увлекался поэзией, – добавляет хронист, – он слагал стихи или куплеты в прозе, и когда он говорил, он выражался степенно и охотно использовал весьма искусные риторические обороты». Лас Касас и Маринео Сикуло, бывший

учителем Кортеса в Саламанке и ставший его первым биографом, также подтверждают его хорошее владение латинским языком. Кроме того, Кортес любил вставлять латинские цитаты в свои доклады, и его записи на испанском также грешат этой практикой, которая была своего рода манией образованной элиты. В знании латыни, являвшемся символом принадлежности к миру клерков, стряпчих и ученых, нет ничего удивительного, так как все предметы в университете Саламанки преподавались на этом языке. С большой долей уверенности можно утверждать, что Кортес владел латинским еще до поступления в университет, иначе его просто бы не приняли в это престижное учебное заведение.

И наконец, стоит вспомнить, что в описываемую эпоху продолжительность жизни составляла примерно половину от нынешней нормы и высшее образование получали в более юном возрасте, чем теперь. Стать бакалавром в шестнадцать лет, как Кортес, было делом обыкновенным. Некоторые исследователи, главным образом англосаксы, утверждают вслед за Прескоттом, что Кортес не имел и самой низшей ученой степени.[43] Однако Лас Касас и Диас дель Кастильо пишут, что он был «бакалавром права» (*bachiller en leyes*).[44] И он действительно мог получить эту степень, поскольку курс обучения на бакалавра в то время составлял всего два года. Требовалось еще три года занятий, чтобы стать лиценциатом, но, по-видимому, Кортес отказался продолжать учебу. Это было сугубо личным решением, а не следствием провала на экзаменах. В течение всей своей жизни Кортес успешно пользовался полученными знаниями в юриспруденции: с бесспорным мастерством лавировал меж подводных рифов административного управления, манипулировал юридическими процедурами, с одинаковой ловкостью выступая в роли ответчика и истца. Так почему же Кортес с его живым умом отказался продолжить образование в Саламанке? Все биографы задавались этим вопросом, и ни один не дал определенного ответа.

Прежде всего надо сразу отбросить предположение о ссоре с семьей своей тети. Он не только все время поддерживал контакты с Нуньесами, но и был связан искренней дружбой с их сыном Франсиско, который открыл своему кузену-ровеснику удовольствия студенческой жизни в Саламанке. С 1519 года, когда Кортесу потребовался адвокат для защиты своих интересов при дворе Карла V и в Совете Индий, он назначил своим личным представителем Франсиско Нуньеса. И тот верно и неустанно, а главное, безвозмездно защищал интересы покорителя Мексики.

Также не стоит рассматривать такие неубедительные

причины, как болезнь (перемежающаяся лихорадка-догадка Сервантеса де Салазара) и безденежье (предположенное Гомарой). Не отказываются от карьеры из-за простуды, и не могло быть таких расходов на учение, которые оказались бы не по силам Кортесам или Нуньесам, предоставившим Эрнану свой дом.

Если серьезно, то рассматривать можно только три мотива, которые, впрочем, легко сочетаются друг с другом.

Прежде всего, Кортес просто не считал себя созданным для сидения за партой. Для умственных занятий и в то время требовались воля, упорство и преданность науке, которых не хватало непоседливому подростку. Шестнадцатилетний Эрнан предпочитал свежий воздух книжной пыли библиотек, а фехтование – философии. Ему нравились физические упражнения; Эрнан был живым и озорным парнем, который никак не мог усидеть на одном месте. По-видимому, он не сумел примириться с принципами послушания и беспрекословного подчинения студентов своим преподавателям. Выполнив свои обязательства, другими словами, получив свой диплом бакалавра, он оставил Саламанку из-за неприятия университетской жизни.

Затем, Кортес не был человеком, смиренно следующим пути, что для него выбрали другие. Быть может, свою роль сыграла столь распространенная болезнь переходного периода, когда подростки пытаются самоутвердиться, делая все наперекор своим родителям. Один лишь факт, что ему заранее определили юридическую карьеру, мог убить в Эрнане всякую тягу к изучению права, несмотря на блестящие способности.

И наконец, могла быть и третья причина, обусловленная стечением обстоятельств: 3 сентября 1501 года генерал-губернатором Индий стал Овандо. На первый взгляд это назначение не имеет никакого отношения к судьбе Кортеса, но это только на первый взгляд. Превратности административной жизни заставили Кортеса вспомнить одну семейную историю, и его тяга к Индиям, возможно, возникла именно с этого момента. Итак, все по порядку.

Николас де Овандо, генерал-губернатор Индий

Наш рассказ о Колумбе прервался на его вторичном плавании на Антильские острова во главе эскадры из семнадцати кораблей. В ходе этого путешествия он открыл новые земли: Доминику, Гваделупу, Монтсеррат, Мартинику и Виргинские острова. Обогнув с юга Пуэрто-Рико, Колумб достиг северного побережья Эспаньолы. Там он нашел руины сожженного форта Ла-Навидад.

Все тридцать девять человек оставленного им гарнизона были захвачены и убиты индейцами. 6 января 1494 года Колумб основал город Ла-Изабеллу, который назвал в честь королевы. Доверив управление островом младшему брату Диего, Колумб провел несколько исследовательских экспедиций в направлении Сибао в центральной части Эспаньолы, где, по полученным сведениям, испанцы должны были найти желанное золото. Началась длинная череда злодеяний. Изъятие золота у туземного населения производилось с неимоверной жестокостью. В сентябре того же года Колумб выписал к себе своего брата Бартоломея, которого поспешил назначить *adelantado*. Все на благо семьи Колумбов. Адмирал продолжил морские экспедиции. Он обошел Кубу с юга, сбился с курса в очаровательных коралловых морях, которые он назвал «садами королевы», но восстановил ориентировку у Ямайки. В 1496 году он решил возвратиться в Испанию.

Там Колумбу пришлось впервые выслушать жалобы на его действия. Брат Бернардо Бойль, назначенный королем главой церковной миссии, которая сопровождала адмирала во втором путешествии, сбежал из Ла-Изабеллы, похитив судно, чтобы обличить его злодеяния. Колумб действительно совершенно забыл о своем обязательстве обращения индейцев в христианство. В нарушение договора с Изабеллой и Фердинандом генуэзец, напротив, прилагал все усилия, чтобы индейцы оставались язычниками, которых можно было бы ловить и продавать в рабство: с 1495 года в трюмах его кораблей их было доставлено несколько сотен. Возмущенная королева Изабелла приказала освободить всех захваченных туземцев и немедленно возвратить на Эспаньолу. Но, смягчившись при виде золота, доставленного ей Колумбом, она дала согласие на третье плавание адмирала, которое тот предпринял в 1498 году.

Колумб направился в этот раз к Тринидаду, который он, возможно, исследовал еще в предыдущее путешествие. На этом острове он обнаружил отмели, богатые жемчугом. С большим уловом, взятым в Кумагуа и Маргарите, он повернул к Эспаньоле и бросил якорь на юге острова, в Санто-Доминго – новом городе, который только что основал его брат Бартоломей. Но там его поджидали неприятности. Колумбу пришлось столкнуться с противодействием испанских колонистов, возглавляемых Франсиско Ролданом. Под градом леденящих душу свидетельств жестокого обращения с индейцами, превращенными в рабов и вынужденными надрываться в непосильной работе на золотых приисках Сибао, и ввиду беспрестанных вооруженных столкновений, потрясавших Эспаньолу, Католические короли

приняли решение лишить Колумба титулов и полномочий губернатора и вице-короля. В июле 1500 года они направляют Франсиско де Бобадилью восстановить порядок в Санто-Доминго. Верный из верных, брат Беатрисы де Бобадильи – подруги детства и наперсницы королевы Изабеллы – взял Колумба и его братьев под арест и в цепях выслал в Испанию. С глаз королевы спала пелена. Колумб предстал перед ней в своем истинном обличье авантюриста без совести и чести, опьяненного властью и пожираемого алчностью.

Но перед Католическими королями по-прежнему стояла проблема управления «Западными Индиями». После долгих колебаний они приняли довольно оригинальное решение: доверить управление заморскими землями Николасу Овандо, «командору Лареса ордена Алькантары».[45] Этот несколько загадочный титул многое говорил Кортесу. Орден Алькантары был одним из четырех испанских духовно-рыцарских орденов, которые со второй половины XII века помогали Реконкисте – освобождению Испании от мавров. Проникнутые духом средневековых Крестовых походов, члены орденов делились на две категории – рыцарей и духовных лиц. Особенностью этих организаций было то, что воины-рыцари давали обеты подобно монахам. В ордене Алькантары придерживались цистерцианских канонов. Все члены ордена именовались «братьями» (*frey*).

Орден возник в Португалии под именем Сан-Жулианде-Перейру, потом был переведен в Эстремадуру со штаб-квартирой в Алькантаре на берегу Тахо. Этот город был отбит у мавров в 1214 году. С каждой военной победой под контроль ордена переходили новые земли. В административном плане территория ордена подразделялась на *encomiendas*; брат, управлявший энкомьендой, имел право на титул «командора» (*comendador*). Орден из Алькантары освободил от мавров многие земли, на которые получил права владения от правителей Леона и Кастилии в награду за оказанные услуги. Мусульмане, уроженцы этих мест, могли остаться при условии принятия крещения; приняв христианство только формально, эти новообращенные, получившие прозвище морисков – *moriscos*, жили по законам своих предков.

Не стоит повторять, что орден Алькантары в XVI веке представлял собой мощную финансовую и землевладельческую силу, поскольку помимо доходов от сельских угодий и пастбищ получал ренты, связанные с судопроизводством, налоги с ярмарок и транзитных грузов, а также проценты от капиталовложений. К этому следует добавить и военные трофеи: переняв исламский обычай джихада, орден отдавал королю только пятую часть

добычи – знаменитую *quinto del rey*, а остальное оставлял себе. Неудивительно, что кое-кому не терпелось взять под контроль орден Алькантары.

Во главе пирамиды ордена стоял Великий магистр (*maestre*), который мог отдавать приказы как рядовым братьям, так и великому командору. Великий командор, принимавший во время военных действий титул генерал-капитана, в свою очередь, имел помощника – *clavero*, который был кем-то вроде ключника или казначея. В 1472 году за вакантное место Великого магистра вели борьбу два кандидата: некто Гомес де Солис, нотабль Касераса, и знаменитый Алонсо де Монрой, который исполнял должность клаверо. Две группировки сошлись в смертельной схватке, раздувая еще тлеющий костерок гражданской войны в Кастилии. В жестокой борьбе прошли три года, которые были отмечены обоюдными захватами заложников, подлыми изменами, ударами из-за угла и т. д. В 1475 году умирает Гомес де Солис, и Изабелла Кастильская договаривается с Алонсо де Монроем, который и становится Великим магистром. Алонсо сделал первый шаг к примирению с противоборствующей стороной. Представителем бывших сторонников Гомеса де Солиса на переговорах вызвался быть Диего де Касерес; он был женат на Терезе де Овандо – двоюродной сестре бывшего клаверо: орден Алькантары, похоже, превращался в семейное дело! В обмен на возвращение нескольких пленников и примирение Диего де Касерес потребовал, чтобы его сын Николас де Овандо был назначен Алонсо де Монроем главой энкомьенды Лареса. Монрой купил мир, и юный Николас стал командором.[46] События 1479 года стали фатальными для Монроя, который разыграл португальскую карту и был вынужден бежать из страны. Но Овандо сумел тогда остаться в стороне и в 1501 году сидел в своем дворце Касерес в прежней должности командора Лареса.

Экспедиция, предпринимаемая Овандо уже в качестве губернатора Индий, ставила задачей колонизацию открытых земель, а не поиск новых. Западные Индии перешли из рук моряков в ведение территориальной администрации. Во главе армады из тридцати судов и с 2500 человек команды Овандо должен был ниспровергнуть монополию Колумба, организовав в Санто-Доминго настоящую систему управления. Осенью 1501 года Овандо подыскивал себе людей, желательно надежных. Вполне вероятно, что Кортес покинул Саламанку, чтобы попытать счастья на островах. «Он решил уехать с этим капитаном, как и многие другие благородные испанцы»,[47] – пишет Гомара. Можно допустить, что Кортес предложил свои услуги, так как экспедицией командовал именно Овандо; он ожидал к себе

особого отношения, поскольку новый губернатор был другом его отца. На этот шаг Эрнана могли в равной степени подтолкнуть и родные. В путешествии участвовали как минимум два Монроя: дон Франсиско де Монрой, рыцарь ордена Сантьяго (внебрачный сын того самого клаверо,[48] который, возможно, был основателем города Сантьяго де лос Кабальеросв самом центре острова Санто-Доминго), и дон Эрнандо де Монрой (назначенный в 1501 году королевским указом фактором острова Эспаньола и выполнявший функции интенданта финансов). Назначение Овандо привело к переносу в Санто-Доминго значительной части социального устройства Эстремадуры, в котором главенствующее положение занимали члены духовно-рыцарских орденов и особым влиянием пользовалась семья Монроев.

Колебания

13 февраля 1502 года флот Овандо вышел в море из Санлукара… без Кортеса. А ведь Эрнан мечтал об этой экспедиции, готовился к ней и даже был зачислен в списки личного состава. Но в последний момент он меняет планы. В чем причина столь внезапной перемены решения? Биографы поспешили представить более или менее убедительные объяснения. Самое романтическое привел Гомара. Однако поэтичность не является недостатком, поскольку эта версия стала практически единственной официальной в жизнеописании конкистадора. Речь идет ни много ни мало о не слишком удачном любовном похождении! Во время ночного визита к молодой женщине, не устоявшей перед его обаянием, он был застигнут ее мужем и принужден спасаться бегством по крышам соседних домов, и в какой-то момент сорвался вниз со стены, которая осыпалась под его весом. В панике он упал очень неудачно, повредил ногу и едва избежал удара шпаги, который готовил ему обманутый муж. Нашего героя спасла теща рогоносца.

Гомара не сообщил, где произошла эта не слишком правдоподобная история, но здесь впервые возникает образ Кортеса – дамского угодника и соблазнителя. Следует допустить, что тяга к слабому полу составляла одну из черт его характера. Удивительно только, что она так рано проявилась. Открывшись Гомаре много лет спустя, Кортес, возможно, хотел показать, что именно женщины с самого начала решали его судьбу. И на самом деле, за каждым ее поворотом стояла женщина. В тот раз тоже нашлась одна, которая сказала: «Не уезжай». И Кортес не последовал за Овандо. История со сломанной ногой, похоже, не

выдумана, но это может быть всего лишь метафора, вроде «сломя голову». Так мы никогда и не узнаем, что же заставило его остаться.

Итак, в конце 1502 года Кортес отказался от Нового Света. Быть может, он еще просто недостаточно возмужал, чтобы в одиночку бороться с жизненными проблемами? Его колебания вполне понятны. Его отказ – вопрос зрелости: Эрнан еще очень молод и не перешел ту черту, что отделяет детство от жизни взрослого человека. Он рассказал потом Гомаре, что был момент, когда он не смог устоять перед звоном оружия и отправился в Валенсию, чтобы сесть на корабль, отплывающий в Италию, где в то время блистал военный гений Гонсало Эрнандеса де Кордова, – «Великого Капитана» и покорителя Гранады. Кортесу было легко говорить о своем призвании солдата по прошествии стольких лет, но в то время он вряд ли был так в нем уверен, чтобы рваться в Неаполь скрестить шпаги с французами. Наверное, это была выдумка, которую он поведал родителям, чтобы хоть как-то оправдать свои блуждания по всему Средиземноморью. Бродяга Кортес следовал за своей звездой и пропадал почти десять лет. Другой биограф, Хуан Суарес де Перальта, писавший в Мехико в 1589 году, сообщает несколько иные сведения: Кортес будто бы провел один год в Вальядолиде, где усердно трудился клерком в нотариальной конторе, постигая все тонкости ремесла.[49] Но не хотел ли Перальта таким образом скрыть от потомков несерьезность поступков молодого Эрнана? Как будто история может упрекнуть Кортеса в том, что при выходе из подросткового возраста он должен был перебеситься.

Открыв для себя мир и разрываясь между работой и любовными похождениями, Кортес возвращается к своему первому плану: Индиям. В конце 1503 года ему удалось убедить родителей оплатить дорогу. Несколько месяцев он провел в Севилье, ожидая торгового судна, на котором и отбыл в Санто-Доминго. В начале следующего, 1504 года Кортес покинул Палос. Началась его мексиканская одиссея. Пройдет почти четверть века, прежде чем он снова ступит на испанскую землю.

Эспаньола (1504–1511)

Накануне Пасхи, 6 апреля 1504 года, Кортес сошел на пристань Санто-Доминго. Его путешествие – прямо скажем эпическое – красноречиво говорит об атмосфере той поры: скрытое противостояние капитана Алонсо Квинтеро из Палоса и штурмана Франсиско Ниньо де Хуэльвы, помноженное на соперничество пяти торговых судов флотилии, каждое из которых

стремилось достичь Эспаньолы вперед других, привело сперва к уничтожению в результате прямого саботажа грот-мачты, из-за чего корабль должен был возвратиться в Гомеру, а затем продолжилось в умышленном отклонении от курса на один румб, отчего корабль сделался жертвой встречных ветров и потерялся в океане. Потрепанная бурей каравелла достигла берега далеко от Санто-Доминго. Припасы заканчивались, и команду с пассажирами охватила паника. Перед ними стоял выбор: умереть с голоду или пасть жертвой дикарей, населявших Малые Антильские острова. В конце концов корабль добрался до Санто-Доминго много позже остальных четырех судов.[50]

Золото и первые шаги колонизации

Еще в пути погрузившись в атмосферу островов, Кортес сразу усвоил все составляющие существования в Индиях: отсутствие правил, неумеренность аппетитов, деградация общественной жизни из-за зависти, клеветы, коррупции, предательства, обмана, жажды власти и конечно же «золотой лихорадки».

Остров, на который ступил Кортес, был уже не тем земным раем, что когда-то открылся Колумбу. Хотя по-прежнему зеленели кроны высоких деревьев и лучи ласкового солнца, падая сквозь листву, источали волшебный свет, присущий только тропикам, а море в этих широтах приобретает чарующий лазурный цвет, остров погибал в огне и крови. Истребление местных жителей, которых Кортесу еще удалось застать, вступало в последнюю фазу.

Когда Колумб достиг берегов Гаити, все Большие Антильские острова (Кубу, Эспаньолу, Пуэрто-Рико и Ямайку) по большей части населяли тайнос, происходившие из арауканской ветви южноамериканских индейцев. Их мир был этнически разнородным, но при этом объединенным общим для всех образом жизни – полусадоводческим, полуграбительским – и верованиями, которые сыграли значительную роль в исторической отсталости, вызванной жизнью на островах.[51] В противоположность легенде, которая в своей идеализации индейца тайно создала из него тип «доброго дикаря», живущего нагим в единении с природой и никому не чинящего зла, островитяне при случае могли показать себя умелыми воинами. Колумб, грезивший о Китае (Катэй) или Японии (Кипанго), был крайне разочарован более чем скромной цивилизацией тайнос, о которую разбились все его мечты. Вместо парчи – хлопчатобумажные набедренные повязки, взамен дворцов с

золотыми куполами – хижины с крышей из пальмовых веток. Расстроенный первооткрыватель отвратил свои взоры от аборигенов навсегда, за исключением одного раза, когда он сообразил, что из них могут получиться отличные рабы. Одержимый идеей открытия пути в Индию, Колумб никогда не интересовался жизнью островитян, которых не принимали всерьез из-за их малочисленности и относились как к вещам. Отсутствие пряностей, по крайней мере тех, что ценились в Старом Свете, и запрет от 1496 года на вывоз рабов в Испанию свели освоение острова к поиску единственного стоящего товара – золота.

Золото, добываемое вначале в обмен на медные колокольчики, стекляшки, гвозди и шерстяные колпаки, быстро превратилось по требованию генуэзца в единственную форму выплаты дани: все индейцы старше четырнадцати лет были обязаны под угрозой жестоких телесных наказаний доставлять людям Колумба котелок золотого песка раз в три месяца. Касики – индейские вожди – должны были выставлять калебасу, полную золота, каждые два месяца.[52] Эти меры были настолько же бесчеловечными, насколько нелепыми. Хотя золото и было известно тайнос, его было мало, и оно не имело для туземцев такой притягательной силы, как для жителей Старого Света. тайнос равно ценили перья редких птиц, хлопковые ткани, нефрит из Центральной Америки, мексиканский обсидиан, янтарь, перламутр, а также некоторые виды раковин. Желтый металл не выглядел в их глазах единственным универсальным олицетворением богатства, каким его считали конкистадоры. Золото, что встречалось в Санто-Доминго, было в значительной части ввезено на остров из других мест. Оно поступало в виде украшений с побережья Панамы или Колумбии и ковких листов для холодной обработки. Нет никакой уверенности, что местные жители владели какими-либо технологиями по обработке или хотя бы добыче золота. В любом случае просеивание золотоносных песков не было видом повседневной или специализированной деятельности индейцев. Почти все золото тайнос являлось результатом торгового обмена с южноамериканским континентом или трофеем в войнах с другими островами. Для аборигенов золото было предметом искусства, а не сырьем.[53]

Поэтому легко представить, до какой степени поиск золота завоевателями подорвал и разрушил уклад жизни индейцев. Обязав мужчин искать золото – противоестественное для них занятие, – испанцы вынуждали их забираться все дальше от родных мест, отрывая от обычных дел по добыванию пропитания:

разведения садов, охоты или рыбной ловли, – и разлучая с семьями. Тяжелый труд, издевательства и унижения скоро привели к восстанию. Но зло уже собирало свои плоды; жителям грозил голод, ослабленные организмы не могли противостоять микробам, занесенным из Старого Света. А главное, традиционный мир аборигенов был уничтожен до основания.

Политика Бобадильи, присланного на смену Колумбу, не дала никаких положительных результатов. В 1500 году, желая положить конец монополии клана Колумба, он попытался «приватизировать» эксплуатацию ресурсов острова путем предоставления испанским колонистам крепостных поместий – *repartiementos*. Таким образом, он передал управление индейцами в руки испанцев, имевших право присваивать плоды принудительного труда туземных невольников, чье положение мало отличалось от рабства. Очевидно, что этот труд был направлен исключительно на добычу золота в Сибао. То, что испанцев было не более двух сотен, нисколько не умаляло опасности, таящейся в подобной политике, настолько же аморальной, насколько и анархической, которая отдала индейцев в полную и бесконтрольную власть типам без стыда и совести. тайнос охватило отчаяние.

В летописи злодеяний отдельная страница отведена женщинам. Первыми колонистами были мужчины, не обремененные семьей, и нагие туземки пришлись им по вкусу. Похищение женщин, которых испанцы делали своими сожительницами, не могло понравиться мужьям, вынужденным работать на приисках вдали от дома. Захват красивых индианок приводил к бесконечным стычкам. Сексуальные контакты Старого и Нового Света сопровождались к тому же обменом венерическими заболеваниями: моряки Колумба привезли с собой свою заразу, а местные женщины наградили их американской формой гонореи, которую тайнос называли гуаринарас или ипатайбас. Первое время новая загадочная болезнь стала с удивительной быстротой распространяться среди туземцев, организмы которых не были готовы к борьбе с неизвестным микробом, а традиционное лекарственное средство в виде коры гайяка (гвайакана) не помогало. Испанцы, в свою очередь, сделав для себя это неприятное открытие, с 1496 года, не испытывая более доверия к туземным женщинам, открыли безобразную торговлю юными девушками тайнос, не достигших половой зрелости или не утративших девственность.[54]

Летом 1501 года, спустя несколько недель после назначения Овандо репартьементос Бобадильи были аннулированы испанскими королем и королевой. Не столько из-за этических

соображений, сколько в силу прозаических политико-юридических причин. Королева Изабелла, продолжавшая оказывать поддержку Колумбу, была против дробления «Западных Индий» на мелкие частные владения и потребовала восстановления монополии адмирала. Возможно, она рассчитывала вернуть когда-нибудь короне всю собственность, переданную Колумбу, а допустив раздел, целого уже не заполучить никогда. Назначение Овандо было продиктовано временной стратегией и явилось результатом компромисса, так как хотя оно и было официально направлено против Колумба, на самом деле поддерживало восстановление монополии.

Овандо никогда особо не задумывался о проблеме земельной собственности, которая оставалась за скобками, и просто перенес на Эспаньолу порядок, заведенный в ордене Алькантары. По примеру мусульман, побежденных в ходе Реконкисты, индейцы должны были размещаться в энкомьендах, другими словами, препоручались испанским управляющим, которым в обязанности вменялись их защита и обращение в христианство. Энкомендеро должен был также обеспечить экономическую рентабельность полученного поместья. Пятая часть доходов, – собираемая главным управляющим, – направлялась королю. На бумаге политика Овандо отвечала условиям патроната (*patronato*) – обязательства обращения индейцев в христианство, – при этом вписывалась в историческую традицию управления и обеспечивала официальный сбор налогов в королевскую казну, которая вечно была пуста.

Мотивы, которыми руководствовались Католические короли, посылая Овандо в Санто-Доминго, неизвестны. Это назначение не столь естественно, как полагают некоторые авторы, склонные видеть в колонизации Америки преемственную связь с Реконкистой, и носит скорее даже парадоксальный характер. Политика Изабеллы Кастильской всегда была направлена против духовно-рыцарских орденов, угрожавших королевской власти. И ей удалось подмять их под себя! После неудавшегося переворота в ордене Сантьяго в 1476 году ей пришлось дожидаться смерти Великого магистра Алонсо де Карденаса, наступившей в 1499 году, чтобы присоединить земли ордена к своей короне. На десять лет раньше она справилась с орденом Калатравы. Орден Алькантары она подчинила себе в два приема: после изгнания Монроя в 1480 году она назначает Великим магистром одного из своих сторонников – Хуана де Зунигу, на племяннице которого Кортес впоследствии женится вторым браком; затем в 1494 году Зунига уходит в отставку, передавая управление орденом королю Фердинанду. Папа примирился с захватом орденов светской

властью во имя *patronato*.

Почему же королева Изабелла пошла на риск и дала ордену Алькантары второе дыхание, поручив одному из его наиболее видных представителей управление «Западными Индиями»? Почему она снова выпустила на сцену деятеля из средневекового мира, который она стремилась уничтожить? Почему она попыталась сохранить дух Реконкисты, которая была для нее уже перевернутой страницей, о чем свидетельствуют современные веяния в ее политике после 1492 года? Качнулась ли стрелка политических весов назад в прошлое под давлением того или иного советника? С точки зрения истории несомненно, что именно на Католических королях лежит ответственность за перенос в Новый Свет средневековых отношений в начале XVI века. Поскольку Овандо был насквозь пропитан духом Средневековья, его правление долгое время самым негативным образом сказывалось на развитии колониальной администрации, которая, несмотря на деятельность Кортеса, не могла не остаться архаичной.

Умиротворение индейцев

Когда Кортес прибыл на остров, Овандо уже два года был у руля и далеко продвинулся в своих начинаниях. Командор доставил все необходимое для заселения: семена европейских злаков, лошадей, мулов, коров, овец и свиней; опытных земледельцев, каменщиков и плотников с полным набором железных инструментов, которых так не хватало. С колонистами прибыли также солдаты, вооружение и даже шахтеры и золотых дел мастера.

С самых первых шагов в роли губернатора Овандо принял важные решения. Он перенес город на правый берег реки Осамы и начертил план города, начав с двух улиц, одна из которых шла вдоль реки – современная Лас-Дамас, другая – дель Конде была проложена перпендикулярно первой. По его приказу воздвигли форт для защиты города, отвели площадь под будущий собор. Скоро на острове появились первые каменные здания – мощные замкообразные сооружения из ослепительно белого ракушечника с гладкими и строгими стенами. За материалом далеко ходить было не надо, так как Санто-Доминго вырос на богатых залежах мадрепоровых кораллов. Овандо намеревался обратить индейцев в христианство при помощи десятка францисканцев, которые незамедлительно основали две обители – одну в Санто-Доминго, другую в Сибао, опустошенном золотоискателями. Очень скоро

открылись школы, в которых братья пытались научить читать и писать по-испански детей касиков.

Первые дни колонии были тяжелыми и безрадостными. Посев европейских культур в тропическом климате оказался полным провалом. У тайнос была своя техника возделывания земли деревянными инструментами, примитивными, но эффективными. Традиционный маленький сугубо личный садик – конуко – не имел ничего общего с европейским полем, предназначенным для экстенсивного выращивания монокультуры. Переход от одного к другому был просто невозможен. В любом случае цикл возделывания пшеницы не был приспособлен к островному климату: она всходила слишком быстро, давала высокие стебли и крошечные зерна, которые гнили из-за постоянной высокой влажности. Со скотом дело обстояло еще хуже. Поскольку изгородей на острове не водилось, ввезенные животные разорили огороды и сады тайнос, уничтожив и без того жалкие посевы маниока и маиса. Большое количество голов просто исчезло, одичав и растворившись в окрестных лесах. Большинство скота пришлось забить прежде, чем животные успели дать потомство. Оставшись без традиционных ресурсов островитян, погибших от испанского вторжения, и лишившись испанских резервов, не прижившихся в новом климате, Эспаньола умирала с голоду. К приезду Кортеса из 2500 человек, прибывших с Овандо, 1500 уже отправились в мир иной! Жизни колонистов уносили малярия, дизентерия, лихорадка и недоедание.

С небес на землю Кортеса спустил один из его старых знакомых – Медина, секретарь Овандо, который встретил его у трапа и обрисовал ситуацию на острове. Эрнан, прибывший из Испании с собственным экипажем и слугами, рассчитывал пожить на широкую ногу за счет золота, которое текло в реках вместо воды, а теперь взамен сказочного миража его ждало горькое разочарование. Он решил было не задерживаться на Эспаньоле, а податься с экспедицией на Жемчужный берег в Венесуэлу. Одно время он подумывал даже о самостоятельной добыче золота силами своих слуг, чтобы не прибегать к эксплуатации обращенных в рабов индейцев. Но тут спустя несколько недель из экспедиции в глубь острова вернулся Овандо и призвал его к себе. Нам ничего неизвестно, о чем они говорили, но только Кортес, смягченный теплым приемом губернатора, решил остаться. Он стал *vecino* – постоянным жителем Санто-Доминго. Овандо планировал удержать на месте испанское население, безвозмездно предоставляя участок для застройки любому, кто обязался бы прожить здесь не меньше пяти лет. Статус *vecino* давал право голоса и предоставлял возможность получить

энкомьенду в награду за воинскую доблесть. Кортес поспешил воспользоваться этой системой.

В 1504 году Эспаньола еще не была «умиротворена». С самого прибытия Овандо пришлось вступить в борьбу с индейцами, восставшими против захватчиков. Губернатор наводил порядок железной рукой, не стесняясь в средствах и прибегая при случае к самому подлому предательству: резня в Ксарагуа стала олицетворением низости. Годом ранее Овандо принял приглашение на ужин к королеве Ксарагуа, очаровательной и энергичной Анакаоне, для ведения переговоров о мире. Испанский главнокомандующий подстроил ловушку; по его приказу солдаты предприняли штурм прямо во время пира и застали Анакаону и ее приближенных врасплох. Королева была повешена, а приглашенных вождей привязали к центральному столбу внутри дома и сожгли заживо. Испанцы проследили, чтобы огонь перекинулся на все хижины деревни.

Казнь Анакаоны не только не охладила туземцев, но только сильнее разожгла их ярость и подтолкнула к восстанию. Пока Кортес обживался на острове, Овандо вынужден был бороться со множеством очагов сопротивления, в частности в горах Баоруко к западу от Санто-Доминго и в Хигюйе на восточной оконечности острова. Эрнан предложил губернатору свои услуги и провел несколько операций по «умиротворению». «Он собрал солдат, – пишет Гомара, – пошел во главе войска на врагов, сразился с ними и победил. Не зная до того воинского дела и не имея опыта, Кортес показал во время этого похода высокое ратное мастерство… которое снискало ему уважение командующего».[55]

В двадцать лет Кортес становится таким образом первой фигурой в истории покорения Эспаньолы, которое заняло около года. После бесчинств Овандо война Кортеса производит иное впечатление. Он умел вести за собой в бой солдат и следовал собственной тактике. Он охотно вел переговоры, использовал давление и убеждение, чтобы не прибегать к насилию. В этих фактах проявилась самобытность Кортеса. До его приезда умиротворение было сколь безжалостным, столь и безрезультатным. Под командованием Эскивеля войска Овандо вели тяжелые бои, а индейцы стояли на грани уничтожения. Когда на смену ему пришел Кортес, испанцы перестали нести большие потери, и одновременно исчезли упоминания о массовой резне туземного населения. Кортес выработал свой стиль, и о нем заговорили. Овандо благоволил ему.

Проведя год в военных походах, Кортес объявился в индейском городе Асуа, занимавшем господствующее положение над хорошо защищенным рейдом на южном побережье острова к

западу от Санто-Доминго. По дошедшим до нас текстам выходит, что он числился там *escribano*, то есть нотариусом. И все биографы задавались вопросом, что было делать нотариусу в Асуа в 1506 году и какой тайной деятельности предавался будущий завоеватель Мексики. Ответ простой. Завершив «умиротворение», Овандо устроил административную организацию Эспаньолы, поделив ее на семнадцать муниципалитетов (ayuntamientos). Во главе каждого из этих индейских городов он поставил личного уполномоченного, своего рода префекта с минимальными полномочиями, который именовался в текстах того времени *escribano* или, того проще, *letrado*, что буквально означает «грамотный», то есть умеющий читать и писать. Кортес был одним из таких представителей, и Асуа стал его местом прохождения службы. Он выполнял общественные функции, и новый пост ввел его в круг ближайших соратников губернатора.

Также он мог напомнить о своих военных заслугах, и по вполне понятной логике военных орденов претендовать на энкомьенду. Кортес получил землю в провинции Дайяго с repartiemiento индейцев в придачу.[56] Он мог быть одним из первых, кто пытался вырастить на острове сахарный тростник, вывезенный с Канарских островов. Но у Кортеса не лежала душа к сельскому хозяйству, и очень скоро, войдя во вкус политической игры, он возвратился в Санто-Доминго, где вошел в ближний круг Овандо. По одной его резиденции можно понять, насколько он был вовлечен в борьбу за власть. С 1507 года он занимает угловой дом на пересечении двух улиц, с которых началась планировка города. Точно на том месте, где воткнули разметочный угольник, как раз прямо напротив дворца Овандо, с которого весь порт лежит как на ладони. Двухэтажный дом Кортеса, выполненный в средневековом стиле, был одним из первых в Новом Свете.[57] Толщина стен доходила до полуметра, окна, имевшиеся только на втором этаже, служили бойницами; возле углового окна по образцу средневековых замков сделана каменная скамеечка, с которой можно следить за улицей, не будучи замеченным. Фасад дома лишен каких-либо украшений: ни герба, ни другого знака могущества, ни замысловатой перемычки над дверью; ничего, кроме сурового очарования голого камня в самом стратегически значимом месте Санто-Доминго. Как будто хотели показать, что само место уже должно говорить о силе его владельца.

Жизнь в Санто-Доминго: от Овандо до Диего Колумба

Не исключено, что Кортесу наскучила жизнь на острове.

Сохранилось множество свидетельств о нем как о заядлом картежнике. Это наводит на мысли, что у него было много свободного времени. Он также продолжал любовные похождения, которые его занимали постоянно. «Мне говорили, – сообщает Диас дель Кастильо, – что в дни своей молодости на Эспаньоле он пользовался успехом у женщин. Из-за них он должен был неоднократно драться на дуэлях с храбрыми и ловкими бретерами; в поединках он всегда выходил победителем. Но у него остался след от удара шпагой возле нижней губы, и если посмотреть внимательно, этот шрам хорошо виден даже под бородой».[58] Женщинами, о которых идет речь, могли быть только индианки, поскольку в то время в Санто-Доминго испанок можно было пересчитать по пальцам. Кортес с первых дней пребывания на острове жил с индианками; он ценил женскую красоту, при этом выдвигал высокие требования к общественному положению подруги, поэтому можно предположить, что его интересовали лишь дочери местных касиков.

Процесс исчезновения индейцев становился необратимым. Женщины отказывались рожать и делали аборты, случаев массового самоубийства было не сосчитать. Золото несло гибель. Лишившись земель и даже богов, индейцы не желали жить под испанским игом. Перед колонистами встала проблема рабочей силы. В 1503 году Овандо добивается от королевы Изабеллы права обращать в рабство караибов с Малых Антильских островов. Под именами каниба (откуда и каннибализм), кариба, калина, кариби, галиби или караибы эта этническая группа осела на Малых Антильских островах, откуда совершала набеги на земли тайнос. Караибы возвращались с пленниками, которых откармливали в течение года, прежде чем принести их в жертву богам и съесть. Караибов можно было отлавливать на законном основании как невосприимчивых к слову Христову. Овандо предпринял несколько рейдов на Мартинику (Мартинино), а потом переключился на Лукайи, которые были расположены намного ближе. Фиговый листок борьбы с каннибалами на этот раз уже не мог прикрыть эти пиратские операции, поскольку на Лукайях жили те же мирные тайнос. Но Овандо подобные детали не смущали, и он на все закрывал глаза.

Не все дни были радужными, но Кортес с этим примирился. Ему достался билет в первую ложу маленького театра колониальной жизни, к тому же он сам участвовал во многих постановках. Он нашел здесь свое место. Практически он жил как у себя дома. В то время половина из той тысячи или полутора тысяч испанских переселенцев были его земляками-эстремадурцами, из которых немалое число доводилось ему

родственниками или приятелями. По крайней мере со всеми он был знаком лично. Эрнан мог даже поболтать с уроженцами Медельина, например юристом Хуаном Гутиерресом Альтамирано, регидором Санто-Доминго Хуаном Москера, Гонсало Соса или Хуаном де Рохасом.[59] Он понимал, что путь к богатству лежит через власть. Биографы Кортеса ничего не говорят об источниках его благосостояния в Санто-Доминго, но известно, что золото он доставал не на приисках. Эрнану не так повезло, как будущему ямайскому губернатору Франсиско де Гарай, который нашел на берегах Озамы в 1502 году золотой самородок весом в одиннадцать килограммов. Кортес не владел золотоносным участком, а поскольку сельским хозяйством он также не занимался, средства к существованию ему могла приносить только служба в государственном аппарате. А теперь вспомним, что за период с 1503 года, когда в Севилье завели первые книги Учетной палаты – *Casa de contrataciyn*, по 1510 год, на набережные Гвадалквивира сгрузили пять тонн золота, отправленного Овандо королю. Какого государя оставило бы равнодушным такое золотое дно? И какую же часть «военной добычи» оставили себе Овандо и его доверенные люди? Кортес быстро усвоил, что золото достают не только из речного песка, но и из сейфов королевской администраций, но уже в слитках. С тех пор его больше нельзя будет оторвать от государственной кормушки.

Пока Кортес жил в колониях, на Иберийском полуострове произошли большие перемены. 26 ноября 1504 года, после года мучений от болезни скончалась королева Изабелла Католичка. Престолонаследование происходило хаотично. Из пяти детей королевы двое старших умерли, не оставив потомства. В порядке очередности корона перешла дочери Хуане, жене Филиппа Габсбурга, сына австрийского императора Максимилиана. Хуану, страдавшую слабоумием, провозгласили королевой, но король Фердинанд добился от кортесов признания его регентом. Филипп Красивый, твердо решивший править, не пошел на сделку, и королевская чета выехала из Фландрии в Испанию в начале 1506 года. Когда Хуана Безумная и Филипп Красивый прибыли во дворец, Фердинанд уже успел жениться на толстой племяннице французского короля Людовика XI Жермене де Фуа. Фердинанд, достойный ученик Макиавелли, казалось было, уступил дочери, отдал регентство Филиппу и уехал в Италию. Но 25 сентября 1506 года Филипп Красивый неожиданно умирает в Бургосе от яда. От такого удара состояние Хуаны ухудшилось, и отец запер ее во дворце в Тордесильясе. В июле 1507 года возвратившийся на родину Фердинанд был признан регентом и снова взял

управление Кастильским королевством в свои руки.

20 мая 1506 года в Вальядолиде скончался Христофор Колумб. В 1502 году он добился разрешения на четвертую экспедицию, но уже не мог переломить ситуацию в свою пользу. Овандо не позволил ему высадиться в Санто-Доминго, и, когда он терпел бедствие у Ямайки, никто не пришел ему на помощь. Он исследовал побережье материка, устье Дракона и Комариный залив (залив Москитос), то есть побережье Центральной Америки от Гондураса до Панамы (Дарьена). Но Католические короли ликвидировали его монополию, подписав почти в то же время капитуляции с Родриго де Бастидасом и Хуаном де ла Косой на исследование Жемчужного берега от Венесуэлы до Дарьена. Наконец, Колумб потерпел полное фиаско с поиском путей в Индию, и его возвращение в ноябре 1504 года было отравлено горечью поражения. С кончиной королевы первооткрыватель утратил верную защитницу и тотчас подвергся насмешкам недоброжелателей, которые величали его не иначе как комариным адмиралом. В опале он провел остаток дней. Кто в то время дал хотя бы дублон за наследственную передачу титулов генуэзца, дарованную ему в 1492 году?

Однако Диего Колумб, сын Христофора[60] от жены-португалки и единственный законный наследник, собрал армию адвокатов, завалил всех жалобами и задействовал все связи. В 1508 году он женился на дальней родственнице короля Фердинанда – Марии Толедской де Рохас, племяннице герцога Альбы. Диего требовал возвращения причитающегося ему по наследству вице-королевства. В то время как Овандо в Санто-Доминго, почувствовав новое наступление Колумбов, полностью очистил остров от прежних сторонников Первооткрывателя, непостоянный король Фердинанд, до того показывавший себя ярым противником Колумба,[61] вдруг резко переменил свое отношение. В 1509 году он отозвал Овандо, назначенного великим командором ордена Алькантары,[62] и, к всеобщему удивлению, передал пост губернатора западных колоний Диего Колумбу. По сути, это было возвращением к ситуации 1492 года – восстановление «династии Колумбов», самоустранение власти в пользу одних только частных интересов наследника Первооткрывателя. Эта новость повергла Санто-Доминго в шок: будущее острова погрузилось в полную неопределенность.

10 июля 1509 года флот Диего Колумба бросил якоря в устье Озамы. Молодому губернатору только что минуло тридцать. Он прибыл как глава клана, прихватив с собой двух дядьев – Бартоломея и Диего, а также своего брата Фернандо, плода греховной любви его отца и Беатрис де Харана. Он взял с собой и

жену, Марию Толедскую, которую сопровождала впечатляющая свита девиц из благородных фамилий. Фрейлины должны были стать супругами одичавших конкистадоров. Очень скоро Мария Толедская собрала вокруг себя двор, пытаясь воссоздать в тропиках если не королевскую, то по крайней мере светскую атмосферу. Легко представить всю искусственность этого начинания в раскаленном воздухе острова, тухлой вони порта и всепроникающей пыли. Диего Колумб немедленно приказывает начать строительство его собственного дворца вне *traza*, в конце улицы Дам, на которой жили все влиятельные люди Санто-Доминго. Как и многие другие, Кортес следил из своей ложи за новой пьесой, в которой обустраивалась новая власть. Корона отказалась от какого-либо политического контроля. К тому времени коренное население было истреблено уже на две трети.

В 1509 году Эспаньола была пока еще единственной территорией, заселенной испанцами в «Западных Индиях». Стратегия Овандо была направлена на закрепление конкистадоров на Гаити путем запрета отъезда в течение пяти лет, который являлся условием контракта постоянного жителя, каким был и Кортес. Диего Колумб, естественно, сделал все наперекор предшественнику. Не в силу каких-нибудь мотивов, а просто из духа противоречия. Овандо следовал стратегии колониального захвата земель, а сын адмирала избрал морской подход, экспансионистский и меркантильный.

Приоритет отдавался экспедициям в открытом море. Хуану Понсу де Леону, соратнику отца Диего по второму путешествию, выпало завоевание острова Борикена, то есть Пуэрто-Рико, который он исследовал еще год назад. Хуан де Эскивель должен был взять под контроль Ямайку, в то время как бросок к Верагуа и Дарьену на материке планировалось осуществить под командованием Диего де Никуесы, Алонсо де Охеды и Хуана де ла Коса, первого космографа Америки.

Кортес, укрепившийся в прежней администрации, был чужим для окружения Диего Колумба и ничего не мог для себя ждать от нового хозяина острова. Он отбыл свой пятилетний срок и мог уехать, не потеряв прав на свою энкомьенду. Как и его кузен Франсиско Писарро, он готовился к отъезду и выбрал экспедицию Охеды.

12 ноября 1509 года Охеда отплыл из Санто-Доминго на двух наосах – бригантинах с тремя сотнями людей команды и двенадцатью лошадьми. Но без Кортеса! Эрнан в последний момент не явился на посадку. И снова у конкистадора была уважительная причина: помешала больная нога! По словам Гомары, он мучился от опухоли, которая охватила ногу от бедра

до щиколотки и не давала двигаться.[63] Сервантес де Салазар уточнял: «Его приятели говорили, что он страдал от сифилиса, потому что любил женщин, а индианки чаще испанок заражают тех, кто ходит к ним».[64] Болезнь пришлась весьма кстати, и никто, включая самого Кортеса, не мог бы сказать, что она не была послана Провидением, ибо сама миссия уже изначально оказалась крайне конфликтной. Охеда и Никуеса вели независимо друг от друга переговоры с Хуаном де Фонсекой, ведавшим делами управления Индиями при кастильском дворе, о назначении «губернатором» этих территорий на материке, составлявших полосу на атлантическом побережье от Панамы до современной Колумбии. Торговались они, естественно, за спиной Диего Колумба, который старался пресекать всякие поползновения на его наследственную монополию и ставил им палки в колеса. Впрочем, Охеда и Никуеса сами не смогли договориться о разделе территорий и статусе Дарьена (Панамы), который оспаривали друг у друга. Охеда первым нарушил приличия, уйдя в море без Никуесы. Никуеса нагнал его спустя десять дней со своими кораблями и семью сотнями человек команды.

Вполне возможно, что Кортес предвидел ловушку и намеренно вышел из игры. Для этого у него были основания – экспедиция обещала закончиться полным провалом. Хуан де ла Коса погиб от стрел индейцев. Войска испанцев косили голод и болезни, и отряды быстро сокращались до разрозненных групп. Охеда вернулся умирать в Санто-Доминго, потерпев крушение возле Кубы, еще не захваченной испанцами, тогда как Никуеса был схвачен восставшей командой и брошен в открытом море на поврежденном судне, вскоре затонувшем. Выстоять сумела только небольшая жалкая колония испанцев под предводительством Франсиско Писарро и Васко Нуньеса де Бальбоа – новых действующих лиц в завоевании континента.

В Санто-Доминго Диего Колумб не думал ни о чем, кроме Кубы, которую его отец упрямо принимал за побережье Индии. На этот раз Кортес не пропустит посадку.

Куба (1511–1518)

Завоевание Кубы

Замышляя завоевание Кубы, Диего Колумб обратился к человеку из своего клана, ветерану путешествий в Америку Диего Веласкесу. Он сопровождал брата Первооткрывателя Бартоломея

во время второго путешествия в 1493 году. С того самого времени Веласкес не покидал Эспаньолу, прожив на острове семнадцать лет. Ему удалось уберечься от лихорадок, стрел туземцев и заговоров и стать полновластным хозяином здешних мест. Веласкес происходил из благородной фамилии Куельяров. Он отличался большим ростом и жизнерадостностью, которая, однако, сочеталась в нем с жестокостью. Веласкес участвовал во всех «умиротворяющих» экспедициях испанцев и захватил огромные владения в западной части острова. Лас Касас оставил впечатляющее описание этого человека: «Нет никого богаче его; он весьма преуспел в искусстве проливать или помогать проливать кровь этого несчастного народа; все испанцы, живущие под его властью, любят его, поскольку характером он мягок и большой жизнелюб и говорит только об удовольствиях и пирах, как обычно поступают все легкомысленные холостяки, хотя при необходимости он умеет показать свою власть и заставить ее уважать; все его земли лежат в провинции Ксарагуа и тех краях, что подходят к якорным стоянкам перед Кубой. Он весьма красив телом и лицом и этим снискал еще большую любовь; он несколько склонен к полноте, но не утратил от этого ловкости; он умен; его считали туповатым, но он легко проводил свое окружение».[65]

Веласкес отлично освоился на новых землях. Он мог добывать пропитание не хуже индейцев и научился переносить тяготы войны в джунглях. Но в 1511 году ему было уже под пятьдесят, и приближающаяся старость начала напоминать о себе. Веласкесу был нужен помощник, находчивый и проворный. Его выбор и пал на Кортеса, который с радостью принял предложение. Но Эрнан не согласился с ролью военачальника, которую ему прочил Веласкес. Наученный собственным опытом, он испросил себе гражданскую должность с большой политической и финансовой ответственностью: Кортес был назначен казначеем экспедиции!

Можно только восхищаться, с какой ловкостью он провернул это дело. Для начала он убедил Веласкеса в своих верноподданнических чувствах, приложив все усилия, чтобы снискать его благосклонность и завоевать доверие. Он сумел войти в то, что сегодня назвали бы его кабинетом, получив должность секретаря. Одновременно Кортес заигрывал и с центральной властью, то есть с королем. Но как подступиться, если корона взяла сторону Диего Колумба, которому Кортес служить не желал? Да просто подмазать. Еще до отзыва Овандо осторожный король Фердинанд направил на остров в лице Мигеля де Пасамонте своего чиновника, которому был поручен контроль за перевозкой налога – королевской квинты. Этот

«министр финансов» Индий был на самом деле единственным официальным каналом, который связывал Санто-Доминго и Кастилию. Кортес установил с Пасамонте приятельские отношения, и тот сделал его своим уполномоченным на Кубе. Эрнан оказался таким образом под двойной защитой – Веласкеса, назначенного Колумбом, и Пасамонте, назначенного королем. Кроме того, все золото экспедиции проходило через его руки. В двадцать шесть лет Кортес обрел власть.

В ноябре 1511 года Веласкес вышел из маленького порта Сальватьерра-де-ла-Сабана на западном побережье Эспаньолы. В его отряде было немногим больше трехсот человек. Экспедиция была тщательно подготовлена: по поручению Овандо капитан Себастьян де Окампо обошел на корабле вокруг Кубы еще за два года до описываемых событий. Все удобные бухты были нанесены на карту, ландшафт острова был изучен, равно как и его жители. На этом острове, не знавшем испанского владычества, пришельцы чувствовали себя как дома. Повторится сценарий Гаити, но в еще более быстром темпе: истребление индейцев, превращение их в рабов, жестокость, огонь, кровь, насилие; поиски золота и резня – без конца. У этого эпизода истории конкисты оказался именитый свидетель – Бартоломе де Лас Касас, который с уверенностью в своей правоте участвовал в этой насильственной христианизации.

Преодолев небольшое расстояние, отделявшее Кубу от Гаити, Веласкес высадился в заливе Баракоа. Великолепная растительность покрывала берег и склонялась к прозрачным водам бухты. Именно в этом месте, которое могло бы быть райским, Христофор Колумб установил в ноябре 1492 года крест, [66] привезенный из Кастилии, прежде чем облюбовал Гаити. У тайнос было почти двадцать лет передышки, но на этот раз дни их были сочтены.

Испанцев ждала достойная встреча. Устроил ее Хатуэй, который бежал на Кубу со многими своими соплеменниками, чтобы избежать полного уничтожения. Но от судьбы не уйдешь. Хатуэй с оружием в руках попытался во главе индейских воинов сбросить людей Веласкеса в море, но силы были неравны, и Хатуэй был захвачен в плен у Яра, возле Баракоа. К побежденному и приговоренному к смерти вождю подошел священник и спросил, желает ли он принять крещение, чтобы попасть на небеса. «А мои палачи – кастильцы, они крестились?» – спросил Хатуэй. «Да», – ответил священник. «Тогда они тоже попадут на небо? – уточнил вождь тайнос. – Тогда я не желаю креститься, чтобы не оказаться после смерти снова среди тех, кто истребил мой народ и собирается убить меня». Хатуэй был сожжен заживо.

Осторожный Веласкес призвал в подкрепление помощника

губернатора Ямайки Панфило де Нарваес – впоследствии одного из главных действующих лиц во время завоевания Мексики. Умелый полководец, Нарваес справился с задачей и постепенно добился подчинения касиков, павших духом после событий на Эспаньоле и не желавших продолжать борьбу, заранее зная ее исход.

Первым испанским городом на Кубе стал Асунсьон-де-Баракоа, основанный 4 декабря 1512 года. Подхалим Веласкес назвал остров *isla Ferdinandina* в честь короля Фердинанда. В довольно сюрреалистичной манере губернатор постарался воссоздать некое подобие двора, которым окружил себя Диего Колумб в Санто-Доминго. С этой целью в экспедиции, задуманной для заселения острова, приняли участие испанцы из благородных фамилий. Дабы подать пример, Веласкес обручился в Баракоа в 1512 году с Марией де Куельяр, фрейлиной вице-королевы Марии Толедской. Можно представить себе брачные торжества: над новобрачными вьется рой комаров, стражники обливаются потом под кирасами, у стен форта Себоруко плещутся волны залива, в которых отражается лунный свет. И веселый Кортес, предупредительный, как хозяин дома, переходит от одной группы гостей к другой, всегда готовый завязать душевный разговор, выведать сокровенные мысли, подметить во взгляде тень недовольства. Марии де Куельяр не суждено было вести семейную жизнь на острове: она умерла спустя неделю. Кортес оказал губернатору большую моральную поддержку.

Конфликт с Веласкесом и дело о женитьбе

В 1513 году молодую, неокрепшую колонию раздирали споры и распри. Причиной недовольства стали невыносимо тяжелые условия жизни и жажда наживы, которая привлекла сюда большую часть людей Веласкеса и не была пока еще в достаточной степени удовлетворена. Как бы то ни было, но по создавшейся атмосфере это маленькое конкистадорское общество напоминало банку с пауками, где каждый завидовал и пакостил другому и где все визири спят и видят занять место калифа. Веласкес с его переменчивым настроением и подверженностью влиянию не мог не способствовать росту недовольства среди своих соратников. Кроме того, усложнилась политическая ситуация на островах, и под нажимом Хуана Родригеса де Фонсека, члена особого Совета Кастилии по вопросам управления Индиями, корона предприняла попытку вернуть бразды правления, переданные семье Колумба: в Санто-Доминго прибыли

аудиторы (*oidores*), что ослабило позицию вице-короля, создав противовес его власти.

Конфликт с одним из ближайших помощников[67] возник в связи с тем, что Веласкесу стало известно о готовящемся заговоре против него. Мятежники решили тайно сообщить аудиторам о притеснениях со стороны их начальника и избрали Кортеса своим полномочным представителем! В лагерь противников Веласкеса перебежал его собственный секретарь. Решив принять участие в весьма рискованной интриге, думал ли Кортес воспользоваться случаем и натравить центральную власть на Веласкеса, который был обязан своим положением исключительно доброму расположению Колумба? Что же мог такого сделать губернатор, чтобы его столь подло предало собственное окружение? Как бы то ни было, глубокой ночью под Баракоа Кортес был застигнут людьми Веласкеса, когда собирался тайно отплыть на Эспаньолу с тетрадью жалоб за пазухой. В любом заговоре обязательно найдется изменник, и вовремя предупрежденный Веласкес доставил себе маленькое удовольствие уличить Кортеса в кознях, поймав его на месте преступления. И вот наш герой заточен в крепость и в цепях ожидает, когда его поведут на виселицу. И опять Кортеса спасла женщина. Правда, эта история, замусоленная хронистами, дошла до нас в несколько искаженной форме. Гомара сочинил из этого злоключения Кортеса целый приключенческий роман в нескольких частях с дерзкими побегами, героическими подвигами и многочисленными переделками, из которых Эрнан всегда выходил с честью. В конце концов все закончилось полной победой доблестного рыцаря.

То, что можно с уверенностью предположить, так это наличие в Баракоа сторонников Кортеса, которые вынудили Веласкеса пойти на уступки, чтобы удержать власть. Кортесу удалось встретиться с губернатором наедине и заключить почетный мир. Нам известны только два условия, явившиеся результатом этих тайных переговоров. Прежде всего, Кортес уступал свою должность казначея (*contador del rey*) Амадору де Ларесу, который, по словам Лас Касаса, «не умел ни читать, ни писать, но восполнял этот недостаток осторожностью и ловкостью»;[68] взамен Веласкес обязался предоставить ему высокий административный пост бургомистра столицы. Амадор де Ларес был своим человеком, и Кортес ничего не терял. Он этим даже воспользовался, чтобы еще усилить свое влияние. Другим условием договора по требованию Веласкеса стало согласие Кортеса жениться!

Его свадьба, которая состоялась в начале 1514 года, по-видимому, являлась ключом к примирению с губернатором. Все

свидетельства той поры подтверждают, что брак с Каталиной Хуарес был Кортесу навязан и что только этому союзу он обязан своим спасением и возвращением ему благосклонности властей. Несомненно, была какая-то история с женщинами между этими двумя мужчинами, но она осталась тайной навсегда.

Каталина, фамилия которой в текстах пишется то Хуарес, то Ксуарес или даже Суарес, происходила из благородной семьи, переселившейся в Санто-Доминго в 1509 году вслед за Диего Колумбом. Покинув Гранаду, она перебралась через Атлантику со всей семьей: матерью Марией де Маркаида, братом Хуаном и своими сестрами. Она была внучкой Леоноры Пачеко и родственницей маркиза Вильенского и графини Медельинской. Ее отец Диего Хуарес Пачеко утверждал, что их род происходит от дома Ниебла и герцогов Медины Сидонийской.[69] Хронисты – писали, что эта семья обеднела и дочери питали надежду выйти замуж за состоятельных людей. Неизвестно, как и почему Хуаресы в полном составе оказались на Кубе, но в любом случае они должны были войти в придворное окружение Веласкеса. Хуан, брат Каталины, завязал дружбу с Кортесом; одна из сестер, похоже, весьма нравилась губернатору. Все это, впрочем, не объясняет, почему Веласкес так настаивал, чтобы Кортес обвенчался с юной Каталиной, и почему этот союз стал платой за освобождение из темницы.

Зато мы знаем, почему Кортес не желал жениться: в то время он счастливо жил во грехе с тайнянкой, которая родила ему дочь.[70] Он даже крестил свою туземную подругу под именем Леоноры, а ребенку дал имя и фамилию своей матери – Каталины Писарро. Ничуть не считая этот союз мезальянсом, Кортес добился от Веласкеса обещания стать крестным отцом маленькой метиски, которое было исполнено.[71] Позже губернатор находил удовольствие называть Кортеса *compadre*.

Этот эпизод весьма показателен, поскольку Кортес впервые покидает испанский лагерь, чтобы обратиться к миру коренного населения. Решение основать семью с индейской женщиной уже говорит о многом, но, дав ребенку имя своей матери, Эрнан недвусмысленно заявил о желании включить девочку в генеалогическое древо своего рода. Его отношение к связи с Леонорой (которую он также наделит фамилией Писарро) как к настоящему брачному союзу подтверждается и тем, что в 1529[72] году он исхлопотал у папы римского признание маленькой Каталины законнорожденной; всегда проявлял к ней большую нежность и включил ее в завещание наравне с другими своими детьми. После завоевания Мексики он вызовет Леонору и Каталину к себе в Теночтитлан. Он сделает так, что мать его

старшей дочери выйдет замуж за идальго Хуана де Сальседо, его неотлучного спутника с самой Кубы, который в 1526 году станет эшевеном (*regidor*) Мехико.

Рассмотрев внимательно этот аспект, мы, возможно, найдем в нем указание на истинную причину конфликта Кортеса с губернатором Диего Веласкесом. 1514 год ознаменовался резким изменением общественного мнения и распространением нового взгляда на конкисту. У истоков нарождающегося движения стоял доминиканец Антонио де Монтесинос, который учинил настоящий скандал в воскресенье 1511 года, подвергнув «резкой критике» Диего Колумба и *encomenderos* в своей ставшей знаменитой проповеди. Он обрушился на жестокость конкистадоров и прямо обвинил тех в истреблении индейцев ради одной лишь наживы и совершении тем смертного греха. Изгнанный адмиралом из Санто-Доминго и вернувшийся в Кастилию, он тем не менее был принят королем, и из его жалобы появились на свет «Бургосские законы» от 27 декабря 1512 года, которые стали первым юридически оформленным требованием хорошего обращения с индейцами. Дело сдвинулось с мертвой точки.

Другим катализатором стало завоевание Кубы. В 1514 году завершилось ее «умиротворение». Испанцы основали семь городов[73] и полностью овладели всем островом Фернандина. Но истребление туземцев не давало покоя наиболее порядочным людям. Операция, осуществленная Веласкесом и Нарваесом, была чудовищным преступлением против человечества. На земле, усеянной трупами, не осталось ничего, что составляло ее душу, разум и память; испанцы не оставили камня на камне от двухтысячелетней истории. Примечательно, что Лас Касас стал решительным защитником индейцев именно в 1514 году. Брат Бартоломе в свои двадцать восемь находился при Овандо в Санто-Доминго. Обладая характерной для того времени способностью сочетать несочетаемое, Лас Касас был одновременно и пастырем, и рабовладельцем-энкомендеро. В течение двенадцати лет он безжалостно эксплуатировал индейцев в своих владениях. Вместе с Кортесом он принял участие в кубинской экспедиции 1511 года и завоевании центральной части острова, получил за заслуги землю и *repartiemento* индейцев на Рио Аримао возле Ксагуа (в настоящее время Сиенхуегос). Он пользовался этими благами вплоть до достопамятного воскресенья на Пасху 1514 года, когда торжественно порвал со своим прошлым, вернул энкомьенду и решил посвятить свою жизнь делу защиты индейцев.

Кортес, который в течение стольких лет получал тот же опыт, что и Лас Касас, мог также прийти к подобному решению. Не

исключено, что он примкнул к новому ультракритическому фронту, олицетворением которого стал будущий епископ Чиапаса. Можно задаться вопросом, не была ли супружеская жизнь с индианкой проявлением проиндейской позиции конкистадора? Легко представить себе ярость Веласкеса, если Кортес решил таким образом открыто выражать свое несогласие с его действиями и методами. В этом плане, обязав Кортеса обвенчаться с испанкой, Веласкес рассчитывал заставить его одуматься и вернуться в свой лагерь.

И именно тогда проявился неординарный характер Кортеса. Да, он кастилец. Да, он христианин. Но почему при этом он не может также уважать культуру индейцев? Ни на йоту не отступив от своих убеждений и проявив в какой-то степени чувство дипломатического компромисса, он дал согласие на брак с Каталиной Хуарес в обмен на признание Веласкесом его дочери-метиски. Губернатор, попавший в ловушку, стал одновременно свидетелем на свадьбе и крестным отцом маленькой Каталины Кортес Писарро, дочери кубинской индианки.

Конец мира

В 1514 году, когда испанцы смогли вновь обратиться к вопросам организации кубинских владений, было принято решение перенести столицу на новое место. Веласкес обратил взор на южное побережье, менее подверженное циклонам и обладающее более мягким климатом. Там, в глубине бухты с глубоководным рейдом, в хорошо укрепленном природой месте находилось поселение тайнос, которое отвечало всем требованиям. Городок располагался на высоком холме в центре долины. На его месте возникла новая столица – Сантьяго.[74] Когда-то Колумб искал для своих Ла-Изабеллы и Санто-Доминго пустынные места, где никто никогда не жил. Теперь же спустя двадцать лет испанцы на Кубе селились на местах с доиспанским прошлым. Они приходили, конечно, бесцеремонными захватчиками, но все же в их действиях проявилась новая тенденция к преемственности. Все семь городов, «основанные» в 1514 году, выросли на месте прежних селений тайнос, в которых пришельцы довольствовались обустройством центральной площади с церковью и муниципалитетом – *cabildo*.

На учебном плацу в Сантьяго для Веласкеса построили дом. Каменный. Почти копию дома Кортеса в Санто-Доминго: угловой, в один этаж, с голыми, чрезмерно толстыми стенами и бойницами вместо окон. Это сооружение отличалось двумя

особенностями, ставшими символическими. Внутри размещалась печь, но не для изготовления хлеба, а для переплавки золота в слитки. Богатство и власть шли рука об руку. И потом, это было, наверное, последнее средневековое здание христианского Запада. Повсюду в Европе уже господствовал новый стиль. Суровый практицизм уступил место элегантности и открытости. Новые веяния ощущались даже в Санто-Доминго: Диего Колумб выстроил себе в этом стиле дворец, который называли *alcazar*. Фасад выходил в город гармоничной галереей в пять сводов, которая повторялась на втором этаже в удачно выдержанных пропорциях; стойки балконных перил и украшения крыши оживляли комплекс, вызывая игру света на камне дворца. В сравнении с ним особняк губернатора Кубы выглядел символом давно минувшей старины.

Кортес, являвшийся алькальдом Сантьяго, не мог не видеть, как одновременно уходят в прошлое два противостоящих друг другу мира: исчезала цивилизация тайнос и агонизировала удушившая ее средневековая Испания. Но именно жертва Кубы вызвала эту смену эпох и последовавший за ней прорыв.

В 1515 году был отозван корыстолюбивый Диего Колумб. А 23 января следующего года, когда на престол Франции вступал Франциск I, в Мадригалехо скончался испанский король Фердинанд. Его кончина вызвала тяжелейший кризис престолонаследования, к которому мы еще вернемся. Регентом Кастилии стал кардинал Сиснерос. Зная об антильской драме, он попытался восстановить духовный порядок в Санто-Доминго, передав коллегиальное управление трем монахам-иеронимитам.[75] Стремясь привнести гуманность в управление Индиями, восьмидесятилетний регент хотел избежать борьбы за влияние между францисканцами и доминиканцами, уже утвердившимися на новых землях. Триумвират приступил к исполнению своих обязанностей в декабре 1516 года. Скоро его усилил четвертый брат. Почти в то же время, в апреле 1517 года, на Эспаньолу прибыл постоянный судья Алонсо де Зуазо, которому поручалось расследовать все спорные дела.

Как же тут не увидеть связи между этой озабоченностью проблемой индейского населения, которую первым проявил Лас Касас в 1514 году, и появлением духа Возрождения? Хотя до этого времени никто не интересовался судьбой Нового Света, который еще не скоро получит собственное имя,[76] нельзя упускать из виду поворот в общественном мнении, происшедший в 1515 году. Молниеносный захват Кубы, быстрое и безжалостное истребление тайнос заставили задуматься о законности действий испанцев, аморальности геноцида и в то же время о слабой

жизнеспособности подобной колонизации.

Кортес был среди тех, кто задавался этим вопросом и разрабатывал собственную контрмодель, которая строилась на скрещении рас. Политика, проводимая Кортесом в Мексике, была продумана им уже в 1515 году и основывалась на опыте, накопленном за двенадцать лет жизни на Гаити и Кубе. Циники тут же напомнят о рабстве, эксплуатации рабочей силы и будут видеть в главнокомандующем Мексики всего лишь конкистадора, более хитрого и ловкого, чем другие, но преследовавшего те же цели личного обогащения и закабаления местного населения. Принять такую позицию значило бы пройти мимо глубокого понимания важного этапа колонизации Америки, а также не заметить одной человеческой истины: Кортес любил индейцев.

Трудно сказать, какие чувства испытывал девятнадцатилетний Эрнан, ступив на пристань Санто-Доминго, равно как невозможно установить, когда и при каких обстоятельствах Кортесом овладел интерес к культуре аборигенов, но, видимо, это было мгновенное озарение, быстро переросшее в твердую убежденность. Так же, как и многие его товарищи, Кортес получил энкомьенду за заслуги в карательных экспедициях против туземцев. Поразительно, но много времени спустя, уже когда он стал влиятельным человеком в Мексике и завистники начали его судебную травлю, открывая процесс за процессом, никто не смог раскопать ничего, абсолютно ничего о его прошлом в Санто-Доминго и на Кубе, что могло бы бросить тень на Кортеса. Если бы он организовал бессмысленную резню тайнос или плохо обращался с работавшими на него индейцами, это лыко обязательно попало бы в строку сфабрикованного дела. Учитывая, что в микросообществе островных колонистов все знали все обо всех, отсутствие компромата говорит о многом. Не мешало бы также найти объяснение и тому факту, что мексиканские индейцы любили Кортеса и защищали его; вероятно, потому, что и он любил их. Несомненно, что Кортес очень скоро проникся симпатией к индейцам, и это чувство не покидало его в течение всей оставшейся жизни.

Кортес был практиком, а не философом. Он старался действовать не словом, как Лас Касас, а делом. Кортес отлично понимал положение вещей. Кубе уже ничто не могло помочь. Поэтому с 1515 года он ищет место, где бы он мог воплотить в жизнь свое видение мира. Только придя к власти, он сумел бы доказать, что общество можно устроить иначе. Его взгляд обратился к материку. Какие же были альтернативы? «Золотая Кастилия»? Эти панамские земли оспаривались несколькими конкистадорами. Бальбоа, один из уцелевших участников

экспедиции Охеды, пересек перешеек и 29 сентября 1513 года, войдя в воду по колено, принял во владение Тихий океан, который он назвал Южным морем. Почти в то же время, но в Кастилии, Педро Ариас де Авила, известный также как Педрариас Давила, устроил свое назначение губернатором Дарьена. (Показательный конфликт между колониальными конкистадорами и дворцовыми интриганами, изобретателями и прихлебателями, воинами и щелкоперами.) Флорида? Хуан Понс де Леон высадился там со своей армадой в Пасхальное воскресенье 1513 года и окрестил новую землю по имени этого христианского праздника (Pascua Florida). Понс де Леон был ветераном колонизации, сопровождавшим еще Христофора Колумба во втором его плавании. В бытность свою энкомендеро в Юме, восточнее Эспаньолы, он попытался завоевать Пуэрто-Рико, но был изгнан оттуда восставшими индейцами. Он принадлежал к типичным представителям Средневековья и долгие месяцы тщетно искал источник молодости на земле Флориды, потеряв почти всю команду в этих бесплодных поисках ушедших времен. Бразилия? С момента подписания Тордесильясского договора эта территория принадлежала Португалии; официально она была занята с провозглашением ее собственностью Кабраля в 1500 году, и Испания не имела намерения оспаривать свершившийся факт. Рио-де-ла-Плата, открытая Хуаном Диасом де Солисом в 1515 году? Слишком далеко и непохоже на ставший привычным Карибский мир.

Остается только Мексика. Все говорит о том, что в 1514–1515 годах Кортес думал именно о Мексике, которая вовсе не была *terra incognita*.[77] Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять, что эта территория, расположенная всего в двухстах километрах от западной оконечности Кубы, просто не могла остаться не замеченной испанцами, чьи корабли бороздили Карибское море в течение двадцати лет. Христофор Колумб во время четвертого плавания в 1502 году повстречал лодки мексиканцев возле Гуанакских островов близ Гондураса, но те направлялись на запад, а Колумб решил взять противоположный курс на восток. И он повернулся спиной к Юкатану, до которого оставалась всего неделя плавания под парусом. В период с 1500 по 1510 год на этот полуостров должно было наткнуться немало исследователей, но в то время умами еще владела концепция Колумба, и все искали… Индию, то есть обходной путь в Китай. Все мореплаватели, среди которых были Виченте Янес Пинсон и Хуан Диас де Солис, возвращались разочарованными тем, что не смогли реализовать заветную мечту.

В 1511 году испанское судно, возвращавшееся с Дарьена в

Санто-Доминго, потерпело крушение у Ямайки. Человек двадцать команды спаслись в шлюпке, которую ветром и течениями вынесло к побережью Юкатана. В руки майя попало с десяток испанцев. Уцелели только двое, всех остальных принесли в жертву. Двух счастливчиков звали Гонсало Герреро и Джеронимо де Агилар. Последний сыграл не последнюю роль в завоевании Мексики Кортесом. В 1513 году, возвращаясь из Флориды, Понс де Леон достиг северной оконечности Юкатана. Не исключено, что были и другие случайные контакты, но только первооткрыватели не могли воспользоваться успехом, поскольку открытие без мандата было нарушением субординации! Открытие можно было совершить только на основании соответствующего контракта – капитуляций. Этим объясняется запоздалое обнаружение Мексики: административный процесс был забюрократизирован, и Веласкесу как губернатору Кубы запрещалось проводить «заселение» вне острова.

Дорога на Юкатан

Впрочем, с 1517 года история ускорила свой бег. Воспользовавшись неопытностью только что прибывших в Санто-Доминго иеронимитов, Веласкес получил от них право снарядить суда для ведения *rescate*, то есть торговли с соседними островами. Под этим невинным словом скрывались изъятие золота у туземцев и обращение их в рабство. Под прикрытием такой довольно ненадежной лицензии Веласкес намеревался захватить лакомый кусок, на который давно положил глаз, – завоевать Мексику. Но действовать надо было осторожно. В качестве разведчика он послал несколько простоватого богатого идальго Франсиско Эрнандеса де Кордову. Веласкес передал ему три корабля с тремя сотнями солдат, почти все из которых откололись от экспедиционного корпуса Педрариаса Давиды в Панаме. Среди них находился и Берналь Диас дель Кастильо, который впоследствии будет вести хронику приключений Кортеса.

8 февраля 1517 года маленькая флотилия вышла из порта Аксаруко (сегодня Харуко), который служил базой снабжения при подготовке экспедиции.[78] Первая загадка. Зачем назначать пунктом сбора крошечный индейский городок с узкой бухточкой, когда рядом к востоку расположен огромный залив Матансас, а к западу лежит великолепный рейд Пуэрто-Карденас с удобными якорными стоянками? Только желание скрыть приготовления могло определить такой выбор. Есть и вторая загадка. По словам

Диаса дель Кастильо, они достигли земли только на двадцать первый день плавания, когда им открылась северная оконечность Юкатана с деревушкой майя Экаб. До того каравеллам достаточно было трех дней, чтобы обогнуть полуостров. Где пропадали суда Кордовы все эти двадцать один день? Где они побывали? Последняя загадка. Учитывая, что официально целью экспедиции были Гуанакские острова возле Гондураса прямо к югу от Кубы, почему шкипер взял курс на запад?

Диас дель Кастильо о многом умалчивает, сообщая, что «мы плыли наудачу».[79] Лас Касас, признавая, что плавание к Юкатану заняло не более четырех дней, объясняет потраченное время задержкой в порту Сантьяго, из которого экспедиция вышла только в конце февраля, и остановкой в Пуэрто-дель-Принсипе![80] Сервантес де Салазар выдвигает иную версию: он открыто обвиняет Кордову в организации экспедиции, которая под предлогом захвата рабов преследовала цель завоевания Мексики в его личных интересах.[81] Сорок дней, прошедшие с выхода из Сантьяго и до попытки высадки на материке, по мнению хрониста, указывают на то, что Кордова взял курс прямо на залив Кампече. Другими словами, официальная версия была лживой, но причины вполне объяснимы. Шкипером флотилии был не кто иной, как Антон де Аламинос. Это был старый моряк, соратник Христофора Колумба, который знал Карибское море вдоль и поперек. Он был шкипером у Понса де Леона при открытии Флориды и видел Юкатан на обратном пути: он знал, где находится Мексика, и именно поэтому на него пал выбор Веласкеса. Де Аламиносу были даны четкие указания твердить всю дорогу, что Юкатан – остров: он знал, что это не так, зато политически и юридически все выглядело корректно, так как Веласкес имел разрешение только на исследование соседних с Кубой островов. Никакого материка. Значит, Юкатан станет островом.

Путешествие Эрнандеса де Кордова, стоившее жизни очень многим его участникам, оказалось крайне полезным для Веласкеса. Испанские команды отмечали, что майя носят одежду из хлопка, живут в настоящих городах с каменными домами, возводят высокие пирамиды для чествования своих богов и в их святилищах много идолов. Также они открыли, что майя умеют сражаться, располагают доспехами из плотной хлопковой ткани и не испытывают недостатка отваги в столкновениях с захватчиками. Каждый раз, когда мореплаватели пытались ступить на берег, чтобы запастись водой, их осыпали градом стрел и прогоняли прочь. Тем не менее испанцам все же удалось прихватить несколько военных трофеев в городе Экабе, который

они окрестили *Gran Cairo* (Великий Каир): керамические фигурки, несколько предметов из меди, принятой конкистадорами за золото, и двух пленных индейцев, ставших впоследствии переводчиками. Кордова вышел к острову Лас-Мухерес, достиг мыса Каточе, крайней точки Юкатана, затем проник в Мексиканский залив и в конце марта спустился к Кампече, а затем Чампотону (Потончану). Майя дали отпор пришельцам, и потери в людях вынудили Кордову повернуть назад. Запасы пресной воды подходили к концу, и шкипер Аламинос предложил завернуть во Флориду, чтобы восполнить их там. Это говорит о сильном страхе, который майя сумели внушить испанцам. Ценой больших страданий и всего на двух судах остатки экспедиции достигли Пуэрто-Карденас на побережье Кубы. Те, кому посчастливилось остаться в живых, получили ранения, пали духом и были сильно истощены. Капитан Франсиско Эрнандес де Кордова отправился домой в Санкти-Спиритус, чтобы залечить там свои раны. Кое-кто, правда, поспешил в Сантьяго с отчетом губернатору.

Веласкеса результаты экспедиции ничуть не охладили. Он долго пытался допрашивать молодых пленных майя, окрещенных Мельхиором (Мелхорехо) и Юлианом (Хулианильо), которые так и не проронили ни слова. Он с восхищением рассматривал идолов, захваченных капелланом экспедиции, посчитал добытое золото многообещающей приметой и тут же решился подготовить новый поход.

Неделю спустя перед губернатором предстал умирающий Эрнандес де Кордова, который добрался с Тринидада до Сантьяго на индейской пироге. Веласкес не постеснялся объявить, что Кордова не будет участвовать в следующей экспедиции, а руководить ею будет выбранный им новый командующий Хуан де Грихальва. Того, кто открыл дорогу в Мексику и снарядил экспедицию на собственные средства, цинично использовали и выбросили на задворки истории. Кордова скончался через несколько дней, успев отправить в Кастилию высокопоставленным друзьям и родственникам[82] несколько писем, в которых описал «свое» открытие Мексики и подлость Веласкеса, решившего ее заполучить. Разоблаченный губернатор больше не мог держать все в секрете и поэтому сам перешел в наступление: готовясь выйти в море, он сообщил в Испанию, что им открыта новая неизведанная земля по названию Юкатан, и требовал назначить себя *adelantado*.[83] При помощи этого титула, который сам по себе ничего не давал, Веласкес хотел уйти из-под опеки Диего Колумба, вице-короля Индий, чья власть опиралась на хунту монахов иеронимитов Санто-Доминго. Кстати, именно

они, одураченные в очередной раз, дали добро на организацию новой экспедиции. Не дожидаясь ответа из Кастилии, губернатор начал подготовку к походу.

Начальником экспедиции был избран молодой Хуан де Грихальва, двадцативосьмилетний племянник Веласкеса. Что мог подумать Кортес о таком назначении? Он с трудом сдерживал себя. Мексика открывала последнюю возможность реализовать свои планы, пока Новый Свет не будет аккуратно разбит на участки и поглощен начавшейся колонизацией.

В 1517 году Кортес был влиятельным человеком на Кубе. Мэр столицы, «на короткой ноге» с домом губернатора, любимый колонистами за ставшее легендарным дружелюбие, Кортес должен был быть не хуже Веласкеса осведомлен о результатах «тайной экспедиции» Кордовы. Если он хотел реализовать свои мексиканские проекты, час пробил: было бы логично поговорить с губернатором. Достаточно было махнуть рукой, и весь остров бросился бы к кораблям! Только тут фокусник Веласкес вынул из цилиндра хрупкого и занудливого Грихальву. Если это имя ему шепнул сам Кортес, то ход весьма ловкий с его стороны: Грихальва не обладал нужным характером, и Кортес мог в удобный момент выступить в роли спасителя. Если же Кортес не участвовал в экспедиции не по своей воле, то тоже не беда: он выступит третейским судьей. На этот раз Веласкес снарядил корабли за свой счет и сильно потратился, а Кортес, напротив, богател. К тому же у губернатора по-прежнему не было полномочий на «заселение» Мексики, разрешение имелось только на ведение торговли. Кортес мог спать спокойно: не Грихальва перейдет Рубикон. А вот от его помощников можно было ждать всего. Тремя кораблями командовали яркие, сильные личности и авантюристы большого масштаба: Педро де Альварадо, будущий губернатор Гватемалы, Франсиско де Монтехо, будущий *adelantado* Юкатана и губернатор Гондураса, Алонсо де Авила, один из главных действующих лиц завоевания Мексики, который впоследствии попадет в руки французских корсаров.

Экспедиция Грихальвы

Экспедиция вышла из Сантьяго в конце января 1518 года. Четыре корабля собрались сначала в заливе Матансас на севере острова, где были приготовлены припасы для двухсот человек экспедиционного корпуса, солдат, матросов и вспомогательных тайнос (*naborias*). Выйдя в море в конце апреля, флотилия обогнула мыс Святого Антония (*cabo Guaniguanico*) первого мая.

[84] Шли знакомым маршрутом, так как Грихальва нанял трех шкиперов из экспедиции Кордовы. Третьего мая достигли острова Косумеля, который немедленно окрестили Санта-Крус в честь праздника обретения честного креста, отмечавшегося в тот день по христианскому календарю. Высадка на Косумель была предпринята со всей осторожностью, но испанцы нашли только брошенный город, оставленный всеми жителями за исключением юной и очаровательной индианки-тайнос родом с Ямайки, которую захватили в плен майя.[85] Последние бежали в глубь города, выслав ее в качестве вестника. Майя сообщили через нее, что не желают устанавливать контакты с испанцами. Тогда Грихальва совершил сюрреалистический акт, торжественно зачитав в пустом городе *requerimiento*. Это был текст, который в нескольких сжатых положениях провозглашал индейцам, что их земли были дарованы папой кастильским королям и поэтому они являются их вассалами и должны повиноваться. Документ этот читался в первый раз Педрариасом Давилой в 1514 году при высадке в Дарьене. Оглашать его являлось одной из обязанностей конкистадоров; в действительности этот документ узаконивал применение силы в случае неподчинения. Этакий псевдоюридический фиговый листок экспроприации.

И вот Грихальва, стоя у подножия оставленных пирамид в окружении своей испанской охраны на огромной центральной площади под палящим солнцем, передает слово своему нотариусу.[86] Шум прибоя перекрывал звуки бессмысленного воззвания на непонятном для аборигенов языке. Сознавая нелепость обращения к ветру, Грихальва распорядился прикрепить текст рекверимиенто к стене главного храма, доведя дело до полного абсурда! Как будто майя умели читать по-испански! В этом выразилась вся зашоренность испанских властей, убежденных в собственном превосходстве и безразличных к людям, населявших американские земли. Новый Свет для веласкесов и грихальв был абстрактным понятием, мечтой о богатстве, райским миражом, не имеющим ничего общего с реальностью. Новая волна, которую породил Кортес, напротив, отличалась стремлением в полной мере использовать коренное население в политической игре конкисты, учитывая реальное положение вещей.

Экспедиция продолжалась. Грихальва проявлял большую нерешительность. Сначала он направился к югу, к Тулуму, затем прошел вдоль побережья Юкатана вплоть до залива Асунсьон, который исследовал 13 мая. Далее последовал мятеж его капитанов, не желавших идти завоевывать страну майя: они знали, что один из них, потерпевший крушение, Гонсало Герреро,

женился на дочери касика майя из Четумала и повел индейцев на вооруженную борьбу со своими кастильскими соплеменниками. Грихальва уступил. Последовало возвращение на Косумель. Курс на мыс Каточе, затем вниз к заливу Кампече. Полностью повторился сценарий предыдущей экспедиции. Высадка в Чампотоне. Град стрел, рукопашная. Огнестрельное оружие, – несмотря на свою смертоносность, – не произвело впечатления на майя, которым всегда удавалось нанести испанцам урон, прежде чем отступить. Семь убитых, шестьдесят раненых, среди которых и сам Грихальва: он получил три стрелы и потерял два зуба. Корабли плыли дальше, более не предпринимая попыток высадки. Запасы воды были на исходе. Майя не желали вести торговлю и отказывались от любых контактов.

Продолжая спускаться на юго-восток, флотилия достигла острова, покрытого мангровыми зарослями (сегодня он называется Кармен). Испанцы открыли, что за этой узкой полосой земли лежит большое внутреннее море. Шкипер Аломинос заключил из этого, что Юкатан – остров. Он назвал место Бока-де-Терминос[87] и решил, что его воды сообщаются с заливом Асунсьон.

Пребывая в заблуждении с географической точки зрения, испанцы тем не менее интуитивно нащупали истину: эта «горловина с четкими границами» действительно являлась межевой линией, отделявшей владения майя от земель науа. Они уже обратили внимание, что переводчик Хулианильо, захваченный Кордовой, перестал понимать местных жителей. Испанцы увидели города и десятки тысяч индейцев, собравшихся на берегу, чтобы получше разглядеть пришельцев. Окрестный пейзаж также изменился: почувствовалась рука человека. Но главное, пожалуй – это перемена в отношении к ним людей: в устье реки Табаско, которую начальник экспедиции назовет своим именем и за которой останется название Грихальва, испанцев встретило посольство императора Монтесумы. Они получили подарки в знак мира и были приглашены местными касиками на пир.

Роскошные украшения из дорогих перьев и богатые одежды из вышитого хлопка не привлекли к себе такого внимания гостей, как несколько безделушек из золота, показанных чужеземцам. Единство команды распалось. Утративший покой при виде богатства и уровня развития страны науа Альварадо и подложил свинью Грихальве, уйдя со своим кораблем самостоятельно исследовать рио Папалоапан, которую он назвал своим именем по примеру начальника, чей авторитет он сильно подорвал. Однако Альварадо был настигнут и призван к порядку. Мятежный

капитан вернулся в строй, правда, не надолго. В конце июня испанцы стали на якорь возле местечка, которое станет впоследствии городом Веракрус. Грихальва назвал этот рейд именем Святого Хуана из Улуа, поскольку в тарабарских разговорах с туземцами два слова повторялись беспрестанно – Мехико и Кулуа. Последнее слово испанцы подхватили и называли так хозяев Мексики ацтеков, живших в столице Теночтитлане. Кулуа, или кулуаки, на самом деле были жителями Колуакана – города-спутника Мехико, который находился в зените славы до прихода ацтеков к власти в XIV веке нашей эры.

Отношения с тотонаками, населявшими побережье, установились просто великолепные: в обмен на иголки, стекляшки и гребешки они дали испанцам большое количество золота и медных топориков, которые Грихальва принял за золотые. Очевидно, изобиловала богатствами мексиканская земля. Встал естественный вопрос: продолжать торговать или заселять?

«Заселить» означало официально захватить землю, провозгласить рекверимиенто, основать город и удерживать его силами горстки испанцев против множества врагов. Грихальва не чувствовал в себе необходимых сил, поэтому аргументировал свой отрицательный ответ капитанам тем, что Веласкес дал ему право только на торговлю (так оно на самом деле и было). Наиболее воинственные Альварадо и Авила подталкивали его к самочинному захвату.[88] Разочарованный Альварадо заявил, что возвращается назад, и ушел, хлопнув дверью. Между двумя конкистадорами все же была достигнута дипломатическая договоренность: Альварадо официально возвращался на Кубу, чтобы доставить раненых и собранное золото, а также передать Веласкесу донесение Грихальвы. Внешние приличия были соблюдены.

Пока Альварадо добирался до Кубы против ветров и под проливными летними дождями, Грихальва решил продолжить исследование в северо-западном направлении. До Туспана, пока берега населяли тотонаки, все шло превосходно, но затем в районе Пануко начались земли гуацтеков, и испанцы вновь столкнулись с враждебностью местного населения. Сочтя, что он уже достаточно повидал, и наворовал, и таким образом обеспечил себя до конца своих дней, Грихальва приказал взять курс на Кубу. Это возвращение, отягощенное междоусобицами, техническими проблемами и неблагоприятными погодными условиями, длилось целую вечность.

На Кубе уже начали беспокоиться. Наступил сентябрь, а об экспедиции еще не было никаких вестей. Прошло уже четыре

месяца. Губернатор решил снарядить каравеллу, чтобы отправить ее на поиски Грихальвы. Эту задачу он возложил на Кристобаля де Олида. Где-то в конце сентября, после отъезда Олида, до Кубы каким-то чудом добрался Альварадо. Можно представить себе сцену встречи с Веласкесом: губернатор не может отвести горящих глаз от добычи и слушает, как Альварадо честит своего начальника, не допустившего «заселения». Бессовестный Веласкес, запретивший племяннику заселение, так как сам не имел на то разрешения, публично обрушился на своего протеже. Тот был теперь виноват в послушании. Об этом не замедлили сообщить Кортесу: Эрнан понял, что пришел его час, но надо еще суметь выиграть партию.

Третья экспедиция: час Кортеса

Естественно, теперь уже просто не могло не быть следующей экспедиции… для заселения. Оставалось только выбрать начальника и подыскать приемлемое юридическое обоснование. С последним затруднений не возникло: новая экспедиция отправлялась на поиски трех пропавших испанских кораблей. Кто посмел бы не дать разрешения на столь гуманную и бескорыстную операцию? Само собой, о богатствах Мексики никто не обмолвился и словом. Однако Веласкес никак не мог определиться с руководством экспедицией. Кандидатов было множество. Эрнан действовал осторожно, не открывая своей заинтересованности: его верные люди стали трубить повсюду, что лучше Кортеса никого не найти. Не исключено, что Веласкес внял аргументу в виде весомого кошелька, но так или иначе назначение состоялось. С одной стороны, надо было торопиться выйти в море до того, как объявится Грихальва и разрушит алиби. С другой стороны, Кортесу не хотелось лишаться опыта, полученного предшественником, да и кораблей на Кубе не хватало, и стоили они весьма недешево. Но Кортес сумел найти выход из этой ситуации.

Он начал с двух столпов любого предприятия – финансового обеспечения и юридических контрактов. В последнем он проявил большое знание дела. Он послал своего приятеля Хуана де Сальседо, будущего мужа своей кубинской подруги, к иеронимитам в Санто-Доминго за разрешением Веласкесу организовать экспедицию. Сальседо добыл у монахов подписанную бумагу. Затем Кортес на месте составил контракт, который заставил подписать Веласкеса. «Написанный лучшими чернилами», – вспоминал Диас дель Кастильо.[89] Кортес нашел

общий язык с секретарем губернатора Андресом де Дуэро, и «инструкции», подписанные Веласкесом в пользу Кортеса в субботу 23 октября 1518 года, явно делались на заказ. Все было политически выдержано: и забота о ближнем, и христианское рвение, и научный интерес, и выгоды для короны, и антирабовладельческая направленность, и пр. Поскольку юридические рамки, ограничивавшие губернатора Кубой и близлежащими островами, остались прежними, Юкатан именовался островом Санта-Мария-де-лос-Ремедиос, а Центральная Мексика к западу от перешейка Тегуантепек – островом Улуа на местном наречии или Санта-Мария-де-лас-Ниевес на испанском. Дабы не привлекать внимания, ни о каком заселении даже не упоминалось, и проект был преподнесен как незначительная операция. Но не исключено, что у Кортеса уже имелись далекоидущие планы в этом вопросе.

Финансовое обеспечение экспедиции скоро устроилось с помощью казначея Амадора де Лареса, занявшего этот пост благодаря Кортесу. Эти тайные сообщники образовывали самую мощную финансовую группировку на Кубе. Они обязались снарядить за свой счет семь кораблей, тогда как Веласкес должен был подготовить остальные три. Все расходы по содержанию личного состава и обеспечению продовольствием нес только Кортес. Следует обратить внимание на величину капиталовложений, которые были не по силам одному Веласкесу. То приятное впечатление, которое Кортес произвел на Карла V, основывалось именно на этом выгодном для конкистадора соотношении сил: он поднес Мексику короне «на тарелочке», не попросив из казны ни гроша.

Но, спрашивается, откуда у Кортеса такие средства? Из накопленного за пятнадцать лет махинаций – деловых, политических и финансовых. Но деньги не имели власти над Кортесом. Он был чужд роскоши, накопительства и бережливости. Он видел в золоте лишь средство управления людьми и умами, средство воплощения давно вынашиваемой мечты – построения другого мира.

В мексиканскую экспедицию, в которую отправился в октябре 1518 года, он вложил все, что имел… и даже сверх того. Он потратил всю свою наличность, заложил имения, продал рабов и влез в громадные долги, свято веря в свою звезду. Кортес пустился в авантюру. Но никто ни минуты не сомневался в его успехе, да и как человек, которому всегда везло, мог потерпеть неудачу? Очевидно, что, несмотря на многие отличные качества Кортеса, доверием команды он был обязан главным образом своему благополучию.

Но в тот момент успех Кортеса зависел от хронологии событий. 7 ноября на Кубу вернулся Кристобаль де Олид, посланный на поиски Грихальвы. Официально сообщалось, что он не нашел никаких следов экспедиции; попав в шторм и потеряв все якоря, он решил повернуть назад. Рассказ Олида непоследователен, но тому имеется объяснение. Прежде других тайно оповещенный о его возвращении, Кортес купил молчание Олида в обмен на участие в экспедиции. Олид сообщил Кортесу ценные сведения: на самом деле он видел флот Грихальвы, экспедиция направляется на Кубу и будет здесь через несколько дней. Кортес больше не мог медлить. Пошел обратный отсчет времени.

Кортес, тайно готовившийся к отъезду, постоянно показывался на людях подле Веласкеса. В воскресенье 14 ноября он присутствовал на мессе в Сантьяго вместе с губернатором и тремя сотнями человек команды, уже отобранных для экспедиции. Он старался успокоить и удержать под своим контролем губернатора, которого осаждали толпы претендентов, жаждущих возглавить поход. Грихальва достиг берегов Кубы, но не у Сантьяго, как на этот раз ошибся в своих воспоминаниях Диас дель Кастильо, а в Сан-Кристобаль-де-ла-Гавана на юго-западном побережье острова.[90] Это было всего в трех-четырех днях плавания от Сантьяго! Для Кортеса отсчет велся уже по минутам. Хотя о возвращении Грихальвы знали пока еще немногие, эта весть быстро облетела бы весь остров. Альварадо немедленно отправился в Гавану, чтобы убедить Грихальву отправиться со своими судами к Тринидаду, который Кортес выбрал базой для завершения подготовки экспедиции.

Эрнан оказался в тяжелом положении: с прибытием Грихальвы изменился расклад, Веласкес собрался аннулировать контракт, а противники злорадно потирали руки. Но Кортес выдержал удар: спокойно и решительно он дал отпор одним и подкупил других. Его люди деликатно намекнули, что не оставят от Сантьяго камня на камне, если не отправятся в плавание вместе с Кортесом. Веласкес особо не упорствовал, но его доверенные люди попытались захватить склады продовольствия. Кортес тут же наложил руку на всех животных скотобойни и все находившиеся там запасы солонины, подкупив сторожей.[91] Ночью 17 ноября 1518 года Кортес приказал команде подняться на борт. Жребий был брошен. На рассвете корабли экспедиции подняли паруса. Веласкес, предупрежденный в последний момент, наблюдал с причала за отплытием своего протеже, не зная, что предпринять. Кортес не отказал себе в удовольствии подплыть в шлюпке, чтобы попрощаться с губернатором, который

никак не мог сообразить, как ему следует себя вести в подобной ситуации. Стоял ли перед ним друг, который приумножит его славу и богатство, или мятежник, который его предаст? Спокойствие и непринужденность Кортеса сказались благотворно, и Веласкес не пытался мешать. Он не желал рисковать будущим. За Кортеса стоял весь остров. Губернатор вдруг почувствовал себя старым и уставшим: Кортесу тридцать три, у него талант и власть.

Тишину нарушил отдаленный звон колокола. В вышине прокричал орел. Паруса каравелл скрылись за горизонтом.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ЗАВОЕВАНИЕ МЕКСИКИ (1518–1522)

Выход в море

Тринидад, январь 1519 года

С декабря новой кубинской столицей становится Вилья-де-ла-Сантисима-Тринидад. Никогда еще живописный маленький городок, приютившийся у подножия сьерры, не знал такого лихорадочного роста. Хотя и на порядочном расстоянии, Тринидад расположился у великолепного рейда, защищенного косой. Из гущи индейских *богиос* едва выступали десятка два испанских домов, да еще на холме, отражаясь в лазурном море, возвышалась глинобитная часовня. У причала стояло на якоре около десяти судов: почти все корабли, имевшиеся на Кубе. Они собрались здесь для великого броска на запад. Поспешный выход из порта Сантьяго был со стороны Кортеса ложным маневром, призванным продемонстрировать свою непреклонную волю и… обезопасить себя от частой смены настроений губернатора. Но подготовка экспедиции была еще очень далека от завершения. Тринидад стал новым портом приписки флотилии Эрнана.

Над центральной площадью на флагштоке перед домом, любезно предоставленным Грихальвой, реял личный штандарт будущего завоевателя: на прямоугольнике черной тафты, шитой золотом, красовался красный крест на фоне голубых и белых языков пламени в ореоле девиза на латыни «*in hoc signo vinces*»,[92] позаимствованного у императора Константина – римлянина, перенесшего столицу империи в Византию, язычника, обратившегося в христианство, правителя, установившего свободу вероисповедания, оставаясь при этом покровителем язычников.[93] Кортес не скрывал своих убеждений.

Выступив в поход с тремя сотнями людей, набранных в Сантьяго, командор увеличил свои силы, сумев убедить присоединиться к нему большинство участников экспедиции Грихальвы. В его команду влились двести человек, чей опыт окажется ему впоследствии весьма полезен. Экспедиция включала в себя также двести индейцев, вывезенных из личных поместий Кортеса, несколько черных рабов, индианок поварих, трех нотариусов и двух священников.[94]

Наиболее щекотливым вопросом было снабжение. Кортес извлек урок из опыта своих предшественников и решил не пользоваться «подножным кормом», отвергнув в принципе

традиционную практику хищнического грабежа в покоренной стране. Он намеревался совершить не банальный набег, но претворить в жизнь колонизаторский проект и по возможности не прибегая к насилию. Конечно, материальная независимость была для Кортеса залогом успеха, и одержимость накоплением колоссальных запасов продовольствия становилась характерной чертой его стиля, но уважение туземцев, бесспорно, также сыграло свою роль. Любые съестные припасы заготавливались в невообразимых количествах. Кортес скупил все, что только можно было собрать на Кубе, в Макаке, Гаване, Тринидаде, Санкти-Спиритус и по индейским деревням: вино, масло, сахар, маис, турецкий горох, кацаби (маниок), стручковый перец, фасоль, шпик, солонину, живую птицу и живой скот… Но ему и этого казалось мало, и он послал за припасами каравеллу на Ямайку. Лопес де Гомара писал даже, что, когда недалеко от мыса Сан-Антонио проходило судно, доверху набитое продовольствием, Кортес поспешил выслать каравеллу наперехват. Он купил и груз, и судно и убедил капитана присоединиться к завоевательному походу в Мексику![95]

Кортес непременно хотел взять с собой лошадей. Это должно было показать всем, что он не ограничится обычной меновой торговлей, двигаясь вдоль побережья. Для похода на Мехико, для долговременной и прочной колонизации этой земли кони пригодились бы. Вот только лошадей на Кубе насчитывалось крайне мало, и стоили они целое состояние, считаясь знаком наивысшего престижа. Затраты на закупку ценных животных с Кортесом разделили его капитаны. В итоге удалось собрать шестнадцать лошадей: одиннадцать жеребцов и пять кобыл, одна из которых была жеребой.[96]

Не меньшую заботу главнокомандующий проявил и в оснащении своей крошечной армии современным вооружением. О превосходстве испанцев над туземцами было сказано немало. Хотя знание пороха, не столь давно завезенного в Европу, и помогло кастильцам, но огнестрельное оружие тем не менее играло все еще символическую роль. Кортесу удалось собрать не бог весть что: десять бронзовых пушек[97] и четыре фальконета, которые представляли собой небольшие артиллерийские орудия на колесах, стрелявшие ядрами весом менее одного килограмма. Прочее огнестрельное оружие заключалось в… тринадцати пищалях.[98] Из других видов усовершенствованного оружия имелись только арбалеты, целых тридцать штук. Можно с уверенностью утверждать, что Мексика была завоевана главным образом шпагой.

Веласкес испугался растущего авторитета Кортеса, который

распоряжался в Тринидаде, как в своей вотчине, и начал принимать меры, чтобы осадить зарвавшегося конкистадора. Но люди губернатора не смогли добраться до Кортеса, команда которого несла службу исправно. Сторонники Веласкеса либо оставляли его лагерь, либо закрывали на все глаза. Соотношение сил явно складывалось в пользу командора экспедиции.

До отъезда Кортес поставил все точки над i. Собрав всех своих соратников, он обратился к ним с речью. Кортес говорил об ожидавшей их славе, чести испанской нации и короля, за которого они шли сражаться, победе христианства по всей земле. Кортес объяснил, что им предстояло освободить индейцев от власти сил Тьмы и рабства Демона. Он так и сказал – «освободить», а не «подчинить себе». Даже выступая перед этим пестрым и социально неоднородным собранием, он подбирал слова: демагогия эрудита, говорящего искателям приключений со шпагами в руках о гуманизме и величии. Он никогда не менял ни своих воззрений, ни способа их изложения и был принят как идальго, так и грубыми солдатами. Никогда он не натравливал одну группировку на другую, напротив, его личность служила примиряющим началом. Все торжественно приносили ему клятву верности.

Момент настал. Из одиннадцати кораблей армады Кортес собрал у Сан-Антонио только десять, оставив одно судно для связи, чтобы иметь возможность получать позже новости с Кубы и Испании. Связным быть вызвался Франсиско де Сальседо: он присоединится к экспедиции позднее. 10 февраля 1519 года корабли подняли паруса. Кортес уверен в успехе.

Карл I

Барселона, 15 февраля 1519 года

В Каталонии шла избирательная кампания. Собрание кортесов открывал король. Слабый и презираемый, но все-таки король. Девятнадцатилетний монарх не знал ни слова ни по-латыни, ни даже по-испански. Он говорил и писал исключительно по-французски, да и то злые языки утверждали, что король изъяснялся на пикардийском диалекте в самом мужицком варианте. Он подписывался Карлом, как и один из его предков – Карл Смелый, герцог Бургундский. Юный король родился в Генте в первый год нового века. Он был вторым ребенком и старшим из двух сыновей Хуаны Безумной и Филиппа Красивого. Его прабабка была сумасшедшей, впавшая в безумие мать содержалась в Тордесильясе вместе с его самой младшей сестрой, которая пребывала в состоянии прострации. Он и сам в конце

концов лишится рассудка в Юсте и будет проводить время, без конца останавливая и заводя стенные часы в попытке разрешить единственный преследовавший его вопрос: который теперь час?

Карл мог и не стать королем. Почивший арагонский король Фердинанд, ставший по смерти жены Изабеллы Католички регентом Кастилии, провозгласил в своем завещании наследником кастильского престола младшего из внуков – Фердинанда, родившегося в 1503 году в Алькала-де-Хенарес. В отличие от своего старшего брата, Фердинанд вырос в Испании, где воспитывался дедом. Чувствуя приближение смерти, арагонский король тайно изменил свое завещание, дабы не нарушать права старшинства. Он назначил преемником Карла и, учитывая юный возраст нового государя, выбрал регентом Сиснероса, восьмидесятилетнего архиепископа Толедо. Полузадушенная инквизицией и переживавшая тяжелый кризис Кастилия взбунтовалась. «Фердинандисты», то есть те, кто не хотел признать кастильским королем чужеземца, каким, в сущности, был Карл, пришли в ярость; кортесы, представлявшие города, неплохо поладили бы с королевой Хуаной, законной наследницей, и считали в духе времени иметь монарха, который восседает на троне, но не правит. Но в Нидерландах, где была резиденция Карла, его советники нанесли неожиданный удар: они договорились с Сиснеросом и провозгласили Карла королем Кастилии и Арагона… в Брюсселе. Коронация состоялась 13 марта 1516 года в соборе Святой Гуцулы.

Престарелый Сиснерос пытался притушить вспышки недовольства, огоньки которого тлели почти повсюду. Наконец, после двадцати месяцев колебаний Карл решился открыть для себя землю, которой правил, но которую ни разу в жизни не видел. Он вышел в море из Флессинга. 17 сентября 1517 года буря загнала его корабль на рейд Вильявисиоса возле Хихона. Карла I никто не ждал. После всевозможных злоключений он добрался со своими советниками до Вальядолида через выказавшую ему полное безразличие Кантабрию. Фламандцы отказывались признавать испанские власти. Когда 8 ноября, так и не дождавшись встречи с новым королем, почил Сиснерос, его владения были немедленно секвестированы, а на освободившуюся должность Карл назначил фламандца, молодого Вильгельма Кройя, который в двадцать лет стал архиепископом Толедо и главой церкви объединенной Испании! Это был вызов. В числе прочих демаршей Карла была и передача только что открытого Эрнандесом де Кордова полуострова Юкатан в дар адмиралу Фландрии, который снарядил в Санлукаре-де-Баррамеда пять кораблей для колонизации своего нового владения.[99] Диего

Колумб вскипел и резко оспорил это решение, которое посчитал нарушением своего права собственности. Король, осыпаемый упреками и нападками со всех сторон, пошел на попятную. В марте заседание кортесов Вальядолида прошло в атмосфере откровенной враждебности. В мае 1518 года Карл отправил в изгнание своего младшего брата, чтобы лишить противников их главного козыря. Ему удалось сделать это, несмотря на саботаж и поджог корабля.

Арагонцы на кортесах Сарагосы оказали королю не менее прохладный прием. В Барселоне также не спешили раскрыть объятия. Но вот 12 января 1519 года этот мир покинул император Максимилиан Австрийский, дед Карла по отцовской линии. Трон Священной Римской империи освободился, и нового владельца короны должны были определить выборы. Карл I, владевший немецким в той же степени, что и кастильским, выставил свою кандидатуру. У него был знаменитый соперник – Франциск I, богатый и могущественный король Франции, который намеревался вернуть наследство Карла Великого. В сложной политической игре, центром которой стала Италия, Карлу требовалась поддержка, и он решил – наконец-то – повернуться к Испании лицом. Закончились времена благоденствия для фламандцев. С неожиданной щедростью король осыпал милостями грандов и удовлетворил ходатайства просителей. Среди последних был и Фонсека, председатель Совета по вопросам Индий и главнокомандующий флотом его величества.

Жертва кораблекрушения

Косумель, февраль 1519 года

Северо-восточные кубинские ветры разбросали флотилию. Великолепная слаженная армада, о которой мечтал Кортес, рассеялась у Юкатана. Местом сбора был назначен Косумель. Когда прибыл Кортес, корабль Альварадо уже стоял на якоре. Намеренно ли бойкий капитан опередил всех или же он оказался здесь раньше по прихоти ветра? Сойдя на берег, Кортес застал обезлюдевший город. Все население в панике бежало. Виновником оказался Альварадо, который вступил в город настоящим завоевателем, с оружием в руках. Он забрался на главную пирамиду и сорвал со статуэток золотые украшения; в число трофеев вошли также индюки и трое пленных. Кортес пришел в ярость и решил поставить все на свои места. Он строго отчитал Альварадо и заставил вернуть золото и оставшихся птиц. Индейцев выпустили на свободу. «Мы умиротворим эти земли иначе!» – воскликнул Кортес. Альварадо подчинился, и всем

стало ясно, что Кортес – главный и приказания его следует выполнять беспрекословно.

По правде говоря, майя Кортеса мало интересовали. Его главной целью на Юкатане были науа. Если он и сделал остановку в Косумеле, то только для того, чтобы попытаться вернуть двух испанцев, которые, по его сведениям, потерпели крушение и находились в плену у майя. У Кортеса на то были свои соображения. Он нуждался в надежном переводчике (помимо молодого майя Мелхорехо, захваченного Кордовой). Эрнан написал соотечественникам, что готов их забрать с собой, и попросил майя передать это послание, обещав ждать ответа неделю. Это лишний раз говорит о том значении, какое он придавал сбору информации из первых рук.

Гонсало Герреро не пришел. У него к этому времени уже были жена и трое детей. Он полностью принял уклад жизни майя и стал ярым противником испанцев. Зато о себе дал знать Джеронимо де Агилар. На восьмой день потерпевший кораблекрушение, неузнаваемый в индейской одежде и татуировках, подплыл в пироге к испанским кораблям. Хозяин майя великодушно разрешил ему вернуться к соотечественникам. Агилар скоро докажет, что Кортес приобрел в его лице одного из самых лучших своих людей, и гуманная акция спасения окажется неожиданно удачным тактическим ходом. Кортес простился с правителями майя, подарив им изображение Девы Марии, чтобы они поместили его в храм рядом с идолами. Отслужив первую мессу на мексиканской земле, экспедиция продолжила путь. Паруса скрылись за мысом Каточе.

Ла Малинче

Табаско, март 1519 года

Не отступая от намеченной цели, главнокомандующий взял курс прямо на устье реки Грихальва – туда, где предыдущая экспедиция встретилась с послами Мотекусомы. Однако Кортеса ждал малоприятный сюрприз: аборигены не были расположены заключать договоры и потребовали, чтобы испанцы убрались восвояси. Зная, что находится на границе владений Мотекусомы, Кортес отдал приказ о высадке. Нотариус Диего де Годой приступил к провозглашению *requerimiento* среди толпы вооруженных индейцев. Ливень стрел не замедлил пролиться на головы испанцев. Невзирая на это, Кортес продвинулся до центра города Сентла, который провозгласил испанским владением от имени короля, ударив три раза шпагой по гигантскому дереву сейба, обозначавшему центр города.[100] Этот первый акт

спектакля предназначался для своих: надо было показать войску намерение заселить эту землю. Рядом с якорной стоянкой устроили лагерь. Эра мореплавателей осталась в прошлом. Кортес стал колонизатором.

Второй акт разыгрывался с участием индейцев. Кортес намеревался вступить с ними в переговоры при помощи Агилара, говорившего на языке майя. К местным вождям поспешили эмиссары. Но вместо ожидаемых переговоров индейцы предприняли яростную атаку. Все воины этого рода майя собрались на поле битвы. Диас дель Кастильо насчитал их двенадцать тысяч. Андрее де Тапиа предложил цифру в сорок восемь тысяч. Все люди Кортеса были вынуждены взяться за оружие. В конечном итоге испанцы победили благодаря лошадям. Эти неизвестные индейцам животные посеяли среди них страх и смятение. Майя вышли из боя. Их потери составили до восьмисот человек убитыми. У испанцев также были убитые и раненые. Из допроса пленных, проведенного Агиларом, испанцы узнали причину массированной атаки. Индеец Мелхорехо, захваченный Кордовой и взятый Кортесом с собой переводчиком, сумел бежать и, вернувшись к своим соплеменникам, подбил их сбросить испанцев в море, уверив вождей майя, что им противостоит всего лишь горстка пришельцев и не составит труда вырезать их до последнего человека.

Направляя посольство за посольством, осыпая подарками вождей майя, Кортес сумел вновь завязать диалог. Демонстрируя власть над огнем и лошадьми, а также любезностью и угрозами ему удалось в конце концов установить мирные отношения с индейцами. Майя позволили Кортесу воздвигнуть монументальный деревянный крест. Скоро все местные вожди Табаско прибыли со своими дарами. Тут были ритуальные предметы и украшения знати, как, например, диадемы или сандалии с золотыми подошвами. Пораженные отсутствием женщин в экспедиции Кортеса, майя подарили ему двадцать рабынь, молодых индианок *para hacer pan* – чтобы готовить еду, другими словами, печь лепешки из маиса, которые составляли основу местного рациона. Этот дар имел важные последствия. Наскоро окрестив девушек, Кортес отдал их в сожительницы своим главным помощникам. Конкистадор мог теперь осуществить основной замысел – смешать культуры; он намеренно не позволил брать с собой в поход женщин, тем самым сильнее способствуя процессу креолезации. Помощники Кортеса не заставили себя упрашивать. Но среди «подарков» майя скрывалось настоящее сокровище в лице юной индианки науа, рабыни касика Табаско. История сохранила имя – Малинче.

Видимо, достаточно достоверно рассказал о ней Диас дель Кастильо.[101] Она была дочерью касика науа из одного города в окрестностях Коацакоалько, название которого приводится в источниках по-разному – Паинала или Уилотла. Ее мать, овдовев, снова вышла замуж и родила во втором браке сына. Чтобы обеспечить права своего ребенка, отчим Малинче решил удалить ее из дома. Девочка была продана торговцам из Хикаланко, специализировавшимся на торговле с майя. У тех ее купил один сановник из Табаско, а затем, в свою очередь, 15 марта 1520 года, если память не изменила Диасу дель Кастильо, преподнес ее в дар Кортесу.

Отдавая ее в подруги Алонсо Эрнандесу Портокарреро, Кортес был поражен красотой Малинче. «Она была восхитительна, как богиня», – напишет впоследствии Муньос Камарго, передавший легенду, которая окутала туманом этот реальный исторический персонаж.[102] Все современники восторгались ее внешностью и грацией. Возможно, Кортес сумел удержаться от подобных посторонних мыслей, когда передавал Малинче своему самому близкому другу. Верный из верных, Портокарреро был для Кортеса одновременно земляком, другом детства и дальним родственником (также доводился внуком Марии де Монрой).

Но Агилар, поговорив с молодой женщиной на майя, выяснил ее происхождение. Владея языком науа, Малинче могла стать посредником в переговорах с ацтеками. Кортес нежданно-негаданно приобрел ценного переводчика! Теперь, когда Агилар переводил бы с испанского на майя, а Малинче – с майя на науатль, главнокомандующий мог вести настоящий диалог с мексиканской стороной. Но обстоятельства сложились даже лучше: сам того не желая, Кортес удачно вписался в мезоамериканскую традицию. В науанском обществе высокопоставленные люди никогда прямо не обращались ни к своим подчиненным, ни к равным себе из других городов. Использование посредника предписывалось протоколом. Прибегая к помощи Малинче в переговорах с Мотекусомой, конкистадор в точности следовал доиспанским обычаям.

О ее имени написано немало, и в толкованиях нет недостатка. Малинче является искаженной испанской транскрипцией Малицин или Малинцин на науатль. Что скрывалось за этим индейским именем? Имело ли оно смысл? Достоверно известно, что молодая рабыня табаскского вождя была немедленно крещена и получила имя Марина. Это классическое христианское имя: в католическом календаре той поры насчитывалось трое святых Маринов и одна святая Марина.

Учитывая католический обычай, выбор из-за созвучия с индейским именем маловероятен: крестные могли бы в этой ситуации выбрать наудачу не менее двадцати имен. Предположение, что имя Марина было скалькировано с Малиналли (на науатль «сухая трава»), звучит заманчиво, но не подкреплено никакими основаниями: ни один хронист не приводит его в своих записях.

Откуда же пришло имя Малинцин? На науатль частицу «цин» добавляли при почтительном обращении к знатным особам, а «мали» означала пленника. Таким образом, Малинцин переводится как «высокородная пленница». Это имя ей могли дать майя из Табаско, указывая на ее происхождение. Но было ли оно им известно или же к ней обращались так представители Мотекусомы, когда она предстала перед ними рядом с Кортесом? В пользу последнего предположения говорит и то, что послы мексиканского государя называли конкистадора Малинцине с добавлением «е», означавшим обладание, что должно было звучать как «повелитель высокородной пленницы». Но в любом случае правда то, что переводчица Кортеса имела право требовать, чтобы как на одном, так и на другом языке к ней обращались как к принцессе, и ацтекскому «цин» соответствовало испанское «донна», отводившееся для женщин благородного происхождения.

На Вербное воскресенье Кортес распорядился отслужить мессу и организовал крестный ход, к которому присоединились несколько озадаченные вожди Табаско. По указанию конкистадора на коре сейбы в центре Сентлы был вырезан крест, городу был подарен образ Девы Марии и дан первый урок катехизиса. Затем войско погрузилось на корабли. Табаско был лишь временной остановкой на пути к Мексике.

Высадка

Сан-Хуан-де-Улуа, 22 апреля 1519 года

Малинцин подсказала Агилару имя Ситлатепетль, объяснив на майя, что оно означает «гору звезд». Взору испанцев неожиданно открылась покрытая снегом вершина горы. Ее почти безупречный конус возвышался на западе, где протянулась темная полоса берега и закрыла собой горизонт. Как неприступная стена. Как вызов.

Штурман Аламинос без труда нашел якорную стоянку, на которой ему уже два раза довелось побывать в предыдущие годы. В Страстную пятницу Кортес ступил на белый песок красивого пляжа, прикрытого с моря островком, которому дали имя Сан-

Хуан-де-Улуа.

Конкистадор распорядился о высадке: на берег спустили артиллерию и лошадей, тайнос принялись рубить деревья, окаймлявшие пляж, для заготовки строительного леса; тут валили пальмы, там возводили частокол. Испанцы устраивали лагерь.

Два дня спустя Кортес принимал первую официальную делегацию. Это были роскошно одетые вельможи, которые говорили на науатль. Они были правителями расположенного поблизости от испанского лагеря города Куэтлакстлан, но во главе этой группы стоял кальпикскви – чиновник наподобие губернатора, представлявший центральную власть Мексики. Этот человек, называемый в сохранившихся текстах Тендилем (Тентилем), выступал уполномоченным послом Мотекусомы. Ацтекский император, предупрежденный разведкой, все эти дни следил за продвижением флотилии вдоль берегов его страны. Тендиль был одновременно послом и лазутчиком. Он прибыл в сопровождении четырехтысячного эскорта из безоружных воинов и носильщиков с грузом съестных припасов и подарков. В его распоряжении находились также писцы, которым было поручено увековечить в принятых в этих местах знаках содержание переговоров.

Кортес разыграл оба своих козыря – фактор неожиданности и Марину. Испанец решил поразить воображение туземцев. В наспех раскинутом шатре он приказал торжественно отслужить пасхальную мессу, затем перед индейцами галопом пронеслась испанская кавалерия, стреляя из мушкетонов. Вид несущихся во весь опор всадников, гиканье и ржание коней произвели впечатление. Спектакль завершился стрельбой из бомбард и взрывами пороховых зарядов. Эффект был гарантирован. Индейцы попадали ничком на землю. Затем настал черед переговоров. Марина прекрасно справилась со своей задачей. Конечно, при переводе с испанского Кортеса на майя Агилара, а с него на науатль Марины вряд ли удалось избежать искажений смысла выдвинутых предложений. Но за словесными нагромождениями о вассальном подчинении королю Кастилии и призывам к обращению в христианство скрывалось всего одно желание, которое Кортес хотел донести до своих собеседников: он желал встретиться с Мотекусомой.

Стороны обменялись подарками. Науа преподнесли гостям украшения из перьев, хлопковые ткани и предметы из золота; они оставили также свой лагерь из двух тысяч мужчин и женщин, которым официально поручалось кормить пришельцев, но истинной задачей было скорее следить за ними. Кортес передал

послам Мотекусомы складной инкрустированный трон, головной убор из алого бархата и несколько дорогих украшений – или по крайней мере преподнесенных как таковые. Тендиль со свитой удалился. Подарки и *льенцо* – куски ткани с пиктографическими надписями, – переходили из рук в руки; гонцы наладили быструю и эффективную эстафету, преодолевая сьерру и плоскогорья менее чем за день. «Вести летели на крыльях» – пишет Гомара. Мотекусома находился в смятении.

Мексиканский правитель не был застигнут врасплох. Вот уже двадцать лет испанцы хозяйничали в Карибском бассейне, а значит, стояли у ворот его королевства. Экспедиция Кортеса на побережье залива была уже третьей. В мезоамериканском взаимосвязанном мире Мотекусома не мог не знать о судьбе тайнос из Санто-Доминго и Кубы. Все теории об эффекте неожиданности, который был якобы достигнут Кортесом при высадке в Сан-Хуане-де-Улуа, не имеют под собой никаких оснований. Знаменитые предвестия конца мексиканского королевства[103] на самом деле представляют собой описание событий, выполненное в стиле индейского мышления: разливы рек и пожары символизировали военное поражение. Теперь, когда испанцы ступили на землю ацтеков и стучались в двери империи, какую линию поведения следовало им избрать?

Решений у ацтеков могло быть три: вступить с захватчиками в переговоры и выторговать все, что только было в их силах; остановить продвижение испанцев, начав войну на уничтожение; и наконец, подорвать мощь испанцев при помощи колдовства. Тотальная война, которая вроде бы выглядит самым логичным выбором, принимая во внимание численный перевес индейцев (несколько миллионов против нескольких сотен), была для ацтеков совсем не простым и не очевидным решением. Война в Центральной Америке подчинялась деонтологическим правилам, которые были весьма далеки от испанских представлений о ратном искусстве. Война у ацтеков никогда не велась ради истребления противника, а являлась скорее ритуалом, имевшим главной целью захват живых пленников в рукопашном бою, распадавшемся на множество схваток один на один. Испанцы же, напротив, вели совершенно иную войну, где на смену рукопашной приходили средства массового уничтожения. Артиллерия и кавалерия уже сами по себе опрокидывали все туземные принципы ведения войны. Переговоры также никуда не годились, так как они бы слишком походили на простую капитуляцию.

Мотекусома выслушал своих советников: никто не мог прийти к единому мнению о том, какому пути следовать.

Собравшиеся поделились на фаталистов и непримиримых, пораженцев и борцов, инертных и деятельных. Ничего не решив в глубине души, Мотекусома избрал дипломатический путь, который позволял выжидать и наблюдать.

Здесь пришло время рассмотреть популярную легенду о том, что индейцы приняли пришельцев за богов. В частности, Кортес будто бы воспринимался как Кецалькоатль, вернувшийся, чтобы вновь обрести власть над своей империей, и это заблуждение стало причиной легкой победы испанцев. Предположение лишено каких-либо оснований: в 1519 году, когда высадились захватчики, мексиканцы отлично знали, кто к ним пожаловал, уже более полувека получая информацию о пришельцах из Европы. Лестное для кастильского тщеславия сравнение с божествами, о котором писали солдаты-хронисты, основывается по большей части на… фонетической ошибке. Мексиканцы действительно адресовали испанцам – и вполне логично – обращение текутли, которое можно перевести как «господин» или «досточтимый». Кортес явно не относился к заурядным людям (макеуалли), следовательно, был текутли. Но произношение звука «ку» плохо улавливалось кастильцами из-за придыхания и гортанного выговора, и зачастую испанцы слышали теуль, так же как «Мотеусома» или «Моктесума» вместо «Мотекусома». Затем теуль спутали с теотль, означавшим божество. Таким образом, если кто и ошибался, то не индейцы, а скорее испанцы.[104]

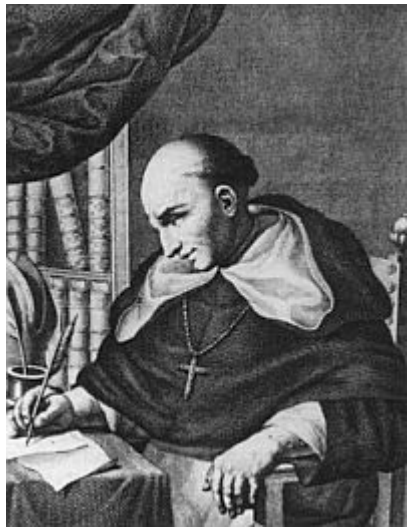
Что до ассоциации Кортеса с богом Кецалькоатлем, породившим столько легенд, то во времена конкисты о нем никто и слыхом не слыхивал. Этот миф был создан уже после смерти завоевателя по политическим мотивам, о которых еще будет речь впереди.

Эрнан Кортес.

Герб Кортеса.

Бартоломе де Лас Касас.

Римский мост на родине Кортеса.

Изабелла Католичка.

Аллегория, изображающая Христофора Колумба, показывающего новый мир и его богатства.

Магеллан.

Христофор Колумб.

Диего Веласкес.

Кардинал Хименос де Сиснерос.

Биограф Кортеса Диас дель Кастильо.

Педро де Альварадо.

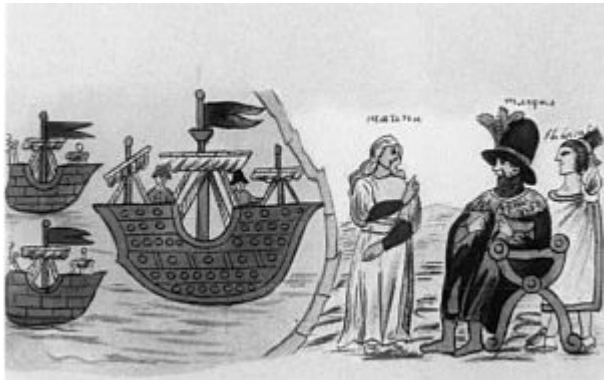
Порт Сантьяго.

Кортес во время осады Теночтитлана. Музей Америки. Мадрид.

Кортес с индианками. Одна из них была наречена при крещении Мариной.

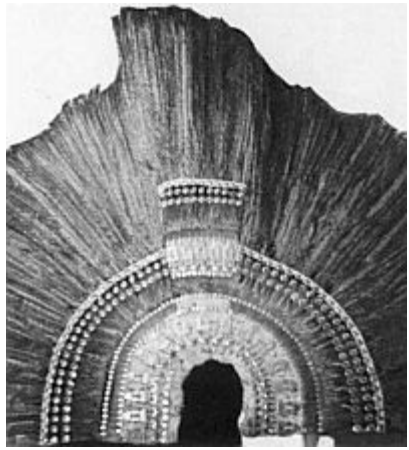
Марина выступает в роли переводчицы Кортеса.

Первая церковь в Юкатане, построенная испанцами.

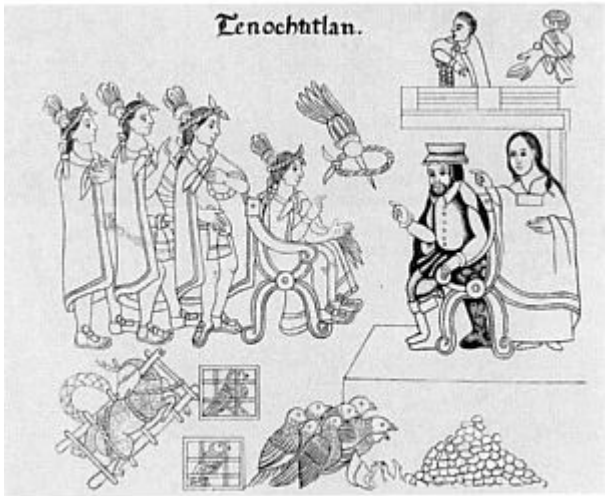
Вождь ацтеков Монтесума.

Головной убор Монтесумы. Исторический музей. Мехико.

Один из крестов, установленных испанцами вдоль дороги, ведущей от Веракруса в столицу Мексики.

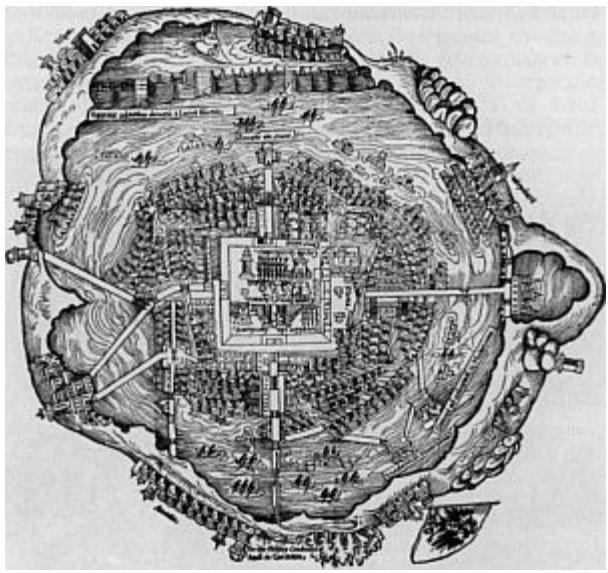
Кортес встречается с Монтесумой.

Сражение Кортеса с ацтеками. С картины неизвестного художника. XIX в.

Кристобаль де Олид.

План Теночтитлана, начерченный предположительно Кортесом.

Кортес в шлеме с перьями с одним из его наиболее преданных офицеров Гонсало Сандовилем.

Затопление кораблей.

Тендиль, эмиссар Мотекусомы, вернулся в испанский лагерь неделю спустя с богатыми дарами. Кортес был восхищен. Золото предстало во всех возможных вариантах: великолепные украшения и ритуальные предметы свидетельствовали о высоком художественном таланте мексиканских золотых дел мастеров, а массивный солнечный диск из золота еще больше разжигал аппетиты испанцев. Тут были кулоны, щипчики, ожерелья, серьги, слитки, самородки, золотой песок, насыпанный в полые стержни ценных перьев, – словом, все, что могло разжечь воображение конкистадора. Наряду с золотом ацтекский император прислал предметы из перьев поразительной красоты, церемониальные одежды, парадные щиты, опахала и разноцветные султаны. Среди даров находились даже книги: два из тех знаменитых пергаментов, сложенных гармошкой, где затейливо сочетаются цветные изображения абстрактных фигурок и реалистичные миниатюры.

Любой другой на месте Кортеса возблагодарил бы небо за столь щедрый дар и поспешил бы поднять паруса, чтобы как можно скорее насладиться свалившимся на него богатством где-нибудь у себя на Кубе, в Санто-Доминго или Кастилии. Но Кортес был сделан из другого теста. За блеском драгоценного металла он с восхищением увидел то, что укрылось от других: утонченность мексиканской культуры. Мотекусома ошибся. Книги его *тлакуило* (писцов-художников) не заставили Кортеса уйти, но, напротив, укрепили его намерения относительно колонизации. Он поблагодарил за подарки, но подтвердил свое желание встретиться с Мотекусомой. Тендиль возвратился в Мехико, на этот раз с более чем скромными дарами испанцев (хрустальный кубок и три голландские рубашки), которые как бы говорили о том, что обмен сам по себе не является их целью. В отличие от

прочих кастильских мореходов Кортеса не интересовала торговля.

Чтобы несколько расшевелить своих солдат, жаловавшихся на сильные восточные ветры и комаров, заполонивших весь лагерь, Кортес поручил одному из недовольных капитанов – Франсиско де Монтехо – исследовать побережье, чтобы подыскать новое место стоянки для кораблей.

Тендиль возвратился с категорическим отказом Мотекусомы принять Кортеса в Мехико. Посол снова прибыл не с пустыми руками: обилие дорогих перьев, богато расшитые хлопковые ткани, золото (как же без него), и – главная изюминка подношения – четыре зеленых камня, четыре огромных нефритовых шара, которые привели в восторг все войско Кортеса. Но эта щедрость ознаменовала конец переговоров; несмотря на беседы посла с Мариной и Кортесом, на «Аве Марию» и приобщение Тендиля к христианской вере, все контакты были прерваны. Две тысячи индейцев покинули лагерь, оставив испанцев одних посреди болота. Никто больше не заботился о их пропитании.

Мотекусома в тот момент был как никогда близок к победе. Конкистадоры роптали. Разбогатев, они мечтали о возвращении на Кубу. Лучше синица в руках, чем журавль в небе. Кортес в задумчивости бродил по берегу моря. Вместо борьбы с индейцами ему пришлось приводить в повиновение собственных солдат.

Градостроительство

Вилья-Рика-де-ла-Вера-Крус, май 1519 года

По воле случая или Провидения Кортесу не пришлось долго пребывать в тумане неопределенности. Два дня спустя после надменного ухода науа в испанский лагерь прибыло посольство тотонаков. Тотонаки, «люди жары», прозванные так ацтеками за то, что жили на раскаленном побережье Мексиканского залива, принадлежали к другой этнической группе, нежели науа, и с незапамятных времен населяли атлантические окраины восточной сьерры Мадры по ту сторону страны Веракрус. В течение нескольких веков они терпели гнет мексиканских науа, опутавших их земли сетью гарнизонов, обеспечивавших военно-политический контроль над всем краем. Центральная власть Мехико, навязавшая тотонакам чуждый им язык, вызывала понятную ненависть.

Благодаря Марине, сумевшей объясниться с пятью делегатами тотонаков на науатль, Кортес тотчас сообразил, какие выгоды он мог бы извлечь из этой многовековой вражды. Правитель Семпоалы, столицы тотонаков, оказавшийся большим

роянистом, чем сам король, неожиданно предложил испанцам союз. Этот касик, запомнившийся всем хронистам своей тучностью, имел свои тайные планы: он понял, что власть пришельцев над огнем может оказаться ему полезной в борьбе с Мотекусомой. Со своей стороны Кортес решал главную проблему: теперь, опираясь на поддержку союзных индейцев, он мог остаться в Мексике и даже предпринять поход на столицу. Союз с тотонаками с этого момента стал краеугольным камнем конкисты.

Дальше все складывалось как нельзя лучше. Монтехо вернулся из своей экспедиции сильно разочарованным; он так и не сумел найти место, пригодное для устройства порта. Но мореплаватель все же обнаружил в восьми лье к северу от Сан-Хуана-де-Улуа укрепленный город на высоком мысу, который защищал вход на относительно безопасный рейд. Это был Куиагуицтлан. Город контролировался тотонаками. Кортес отметил для себя еще одну открывшуюся возможность.

В котле Сан-Хуана-де-Улуа закипала фронда сторонников Веласкеса. Уверенный в тылах Кортес мог теперь вскрыть этот гнойник. Он решает основать город. Прямо здесь, на дюнах Чалчиуткуекана, продуваемых всеми ветрами, в звенящих тучах комаров. Кортес уже имел опыт основания городов: Асуа, Баракоа и Сантьяго дали ему определенные знания в этой области. Он знал, что такое город, а главное, знал, какую власть город имеет над людьми. Воспитанный отцом, занимавшим разные должности в Медельине, Кортес усвоил, что королевская власть мало что может против городов, умеющих создавать богатства и имеющих собственные выборные органы управления. Он знал, что центральная власть не всегда выходит победителем из схваток с властью на местах, равно как и то, что подкуп толпы становится оружием не менее мощным, чем королевские милости. Кортес решил построить «Богатый город Истинного Креста» не ради удовольствия. Ему нужны были юридические условия для легитимизации своего положения.

Кортес провел операцию в три этапа. Прежде всего он выступил с речью, нанеся удар по своим противникам. Слово стало его чудо-оружием: даже в моменты самого глубокого отчаяния Кортес умел вернуть мужество своим воинам, убедить, подбодрить и остановить бегущих. Сейчас же ему не составило большого труда увлечь солдат обещаниями радужного будущего, которое он щедро раскрасил цветами золота и славы. Затем он приступил к назначениям, придав юридический статус первому испанскому образованию в Мексике: на бумаге были закреплены результаты выборов муниципального совета Веракруса, главой

которого стал его друг нотариус Диего де Годой, выходец из Медельина. В *алькальды* Кортес ловко провел – большинством голосов – своего друга Портокарреро, который мог бы держать в руках весь город, и Франсиско де Монтехо, главу веласкистской партии, который должен был отныне сдерживать оппозицию. Свежеиспеченный *алькальд* Веракруса, мог ли он теперь призывать к возвращению на Кубу? И третьим актом спектакля Кортес организовал собственное избрание новыми властями города главнокомандующим и верховным судьей (*justicia mayor*). [105] Это была не просто хитрость. Конкистадор использовал народное самоуправление как источник собственной власти. Основав город по просьбе своих людей и поставив во главе его выборных представителей от имени короля, он диктовал собственную волю только что избранным властям, которые сами узаконили его положение, утвердив главнокомандующим, и снова от имени короля. Все формальности были тщательно соблюдены, но порвалась связующая нить, еще объединявшая Кортеса и Веласкеса.

Кортесу оставалось лишь построить город, юридическое устройство которого он уже оформил. Муниципальный совет горячо его в этом поддержал. Главнокомандующий согласился с предложением Монтехо перенести базу в Куиагуицтлан, чем польстил лидеру оппозиции и нашел способ занять свое войско на то время, пока он сам будет вести рискованную дипломатическую игру с тотонаками. Более не мешкая, Кортес двинулся на Семпоалу. На всякий случай он все же приказал арестовать, заковать в железо и бросить в трюм вожаков оппозиционеров – Веласкеса де Леона, Эскобара, Ордаса и Эскудеро.

Союз

Семпоала, июнь 1519 года

Вступление испанцев в столицу тотонаков было триумфальным. Двадцать лучших жителей города вышли их встречать с цветами и поклонами. Семпоала просто восхищала. Широкие улицы разрезали город из красивых и ухоженных домов. Сооружения поразили воображение конкистадоров, принявших штукатурку за облицовку серебром. Со всеми спутниками Кортеса обращались крайне почтительно. Всем выделили великолепные помещения. «Толстый касик», как его именуют в текстах хроник, вскоре предстал перед Кортесом. При посредничестве Малинцин и Агилара между ними состоялся долгий разговор. Касик раскрыл душу и поделился наболевшим. Его речь вылилась в поток жалоб, обвинений и сетований на произвол Мотекусомы. Касик поведал

о всех унижениях, изнасилованиях девушек людьми мексиканского правителя, сборе грабительских налогов, вытягивающих все соки из окрестных городов, изнурительном труде жителей, обязанных платить подати далекой столице. Мехико вызывал жгучую ненависть, и касик был готов пойти на союз с кем угодно, только бы уничтожить ацтеков. Естественно, слышать все это Кортесу было очень приятно. Он, конечно, в свою очередь, рассказал о таинствах христианской веры и великом белом господине за большой соленой водой, но конкистадора уже занимали более приземленные и более насущные вопросы. Тотонаки были посланы ему самой судьбой.

Касик Семпоалы преподнес испанцам традиционные дары: ценные перья, нефрит, немного золота и восемь юных девушек, очень красивых и великолепно одетых, которых он, по его словам, хотел отдать в жены испанцам, чтобы те осели и завели потомство. Среди девушек была даже его родная племянница, которую вождь предназначал лично Кортесу. Главнокомандующий поблагодарил и распорядился окрестить всех подаренных. Кортес сообщил правителю Семпоалы, что намерен устроить свой лагерь в Куиагуицтлане на земле тотонаков. Это значило практически перейти под их защиту. Осыпанный почестями Кортес отправился строить свой Веракрус на новом месте.

Правитель Куиагуицтлана также возмущался бесчинствами ацтеков. Он только и говорил что о похищениях детей для принесения их в жертву, конфискации урожая, изнасиловании и обращении в рабство женщин. И тут вдруг пронеслась весть, что в деревню вступают сборщики налогов Мотекусомы. Мексиканцы были в ярости, оттого что их не встречали, как полагалось. Но при виде испанцев они поняли, что повлияло на настрой населения. Пока ацтекам готовили пищу, Кортес предложил новым союзникам схватить налоговых инспекторов Мотекусомы. Ободренные решимостью Кортеса, тотонаки осмелились на немыслимое. Они напали на пятерых посланцев мексиканского правителя и бросили их в темницу в путах, как рабов. Тотонаки сами испугались собственной дерзости, но Кортес успокоил их и призвал свергнуть тиранию мексиканцев. Чтобы продемонстрировать солидарность с тотонаками, он предложил выставить у здания, где содержались пленники, несколько караулов из испанских солдат.

Ночью Кортес приказал тайно привести к нему двоих из пяти захваченных в плен. С помощью все тех же Марины и Агилара он представил себя их освободителем. Затем сборщики дани прослушали долгую речь о дружеских чувствах испанцев к

императору, их мирных намерениях и глубоком уважении к мексиканцам, после чего были отпущены на свободу с дружеским посланием Кортеса к императору. Для большей безопасности их доставили на лодке в Сан-Хуан-де-Улуа, расположенный на земле науа, откуда можно было добраться до Мехико, не подвергаясь опасности. На следующее утро тотонаки обнаружили исчезновение двух пленников. Испанцы сделали вид, что они тут ни при чем. Чтобы отомстить, тотонаки собрались было немедленно принести в жертву оставшихся трех мексиканцев, но Кортес убедил их не делать этого и, взвалив всю вину на стражей-тотонаков, забрал пленников себе и распорядился держать их в цепях на одном из кораблей.

Бегство двух ацтеков было тяжелым ударом для тотонаков, поскольку теперь Мотекусома непременно узнает об их мятеже. Им больше ничего не оставалось, кроме как поклясться в верности Кортесу, который, в свою очередь, обязался помочь им в борьбе с ацтекским императором. Циничный Кортес призвал своего нотариуса Диего де Годоя и распорядился составить и письменно заверить пакт между испанцами и тотонаками. Затем, по-прежнему тайно, он приказал отпустить всех трех пленников и доставить их тем же способом на земли мексиканцев. Каким богам должен был молиться Мотекусома? Что это за враг, защищающий его подданных? Недоумение ацтекского императора росло одновременно с беспокойством.

Пока строился Веракрус, Кортес решил упрочить союз активными действиями. Чтобы доказать свою решимость, тотонаки решили отбить у ацтеков небольшую крепость Тизапанцинка. Кортес поддержал индейцев. При виде скачущих на конях испанцев гарнизон бежал, не оказав сопротивления. Кортес вошел в отвоеванное местечко и передал его тотонакам, но на одном условии. Он потребовал, чтобы отныне всем мексиканским воинам сохраняли жизнь. Когда в ореоле славы после одержанной победы Кортес возвращался в Куиагуицтлан, он заметил на рейде еще один парус. Это была одиннадцатая каравелла, которую он оставил на Кубе. Сальседо прибыл к нему с подкреплением и последними новостями.

Карл V

Франкфурт, 28 июня 1519 года

Священная Римская империя была одновременно тенью давно ушедших времен каролингов и прообразом современной Европы. К 1519 году империя в руках католика из династии Габсбургов – Максимилиана Австрийского являла собой цитадель

христианства, сдерживая продвижение ислама в Центральную Европу. Католический король Карл втройне чувствовал себя вправе стать преемником императора: во-первых, он был внуком Максимилиана, во-вторых, он нес знамя католического наследия Изабеллы, и, в-третьих, его политические амбиции, подогреваемые честолюбивыми придворными, были безграничны.

Золотой буллой от 1356 года «должность» императора провозглашалась выборной. Право избрания принадлежало семи курфюрстам: королю Богемии, герцогу Саксонскому, поральцграфу Рейнисому, маркграфу Бранденбургскому, архиепископам Майнцкому, Кельнскому и Тритскому. Выборы должны были проходить во Франкфурте по правилу большинства. Очевидно, что предстояло купить курфюрстам по крайней мере четырех из них. Франциск I с воодушевлением взялся за дело. Эмиссары французского короля доставили впечатляющие суммы. Золото текло рекой. Карл I был вынужден не отставать от конкурента. Франциск I, как король Франции, был единственным правителем в Западной Европе, не обязанным приносить императору вассальную присягу, и корона ему была нужна постольку-поскольку. Выставив свою кандидатуру, он прежде всего желал нанести удар молодому Карлу, чьи владения, расширенные с получением наследства, охватывали Францию с юга и востока и давали повод для беспокойства. Замысел Франциска I был прост: разорить испанца и помешать таким образом подготовиться к войне. Суммы, затраченные французским королем на подкуп курфюрстов, оцениваются в три тонны золота. Со своей стороны Карл I расстался с 850 тысячами рейнских флоринов, или 800 тысячами кастильских дукатов, что эквивалентно 2100 килограммам чистого золота.[106] Для бедной Кастилии это было настоящим безумием. Хотя аугсбургские банкиры – Вельзеры и главным образом Фуггеры – обеспечили необходимые средства, предоставив Карлу кредит на 543 тысячи флоринов, он все равно глубоко залез в королевскую казну.

28 июня под звуки двадцати двух труб маркграф Бранденбургский, верховный сенешаль, маршал и камергер империи, объявил о победе Карла I Кастильского. Испанский король становился пятым императором с именем Карл. Предпочитая титул императора Священной Римской империи скромному званию кастильского короля, он решил именоваться Карлом V. На этот титул ушла вся полагавшаяся королю пятая часть колониального золота, собранного со дня открытия Америки. Карлу V еще будет очень нужен Кортес… и золото Мексики.

Затопление судов

Вилья-Рика-де-ла-Вера-Крус, июль 1519 года

Кортес расхаживал с каким-то свитком в руке и отрицательно покачивал головой, как будто отвергая чьи-то доводы. Его взгляд бродил по каскадам буйной растительности, спускавшейся с высоких плато, затем возвращался к строкам документа, который жег пальцы. «Вы, Диего Веласкес, волей нашею губернатор острова Фернандина, на коем острове ратными людьми и сбором податей ведаете, изъявили нам волю вашу служить матери нашей Католической королеве и нам, приумножая земли короны нашей, и силами вашими подчинили некие земли именем Юкатан и Косумель… Алкая службы нашей, имеете войско и корабли ваши в иные земли посылать, дабы пытать и приводить под скипетр наш и воле нашей подчинять сии острова и твердую землю».[107]

Кортес был возмущен до глубины души: вот он язык всех этих веласкесов, фонсеков и королей – подчинить, привести под скипетр, усмирить… Как чужды были ему эти слова, выдававшие образ мышления; для короны индейцы были хороши только как послушная рабочая сила, а сами вест-индские колонии представлялись одним гигантским золотым прииском. «Вам жалуются следующие милости. Мы даруем вам право вашими силами искать всякой земли неизведанной опричь той, что лежит в пределах, данных королю португальскому. Назначаем вас капитаном земель, кои вам покорятся… Назначаем вас аделантадо всех открытых земель до конца ваших дней».[108] У Эрнана потемнело в глазах. Перед ним пронеслись пятнадцать лет жизни на Антильских островах. Пятнадцать лет назад он бежал из агонизирующей Кастилии от смрада доносительства и произвола инквизиции. Он задумал основать иное общество в далекой земле, но мир тесен, и некуда бежать. Европа уже протянула руки, чтобы превратить Новый Свет в свой придаток, поработить его обитателей, еще мнящих себя свободными и защищенными расстоянием. Остальная часть капитуляций Веласкеса мало интересовала Кортеса: 300 тысяч мараведи годового жалованья, передача в собственность полуразвалившейся плавильни, двадцать аркебуз и возмещение расходов на вооружение из расчета одной семидесятипятой от полученной прибыли – все это было из разряда обыкновенного. А важным было то, что король Карл лишил прав Диего Колумба, разорвав контракт, заключенный навечно его бабкой с первопроходцем Христофором, и выказал расположение Веласкесу. Кортес тотчас углядел в этом слабость Карла; началась игра в опалу и милость – беззаконное правление. Прав тот, за кем

остается последнее слово. А в этом деле Кортес собаку съел. Он, впрочем, отметил, что капитуляции Веласкеса были подписаны королем 13 ноября 1518 года в Сарагосе. Он догадался, что документ был намеренно оформлен задним числом, чтобы Кортес, отплывший из Сантьяго 18 ноября, предстал мятежником и оказался вне закона. Веласкес и его присные свершили свою месть. Но удаленность была на руку Кортесу; письмо короля достигло Кубы только в мае.

Конечно, Франсиско де Сальседо привел подкрепление: семьдесят солдат, коня и кобылу, но новость о назначении Веласкеса новым правителем Мексики, несмотря ни на что, оказалась тяжелым ударом. Требовались ответные действия.

Кортес удалился в свою каюту, чтобы обдумать полученные известия, к которым он, впрочем, отчасти был готов. Он уже давно вынашивал свой план. В течение недели Кортес все ночи напролет что-то писал. 10 июля он созвал муниципальный совет в полном составе и заставил *алькальдов* и *регидоров* подписать письмо королю, которое он составил от их имени. Это письмо, ставшее первым донесением о завоевании Мексики и представляющее собой шедевр изворотливости и юридических ухищрений, хорошо известно.[109] Хотя письмо было представлено как плод коллективных усилий, оно вышло из-под пера Кортеса, который в своем задумчивом уединении тщательно подбирал каждое слово.

Муниципальный совет Веракруса обращался к правителям (Хуане и Карлу) с целью объяснить причины мексиканской операции, преподнесенной как выражение ревностного стремления служить короне и заботы о приобщении местных жителей к святой католической церкви. Ни малейшей тени неуважения к молодому королю-фламандцу и королеве-заключенной; напротив, каждое слово говорит исключительно о вассалитете и полном послушании. Основание города представлено как средство приращения королевства… и доходов государей. Назначение Кортеса главнокомандующим провозглашалось правомочным, «коль службе вашей королевской надобно иметь в граде сием судебного исправника, капитана и начального человека, дабы правили меж нами мир и согласие».[110] Далее следует перечень достоинств Кортеса, оправдывавших выбор муниципального совета. Затем приводится описание Мексики, ее пейзажей, фауны, флоры и, конечно же, жителей. Кортес хотел этим показать, что именно он и никто другой находится на месте, и прочно удерживать завоеванное лучше, чем желать захватить. Конкистадор противопоставил свою реальную власть происках придворных конкурентов. Он знал, что этот

аргумент может оказаться действенным. Далее муниципальный совет просто и прямо просит королей утвердить назначение Кортеса и «не вверять эти земли Диего Веласкесу, каким бы титулом тот ни был пожалован, будь то аделантадо, пожизненный губернатор или иной титул или чин».[111] Члены муниципального совета обстоятельно объяснили, что Веласкес не справился со своими обязанностями, не сумел обеспечить развитие Кубы и вообще имеет пагубную склонность оставлять все золото себе. Этот тезис имел контрапунктом приятное заявление: Кортес же не препятствует золоту перетекать из Мексики в королевскую казну. В подтверждение этому два алькальда города должны были доставить ценный груз, заверенная опись которого прилагалась к письму.

Эрнан хорошо знал слабости человеческой натуры и решил сыграть на алчности. Кортес собрался послать королю, увязшему в разорительной избирательной кампании, все, что было захвачено в Табаско, Веракрусе и Семпоале. Ради задуманного проекта Кортес пожертвовал всем, что имел. Он отдал все богатства бедному кастильскому королю, чтобы тот понял: Кортес – неизменный партнер на шахматной доске его власти. Только Кортес и никто другой.

Это был риск, несколько показной, дабы убедить короля в том, как мало Кортес беспокоился о личном обогащении. Он знал, что золото покупает все и вся и сильные мира сего не смогут устоять перед ним. Но как сумел Кортес убедить своих людей, которые также были охвачены общей жаждой наживы, добровольно лишиться своей законной части добычи? Просто. Он закрыл глаза на подпольную меновую торговлю с индейцами, которая была официально запрещена. Каждый норовил из-под полы обменять пустую стеклянную побрякушку на браслет, кольцо или кулон. Кортес «не замечал» этого личного обогащения своих людей, но взамен отданных королю трофеев сумел нарисовать им яркие картины замечательного будущего, сулившего еще большие выгоды.

Добычу погрузили на каравеллу, препоручив ее двойному надзору высокопоставленных представителей муниципального совета – предводителя сторонников Веласкеса Портокарреро и Монтехо. Кортес и здесь сумел извлечь для себя выгоду: он надолго избавлялся от Монтехо, которого он назначал своим поверенным при Карле I, и приставлял к нему своего преданного друга Портокарреро, дабы быть уверенным, что ценный дар попадет в руки испанского короля. При этом Кортес возвращал себе Марину; бывшая сожительница Портекарреро станет его фавориткой, его спутницей во всех походах, его официальным

представителем, его советницей в делах с туземцами и, конечно, его большой любовью.

26 июля каравелла с драгоценным грузом подняла паруса. Ночью Кортес распорядился затопить все свои корабли, договорившись со шкиперами, которые согласились перейти из моряков в солдаты. Легенда, заменившая воду огнем, сохранила яркий образ Кортеса, приказавшего в Веракрусе сжечь свои корабли, прежде чем устремиться на завоевание Мексики.

Кортес провозгласил незыблемость своих решений и запрещал своим людям и думать о возвращении на Кубу. Чтобы доказать собственную решимость, он предал суду «предателей»-веласкистов, чередуя гнев и милость: Эскудеро и Серменьо были повешены, тогда как Ордас, Бернардино де Кориа и Хуан Веласкес де Леон получили прощение. Шкиперу Гонсало де Умбриа по приговору суда отрубили ступню, братья Пеньятэ отделались двумя сотнями розог. Отца Хуана Диаса просто припугнули, пообещав выдать инквизиции. И, наконец, настал кульминационный момент упрочения собственной власти – Кортес приказал зачитать вслух в присутствии нотариуса условия распределения будущих трофеев. Лично ему предназначалась пятая часть, знаменитая квинта. Как королю. Сделано это было не просто ради возмещения затрат на снаряжение экспедиции, как пишет Диас дель Кастильо, но главным образом для того, чтобы символически встать на одну ступень с королем Кастилии.[112] Отныне есть две власти – далекая королевская и его, близкая и реальная. Вся команда подписалась под документом. Теперь все мысли были только о Мексике.

Но сделано было еще далеко не все. Вблизи Куиагуицтлана показались вражеские паруса. К берегу приближались четыре каравеллы, которые снарядил Франсиско де Гарай, богатейший губернатор Ямайки, входивший в клан Колумбов. Ему также удалось получить от иеронимитов Санто-Доминго лицензию на исследование Мексиканского залива. Он все еще искал между Флоридой и Юкатаном легендарный проход в Китай. Экспедиция отбыла с Ямайки в ноябре 1518 года под руководством Алонсо Альвареса де Пинеды, одного из его помощников. Она достигла оконечности Флориды, поднялась вдоль побережья сначала к северу, затем к западу, открыв дельту Миссисипи и места, которые в дальнейшем станут Луизианой, Техасом и Тамаулипасом. Спустя восемь месяцев плавания команда решила захватить Мексику, высадившись на берету на расстоянии всего одного лье от лагеря Кортеса! Нотариус Гарай и его свидетели были немедленно и без колебания заключены под стражу людьми главнокомандующего. Шлюпка, посланная на поиски пропавших,

также была задержана, а все, кто в ней находился, закованы в железо. Гарай не стал упорствовать, и все четыре корабля вернулись на Ямайку. Ввиду возможности войны на два фронта Кортес решил оставить в Веракрусе сто пятьдесят солдат, два орудия, двух лошадей и пятьдесят индейцев-тайнос, а кроме того, договорился о мобилизации пятидесяти тысяч воинов-тотонаков на случай военных действий. 16 августа 1519 года войска Кортеса вышли из Семпоалы и двинулись на Тласкалу.

Столкновения и союзы

Тласкала, сентябрь 1519 года

Выступить в поход на Тласкалу посоветовал правитель Семпоалы. Он рассказал о вековом соперничестве жителей Мексиканской долины и тех, кто жил на обширной равнине по другую сторону вулканов. Мексиканское государство основывалось на тройственном союзе: к столице Теночтитлану в действительности примыкали еще два соседних города – Тексоко и Тлакопан. Правительству подчинялась территория всего мексиканского бассейна с тремя миллионами жителей, населявших города, которые опоясали это огромное озеро с пресной водой. К востоку от двух больших вулканов – Попокатепетля и Ицтаккиуатля – существовал другой трехсторонний альянс – между Тласкалой, Чолулой и Уэксоцинко. Эта конфедерация объединяла примерно такое же количество жителей – около трех миллионов. И те и другие говорили на науатль, который ко времени нашествия Кортеса доминировал в Мексике. Многовековая вражда Мехико и Тласкалы основывалась на обыкновенном соперничестве, ведь вся полнота власти была у тлатоани Мехико. Поддержав предложение касика Семпоалы, Малицин также подталкивала Кортеса к заключению союза с тласкальтеками против Мехико. Так и было сделано.

Кортес во главе отряда из трехсот солдат, пятнадцати всадников, пятидесяти тайнос, тысячи тотонаков и нескольких сотен носильщиков, тащивших пушки, поднялся по склонам сьерры Мадре и вскоре ощутил бодрящую свежесть больших высот. Изменение климата произошло столь неожиданно, что несколько индейцев с Кубы замерзли насмерть; но когда заснеженные склоны остались позади, испанцам открылся совершенно иной вид, несколько напоминавший пейзажи Эстремадуры. Со всех сторон на горизонте высились горы в голубой дымке, под ними волновался зеленый океан растительности, а небо было столь невероятной чистоты, что

казалось прозрачным, и как будто даже лучи солнца, проходя сквозь него, становились мягче и ласковее. Этот вид был одновременно и величественным, и умиротворяющим. Это была цивилизованная земля, и Кортес чувствовал это.

На земле тласкальтеков Эрнана постигло небольшое разочарование. Испанцам пришлось вступить в жестокую рукопашную с пятью тысячами вооруженных индейцев. Тласкальтеки особенно яростно атаковали лошадей и сумели убить двух из них. После боя они направили двух послов для переговоров о мире. В дело вступила Марина, которая объяснила желание испанцев заключить союз с Тласкалой и предпринять совместный поход на Мехико. На следующий день на испанцев обрушилось уже сто тысяч воинов-тласкальтеков. Кортес мог противопоставить им шесть пищалей, сорок арбалетов, тринадцать лошадей и шесть бомбард; с ним было не больше семисот индейцев. Удар был силен. С наступлением ночи тласкальтеки прекратили атаки, как это было принято в Центральной Америке. Индейцы снова прислали эмиссаров с просьбой о перемирии. Кортес надеялся на передышку. На следующее утро на поле боя высыпали сто пятьдесят тысяч тласкальтеков. «Они покрывали всю землю»,[113] – вспоминал потом Кортес. Испанцы понесли потери. Вечером в лагере Кортеса уже витали пораженческие настроения. Некоторые снова заговорили о возвращении на Кубу. Кортес пролил на раны живительный бальзам ободряющей речи. В лагере конкистадоров появилась новая делегация из пятидесяти тласкальтеков. Главнокомандующего уже начала выводить из себя эта манера поведения, которую он никак не мог понять и считал проявлением двурушничества. Или мы сражаемся, или договариваемся о мире, нельзя одновременно делать и то и другое. Чтобы показать свое раздражение, он приказал отрубить всем послам одну руку и отправить восвояси.

Причина труднообъяснимого поведения тласкальтеков заключалась в том, что индейцы сами разошлись во мнениях. Кортес еще не знал, что в Центральной Америке власть всегда основывалась на своего рода консенсусе. Само понятие власти было совершенно неизвестно. Город Тласкала разделялся на четыре квартала, каждый из которых имел собственных глав и их представителей. Окончательные решения принимались с общего согласия, и пока оно не было достигнуто, все пустословили и вели бесконечные споры. В отношении испанского вторжения не было единого мнения. Как у мирного решения, так и у военного имелись свои сторонники. Старые вожди склонялись к мирному урегулированию; молодое поколение, напротив, было настроено

воинственно, как Ксикотенкатль-младший, атаки воинов которого отличались особенной яростью. В конце концов победили сторонники мира, и во избежание недопонимания с предложением мира в лагерь захватчиков отправился сам Ксикотенкатль. Предложение союза со стороны тласкальтеков было продиктовано не столько военной победой испанцев, которые все-таки понесли потери и были сильно изнурены, сколько невозможностью победить самим. Способ ведения войны у испанцев слишком сильно отличался от местных традиций, чтобы это не сказалось на поле боя. Марина великолепно справилась с ролью посредника, сумев убедить тлаксальтеков, что союз с испанцами обеспечит успех в их борьбе с господством Мехико.

18 сентября 1519 года Кортес торжественно вступил в Тласкалу. Ему устроили церемониальную встречу все четыре касика города. Эта встреча, описание которой приводится во многих источниках, вскоре обросла легендами. Доподлинно же известно, что правители Тласкалы подарили завоевателям пятерых собственных дочерей, чтобы они могли дать потомство. Диас дель Кастильо объяснил их намерения: «Мы хотим принести в дар вам дочерей наших, чтобы вы взяли их в жены и родили детей, ибо желаем быть с вами как братья».[114] Муньос Камарго подтверждает свидетельство Диаса дель Кастильо: «Правители Тласкалы предложили собственных дочерей в желании получить от них приплод, дабы столь храбрые и упорные воины могли оставить им свое потомство».[115] Девушек сопровождали три сотни молодых рабынь, что соответствовало высокому положению этих принцесс. Дочь Ксинотенакля-старшего, позднее нареченная во крещении Марией Луизой, досталась Педро де Альварадо, с которым прижила двоих детей – Педро и Элеонору. Другая, названная Эльвирой, чья красота признавалась всеми, была подарена Хуану Веласкесу де Леону. Трое других были отданы Кортесом своим друзьям и главным командирам – Гонсало де Сандовалю, Кристобалю де Олиду и Алонсо де Авиле. Черенок креолизации, о которой мечтал Кортес, пустил первые ростки.

В главном храме освободили немного места для креста и изображения Девы Марии. На жертвенниках виднелись следы небрежно смытой крови, но Кортес воздержался от разрушения идолов. У подножия креста, помещенного в центре когорты фигурок языческих божеств, священник Хуан Диас отслужил мессу, первую на Центральном плато. Триста индианок приняли крещение и отправились в лагерь испанцев. Но тласкальтеки ли переходили в стан кастильцев, а может, испанцы вливались в мир индейцев?

Хронисты пишут, что Кортесу удалось окрестить четырех касиков Тласкалы. Это маловероятно. Кортес ни словом не обмолвился об этом в своей второй реляции, описывавшей эти события. Время христианизации еще не пришло. Кортес вел войну и наступал на Мехико.

Резня

Чолула, октябрь 1519 года

Испанцы разместились в Тласкале, жизнь города вошла в свое обычное русло. Кортес пребывал в восторге. «Не хватает слов, чтобы выразить все восхищение этим городом, – писал он испанскому королю, – и то немногое, что я могу передать, уже кажется почти невероятным. Этот город больше Гранады, намного сильнее и насчитывает гораздо больше жителей. Сюда стекаются все блага мира. На городской рынок во все дни приходят более тридцати тысяч душ. Здесь продают все, продукты и одежду, украшения из золота, серебра и драгоценных камней, а также изделия из дорогих перьев… У этих людей большое чувство порядка и жизни по законам. Это народ, одаренный разумом и мудростью».[116]

События обещали и далее складываться удачно для конкистадоров. К союзу примкнул соседний город Уэксоцинко. Обеспокоенные новым альянсом ацтеки направили в Тласкалу посольство с двумя сотнями воинов эскорта и, само собой разумеется, подарками для Кортеса. Послание, которое они доставили, показалось подозрительным. Мотекусома, по-прежнему не проявлявший ни малейшего желания встретиться с главнокомандующим, предлагал испанцам отправиться в Чолулу, где они получат дальнейшие указания. Чолула была огромным городом к востоку от вулканов и не очень далеко от Тласкалы, с которой поддерживала тесные политические и торговые связи. Город был хорошо известен во всей Центральной Америке своей пирамидой – самой высокой из всех, построенных на мексиканской земле. Пирамида достигала шестидесяти метров в высоту, и на ее вершине располагался знаменитый храм почитаемого божества Кецалькоатля. Многочисленное население города жило обработкой окрестных земель. Не было и клочка невозделанной земли. Чолула являлась союзницей Тласкалы в борьбе с Мехико и таким образом представляла для Кортеса вполне логичное продолжение маршрута. Конкистадор рассчитывал и там заключить выгодный союз, который предоставил бы в его распоряжение многочисленные и хорошо обученные войска. К тому же поворот на Чолулу был не таким уж

большим крюком на пути к Мехико. 11 октября Кортес вышел из Тласкалы со вспомогательным отрядом в сто тысяч индейцев. Его армия росла.

На следующий день испанцев ждал радушный прием в Чолуле. От десяти до двадцати тысяч горожан во главе с касиками вышли встречать Кортеса. Но на этот раз прием прошел с несколько иным настроем. Правители Чолулы потребовали от своих жрецов мобилизоваться. И конкистадоры вступили в город. Под грохот барабанов и трели флейт в ритуальном танце двигались тысячи людей. Жрецы явились в полном парадном облачении со всеми знаками власти и атрибутами культа. Это был абсолютно симметричный противовес приемам, которые Кортес не раз давал в честь посещения местных послов. Пасхальной мессе, церемониям крещения индейских женщин и коленопреклоненному пению псалмов был противопоставлен этот религиозный спектакль, призванный напомнить о существовании и силе мексиканских богов.

Поначалу Кортес и его окружение были очень хорошо устроены и приняты, хотя ста тысячам тласкальтеков не было разрешено вступить в город. Кортес согласился, что они встанут лагерем в городских окрестностях. Эмиссары Мотекусомы, которые ни на минуту не покидали испанцев, становились день ото дня все загадочнее. Аудиенция у императора так и не была назначена. Скоро по указанию правителя испанцев перестали снабжать продовольствием. Атмосфера становилась таинственной, непонятной и явно нездоровой. Наконец Марина сообщила Кортесу причины происходящего. Ей удалось выведать, что ацтеки организовали заговор, сумев договориться с чолульцами, которые обещали перебить испанцев.

Не показывая вида, что ему все известно, Кортес приказал завтра же выступать на Мехико, куда его по-прежнему никто не приглашал. Заговорщики в Чолуле больше не могли медлить. Ацтеки, обещавшие дать испанцам носильщиков, выставили три тысячи человек. Это конечно же были воины, замаскированные под носильщиков. Ночью Кортес тайно собрал своих людей и поставил боевую задачу. Лучший метод обороны – это нападение. Испанцы атакуют на заре, чтобы застать своих врагов врасплох.

На рассвете 18 октября Кортес, размещенный в доме с внутренним двориком, пригласил к себе городские власти. У входа собралась добрая сотня человек, но внутрь пропустили только тридцать. И там, гарцуя на коне, Кортес обратился к правителям Чолулы, послам Мотекусомы и лженосильщикам. Он публично раскрыл заговор и разоблачил зачинщиков. Прежде чем те успели как-то отреагировать, во дворик по приказу Кортеса

ворвались солдаты и вырезали всех, кто там находился за исключением послов Мотекусомы, которые должны были воочию убедиться в решительности главнокомандующего. Мушкетный выстрел дал сигнал к генеральному сражению. Вооруженные испанцы открыли ворота тласкальтекам, которые заполонили весь город. Повсюду разгорелись рукопашные схватки. Битва продолжалась пять часов. Кортес приказал сжечь общественные здания и храмы, в которых засели лучники Чолулы. Хронисты описывают реки крови, сцены паники. Город, отданный воинам, был разграблен. Когда Кортес прекратил сражение, потери чолульцев составили три тысячи человек. Позднее Лопес де Гомара писал о шести тысячах. Чолула сдалась; уцелевшие предводители клялись, что это ацтеки вынудили их заманить испанцев в западню, и уверяли Кортеса в своей дружбе. Конкистадор заключил с ними договор, заверенный нотариусом.

На следующий день в город вернулись женщины и дети, бежавшие в преддверии штурма. В победе испанцев не чувствовалось радости, Кортес не ставил своей целью истребление индейцев. По его распоряжению на вершине великой пирамиды был водружен крест, а сам конкистадор занялся примирением Тласкалы и Чолулы, которые вступили в противоборство только из-за испанцев.

О резне в Чолуле впоследствии говорилось немало, и враги Кортеса никогда не упускали случая подчеркнуть варварство этого эпизода. Не вступая в полемику, рассмотрим событие в его контексте. Ацтеки преследовали одну цель: любой ценой помешать испанцам вступить в Мехико. Они затеяли эту ловушку с участием чолульцев, чтобы физически устранить завоевателей. Разве не было у ацтеков права защищаться от захватчиков? С какой стати им подчиняться Карлу V? Мексиканцы имели право на самозащиту, и заговор в Чолуле вписывается в план «национальной обороны». С другой стороны, разве испанцы не имели право защищать собственные жизни? Когда они нащупали нити заговора, разве не было нормально помешать его исполнению? Резня в Чолуле – акт войны в логике войны. Впрочем, этот эпизод не давал покоя Кортесу всю жизнь, и именно потому, что он всегда старался выступать пацифистом, предпочитая убеждение шпаге. Но история такова, какова она есть, и ничто не в силах смыть пятна крови Чолулы.

Кортес и Мотекусома

Мехико-Теночтитлан, 8 ноября 1519 года

Кортес всегда появлялся там, где его ждали меньше всего.

Ацтеки полагали, что конкистадор направится из Чолулы в Мехико традиционной дорогой вокруг вулканов. Именно здесь они сосредоточили все ловушки, замаскированные волчьи ямы и колья. По данным разведки, которую провел Диего де Ордас, посланный «постичь тайну огня, из горы извергавшегося», Кортес нашел проход к столице. Он пролегал через перевал, разделявший два вулкана – Попокатепетль и Ицтаккиуатль. В настоящее время это место носит имя Пасо-де-Кортес.

2 ноября с высоты почти четырех тысяч метров Кортесу и его людям открылся вид на долину Мехико. Все были поражены. Как будто сбылась самая невероятная мечта. Та мечта, за которую эти люди сражались, убивали, гибли от лихорадки, голода и ран, не зная, что ждало их завтра. А зрелище, неожиданно открывшееся их взорам, действительно было чарующим. Теночтитлан, казалось, вырастал прямо из середины озера, окаймленного горами. «Мы испытывали все возраставшее восхищение, – писал в восторге Диас дель Кастильо, – и говорили, что это похоже на волшебные истории из сказок Амадиса: большие башни, храмы и здания, поднимавшиеся прямо из воды, и все сложены из камня. Некоторые из наших солдат говорили, что если все то, что они видят, не сон и не чудо, то я должен описать это, так как все это надо как следует осмыслить. Не знаю, как и рассказать о доселе невиданных и неслыханных вещах, которые даже в мечтах не могли себе представить те, кто их видел…»[117]

Горстка испанцев и протянувшаяся следом длинная цепочка носильщиков, тащивших снаряжение и пушки, неторопливо спускалась в долину. Утром 8 ноября Кортес вошел в Ицтапалапа, находившийся на берегу лагуны. В глубине возвышался большой город Теночтитлан, который Кортес назвал Темикститаном. Испанцев встречали правители Ицтапалапы и Колхуакана. Они преподнесли завоевателям золото, хлопчатобумажные ткани и рабов, надеясь, наверное, в последний раз убедить Кортеса отступиться. Но он грезил только столицей, которая виднелась вдали. Он спешил вступить в город и видел в долгих протокольных церемониях лишь средство потянуть время. Вот кортеж расступился, и посреди толпы в ярких одеждах и украшениях из перьев показался Кортес верхом на коне. Он проскакал по дороге, ведущей прямо в самое сердце столицы. Эрнан мог вовсю насладиться видами города, но не мог ли этот порыв стать роковым? Чем бы окончилась эта историческая встреча? Сумели бы несколько сотен испанцев выстоять против многих сотен тысяч ацтеков? Не была ли безумием эта скачка? Не завершилось ли его смелое предприятие у подножия гигантской пирамиды, чей силуэт возвышался над водами озера?

Кортес был уже в двух шагах от главной городской площади. Мотекусома, великий Мотекусома, вышел из роскошного портшеза. Его окружили двести высокопоставленных лиц – все правительство Мексики в полном составе собралось здесь. Кортес соскочил с коня, снял шляпу и собрался было обнять императора, но охрана Мотекусомы преградила ему путь. Разделенные несколькими метрами, они обменялись подарками. В полном молчании и напряжении Мотекусома повел испанцев к большому дому у храма – дворцу прежнего императора Аксайакатля. И уже там, вдали от любопытных взоров толпы, Мотекусома взял Кортеса за руку и ввел его в это жилище. Он предложил испанцу присесть и исчез. Скоро он вновь появился с подарками. «Вы здесь у себя дома, – сказал Мотекусома, – отдохните от тягот пути и сражений, которые вы провели. Вам, должно быть, рассказали обо мне много плохого. Верьте только своим глазам. Вам, наверное, говорили, что мои дома из золота, а сам я – бог. Ничего подобного. Мой дом из камня и земли, и тело мое – из плоти и костей».[118] С этими словами Мотекусома удалился, и испанцы оказались одни, запертые в доме в самом центре Теночтитлана. Кортес достиг своей цели.

Из всех описаний Мехико-Теночтитлана видно, что прежде всего конкистадоров поражали огромные размеры города. Раньше выходцу из Медельина и представить было трудно человеческое поселение такого размаха. Испанцы просто не могли подыскать сравнений, чтобы передать необычайную красоту города. «То, что мы видим здесь собственными глазами, – писал Кортес, – выше нашего разумения».[119] Он в полном восторге: на центральной площади Мехико разместилось бы два таких города, как Саламанка. Столица ацтеков была больше, чем Севилья и Кордова вместе взятые, главный храм выше, чем Ла-Гиральда в Севилье. Больше сравнивать было не с чем.

Стоит напомнить, что в описываемую эпоху самым крупным городом Европы считалась Севилья, в которой проживало от тридцати пяти до пятидесяти тысяч человек. В Мехико жителей насчитывалось в десять раз больше. Все казалось гигантским. Дороги, по которым могли проехать шеренгой сразу десять всадников. Стол тлатоани, который ежедневно накрывали четыреста слуг. Гарем Мотекусомы из пятисот пятидесяти жен и трех тысяч служанок. Каналы, по которым постоянно двигались до пятидесяти тысяч лодок. Рынки также становились предметом восторженных описаний: там было все и в гораздо больших количествах, чем в Кастилии. Испанцы совершали для себя все новые и новые открытия. Они поражались чистотой и гигиеной, которых тогда не знала Европа. Не меньше потрясло их

воображение и обилие растительности внутри самого города, которому сады и цветники на террасах домов придавали красивый и уютный вид. Цветы были повсюду и казались одной из главных составляющих культуры. Во второй реляции Карлу V у Кортеса не нашлось в адрес Мехико и его жителей ни одного худого слова. Напротив, в каждой фразе чувствовались восхищение и преклонение перед аборигенами. Кортес, по-видимому, уже полностью перешел на другую сторону. Мексика казалась более великой, красивой и развитой, чем обветшавшая средневековая Европа, которую он оставил более пятнадцати лет назад.

Прошла неделя, неделя отдыха и горячего гостеприимства. Мотекусома посещал Кортеса все эти дни. Они переговаривались при помощи Марины и Агилара. Но тут до Кортеса дошла весть, что ацтеками убит командир гарнизона Веракруса. Конкистадора охватил гнев. Кортес поспешил увидеть в этом заговор: не подал ли Мотекусома сигнал к восстанию? Не ждет ли всех испанцев гибель? Недолго думая, Кортес взял под стражу самого Мотекусому. Тлатоани отныне становился его пленником. Заложник гарантировал Кортесу собственную безопасность. Но в противоположность тому, что можно было бы предположить, новая ситуация обеспечивала вполне приемлемый *modus vivendi*. [120] После дующие семь месяцев испанцы и ацтеки прожили в полном согласии. Кортес потихоньку взял управление страной в свои руки и распоряжался от имени императора. Кортес учился. Учился науатль у Марины, которую не покидал ни на минуту, он постигал нравы мексиканцев, образ мышления, восприятие мира и наблюдал за тем, как они говорят, смеются, ходят… Кортес постепенно понял то, что раньше казалось недоступным. Он растворился в окружавшем его мире.

Междоусобица

Веракрус, май 1520 года

Месть любой ценой. Веласкес, до того безраздельно властвовавший на Кубе, был уязвлен успехом Кортеса. Он снарядил в поход гигантскую экспедицию – восемнадцать кораблей, девятьсот человек команды, восемьдесят лошадей, девяносто арбалетов, семьдесят пищалей и двадцать пушек. Веласкес шел ва-банк. Он вложил в предприятие все свое состояние и мобилизовал все людские ресурсы Кубы. Двигали им исключительно оскорбленное самолюбие и жажда мести. Ему было известно, что Кортес направил Карлу V сказочные дары, и опасался, что его титул аделантадо теперь не более чем пустой звук. Веласкес пустился в эту авантюру без какого-либо разрешения королевского суда Санто-Доминго. Предупрежденный доброжелателями, он не замедлил послать к Веласкесу в Сантьяго аудитора Лукаса Васкеса де Аильон, чтобы уговорить его отказаться от своих планов. Аделантадо ни о чем не желал слушать, но ему не удавалось подыскать человека, способного возглавить экспедицию. Многие из его окружения, предчувствуя недоброе, отказались от его предложения. Наконец, во главе армады согласился встать Панфило де Нарваес, ветеран конкисты, прошедший через Санто-Доминго, Ямайку и Кубу.

В начале мая Нарваес со своим флотом показался у Веракруса. Уверенный в своем численном и техническом превосходстве, Нарваес повел себя по отношению к людям Кортеса и туземным вождям как новый хозяин Мексики. Поднялся ропот. Представитель королевского суда Санто-Доминго Лукас де Аильон констатировал, что край умиротворен и что Кортес стяжал себе отличную репутацию как среди своих людей, так и среди индейцев. Понимая, что вмешательство Нарваеса приведет к кровавому столкновению, он начал настаивать на отъезде уполномоченного Веласкеса. Нарваес потерял хладнокровие и взял аудитора под стражу, силой посадил на корабль и приказал шкиперу сдать пленника Веласкесу. Это было открытое неповиновение королевской власти! Шкипер не посмел выполнить приказ и доставил Аильона в Санто-Доминго. Местные власти пришли в негодование и обратились ко двору. Еще не приняв непосредственное участие в партии, Кортес уже заработал одно очко.

Но оставаться далее в стороне было нельзя. Кортес решил сначала действовать через своих агентов, проведя рекогносцировку. Его люди, переодевшись индейцами, проникли

в лагерь Нарваеса. Им удалось составить список членов экспедиции, направленной Веласкесом. Естественно, там была вся Куба, и Кортес знал лично почти всех участников похода. Тогда он распорядился тайно доставить им письма с предложением присоединиться к его войску. Он играл на законности своей власти, которая происходила из его реального присутствия в Мехико, и конечно же на обещаниях большой наживы в будущем. В результате Нарваес лишился значительной части своего экспедиционного корпуса и оказался в затруднительном положении. Но Кортес знал, что проблему можно решить только личным присутствием в Веракрусе. Через брата Бартоломея де Ольмедо он направил Нарваесу письмо, в котором извещал о своем прибытии и о желании встретиться. Кортес решил временно оставить Мехико, который поручил заботам Педро де Альварадо с отрядом в восемьдесят солдат. 10 мая император Мотекусома сопровождал Кортеса на Ицтапалапском шоссе. Испанцы направились к Чолуле и Тласкале, где Кортес намеревался получить эскорт из индейских воинов. У него было всего семьдесят человек против тысячи хорошо вооруженных солдат у Нарваеса. Собрав все резервы, он спускался к Семпоале.

В это время велась война разведок, которой посвящены десятки страниц многих хроник, в частности, принадлежащей перу Сервантеса де Салазара.[121] При помощи множества ухищрений, порой более подходящих для приключенческого романа, Кортесу удалось заручиться поддержкой почти всего отряда Нарваеса. Теплые воспоминания о былой дружбе, щедро раздаваемое золото и личный авторитет Кортеса сыграли решающую роль. И наконец в Троицын день, воскресенье 28 мая, Кортес организовал операцию командос в Семпоале. Была ночь, тропический ливень, обрушившийся на тотонакский городок, загнал часовых в укрытия и скрывал любой шум. Разбившись на четыре группы, люди Кортеса взяли Семпоалу. Молодой Гонсало де Сандоваль, земляк из Медельина, сумел захватить в плен самого Нарваеса, который укрылся на вершине главного храма. Уполномоченный Веласкеса и несколько его приспешников были брошены в тюрьму в Веракрусе. Кортес как великодушный правитель засвидетельствовал свое уважение великому касику Семпоалы, несмотря на то, что тот помогал его сопернику. Таким образом, в глазах индейцев он сумел представить себя образцом верности и постоянства в дружбе. Затем он принял командование над всеми войсками Нарваеса, припугнув колеблющихся. Ситуация изменилась коренным образом. Тогда как Веласкес рассчитывал выдворить Кортеса из Мексики, тот получил нежданные и неоценимые подкрепления. На этот раз корабли не

уничтожили, а всего лишь сняли с них снаряжение. Кортес распорядился убрать паруса, рули и навигационные приборы. Кортес живо представлял себе гнев и ярость Веласкеса.

Теперь, располагая свежими силами, Кортес мог подумать об укреплении своего присутствия вне Мехико. С этой целью он отправил Хуана Веласкеса де Леон исследовать Север, к Панукo, а Диего де Ордаса – Юг, к Коацакоалько, выделив каждому по двести солдат. Веракрус остался охранять Родриго Рангель, также получивший в распоряжение двести человек. Сам главнокомандующий, более прежнего убежденный в правоте своего плана колонизации, послал на Ямайку два корабля из числа тех, что прибыли с Нарваесом, для закупки племенного скота, чтобы в будущем заняться в Мексике животноводством.

Именно в это время Кортеса настигли известия о восстании в Мехико. В своем поническом послании Альварадо взывал о помощи. В отсутствие главнокомандующего взбунтовалась столица ацтеков. Только Кортес залатал одну брешь, как образовалась другая, больше прежней.

Снова резня

Мехико, Темпло Майор, май 1520 года

Печальной памяти резня в Темпло Майор (в главном храме столицы) произошла в середине мая спустя всего несколько дней после отъезда Кортеса в Веракрус. Ацтеки поставили в известность Альварадо, которому Кортес передал полномочия, о своем желании провести празднование Токскатля. Это торжество соответствовало в их церемониальном календаре празднику бога Тецкатлипока. Ритуал хорошо освещен в сохранившихся хрониках. После шествий и танцев в жертву приносили юношу, олицетворявшего бога. Альварадо не выказал никакого намерения воспрепятствовать исполнению обряда, и в назначенный день около шестисот мексиканцев собрались во дворе главного храма. Когда бой барабанов возвестил начало ритуальных танцев, в храм ворвался Альварадо с небольшим отрядом испанцев. Солдаты бросились на индейцев и всех искололи шпагами. Это вероломное нападение на безоружных людей потрясло Мехико. В городе вспыхнуло восстание. Ацтеки поднялись против испанцев, которые затворились во дворце Аксайякатля, прикрываясь ценным заложником в лице императора Мотекусомы.

Резня, совершенная по приказу Альварадо, оставила грязное пятно в истории конкисты. Выдвигались самые разные объяснения этому акту жестокости. Сторонники индейцев видели в нем доказательство кровожадности конкистадоров, защитники

испанского вторжения искали смягчающие обстоятельства. В том изложении, в каком это событие сообщается хронистами, резня в день Токскатля трудно объяснима. Какая муха укусила Альварадо, что он предпринял столь самоубийственный шаг? Что можно сказать об этом, не вступая в полемику? Чтобы понять причины резни в Темпло Майор, следует, наверное, отбросить все упрощенные поверхностные объяснения. Нерезонно предполагать, что Альварадо поставил под угрозу безопасность всех испанцев ради простого удовольствия прикарманить пару-тройку золотых украшений, снятых с убитых танцовщиков и жрецов. Предположение, что нападение было предпринято с целью помешать человеческому жертвоприношению также мало вероятно; в тот момент разумнее было бы просто закрыть глаза.

Таким образом, остается главная первопричина проблемы, а именно само пребывание в мае 1520 года в Теночтитлане горстки испанцев. В течение предшествующих семи месяцев Кортесу удавалось поддерживать взрывоопасное сосуществование своих людей и туземцев. Но это был Кортес, ловкий, умный, пользовавшийся уважением и сумевший даже вызвать к себе у Мотекусомы своего рода симпатию, правда, еще довольно хрупкую. Настолько хрупкую, что она не могла заставить замолчать сторонников конфронтации с обеих сторон. Кортес ушел, и ситуация изменилась. Не исключено, что группа воинственно настроенных ацтеков попыталась использовать открывшуюся возможность.

Для многих мексиканцев присутствие испанцев было невыносимым. Они не могли примириться с вторжением ни с политической, ни с идеологической, ни с религиозной стороны. Поведение самого тлатоани было крайне непонятным, и многие обвиняли императора в трусости. В этом контексте, когда могли сыграть роль и чисто психологические факторы, подъем антииспанских настроений мог вызвать панику у Альварадо и его крошечного отряда. Но хотя проведение праздника Токскатля не могло быть проявлением открытой враждебности по отношению к испанцам, вполне вероятно, что Альварадо просто испугался. Он мог заподозрить заговор там, где его вовсе не было. Не исключено, что на него подействовала гнетущая атмосфера в городе. Что могли сделать несколько десятков испанцев с сотнями тысяч воинов? Можно также предположить, что Альварадо попытался подражать Кортесу. Он видел в Чолуле, как можно спастись, нанеся удар первым и предупредив намерение врага. Вероятно, в его голове возникла мысль повторить чолульскую операцию. Но Альварадо было далеко до Кортеса. И он ошибся, как в анализе ситуации, так и в исполнении своего

смертельного маневра. Эта резня, которая не могла восприниматься иначе, как проявление жестокости и акт агрессии со стороны испанцев, стала последней каплей, переполнившей чашу терпения ацтеков. Своей кровожадностью Альварадо обратил против себя общественное мнение, которое Кортес умел смягчать добрым словом.

В центре конфликта стоит и сама личность Мотекусомы. Последний ацтекский тлатоани имел немало противников, которые обличали его попустительство, мягкотелость, нерешительность и бесхребетность. Не раз его выставляли своего рода пособником завоевателей. Как будто все забыли, что император был в плену у захватчиков с первого дня пребывания Кортеса в Мехико. В любом случае было бы неправильно судить Мотекусому по западным критериям. В Центральной Америке правитель не был диктатором, и индейское слово «тлатоани» означает «тот, кто держит слово», «тот, кто говорит» или «тот, кто умеет говорить». Правитель обычно избирался за свою способность выступать арбитром в спорах различных группировок и умение достигать согласия при решении важных затрагивающих общие интересы проблем. Тлатоани находился, таким образом, в нескончаемых переговорах с советом старейшин. Он должен был уравновешивать власть жрецов и воинов, следить за адекватным представлением каждого квартала в совете, не забывать о роли ремесленников и купцов в экономике города и всей империи. Другими словами, решения тлатоани исходили не из личных оценок ситуации, но основывались на том, что по его ощущению было общим в мнениях всех партий на конкретный момент времени.

Надо добавить, что Мотекусома пришел к власти в 1502 году, то есть спустя десять лет после высадки испанцев на Кубе. Можно с уверенностью предположить, что он не был лишен некоторого фатализма. Он знал, что, рано или поздно, пришельцы дойдут и сюда и его империя будет завоевана. Для него не стоял вопрос, принимать или нет присутствие испанцев, конкиста была свершившимся фактом. За его кажущейся мягкотелостью скрывались проницательность и трезвый расчет. Ключ к пониманию поведения Мотекусомы лежит в самом процессе скрещения рас, при котором происходит взаимное проникновение культур. Если Кортес был восхищен цивилизацией ацтеков, почему не предположить, что и Мотекусому могли привлекать некоторые аспекты европейской культуры? Разве может война решить все сложнейшие проблемы, которые неизбежно возникают при столкновении двух культур? Пролив кровь, Альварадо тем самым провалил политику, начатую Кортесом в Мексике.

Токскатльская резня стала не только позорным проявлением варварства. Она перечеркнула все планы сосуществования, которые лелеял Кортес. Для главнокомандующего это была катастрофа.

Когда 24 июня Эрнан вернулся со своими людьми из Веракруса, ситуация была уже безнадежной. Хотя никто не осмелился преградить ему путь к центру столицы, повсюду витал дух мятежа. Кортес никогда не рассказывал, как прошел его разговор с Альварадо. Видимо, ему удалось сдержаться. Однако никакие объяснения Альварадо не могли его убедить. Положение испанцев было отчаянным, и Кортес внутри кипел от негодования. Но в тот момент его главной заботой был тлатоани. Кортес понимал, что Мотекусома предан своими. Его заложник утратил всякую ценность и не скоро ее вернет. Осторожный конкистадор еще зимой приказал построить четыре шлюпа, которые стояли на якоре возле главного храма, обеспечивая возможность отступления по воде. Но ацтеки сожгли суда. Пути к отступлению не было. Испанцы оказались в ловушке.

В этой тяжелой атмосфере окончил дни тлатоани Мотекусома. 25 июня Кортес предпринял последнюю попытку переговоров. Он приказал вывести правителя ацтеков на крышу дворца Аксайякатля в надежде, что тот усмирит толпу и остановит стычки, но появление тлатоани не возымело действия. Его никто не желал слушать. Возбужденные воины оскорбляли его и осыпали бранью. В него полетели камни.

Сначала один, потом два, затем десять, а следом сотня. Толпа забрасывала своего императора камнями за предательство и переход к врагу. Прикрывая Мотекусому щитами и защищая его от ударов, испанцы начали отступать. Но тут тлатоани был тяжело ранен камнем в висок. Чувствуя себя преданным и покинутым, Мотекусома не боролся за жизнь. До самого конца он отказывался от принятия крещения, но попросил у Кортеса исполнить его последнюю волю и взять под свою защиту его детей – сына Чималпопока и дочь Текуичпо. Тлатоани скончался 28 июня 1520 года. Испанцам оставалось только бежать, пока еще не было поздно.

«Ночь Печали»

Теночтитлан, 30 июня 1520 года

С 25 июня, то есть с первого же дня после своего возвращения из Веракруса, Кортес был осажден во дворце Аксайакатля. Испанцы по многу раз в день пытались нащупать лазейку и выскользнуть из кольца ацтекских воинов. Но проблема

заключалась в том, что Теночтитлан был островом, и выйти из него можно было только по дамбам, которые были построены с разрывами, позволявшими воде беспрепятственно перетекать с одной стороны дамбы на другую. Над этими техническими промежутками были переброшены мосты, но для того, чтобы запереть испанцев в самом сердце города, ацтеки убрали или разрушили их. Кортесу предстояло захватить эти стратегически важные объекты. Он полагал справиться с этой задачей с помощью гуляй-городов – башен на колесах, защищавших от стрел и камней. Но эти осадные машины, сколоченные на скорую руку, не решили проблемы и не позволили установить контроль над мостами. Кортесу пришла в голову новая мысль, возможно, подсказанная Мариной. В центральноамериканской символике захват главного храма города означал победу над его защитниками. Кортес направил свои силы на захват Темпло Майор в надежде сломить боевой дух мексиканцев. После ожесточенного боя он завладел святилищем Уицилопочтли и Тлалока. Но вопреки ожиданиям боевой дух ацтеков не был сломлен, напротив, антииспанские настроения только усилились, и тиски блокады сжимались все сильнее.

Смерть Мотекусомы 28 июня была для Кортеса тяжелым ударом. Он лишился живого щита. Новым правителем был избран брат усопшего тлатоани Куитлагуак, который не относился к «умеренным». Тогда Кортес предположил следующий сценарий. Он думал, что ацтеки устроят своему почившему императору торжественные похороны, и решил воспользоваться этой возможной передышкой, чтобы бежать из Мехико. С самым откровенным цинизмом он приказал задушить правителей Тлакопана, Тлателолько и Текскоко, которых он удерживал в заложниках вместе с Мотекусомой в надежде, что похоронные процессии сразу во всех городах – спутниках Мехико отвлекут население от испанцев, пусть даже на день.[122]

Общее отступление было назначено в ночь на 30 июня. Кортес решил бежать по западной дамбе Тлакопана. Она имела в длину около трех километров, но была разбита на семь участков. Прорыв на юг по дамбе Ицтапалапа казался неосуществимым в силу большой ее протяженности. Путь на север к Тепейякаку также не годился, поскольку он пролегал через чрезвычайно густо населенные городские кварталы, где испанцы не смогли бы двигаться в безопасности. Осажденные подготовились к отступлению на Тлакопан, соорудив подобие передвижного моста, который должен был позволить им преодолеть семь стратегических пунктов, в которых ацтеки разрушили мосты. Кортес решил бежать ночью, вспомнив, что ацтеки ни разу еще не

дрались после захода солнца.

В тот вечер дождь лил как из ведра; жаровни, стоявшие в окрестностях дворца Аксайакатля, были затоплены водой. Часовые индейцев ослабили бдительность. Около одиннадцати часов показалась колонна испанцев. Командование авангардом было поручено Гонсало де Сандовалю. Солдаты должны были разблокировать дорогу и навести передвижной мост, без которого нельзя было преодолеть провалы моста. Сам Кортес встал во главе основных сил. В центре колонны он поместил раненых, которых везли на плащах, растянутых меж двумя нестроевыми лошадями; здесь же шли индейские жены конкистадоров, в том числе и Марина, двести пятьдесят воинов-тласкальтеков, тащивших пушки, и носильщики, которым был вверен скарб, а главное – казна испанцев. Перед выступлением Кортес собрал пятую часть добычи короля, проследил, чтобы ее навьючили на лучшую лошадь, заверил содержимое тюков у нотариуса; затем он взвалил на другую лошадь собственную добычу – свою пятую часть, которую поручил охранять одному из слуг. Вместе с Кортесом отступали Алонсо де Авила, Кристобаль де Олид, Бернардино Васкес де Тапиа. Арьергард был доверен Педро де Альварадо и Хуану де Веласкесу.

В полнейшей тишине, нарушаемой только шумом дождя, который помог укрыться от глаз и ушей часовых-ацтеков, испанцы беспрепятственно достигли третьего моста. Но в этот момент, когда конкистадоры все еще находились в самом сердце Теночтитлана, индейцы подняли тревогу. Ацтеки были начеку. Они и не собирались хоронить своего правителя и готовились к бою. Сандоваль успел проскочить, но за его спиной разыгралась трагедия. Произошла неописуемая свалка. Пресловутый передвижной мост вырвался из рук испанцев и ушел в тину. Ацтеки смастерили импровизированные пики, насадив украденные у испанцев клинки на длинное древко. Прячась в воде, индейцы неожиданно наносили ими удары, перерезая коленные суставы и поджилки лошадям. Началось невообразимое замешательство. Ночь огласили боевые кличи, улюлюканье, команды, призывы о помощи, крики и стоны. Для того чтобы преодолеть разрыв в дамбе, пришлось ждать, пока он не наполнится телами сраженных воинов. Перебраться на другую сторону можно было только по трупам. Весь арьергард оказался в западне. Некоторые в порыве отчаяния попытались пробиться назад ко дворцу Аксайякатля. Все они будут схвачены на следующий день ацтеками и принесены в жертву богам. Другие спасались кто как мог: пытались уплыть, спрятаться, пробиться с оружием в руках, подбирая мечи, щиты и шлемы убитых.

Отступление отряда Альварадо превратилось в беспорядочное бегство. Кортес, напротив, продвигался вперед. Он знал, что нужно добраться до Петлакалько к шестому мосту, где проходила городская черта, и тогда вплоть до Тлакопана уже не встретится серьезной преграды. Ацтеки были везде, по всей дороге. Они атаковали и с флангов, подплывая в своих легких каноэ. Не было и речи о том, чтобы применить пушки в такой сутолоке. Лучшим оружием были ноги, и бежать следовало только вперед.

По легенде, одной из причин разгрома испанцев в ночь на 30 июня стала их собственная алчность. Действительно, собрав две законные части добычи – свою и короля, – Кортес предоставил своим людям полную свободу. И немало свидетелей тех событий подтверждают, что некоторые так нагрузились золотыми слитками, что, упав в воду, камнем пошли ко дну под своей тяжелой ношей. Жадные погибли, тогда как более благоразумные спаслись, прихватив с собой всего лишь несколько драгоценных камней или золотых колец.

Кортес встретил рассвет, сидя на суше в Тлакопане. Он плакал, закрыв лицо ладонями. Под сенью гигантского дерева, которым когда-то еще можно было любоваться в нынешней Такубе, Кортес вел подсчет потерь. Из тысячи трехсот испанцев, составлявших испанский отряд в Теночтитлане, более половины пропало без вести. «Ночь Печали» пережили только шестьсот беглецов. Растерянные, сломленные, голодные и отчаявшиеся люди. В ночной схватке погибли почти все тласкальтекские принцессы и многие из детей Мотекусомы, которых Кортес хотел увезти с собой, чтобы сберечь и тем сдержать слово, данное умиравшему императору. Но были и чудом спасшиеся, среди которых Малинцин и Мария Луиза – дочь Ксикотенкатля и жена Педро де Альварадо. Последний был, наверное, единственным, кто уцелел из всего арьергарда. Он спасся благодаря своему феноменальному инстинкту самосохранения, который не подвел его даже при виде гибели всех своих товарищей – Хуана де Веласкеса, Франсиско де Сальседо и Педро де Морла.

Из людей Нарваеса не уцелел практически никто. Все они пали жертвой собственной алчности и неопытности. «Это золото сгубило их, – замечает Гомара. – Они умерли богатыми».[123] Кобыла, которая везла «пятую часть короля», исчезла в черной воде лагуны вместе с драгоценным грузом. Четыре тысячи тласкальтекских воинов также остались лежать на поле боя, что нанесло глубокую рану его союзникам. На какие силы мог теперь рассчитывать Кортес? Его пушки лежали на дне, увязнув в иле и песке. Он потерял восемьдесят лошадей. Он спрашивал себя: неужели испанцы и индейцы не могут прожить в мире? Неужели

повторится антильский сценарий? Почему, имея все карты на руках, он не сумел сыграть эту партию? Остались ли в нем еще силы поверить в свое предназначение?

Отступление

Тласкала, июль 1520 года

Кортес не был создан для спокойной, размеренно текущей жизни. Напротив, ему нужны были бури и волнения, чтобы по-настоящему показать себя. Только в минуты смертельной опасности и самых тяжких испытаний в полной мере проявлялись его беспримерные талант и храбрость. Он умел выигрывать безнадежные партии, справляться с неудачами и преодолевать невзгоды. Он не отступал там, где другой бы опустил руки. И в такие мгновения он был непостижим. Кортес находил в себе неиссякаемые источники энергии, и его уверенность передавалась окружающим.

У подножия дерева Кортес снова стал лидером. В его распоряжении осталась кучка утомленных и растерянных солдат и множество раненых. Тласкальтеки, понесшие тяжелые потери, сомневались в целесообразности союза с побежденными. Начинался новый день – первый день июля, – и ацтеки скоро должны были возобновить атаки, мобилизовав все города на берегу озера. Они знали, что испанцы разгромлены и их осталось только добить. Даже бог игры не поставил бы крошечного хлопчатобумажного лоскута на победу Кортеса. Но конкистадор не впал в уныние. Поговорив с каждым солдатом, он снова поднял дух своих людей. Марина договорилась с тласкальтеками. В боевом порядке, скрепленный общим стремлением выжить, отряд Кортеса поднялся к северу и закрепился на вершине холма недалеко от Ацкапотцалько, где впоследствии испанцы воздвигнут храм Божьей Матери Спасительницы. Индейцы отоми, населявшие окрестности, снабжали испанцев провизией. Но ацтеки и здесь не дали конкистадорам покоя. Чтобы избежать осады, Кортес приказал около полуночи оставить лагерь. Солдаты не спали уже трое суток. Этому скитанию не было видно конца. Эрнан взял на себя командование арьергардом, более всего подверженным риску нападения. Он принял решение идти на Тласкалу, и он дошел до Тласкалы, но каждый шаг пришлось пройти с боем. Кортес сражался под Тепотцотланом, в Тцомпанко и Халтокане. Испанцев мучил голод, и когда в битве при Теотигуаканом была убита лошадь, она была съедена солдатами без остатка. «От нее не осталось и клочка шкуры», – написал Кортес в своем отчете.[124] Некоторые даже дошли до подражания

тласкальтекам, поедавшим тела убитых врагов.

Ацтеки оправились от пережитого потрясения. Они провозгласили новым тлатоани Куитлагуака, и, поскольку любое восхождение на трон должно было сопровождаться войной, новый правитель решил перехватить испанцев на дороге в Тласкалу у города Отумба, соседствующего с Теотигуаканом, к северу-востоку от Теночтитлана. 7 июля Кортес располагал всего двумя сотнями испанцев и двумя тысячами тласкальтеков, способных дать бой. Из двадцати лошадей лишь немногие могли пуститься в галоп. Войска ацтеков вел киуакоатль – вице-император. Сам Куитлакуак не пожелал подвергать риску свою жизнь. Для Кортеса, находящегося на грани истощения, с раненой левой рукой и открытой раной на виске, этот бой был последним шансом. Все, кому довелось пережить эти дни, вспоминали об этой энергии отчаяния, оживлявшей лагерь испанцев наперекор логике и при полном отсутствии каких-либо шансов на спасение. И когда исход боя, казалось, уже был предрешен, Кортес с пятью или шестью оставшимися всадниками пробили копьями брешь в рядах индейцев и прорвались к самому киуакоатлю, который издалека с возвышенности осуществлял командование войсками. Испанцам удалось захватить его штандарт и регалии и даже сорвать с вождя головной убор из драгоценных перьев. Отступая перед яростно наседавшим противником, киуакоатль утратил присутствие духа и бежал. Его эскорт в страхе дал сигнал к общему отступлению. Как по мановению волшебной палочки сто тысяч воинов в один миг очистили поле битвы.[125]

Вот она, долгожданная Тласкала. Поймали судьбу за хвост. Тласкальтеки, еще несколько дней назад подумывавшие о расторжении союза с Кортесом, устроили выжившим триумфальную встречу при вступлении в город. Осыпанные ласками и почестями испанцы перевязывали раны. Кортес мог порадоваться, что Веракрус устоял. Тотонаки не изменили дружбе, и теперь в Мексике было только два противостоящих лагеря, всего только два – ацтеков и всех остальных племен, одним из которых были испанцы.

Восстание

Тордесильяс, сентябрь 1520 года

Кастилия была в огне и крови. Повстанцы избрали местом сбора Тордесильяс, потому что там находилась Хуана, «королева-владетельница» Кастилии. Они попытались привлечь ее к своему делу – низложить Карла V и вернуть престол Хуане, ее матери. Но королева из страха или сознавая собственную недееспособность

отказалась подписать хартию.

Конфликт обрел свои очертания с избранием Карла императором. Как только государь узнал о своей победе, он решил отбыть в Германию за императорской короной. Родригес де Фонсека организовал отплытие из Ла-Коруньи. Но казначеи империи были обеспокоены развитием ситуации. Казна была пуста, и долги, сделанные ради подкупа избирателей, могли привести в отчаяние самого закоренелого оптимиста. Карл V нашел решение. Он поднял налоги, и вся Кастилия должна была платить. Не желая откладывать свой отъезд, король решил выиграть время, созвав кортесы в непосредственной близости от порта – в Сантьяго-де-Компостела. Первый просчет: император собирал депутатов Кастилии в периферийной Галисии, политически слабо связанной с Кастилией и к тому же не представленной в кортесах!

Открытие кортесов 31 марта 1520 года прошло весьма шумно. Великий канцлер Гаттинара, уроженец Пьемонта, председательствовавший на заседаниях, не мог справиться с собранием. Нарушения регламента следовали за нарушениями. Под обстрел критики попал сам император, ничего не понимавший в дебатах. На упрек в том, что он раздает высокие посты и престижные должности иностранцам, он пообещал тех натурализовать! Король явно не понимал чаяний своего народа. Заседания были прерваны, затем снова возобновлены с 25 апреля. После туманных обещаний Карл V вырвал у депутатов согласие на чудовищные налоги, призванные покрыть расходы на его безумную избирательную кампанию, и 20 мая отбыл в Германию, передав Испанию в руки своего исповедника фламандца Адриена Утрехтского.

Вспышка возмущения не заставила себя ждать. Депутаты, проголосовавшие за налог, пережили тяжелые моменты. Началось восстание. Водворяя порядок, войска Карла V открыли огонь в Медине-дель-Кампо. Возмущение испанцев дошло до предела. В сентябре вожди восстания встретились в Тордесильясе. Здесь были представлены тринадцать городов: Сеговия и Толедо, где зародилось движение; Вальядолид, фактическая столица, восставшая 29 августа и изгнавшая из своих стен непопулярного регента-фламандца; Бургос, Авила, Сория, Леон, Самора, Торо, Куэнка, Гвадалахара, Мадрид и конечно же Саламанка.

Крупный университетский город сыграл немалую роль в том брожении, охватившем Кастилию с самого прибытия Карла из Гента. Там группа интеллектуалов, руководимая францисканскими, доминиканскими и августинскими монахами, взялась разработать политическую доктрину, особенностью

которой было сочетание революционного с традиционным. Избрание на трон Кастилии короля-чужестранца – к тому же вечно отсутствующего – некоторым образом лишило монархию ее законности и обоснованности: этот абстрактный король, не реальный и не испанский, уже сам по себе доказывал, что без него можно обойтись. Группа из Саламанки предлагала Испании политическую структуру, которая была подсказана итальянской моделью: города-республики управляются самостоятельно, оставаясь внутри единой общностью, представленной королем, который не имеет реальной власти, но становится символом единства страны и ее испанского духа. Законность правил организации этих городов-государств происходила из обычных муниципальных уложений – *fueros*, – считавшихся гораздо более древними, чем законы монархии, и принципов кастильского кодекса «*Siete Partidas*», составленного в XIII веке. Этими идеями и был пропитан изданный в Саламанке в феврале 1520 года *pregon de las comindades* – подобие хартии, которая объединила на кортесах в Сантьяго-де-Компостела противников короля Карла.

«Король есть наш наемник» – так без обиняков выразились кастильские депутаты на кортесах в Вальядолиде еще за два года до описываемых событий. Повстанцы из Тордесилтяса, *comuneros*, не желали более иметь своим королем того, кто не считает себя обязанным по отношению к своим подданным, того, кто не исполняет неписаный договор с народом. Они выступали не столько против чужеземного короля, не столько против налога, сколько против всей монархической системы в ее абсолютистской форме. Восстание объединило республиканцев, опередивших время лет на двести пятьдесят, и националистов, не находивших себя в этой европейской германо-римско-испанской империи без столицы и без собственного лица.

Новая Испания

Тепеака, октябрь 1520 года

В ста километрах к юго-востоку от Тласкалы в самом сердце высоких плато, образующих на горизонте бесконечную линию, лежал индейский город Тепейакак (Тепеака). Кортес выбрал это место, чтобы основать «надежный город на границе» (Segura-de-la-Frontera), откуда можно было контролировать страну тлаксальтеков и дорогу на Веракрус. Здесь в ничем не нарушаемой тишине он пишет одну бумагу за другой. После яростных битв конкистадору предстояло вести новые сражения, сменив меч на перо. Его врагами теперь были светские группировки, придворные и сам король. Он вел войну в

переписке, словами, сила которых была ему известна. Подобное положение не страшило Эрнана. Он играл на двух досках: удерживал земли силой оружия и вел бумажную войну, сражаясь словом и делом.

Прежде всего он решил возобновить свое наступление на ацтеков. Несмотря на дух поражения, витавший после Ночи Печали, он ни на шаг не отступил от своих планов. Раз достичь цели он может только войной, что ж, будет война.

Кортес первым делом составил несколько документов сугубо юридического характера. Чтобы обеспечить себе будущее, он заставил множество свидетелей заверить утрату пятой части добычи, причитающейся королю в бою 30 июня.[126] Он также вынудил своих капитанов выступить против Веласкеса и Нарваеса, на которых возложил ответственность за беспорядки в Теночтитлане. Если бы не произошла высадка экспедиции кубинского аделантадо, не было бы ни резни на Токскатле, ни восстания индейцев.[127] Эрнан поставил все точки над i в споре о финансировании его собственной экспедиции, который возник из-за слуха, пущенного Веласкесом, что он снарядил Кортеса из личных средств. Это было, конечно, неправдой, поскольку Эрнан приобрел семь из всех участвовавших в походе кораблей и оплатил все запасы провианта.[128]

Кроме того, Карлу V было направлено коллективное письмо, подписанное всей командой конкистадора, в котором сообщалось, что только они от имени короля избрали Кортеса главнокомандующим и верховным судьей, поскольку он этого заслуживал и более прочих был способен служить интересам короны, а также потому, что «Веласкес чинил вред власти королевской, побуждая туземных людей к мятежу». Послание, под которым стояло пятьсот сорок четыре подписи, завершалось просьбой «ради надлежащего населения и умиротворения этих земель да будет угодно Их Величеству дать нам в капитаны и судебные исправники оного Эрнандо Кортеса».[129] К этому письму Кортес добавил личную почту к своему отцу Мартину, своему доверенному лицу – кузену Франсиско Нуньесу и многим знакомым при дворе и в кулуарах власти.

Кортес наконец нащупал верную дорогу: рассказ о своем предприятии с момента высадки в Веракрусе. Он выбрал смешанный литературный жанр. Официально это произведение в сорок тысяч слов именовалось реляцией и адресовалось лично Карлу V. Но стоит обратить внимание на то, что получатель на сей раз был только один – «могущественный и католический государь, непобедимый император». Королева Хуана, упоминавшаяся в письме из Веракруса, на сей раз даже не была

названа. Кортес был хорошо информирован и обращался с властью с некоторой долей оппортунизма. Но вчитавшись, становится ясно, что свой рассказ Кортес писал не для одного короля. Призывая общество в свидетели, то есть пробуждая к своему завоеванию интерес публики, он препятствовал придворным и аферистам тайно строить свои козни. Главнокомандующий проявил себя как писатель, сочетая лирику и сухое изложение фактов, используя неожиданные повороты интриги, волнуя неизведанностью открываемых им земель, описывая нравы и обычаи их жителей, умея поставить «я» так, чтобы не свести все к своей личности. Послание Кортеса от 30 октября из Тепеаки так и не смогли квалифицировать, называя безразлично «письмом» (carta) или «донесением», что, впрочем, вполне обоснованно, поскольку конкистадор и здесь сказал новое слово, предвосхитив появление жанра «открытого письма»: он делал достоянием общественности вопрос о власти, ранее являвшийся прерогативой ограниченного круга приближенных к государю. Кортес не мог удержаться от мысли о публикации. Как и предполагалось, его вторая реляция из Тепеаки была напечатана в Севилье[130] в 1522 году, выведя типографии за университетские рамки и превратив их в современное информационное средство устрашающей силы.

Вторая реляция содержала в себе весьма убедительный политический аргумент. Кортес объявлял императору, что собирается окрестить свои завоевания «Новой Испанией». «Мне показалось, что наилучшим именем для этой земли будет Новая Испания моря-океана. Так назвал я эту землю от имени Вашего Величества и смиренно прошу принять и благословить его».[131] За этой незначительной на сегодняшний взгляд деталью скрывалось очень многое. В 1520 году Испания была еще не более чем концепцией, идеей единства и однородности старинных территорий, составлявших королевства Кастилии и Арагона. Эта политическая концепция опережала реальное положение вещей, поскольку в начале XVI века Испания была еще далека от единого государства. Применив термин «Новая Испания», Кортес одновременно продемонстрировал передовой образ мысли и определенное тактическое чутье: с одной стороны, он помогал Карлу V насаждать идею великой, сильной и единой и неделимой Испании; с другой – в зародыше пресекал все возможные поползновения к разделу его завоеваний, которые не заставили бы себя ждать, если бы аппетиты не были удержаны твердой рукой единой власти. Он оказал политическую поддержку императору, признав существование Испании свершившимся фактом и гарантировал себя от растаскивания приобретенных

мексиканских владений. Его семантический «путч» увенчался успехом: к концу конкисты Испания станет реальностью, а Мексика никогда не будет разделена!

Кортесу оставалось только подыскать надежных гонцов, чтобы доставить свое впечатляющее послание. Выбор пал на Диего де Ордаса в Кастилии и Алонсо де Авила в Санто-Доминго, где располагалась Аудиенция. Теперь, когда он почувствовал, что будущее в его руках, Эрнан даже позволил себе роскошь отослать некоторых людей Нарваеса обратно на Кубу. Кортес дал согласие на отъезд своего друга и помощника Андреса де Дуеро, секретаря Веласкеса, с которым он обсуждал возвращение людей Нарваеса в Веракрус. Эрнан передал ему конверт для своей законной жены Каталины, письмо для кубинской любовницы Леоноры и немного золота для обеих. Кортес приводил свои дела в порядок. Ему было тридцать пять. Он был готов к своей Реконкисте.

Коронация

Ахен, октябрь 1520 года

12 октября 1520 года в Ахене царило ликование: в город торжественно вступал Карл V. Щедрая раздача денег дала ожидаемый эффект. Курфюрсты были приведены в великолепное расположение духа и собрали многотысячную массовку. Встреченный с почестями при въезде в город, юный Карл V вступал в столицу Карла Великого в окружении доброй тысячи всадников. Повсюду пажи, оруженосцы, трубы, штандарты, лошади, укрытые дорогими попонами. Испанские гранды, сопровождавшие императора, разбрасывали серебряные монеты. Воздух наполнял праздничный перезвон колоколов. У тщедушного императора слегка кружилась голова. Он принес присягу. На языке, которого не понимал, он клялся защищать сильных от слабых, оберегать князей от их подданных; обязался назначать на ответственные посты исключительно немцев. Немцев, которые, взяв его деньги, его же унизили: поскольку он не знал ни латыни, ни немецкого, его заставили провозгласить, что только эти языки будут впредь считаться официальными; а ведь до его избрания на сейме говорили по-французски!

Бедняга Карл чувствовал, как мало он значит. Теперь, когда он покинул Испанию, посеяв в ней мятеж и, быть может, даже не думая о возвращении, когда он предпочел немецкую корону в тайной надежде, что ее окажется легче нести, его одолевали сомнения.

23 октября Карла короновали в восьмиугольной часовне Каролингов с помпой, польстившей его самолюбию. Он стал

императором Германии. Чтобы стать еще и римским императором, надо было получить благословение папы в Риме. Карл закрыл глаза. Ему слышались крики мятежной толпы и треск пожаров в Кастилии. Он не был уверен, что вернется туда. За две недели до коронации он назначил адмирала и коннетабля Кастилии в помощь Адриену Утрехтскому; сделал их вице-королями. За этой уступкой кастильской аристократии стояла передача полномочий, которая только подчеркнула лубочный и нереальный характер его власти. В своих мыслях Карл был далеко от Испании. И еще дальше от Мексики, сокровища которой тем не менее были с ним.

Посылка Кортеса попала в руки короля незадолго до его отъезда в Кёльн. Многие придворные в восторге убеждали императора взять эти драгоценные дары с собой. Надо было показать этим фламандцам, немцам, а заодно и аугсбургским банкирам, что Мексика даст все необходимые средства, чтобы обеспечить соответствующее положение императору и оплатить его долги. Не случайно в тот момент, когда Карл принимал корону Священной Римской империи, всего в ста тридцати километрах от знаменитой часовни открывалась большая выставка предметов мексиканского искусства, которая так восхитит Альбрехта Дюрера. В парадной зале муниципального дворца Брюсселя воображение посетителей поражали предметы, собранные за год до этого Кортесом в Веракрусе. Педро Мартир пришел в восторг при виде двух «книг», вошедших в коллекцию. Дюрер записал в своем дневнике: «Никогда еще за всю мою жизнь я не видел вещей, столь порадовавших мое сердце. Там были великолепные предметы искусства, и я восхищался тонким мастерством и умением людей из тех чужих земель. Я был не в силах выразить мои чувства».[132] Возможно, лишь золото ацтеков заставило Карла V спустя два года вернуться в Испанию.

Эпидемия

Теночтитлан, ноябрь 1520 года

Его звали Гвидела; это был чернокожий раб Нарваеса, жизнерадостный весельчак, неутомимый говорун и сочинитель, несколько хвастливый и нагловатый. Потеряв хозяина, брошенного в тюрьму, он присягнул Кортесу в Веракрусе и сделал это столь оригинально и неподражаемо остроумно, что, по легенде, конкистадор наградил его золотой короной стоимостью более шестисот песо. «Если вы когда-нибудь повелите заковать меня, – ответил негр Кортесу, благодаря за подарок, – то пусть мои кандалы будут сделаны из этого металла».[133] Но скоро

балагур Гвидела заболел. Он заразился оспой и скоропостижно скончался в Семпоале. Эпидемия распространилась по всей Мексике с быстротой молнии. Болезнь охватила побережье в сентябре, а с октября поразила все города Центрального плато. Оспа, не слишком опасная для европейцев, была совершенно неизвестна в этих краях и несла аборигенам смерть. Скоро не осталось достаточно здоровых людей, чтобы хоронить умерших. Некому было выращивать маис, молоть муку и печь лепешки. В Теночтитлане трупы бросали в озеро, где они разлагались. Воздух отравляло невообразимое зловоние. Погибшие исчислялись десятками, если не сотнями тысяч. Правитель Мексики, преемник Мотекусомы, тлатоани Куитлагуак скончался от оспы 25 ноября. Брат Мотекусомы продержался у власти всего восемьдесят дней.

Многие историки подчеркивали, что оспа стала неожиданным союзником испанцев. Это была первая из эпидемий, поражавших американский континент на протяжении XVI века. Но если рассмотреть воздействие поветрия в демографическом плане, то, как бы ни свирепствовала болезнь в 1520 году, за те три месяца, что продлилась эпидемия, она не могла нанести действительно непоправимый урон населению Мексики. Напротив, ускорив наследование трона Ацтекской империи, оспа сыграла против испанцев. Преемником Куитлагуака был избран юный восемнадцатилетний принц Куаугтемок. Этот двоюродный брат Мотекусомы являлся представителем самых непримиримых противников испанцев. Сам Куаугтемок был отнюдь не дитя невинное и ничуть не отличался от прочих правителей Возрождения, вершивших свои дела при помощи интриги и яда. Чтобы взойти на престол, он приказал умертвить всех сыновей Мотекусомы, способных оспаривать власть, в частности, любимца покойного императора, которого он сам провозгласил своим наследником, – Асупакачи.[134] Новый правитель не боялся пролить кровь. Кортесу противостоял более опасный противник, чем мягкий и цивилизованный Мотекусома.

Подготовка

Текскоко, апрель 1521 года

Мехико-Теночтитлан был островом, значит, и брать его предстояло с воды. Кортес решил осадить столицу ацтеков, организовав морскую блокаду города. С этой целью он собрался подготовить в Тласкале, ставшей его тыловой базой, тринадцать десантных судов. Он попросил некоего Мартина Лопеса – корабельного плотника, которого он захватил с собой, – сконструировать бригантины, пригодные для действий под

Мехико. В ход пошло все, что можно было снять в Веракрусе с затопленных кораблей. Вместо пакли использовалась сосновая смола. В столице тласкальтеков, превращенной в морскую верфь, вскоре появились заказанные тринадцать бригантин. Эти суденышки были без палубы, но имели по скамье на шесть гребцов по каждому борту и могли идти под парусом. Чтобы обеспечить хорошую маневренность на воде озера Мехико, их осадка не должна была превышать семидесяти сантиметров. Они достигали в длину около двенадцати метров и могли взять на борт двадцать пять человек. На носу отводилось место под небольшую пушку. Строительство судов было полностью завершено в Тласкале, и там же прошли испытания; река Зауапан послужила водным демонстрационным полигоном.

Кортес заручился поддержкой важного города Текскоко на правом берегу озера Мехико. В течение марта и апреля 1521 года по серпантину горной дороги из Тласкалы в Текскоко, пересекающей сьерру, не прекращалось оживленное движение. Носильщики-тласкальтеки на гигантских носилках перенесли все тринадцать десантных судов для атаки столицы ацтеков с воды. Пока тласкальтеки занимались доставкой снаряжения, в Текскоко развернулись другие титанические работы: по распоряжению Кортеса там возводился искусственный порт, совмещавший в себе формы сухого дока и широкого канала для спуска на воду тринадцати судов.

В течение всего этого времени войска Кортеса готовились к осаде Мехико, захватив постепенно все города по берегам залива. Сначала испанцы стали хозяевами восточного берега от Теотигуакана до Чалько, позже, после другой экспедиции, под их контроль перешли северный и западный берега. За города Ацкапоцалько и Тлакопан конкистадорам пришлось вести исключительно жестокие бои. По легенде, поднявшись на вершину высокой пирамиды Тлакопана, откуда открывался величественный вид на озеро, окружавшее столицу ацтеков, Кортес загрустил при мысли, что ему предстоит еще сражаться и жертвовать жизнями людей, чтобы стать хозяином этих мест. Говорили даже, что какой-то неизвестный поэт из солдат сочинил пьесу о конкисте, в которой на печали Кортеса перед главным штурмом делался особый акцент как на ключевом моменте драмы. В марте главнокомандующий удерживал всю южную часть бассейна Мехико, подумывая уже о привлечении на свою сторону людей Куаутнауака (Куэрнавака) и Оакстепека, чтобы исключить и малейшую вероятность нападения с тыла.

28 апреля 1521 года Кортес решил, что подготовка к кампании завершена, и устроил смотр своим войскам. Его армия

насчитывала теперь чуть более семисот солдат при восьмидесяти пяти лошадях, ста десяти арбалетах и пищалях, трех тяжелых пушках и пятнадцати легких полевых орудиях. Дела, несомненно, обстояли намного лучше, чем год назад после Ночи Печали. Кортесу удалось очень своевременно, хотя и самовольно заполучить нежданные подкрепления. Не зная ничего о судьбе Нарваеса, Веласкес направил с Кубы два корабля за новостями: один под командованием Педро Барба, второй – Родриго Морехон де Лобера. Оказавшимся в плену экипажам не оставалось иного выбора, кроме как присоединиться к войску Кортеса; их лошади и оружие стали военными трофеями. За октябрь и ноябрь прошедшего года гарнизон Веракруса завладел тремя кораблями с командами, лошадьми и вооружением. Эти корабли были неосторожно направлены туда ямайским губернатором Франсиско де Гарай, который с неизменным постоянством хотел заполучить себе фьеф[135] на побережье Мексиканского залива. Все три его помощника были[136] обработаны Кортесом по той же схеме устрашения. В феврале пришел корабль непосредственно из Кастилии. Он доставил Хулиана де Алдерете, назначенного Аудиенцией Санто-Доминго казначеем Его Величества. На корабле кроме солдат, оружия и продовольствия находился и францисканский монах отец Мелгарехо, чей дипломатический талант впоследствии сослужит Кортесу немалую службу. И наконец, в начале апреля в гавани Веракруса бросил якорь торговый корабль с Канарских островов, принадлежавший некоему Хуану де Бургосу. Нечего и говорить, что Кортес купил все – оружие, порох, тетиву для арбалетов и трех лошадей. А пассажиры пополнили ряды конкистадоров.

Очевидно, что основу войск Кортеса составляли отряды индейских воинов. Главной победой главнокомандующего было то, что он сумел привлечь на свою сторону почти все прибрежные города. Часть жителей Текскоко и Тлакопана, правда, предпочли сохранить верность ацтекам из Теночтитлана. Но эти противники испанцев укрылись на острове Мехико, который конкистадоры окружили уже со всех сторон. Кортес мог рассчитывать на силы численностью от пятидесяти до ста пятидесяти тысяч человек, готовых прийти по первому зову. Приозерные города предоставили Кортесу также шесть тысяч пирог. Взятие Теночтитлана становилось, таким образом, индейской войной. Должно быть, агрессивность и алчность ацтеков были невыносимы, раз столько туземных городов предпочло вступить в союз с испанскими захватчиками.

Незадолго до начала военных действий Кортес решил еще раз поразить умы. Он знал о ропоте недовольства как в испанском

лагере, так и у науа. Некоторые хотели оспорить его власть и были готовы пойти даже на его физическое устранение. Следовало устрашить вождей зарождавшегося мятежа. От испанцев оппозицию возглавлял Антонио де Вильяфанья. Он был предан суду, приговорен к смерти и без промедления повешен в Текскоко. От индейцев во главе недовольных стоял Ксикотенкатль, юный тласкальтекский принц. Обладая пылким, кипучим характером, он был крайне высокомерен, что не прощалось в Центральной Америке, и настроил против себя всех других вождей Тласкалы. Его заподозрили в подготовке тайного союза с Куаугтемоком. Кортесу стало об этом известно, и индейца повесили также в Текскоко в присутствии всех туземных воинов. На всякий случай Кортес обзавелся личной охраной из шести солдат, которым мог полностью доверять, под командой своего друга Антонио де Квиньонеса. Охрана находилась при нем неотступно день и ночь. Близилась развязка решающей партии, и ненужному риску подвергать себя уже не хотелось.

Ацтеки осознали, что окружены и брошены всеми союзниками. В Теночтитлане и Тлателолько собралось около трехсот тысяч воинов с женами и детьми. Они приготовились к последней схватке. Кортес не желал их гибели и неоднократно пытался завязать переговоры с Куаугтемоком. В середине апреля полномочные представители сторон встретились посреди озера; парламентеры говорили, стоя в лодках. Но Кортесу не удалось убедить Куаугтемока. Тот желал умереть с оружием в руках, как и его собратья, решившие защищаться до конца. Ацтеки сохранили мужество, но оставалась ли у них надежда?

Расправа

Вильялар, 23 апреля 1521 года

В апреле 1521 года Карл V находился в Вормсе, где проходило заседание сейма – первого со дня его избрания императором. Управлять делами Германии оказалось ничуть не легче, чем испанскими. Многие рейнские дворяне пошли за Лютером, публицисты и памфлетисты-гуманисты подрывали устои политического устройства империи. Пока анабаптисты Мюнцера готовили радикальный переворот, в деревне разгоралось пламя крестьянской войны…

Карл V наконец решился: хотя он втайне и мечтал еще о Бургундии Карла Смелого, он выбрал Испанию. Он вызвал в Вормс своего брата – молодого эрцгерцога Фердинанда, чтобы передать ему германское наследство: пять австрийских герцогств и все немецкие владения Габсбургов. Кроме всего, Карл устроил

свадьбу брата с Анной, дочерью венгерского короля Людовика II, который, в свою очередь, женился на их сестре Марии. Затем он пригласил в Вормс уже отлученного от церкви Лютера, гарантировав тому неприкосновенность. Лютер дважды выступал на сейме по просьбе императора. 18 апреля он завершил свою длинную и блистательную речь следующими словами, сказанными с глубоким убеждением: «Мой разум и моя совесть во власти слова Господня. Я не могу и не хочу ни в чем отступать, ибо неразумно и непорядочно идти против своей совести».[137] Карл V ответил: «Мы слышали вчера речь Лютера. Я больше не буду слушать его. Он может воспользоваться своей неприкосновенностью, но с нынешнего дня я считаю его отъявленным еретиком». Лютер поспешил покинуть Вормс. 26 мая Карл V подписал эдикт, по которому Лютер подвергался имперской опале.

Кастильская фронда все чаще напоминала о себе. Комунерос взяли под свой контроль города; стратегия отказа от уплаты налогов истощала королевскую казну. Зима 1520 года выдалась суровой для сторонников короля, и настроения идальго разделились практически поровну между революционным переворотом и сохранением консервативного порядка. В стороне от движения оставалась одна лишь Андалусия, на которую пролилось дождем американское золото. Но в этот момент вмешалась Португалия. Дальновидный король Мануэль I решил прийти на помощь вице-королям и дал деньги на армию, которая должна была подавить восстание комунерос. Мятежники были вынуждены оставить Тордесильяс, а затем, 23 апреля, потерпели оглушительное поражение под Вильяларом. Вожди повстанцев были схвачены. Правосудие Карла V действовало без проволочек. Уже на следующий день Хуан де Падилья, Хуан Браво и Франсиско Мальдонадо были приговорены к смерти и немедленно казнены в присутствии кардинала Адриена Утрехтского. На Старую Кастилию обрушились безжалостные репрессии. Восстание было утоплено в крови. На следующий год Карл V смог вернуться в Испанию, над которой еще не рассеялся дым пожарищ.

Осада

Мехико-Теночтитлан, июнь 1521 года

Осада Теночтитлана началась 30 мая. В этот день Кортес приказал перекрыть подачу в город воды по акведуку Чапультепека. Водоснабжение осуществлялось по акведуку с двойной циркуляцией, обеспечивающей постоянную очистку.

Вода поступала из родника у подножия холма Чапультепек к западу от города. Питьевой воды в Теночтитлане не хватало, и торговля водой находилась в руках крайне активной и влиятельной корпорации лодочников. Без воды Мехико ждали мучения и гибель, и тот, кто владел Чапультепеком, держал в руках ключи от столицы. Для ацтеков обстоятельства складывались самым худшим образом.

Кортес разместил три стратегических гарнизона: один к западу, на тлакопанском шоссе, два других к югу – в Ицтапалапе и Койоакане, которые контролировали широкое прямое шоссе, ведущее в центр Мехико. Три испанских отряда должны были атаковать одновременно, стараясь прорваться в самое сердце столицы ацтеков. Некоторые исследователи отмечают, что Кортес упустил из виду северную дамбу, выводившую к Тепейакаку. Те, кто видит в этом тактическую ошибку, глубоко заблуждаются. Кортес намеренно оставил этот путь свободным, чтобы при штурме с южной стороны у ацтеков была возможность бежать на север. Он хотел тем самым избежать кровавой бани. Но индейцы и не помышляли о бегстве, затворившись в городских укреплениях. Ацтеки храбро защищали Ицтапалапу, но осадные суда доказали свою эффективность, хотя Кортесу с трудом удалось подыскать для них гребцов. Он желал, чтобы экипажи состояли исключительно из испанцев, но тут вдруг все его солдаты открыли у себя дворянское прошлое и с возмущением идальго отвергли недостойную работу галерного гребца! Десантные группы наступали одновременно с обоих флангов: такое расположение судов давало дополнительное преимущество. Дамба Ицтапалапы была перекрыта так, чтобы обеспечить достаточный проход для переброски части штурмовых отрядов и снаряжения с западного берега. Развертывание сил завершилось.

Трижды испанцы врывались в город и доходили до центральной площади, но десантники не могли удержать захваченных позиций и откатывались назад. Одному отряду даже удалось подняться на вершину главного храма Темпло Майор, и, забыв про указания Кортеса, разгоряченные боем солдаты посбрасывали вниз индейских идолов и подожгли два соединенных друг с другом храма. «От этого с души воротило», – признавался впоследствии Кортес.[138] Но, даже лишившись своих богов, ацтеки продолжали сражаться. Главный очаг сопротивления образовался на рынке Тлателолько, где были собраны остатки продовольствия и запасы оружия: луки, стрелы, шипы и духовые трубки, пращи, щиты и *макиаутль* – подобие палицы, утыканной обсидиановыми осколками, которые резали не хуже бритвы.

30 июня Кортес вместе со всеми капитанами повел своих солдат на штурм рынка Тлателолько. Несомненно, ими двигало стремление стереть воспоминание о постыдном прошлогоднем поражении. Но и на этот раз ацтеки разрушили дамбы позади испанцев, и те снова оказались в ловушке. Хотя Ночь Печали и не повторилась, испанцы потерпели в этот день серьезную неудачу. Тяжелораненый Кортес был вынесен с поля боя телохранителями, которым удалось доставить его на дамбу Тлакопана. Испанцы потеряли более шестидесяти человек убитыми, какая-то часть попала в плен. Солдатам Кортеса довелось увидеть, как их товарищей приносили в жертву: вырывали сердце, отрубали голову и торжественно возлагали трофей на *цопантли* – алтарь черепов. Поражение 30 июня посеяло раздоры в лагере испанцев. Все обвиняли друг друга в допущенных ошибках; победа, которая казалась такой легкой и скорой, неожиданно отдалилась. Беспокойство усилилось, когда поступили вести о том, что восстали жители Малиналько и индейцы-матлацинка из сьерры и наступают в направлении южной части долины Мехико. Возникла реальная угроза оказаться зажатыми в клещи. Кортес послал два отряда под командованием Андреса де Тапиа и Гонсало де Сандоваля для ликвидации возникшей угрозы. Испанцы временно прекратили атаки, но город по-прежнему был в осадном кольце. Был сезон дождей, и все ночи напролет на Теночтитлан низвергались потоки тропического ливня. Ацтеки собирали, как могли, дождевую воду, и этот дар небес поддерживал маленький огонек надежды.

Интриги

Сантьяго-де-Куба, июнь 1521 года

Местный судебный исполнитель Алонсо Зуасо подшивал в дело показания первых свидетелей на двухстах пятидесяти листах, и Веласкес радостно потирал руки. Стояла невыносимая жара, и самая легкая одежда липла к телу, но Зуасо не давал проветривать свою темную комнатку из опасения, что сквозняк унесет бумаги досье. Веласкес полагал, что уже взял реванш. Девять беглецов, уцелевших в Ночь Печали и великодушно отпущенных Кортесом на Кубу, согласились свидетельствовать против своего командира. Даже Андрес де Дуэро опустился до участия в этой нечистой игре. И аделантадо, которого к тому времени разнесло как бочку, ликовал. Его ненависть к Кортесу (которую в Кастилии с ним разделял Фонсека, богатейший епископ Бургоса, управлявший американскими колониями) давно перешагнула за пределы разумного и стала патологической. Он

жил одной лишь надеждой повергнуть в прах завоевателя Мексики. Он грезил о мести день и ночь, думал и говорил только о ней. Веласкесу удалось добиться от королевского суда Санто-Доминго разрешения начать судебный процесс, и теперь он наслаждался опросом свидетелей, приходивших бросить свой камень: Кортес-де поощрял каннибализм, загребал себе все золото, дурно обращался с индейцами, присвоил корабли Нарваеса, а его самого ранил и бросил в тюрьму… Нашлось немало интересного и для инквизиции: Кортес позволял своим солдатам играть в азартные игры и богохульничать. Веласкес был уверен в своей победе и уже предвкушал тот момент, когда нанесет врагу последний неожиданный и смертельный удар. Не виделся ли уже ему Кортес в пламени костра?

Аделантадо островов и земель Санта-Крус, Санта-Мария-де-лос-Ремедиос и Сан-Хуан-де-Улуа еще крепче уверовал в неотвратимость и силу грядущего удара после того, как узнал от Хуана Родригеса де Фонсека об отстранении Кортеса и назначении на его место марионетки Кристобаля де Тапиа, инспектора литеен Санто-Доминго. Для большей безопасности Фонсека жаловал алчному Франсиско де Гараю право колонизировать все земли, лежащие между Флоридой и Веракрусом, при том что Тапиа должен был договориться с ямайским губернатором о проведении границ. Все обещало Кортесу большие неприятности.

6 июля Зуасо приказал приостановить опрос свидетелей, который и так затянулся, «поскольку все они говорили одно и то же».[139] Ученый юрист вышел пройтись по набережным Сантьяго. Он не смог сдержать улыбки, вспомнив, как Кортес в бытность свою алькальдом Баракоа ввел в герб города крокодила.

Поражение ацтеков

Мехико-Теночтитлан, 13 августа 1521 года

В виду того что ацтеки не желали оставлять свою столицу, Кортес приказал перекрыть северную дамбу, которая вела из Тлателолько в Тепейякак, там, где позднее будет возведен храм Божьей Матери Гваделупской. Все сухопутные и водные пути были перекрыты. Осадные суда тотчас перехватывали все каноэ, как только те осмеливались высунуться из блокированной гавани. В городе начался голод. Но еще раньше ацтеки стали умирать от жажды. Лишенные пресной воды, они пили соленую воду лагуны, которая и прежде никуда не годилась, а теперь, когда в ней плавали разлагавшиеся трупы, можно себе представить, какая складывалась в городе санитарная обстановка. Дизентерия и

лихорадка собирали свою жатву.

В конце июля тиски сжимались все сильнее. Участились атаки испанцев, проникавших в самый центр города. 24 июля был подожжен дворец Куаугтемока; огонь перекинулся на соседние дома. Войска Кортеса захватили уже три четверти столицы. Но Тлателолько продолжал обороняться; этот город-спутник Мехико, построенный на соседнем островке, стал последним очагом сопротивления. Но сил сдерживать натиск испанцев и их союзников-индейцев уже не было. 30 июля после яростного сражения пал храм Тлателолько. Бой переместился к огромной рыночной площади, которая когда-то так восхитила конкистадоров. Здесь собрались все уцелевшие ацтеки и их союзники: мужчины, женщины, дети и старики; воины с неукротимым мужеством превратили площадь в укрепленный лагерь и готовились к отражению новых атак. Но Кортес не решился продолжать штурм, не желая резни. Более недели он настойчиво предлагал начать переговоры о сдаче. Куаугтемок не менее упорно отвечал отказом. За каждой новой стычкой следовало предложение сложить оружие, на которое осажденные всегда отвечали отказом.

Ацтеки решили умереть. Положение было безнадежным, и молодой правитель Куаугтемок, сторонник «войны до победного конца», попытался бежать на пироге. Во вторник вечером 13 августа 1521 года под громовые раскаты сильной грозы, разразившейся над озером, лодка тлатоани была перехвачена осадным судном; испанцы принудили к сдаче малочисленную команду пироги. Вместе с Куаугтемоком в ней находились все правители городов Тройственного союза: Коанакоч, правитель-диссидент Текскоко и Тлетлепанкецаля, правитель Тлакопана. Капитан судна Гарсия Холгуин сдал пленных Сандовалю, который, в свою очередь, доставил их Кортесу. Тот встретил Куаугтемока с полагающимися правителю почестями, но тлатоани мучил стыд, ведь он бежал, хотя и обещал своему народу умереть вместе с ним. По легенде, он выхватил у Кортеса кинжал, висевший у пояса, и попытался заколоться. Кортес помешал ему свести счеты с жизнью. Он вывел правителя ацтеков на крышу одного из зданий и там, возвышаясь над грудой дымящихся развалин, которой стала гигантская столица ацтеков, Куаугтемок призвал своих воинов прекратить сопротивление. Это был патетический момент. Переворачивалась страница истории: науа, наследники трехтысячелетней культуры, теряли власть над Мексикой.

Потери ацтеков были катастрофическими. Во всех текстах приводится цифра в почти сто тысяч убитых, пропавших без вести

и умерших от голода и эпидемий, вызванных осадой. Сражение за Теночтитлан было не войной, а скорее самоубийством. Самоубийством народа, который подобно тайнос из Санто-Доминго предпочел расстаться с жизнью, чем со свободой, но в случае ацтеков еще и с властью, величие и престиж которой они поддерживали тридцать веков.

Падение Теночтитлана – безусловно, не самый светлый эпизод в истории Мексики. Кто мог бы сомневаться в том, что за победой испанцев и их союзников последует череда жестокостей, насилий и сведений старых счетов? Кортес не мог помешать разграблению города солдатней, опьяневшей от победы. Испанцы были одержимы только одной целью: отыскать золото, потерянное в Ночь Печали 30 июня 1520 года. Королевский казначей Хулиан де Альдерете занялся обращением пленных ацтекских воинов в рабов. Их относили к боевым трофеям, поэтому раскаленным железом клеймили гербом Карла V. Кортес предвидел такой исход, но даже его поразила свирепость солдат. Молодые ацтекские женщины заплатили тяжелую дань победителям, жаждущим отдыха и наслаждений.

17 июля Кортес обосновался в Койоакане в южной части большой лагуны. Теночтитлан походил на огромный крематорий, где сжигали полуразложившиеся трупы. Никто не мог укрыться от тошнотворного запаха. Бойня в Теночтитлане явила собой картину такого опустошения, умолчать о котором не сумел ни один хронист. Но кто смог бы рассказать о страдании народа, его униженной гордости, низвергнутых богах? Мир индейцев Центральной Америки рухнул. Сановники бывшей империи пожаловались Кортесу на солдат, похитивших их жен. Тот обещал возвратить их, по крайней мере позволить тем, кто захочет, вернуться к своим очагам. Но, как сообщает Диас дель Кастильо, только три пожелали вернуться к прежним мужьям.[140]

Перед Кортесом стояли другие, более существенные проблемы. Предстояло делить добычу и переходить на язык золота. Все свидетельства сходятся в том, что трофеи были невелики. Дни и ночи испанцы неутомимо искали прежнюю казну Мотекусомы, все те золотые слитки, отлитые Кортесом для уплаты королевской квинты. На это золото и рассчитывали теперь конкистадоры. Они уже видели себя богачами, а теперь золото ускользало из их рук, подобно чудесному сну, тающему с пробуждением. Ныряли на дно озера, копались в руинах дворцов, храмов, правительственных зданий и частных домов; опрашивали, допрашивали, пытали. Золото Мотекусомы исчезло без следа. В войске начался ропот, Кортеса обвиняли в неспособности выполнить данные обещания. Налоговые агенты во

главе с Альдерете жаловались на скромные размеры королевской квинты.

Мало-помалу умами завладела мысль, что это Куаутемок спрятал золото Мотекусомы, а значит, должен был знать, где находится тайник. Кортес согласился подвергнуть пытке последнего ацтекского тлатоани и одного из его приближенных – важного сановника из Тлакопана. Испанцы надеялись вырвать секрет, поливая ноги несчастных кипящим маслом. Но ни один из них не заговорил. По версии Гомара, товарищ Куаутемока умер под пытками.[141] По словам Диаса дель Кастильо, тот указал какое-то место наугад, лишь бы избежать мучений. Освободившись, он признался Альварадо, что солгал, и взбешенные испанцы убили его.[142] Как бы то ни было, но пытку Куаутемока остановил сам Кортес.

Проблему исчезнувшего золота Мотекусомы надо было как-то решать. Солдаты были разочарованы и возмущены. Образовался заговор, просуществовавший целый месяц. Каждое утро Кортес находил на стенах своего дома в Койоакане оскорбительные надписи и рисунки. Ему потребовался месяц, чтобы вернуть ситуацию под свой контроль. Золото его не интересовало, его мыслями владела колонизация Мексики. С помощью Малинцин конкистадор добыл несколько пиктографических ацтекских манускриптов, оказавшихся учетными ведомостями налоговых поступлений из провинций. С помощью этих документов Кортес в конце концов убедил своих людей в том, что настоящие сокровища ацтеков сокрыты не в Теночтитлане, а в провинциях, и отправил их всех в глубь страны. Кортес победил в крови и страданиях. События разворачивались не так, как ему представлялось, но цель была достигнута: он стал хозяином Мексики и мог приступить к осуществлению своих планов.

Ратификация

Вальядолид, 15 октября 1522 года

Фонсека позеленел от злости. Он чувствовал, что проигрывает партию. Он, любимец Изабеллы Католички, с 1492 года ведавший делами Индий, переживший все политические перевороты, все смены союзов и коалиций, все интриги двора, происшедшие за эти тридцать лет. Епископ понял, что молодой король-фламандец принесет его в жертву. В большой зале, увешанной тяжелыми гобеленами, канцлер Меркурино Гаттинара изучал дело Кортеса. По просьбе Карла V он принял представителей обеих группировок. Посланцы Веласкеса сменялись сторонниками Кортеса. Фонсека догадался, что ветер

вот-вот переменится. Его злейший враг одержит победу.

Не исключено, что ненависть к Кортесу архидьякона Севильи, ставшего епископом Бургоса, объяснялась всего лишь обратным эффектом: его неистовство было не более чем отражением того глубокого презрения, которое демонстрировал ему завоеватель Мексики. Фонсека всегда не любил Кортеса за непокорность, независимость и неуправляемость. Эрнан действительно никогда не играл в послушного вассала и, как солдат с передовой, не питал ни малейшего уважения к придворным шаркунам. Надо также заметить, что Фонсека столкнулся с сильным противником, поскольку все удары, направленные против Кортеса, были отражены. Все, включая и тот, что пытался нанести бедный Кристобаль де Тапиа, который в декабре 1521 года был вынужден возвратиться восвояси в весьма плачевном состоянии, после того как его выпроводили из Веракруса брат Мелкарехо и капитаны Сандоваль и Альварадо.[143] Кортес действовал очень профессионально. Он знал Кристобаля де Тапиа еще по Санто-Доминго: по смерти фактора Эрнандо Кортеса де Монрой тот завладел его гасьендой. Индии оставались своего рода большим семейным бизнесом. Кортес хорошо понимал психологию этой личности. Люди Эрнана объяснили – весьма доходчиво – юридическую необоснованность его притязаний на власть и выкупили у него за золото все снаряжение и лошадей! Тапиа отбыл с легким сердцем.

Чтобы противостоять происках Фонсеки, Кортес мобилизовал в Кастилии лучших адвокатов, каких только можно было найти: своего отца Мартина и трех кузенов – Франсиско Нуньеса, Родриго де Паса и Франсиско де лас Касаса. Мартин Кортес сумел расположить к сыну могущественного герцога Бехарского, и в самый разгар восстания комунерос вел игру с фламандскими советниками, крепко обложенными в Кастилии. В январе 1522 года Мартин Кортес с племянниками был принят регентом Адриеном Утрехтским в Витории. По причудливому повороту истории Адриен был избран папой 9 января, и визит Мартина Кортеса приобрел двойное значение: прийдя на встречу с регентом, он был принят регентом и папой одновременно. Беседа велась на латыни. Мартин умел находить нужные слова и аргументы. Адриен Утрехтский, который станет Адрианом VI, принял сторону Эрнана. Уполномоченные Кортеса завязали также тесный союз с Карлом Пупе, сеньором Ля Шоли, которая в испанских текстах встречается как Ласао или Лахао. Этот влиятельный советник Карла V стал ценным звеном в цепи коалиции противников Фонсеки. Именно он склонил комиссию Гатгинары вынести вердикт в пользу Кортеса.[144]

Карл V принял решение вернуться из Германии. Он высадился в Сантандере 16 июля 1522 года и 26 августа вступил в Вальядолид. Ему предстояло устранить две внутренние проблемы, имевшие государственное значение, а именно подавить восстание комунерос и определить статус Мексики. Одна задача влияла на другую. Король занялся обеими сразу. Он обрушил жестокие репрессии против вождей движения комунидадес. По его приказу были повешены семь депутатов в Медине-дель-Кампо и под лозунгом «всеобщего прощения» составлен список трехсот приговоренных к изгнанию, чье имущество подлежало конфискации! Одновременно он поручил Гаттинаре образовать комиссию для урегулирования разногласий между Кортесом и Веласкесом. Но вопрос, естественно, заключался не в примирении двух людей. Дело имело политический характер, и затрагивалась проблема управления всеми американскими колониями. Кортес творил Историю, направляя ее ход.

Гаттинара и Ля Шоль совместно с великим командором Кастилии и главным казначеем королевства принялись оценивать преимущества и недостатки обеих сторон. Один – старый средневековый придворный, другой – молодой многообещающий идальго, авантюрист, человек с переднего края. Фонсека уже мало что значил, а Кортес только что направил королю свою третью реляцию, подписанную 15 мая. Конкистадор подробно описал в ней Ночь Печали и взятие Темикститана. К рапорту прилагались королевская пятая часть добычи и роскошные дары, предназначенные монастырям и высокопоставленным лицам Кастилии.[145] Кортес не стал переплавлять предметы индейского искусства в слитки, решив показать всем, что он захватил культурную и цивилизованную страну. По капризу судьбы две из его каравелл были захвачены французским корсаром Жаном Флёри де Гонфлёр. Мексиканские сокровища, включая украшения из перьев, теперь радовали глаз короля Франциска I, который вечно насмехался над Карлом V. Как удержать в тайне завоевание, о котором и так уже намеревался возвестить издатель Кромбергер, готовивший к печати «Второй рапорт» Кортеса?

15 октября 1522 года Карл V подписал указ о назначении Эрнана Кортеса «губернатором, главнокомандующим и верховным судебным исполнителем по гражданским и уголовным делам на всей территории и во всех провинциях Новой Испании».[146]

Кортес победил. Император встал на его сторону и одобрил его действия.

Медельинский клан торжествовал. Родриго де Пас и

Франсиско де лас Касас поспешили сообщить эту новость сначала на Кубу, где Веласкес чуть не задохнулся от бешенства, затем в Мехико, где Кортес отпраздновал свой триумф. Фонсека был смещен, и во главе Совета Индий встал Лоаиса, назначенный императором Карлом 8 марта 1523 года. Епископ Бургоса скончался от огорчения в следующем году, а Веласкес, пораженный анорексией, скончался от голода в Сантьяго-де-Куба. Превратившись в скелет, он угас в 1524 году. Взволнованный взгляд Кортеса встречался со светившимися счастьем глазами Марины: это была их общая победа.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
РОЖДЕНИЕ НОВОЙ ИСПАНИИ (1522–1528)

Проект Кортеса

Идеализация смешения рас

Эрнан был не одинок в своем стремлении изменить окружающий мир. Все интеллектуальные круги тогда кипели и бурлили в поисках наилучшего пути выхода из теней Средневековья; все хотели покончить с коррупцией и пережитками прошлого. Во главу угла ставился человек и его личная свобода. В этом хоре первый голос принадлежал, естественно, религиозным течениям. Лютер, Эразм Роттердамский и Томас Мор наиболее известны среди лидеров идеологических движений, но волна протеста против засилья отживших порядков не обошла стороной и испанских реформаторов-францисканцев, в среде которых появились собственные комунерос во главе с братом Хуаном Гваделупским. В свете этих событий Америка явила собой антимодель Европы в натуральную величину. Первые жертвы – истребленные тайнос – породили образ «добрых дикарей», мифологизированных европейскими гуманистами, и разбудили дремавшую совесть Старого Света. Мексиканцы же были еще живы: вот она, другая культурная модель, иная форма цивилизации. Если абстрагироваться от их практики жертвоприношений, то ацтеки могли считаться воплощением человеческого гения. Мексика была альтернативой.

После 1515 года в трудах гуманистов XVI века часто встречается мысль, что божественное Провидение хранило и уберегало Новый Свет, чтобы его жители, чистые и не знающие пороков Старого Света, могли принять христианство на новой, просвещенной основе и даже дать новый цивилизаторский толчок развитию других народов Земли. Так, великий францисканский хронист Бернардино де Саагун писал: «Нет сомнений, что наш Господь Бог волею своей держал сокрытою эту другую половину Мира до наших дней, дабы вверить ее Римской католической церкви, и не истребления или угнетения жителей ради, но напротив, ради их просвещения и спасения из тьмы идолопоклонства».[147]

Поэтому Кортес разработал настоящую теорию креолизации –

весьма оригинальную (если соотнести ее с той атмосферой нетерпимости, что царила тогда в Испании) и в то же время не защищенную от профанации. По моему мнению, исследователи, неспособные увидеть в предприятии Кортеса ничего, кроме насилий, жестокостей, порабощения и корыстолюбия, проходят мимо более тонкой реальности, не замечая ее.

Идея главнокомандующего заключалась в пересадке испанского корня на культурную почву ацтекской империи с целью создания смешанного креольского общества. Не было и речи о перенесении в Мексику кастильского микрообщества, бледной колониальной копии родины-матери. Такой опыт уже имелся, и Кортес хорошо знал его результаты по Эспаньоле и Кубе. В Мексике испанцам предстояло слиться с массой коренного населения. Так, уже с первых дней существования Новой Испании губернатор объявил науатль, широко распространенный в Центральной Америке, «официальным» языком. По его решению преподавание в школах велось на науатль и на латыни. Никакой испанизации Мексики. Сам Кортес, стараниями Марины, владел науатлем, по-видимому, уже с 1524 года, несмотря на то что на официальных церемониях по-прежнему прибегал к услугам переводчика, отдавая дань местной традиции (с этой же целью он приставил к Мотекусоме одного из своих пажей по имени Ортегилья, чтобы юный кастилец, владевший науатлем, мог служить тлатоани переводчиком на переговорах с испанцами[148]).

Не меньшее внимание Кортес уделял и письменности. Здесь тоже можно предположить немалую роль Марины в обучении конкистадора всем тонкостям идеографического письма, принятого в доиспанской Центральной Америке. Мексиканцы знали письменность, книги, бумагу и даже канцелярскую писанину. Склонные к бюрократии индейцы с Центрального плато охотно оформляли юридические акты, составлявшие особенно объемные записи. Помимо библиотек, имелись и более доступные источники информации, как, например, общественные здания, стены которых покрывали «картинки», представлявшие собой на самом деле надписи. Есть основания утверждать, что Кортес владел основами пиктографического письма и применял его самым «креольским» образом.

Направляя Кортесу назначение на посты губернатора, главнокомандующего и верховного судьи Новой Испании в награду за покорение этого края, Карл V уведомил конкистадора, что жалует ему право на особый отличительный герб «сверх того, что унаследовал от предков по своему происхождению», и по обычаю Эрнан должен был выразить свои пожелания к

графическому содержанию герба. Так, например, Диего де Ордас, первым осуществивший восхождение на Попокатепетль, потребовал внести в свой герб изображение вулкана. Поэтому особенно интересно, что же считал Кортес символами своего завоевания. По всей вероятности, в начале 1524 года он передал королевскому секретарю Франсиску де лос Кобос описание композиции, которую составил в полном соответствии с испанскими геральдическими традициями. Герб был утвержден и официально пожалован Кортесу королевским указом, текст которого сохранился до наших дней. «Нам угодно, дабы вы могли носить как ваш личный отличительный герб широкий щит с двуглавым черным орлом, что есть империи нашей герб, на белом поле в верхней части левой стороны и золотым львом на черном [красном] поле под ним в память о находчивости и силе, проявленных вами в сражениях, и с тремя коронами в верхней части правой стороны на песочном [черном] поле, одна будет выше прочих, в память о трех государях великого города Тенуститана [Теночтитлана]… коих вы победили, первому имя Мутесзума [Мотекусома], убитый индейцами, когда у вас в плену находился, второму имя Куетаоацин [Куитлауак], брат его, наследовавший ему… и третьему имя Гуауктемуцин [Куаугтемок], его преемник, являвший непокорность, пока не был вами повержен; и в низу правой стороны вы можете поместить город Тенуститан, возвышающийся над водой, в память о его пленении мечом вашим и включении в королевство наше; и вкруг означенного щита на амарильном [желтом] поле – семь побежденных вами капитанов или государей семи провинций залива, кои связаны будут цепью, замкнутой на конце щита висячим замком».[149]

Кто мог заподозрить неладное в описании подобного герба? Орел, лев, башня, три короны: что может быть заурядней? Что сильнее связано со средневековой геральдикой? Однако то, что на взгляд испанца представляло собой обычный герб, каких много, в действительности могло быть прочитано как фраза на науатль в пиктографическом исполнении! Как не увидеть в правой части щита два символа Солнца и войны, составляющих основы религии науа – орла и ягуара? Орел (куаутли), символ дня и неба, и ягуар (оцелотль) [на гербе – лев для испанцев], символ ночи и подземного царства, представляют собой два воплощения Солнца, которое ацтеки и другие народы Центральной Америки считали выражением энергии Космоса. В науанской концепции эта энергия беспрестанно иссякает, и только человек войной и жертвоприношениями может ее возрождать. Включив орла и ягуара в свой герб, Кортес органично вписался в логику

индейской священной войны.

Что до второй части герба, то она содержит два символа другой не менее распространенной диады науанской традиции – воду и огонь, метафоричное изображение завоевания и войны. Если вода (атль) ясно выражена в виде озера Мехико, то огонь (тлачинолли) скрывается за короной, соответствующей трезубому идеографическому знаку огня у ацтеков; и во избежание двусмысленности Кортес поместил целых три короны, образующих треугольник, поскольку цифра «три» также связана с концепцией огня. Наконец, семь человеческих голов, связанных цепью вдоль всего щита, отсылают к доиспанскому символу пещеры Чикомостока – мифическому месту происхождения семи племен науа; испанская цепь соответствует индейской веревке (мекатль), которая всегда в науанской иконографии обозначала захват пленника, предназначенного в жертву.[150]

Итак, герб Кортеса допускает двойное прочтение: испанцы увидели бы в нем классическое повествование о воинских подвигах, тогда как мексиканцы поняли бы, что Кортес показывает себя покорителем народов науа и выступает под знаком священной войны, который уже три тысячи лет наносился на индейские стелы и памятники. Взаимное наложение двух семантических регистров позволило Кортесу вписаться в обе традиции, которые, казалось бы, должны были друг друга исключать. Несомненно, он задумал свой герб в индейском видении, но, чтобы соблюсти политкорректность, сумел сохранить его в рамках испанского понимания, приведя пусть наивные, но приемлемые объяснения. Здесь мы особенно хорошо видим, что конкистадор перешел в лагерь индейцев, не порывая со своим прошлым, с тайной мечтой о создании смешанного общества.

Есть и еще один пример хитроумного использования идеографического языка ацтеков в испанском контексте. Помимо герба губернатору Новой Испании полагался и девиз, который Кортес сопроводил графическим символом, обычно описываемым как рука, раздвигающая облака, чтобы дать дорогу лучам света. Этот знак известен нам по гравировке на медали 1529 года, выполненной придворным художником Карла V немцем Христофером Вейдицем. На одной стороне медали изображен бюст Кортеса, а на другой – упомянутая рука, раздвигающая тучи, и девиз конкистадора на латыни: «*Judicium Domini aprehendit eos et fortitude ejus corroboravit brachium meum*» («Правосудие Господне наступило их, и сила Его укрепила руку мою»).

Смысл рисунка трудно понять по самой простой причине: гравер попытался воспроизвести науанский символ, не понимая

его значения. Он интерпретировал его исходя из западных критериев, что сделало сюжет практически нечитаемым. И тем не менее, зная индейский оригинал, восстановить смысл не составляет труда: этот знак еще с эпохи ольмеков (1200—500 до н. э.) символизировал падение города. Его образуют четыре элемента: рука, обозначающая захват, внутри колоколоподобного знака, представляющего сам город; эти два элемента связаны с символом победы (атль тлачинолли), который, в свою очередь, состоит из воды и огня. Вейдиц не сумел расшифровать эти четыре графические составляющие оригинала, предоставленного Кортесом, но нет и малейших сомнений относительно выбора Эрнана: что может быть естественнее для завоевателя, чем представиться таковым? Только вот Кортес предпочел заявить об этом на языке мексиканцев – знаком с многотысячелетней историей в Месоамерике. А в качестве девиза к ацтекскому символу он выбрал весьма двусмысленную фразу на латыни, играя на разных смыслах слова «господин» и оставаясь при этом верным духу древнего знака, смысл которого заключался в том, что господство достигается огнем и кровью.

Любое смешение культур происходит через смешение кровей. Кортес имел на этот счет твердое мнение. Он связывал появление общества метисов с женщиной и материнством. Только с женщиной, потому что она представляла для него самую цивилизованную грань мира и была в силах выполнить эту сокровенную миссию: дать рождение Новому Свету. Преклоняясь перед индианками, которых возвел в культ, он отводил им роль матерей новой цивилизации. Отсюда и его яростное сопротивление участию испанок в его завоевательных операциях. Диас дель Кастильо в одном пассаже, который сам же подверг цензуре, поскольку речь шла о слишком уж загульной пирушке, привел имена восьми испанских женщин, находившихся в Койоакане немного времени спустя после падения Теночтитлана и добавил: «И насколько мне было известно, других не было во всей Новой Испании».[151] Эти восемь испанок, три из которых были представлены «старухами», прибыли с экспедицией Нарваеса. Вероятно, это были жены солдат. По примеру Марии де Эстрада, отличившейся в Ночь Печали превосходным владением шпагой, эти женщины участвовали в боях и проявили, по словам хронистов, «мужскую храбрость». Но испанки не интересовали Кортеса. Его взор был обращен к туземным женщинам, первое место среди которых занимала Малинцин.

История строго обошлась с Эрнаном, которому ставили в упрек многочисленные любовные похождения. То, что Кортес любил женщин и что женщины любили Кортеса, конечно же

бесспорно. Однако внешних данных Эрнана явно не хватает, чтобы объяснить ими такой успех: невысокий, нормального по тем временам роста, то есть около метра семидесяти; хорошо сложен, ловкий и сильный; не красавец и не урод; орлиный нос, темно-русые волосы и темно-карие глаза. Зато все современники единодушно признают, что Эрнан обладал исключительными душевными качествами: ровного нрава, приятный собеседник, эрудит, образован и талантлив; чужд всяких излишеств: любит погулять, но не кутила; не прочь выпить, но не пропойца; ценит женщин, но не бабник; одевается хорошо, но неброско; живой и полон энергии, но не амбициозен; ни снобизма, ни надменности, напротив, готовность выслушать, понять и посочувствовать. Получается человек весьма симпатичный и радушный, при этом великолепно владеющий собой. Этот образ, подкрепленный множеством документальных свидетельств,[152] исключает половую распущенность: Кортес не имел репутации юбочника, значит, нам не следует рассматривать его личную жизнь в отрыве от контекста.

Как мы видели, Эрнан стал двоеженцем в 1515 году: Веласкес обязал его жениться на испанке Каталине Хуарес, хотя он жил с индианкой Леонорой. С тех пор у Кортеса было два дома – один у тайнос, другой в Испании. Завоевание Мексики способствовало смешению рас, которое он предвидел. Кортес следовал мезоамериканской традиции, принимая в жены девушек, которых ему дарили правители Семпоалы, Тласкалы, Чолулы и Мехико. По всей Центральной Америке у оседлых народов было принято принимать и привязывать к себе кочевников, чтобы избежать набегов и разорения, и в течение тысячелетий обычной практикой для местных правителей было дарить одну из дочерей вождю пришельцев. Сами ацтеки точно так же когда-то осели в долине Мехико, завязав родственные связи с жителями Колхуакана, Ацкапотцалько и Текскоко. Несмотря на белую кожу и странный наряд, испанцы казались мексиканцам всего лишь кочевниками, каких много. Поэтому они попытались применить традиционное оружие, то есть установить кровные узы и позволить жить при себе. Если испанский король стремился обратить индейцев в своих вассалов, то мексиканский император в силу такого же государственного рефлекса намеревался заставить служить себе вторгшихся в его пределы испанцев.

Кортес серьезно отнесся к подаркам и «поженил» своих помощников, предварительно окрестив индианок. Поскольку командир должен быть во всем примером для своих подчиненных, Эрнан сам нашел себе жену-индианку в лице своей очаровательной переводчицы Малинцин. Он жил с ней в

гражданском браке с июля 1519 года, не расставаясь ни на день. В течение всей конкисты Марина находилась рядом с ним. Порой создается впечатление, что именно она стала вдохновительницей и творцом побед Кортеса. Можно упрекнуть Кортеса в том, что на Кубе у него уже была законная супруга-испанка и почти законная любовница из племени тайнос и Марина стала третьей сожительницей. Все это так, конечно, но почему не следовать местным традициям, если к тому же они столь приятны? По замыслу Кортеса, надо было раствориться в культурном пейзаже Центральной Америки, а там полигамия преобладала, и мексиканский тлатоани в знак своего могущества содержал настоящий гарем в сто пятьдесят жен. Сто пятьдесят – это перебор, но должен же был Кортес соответствовать своему рангу? Заменив ацтекского императора, он просто не мог призывать к моногамии, ассоциировавшейся у науа с бедностью и низами социальной лестницы. Поэтому ему пришлось принять под крышей своего дворца небольшую свиту из подаренных ему принцесс.

Сначала в Койоакане, затем в Мехико с января 1524 года Кортес жил не распутником, а самым настоящим науанским правителем, относясь к своим многочисленным женам с почтением и уважением. В декабре 1519 года сам Мотекусома подарил ему свою дочь, в крещении Анну, но она погибла на тлакопанской дамбе в Ночь Печали. Ацтекский император вверил заботам Кортеса и другую из своих дочерей, еще несовершеннолетнюю маленькую Текуичпо, которая спустя семь лет родила от конкистадора девочку, названную Леонорой. Нам известно из разных источников, что такие же жесты в отношении Кортеса предпринимали и другие индейские вожди, и Кортес принимал, очевидно не без удовольствия, науанских подружек. Его помощники поступали так же. Все обзавелись семьями и плодили метисов. Отметим, что все дети первого поколения носили испанские имена и фамилии. В архивах нет указаний на их индейское происхождение. Смешение кровей было общим правилом, по крайней мере до 1529 года, когда произошел важный политический поворот.

И вот на этом фоне, когда женщины науа реализовывали мечты Кортеса о расе креолов, разразилось дело Каталины. Существует три версии этой истории. Начнем с официальной. Став хозяином Мексики, Кортес потребовал, чтобы его законная супруга Каталина Хуарес приехала к нему с Кубы. В августе 1522 года она прибыла в Коатцакоалько вместе с братом и сестрами. Их встретил Гонсало де Сандоваль и препроводил в Мехико. Кортес тепло встретил жену и предоставил ей покои в своем доме

в Койоакане. Спустя два месяца, а именно 1 ноября около полуночи, Каталину нашли мертвой в собственной спальне. Близкие объяснили причину смерти как «*mal de madre*». И действительно, признаки болезни наблюдались у нее и раньше: на Кубе она часто теряла сознание, а в Мехико из-за разницы высот недомогания только участились. Сердце не выдержало.

Злые языки предлагали иную трактовку этого печального события: в прекрасный августовский день 1522 года Каталина неожиданно высадилась со всем семейством в Мексике, когда ее совершенно никто не ждал. Кортесу больше ничего не оставалось, как пригласить ее к себе и разыграть радушную встречу. В глубине души он кипел от гнева. Отношения пары портились с каждым днем. Каталина оказалась несносной. Она строила из себя вице-королеву, выгнала всех туземных любовниц мужа, не упускала случая ругать супруга на людях. Вечером 1 ноября Кортес устраивал прием на праздник Всех Святых; супруги повздорили, и Каталина поднялась к себе, чтобы лечь спать. Около полуночи домочадцев разбудили крики хозяина: все бросились на шум и нашли Каталину мертвой в ее спальне. На шее якобы виднелись красные пятна. Уж не задушили ли ее? И не мог ли сам Кортес, выведенный из себя присутствием и поведением благоверной, расправиться с ней своими руками?

Есть и третья гипотеза, во временном плане более отдаленная: это видение историка, не заинтересованного лично в этом деле. Прежде всего удивляет, почему корабль Каталины встал на якорь не в Веракрусе, но в месте более удаленном и менее приметном, а именно в устье реки Ауалюлько, которое Диас дель Кастильо называет Айягуалюлько.[153] Это на границе с землями майя, по прямой в шестистах километрах от Мехико, а если идти пешком, то будет настоящая экспедиция. Если бы эта поездка была организована Кортесом, то вряд ли ему пришла в голову бредовая мысль высадить жену в непроходимых болотах Табаско! Корабль мог зайти туда только в том случае, если на борту возник конфликт. И у этого конфликта было имя – Каталина.

Кортес действительно хотел перевезти с Кубы свою семью, но только думал он об индианке Леоноре и ее дочери. Впрочем, обе также находились на корабле, но Каталина Хуарес оказалась на нем совершенно нежданным пассажиром. Оставив позади землю, находившуюся под испанским контролем, растерявшийся от такой переделки шкипер запросил указаний у Кортеса. Приезд Каталины ставил под угрозу срыва все планы креолизации, и Кортес рисковал потерпеть полный провал. Что делать? А не напугать ли Каталину дикой Мексикой? Его проводники сделали

все, чтобы не пропустить ни одной топи, ни одного потока, ни единой тучи москитов. Но ничто не могло остановить Каталину, и она в конце концов достигла Мехико. В том, что она оказалась несносной, можно даже не сомневаться. Она ожидала, что с ней будут обращаться как с супругой губернатора, но ее холодно встретил человек, с которым она не виделась более четырех лет, который жил в окружении ацтекских принцесс и имел наглость держать при себе еще и кубинскую любовницу. Как могла бедняжка Каталина постичь полет мысли конкистадора и его планы выращивания новой расы? Как тут обойтись без нервных срывов и перепалок? Но Кортес находился у власти и не желал, чтобы его личная жизнь мешала его начинаниям. Каталина должна была быть принесена в жертву его великому проекту. Естественно, Кортес, никогда не терявший самообладания, вряд ли мог задушить жену в приступе ярости: этот упрощенный и грубый сценарий маловероятен. Но то, что Каталина умерла насильственной смертью, не стоит исключать. Что нам известно о женской ревности в напряженной атмосфере гарема? Что нам известно о приближенных, податливых на подкуп? Что нам известно о способности Эрнана манипулировать людьми? Что нам известно о степени затруднений, вызванных нежданным приездом Каталины?

Безвременная кончина Каталины Хуарес, не оставившей потомства, оказалась для Кортеса как нельзя кстати. Малинцин была на последнем месяце беременности и вскоре родила мальчика, окрещенного Мартином. Назвав свою первую дочь именем матери – Каталина Писарро, Эрнан теперь дал своему первому сыну имя отца – Мартин Кортес. Оба первенца были метисами – древо Кортесов пустило побеги на новой почве. Эрнан воплотил свою мечту.

Примерно в это же время, где-то в 1524[154] году у Кортеса родился еще один сын. Матерью стала одна науанская принцесса, известная нам только под испанским именем донья Эрмосилья, приведенным автором Диасом дель Кастильо.[155] Но кого же еще в те времена могли величать доньей в Мехико, кроме ацтекских принцесс? Этого второго сына-метиса Кортес наречет Луисом де Альтамирано, почтив в этот раз материнскую ветвь своего генеалогического древа. В 1529 году папа Климент VII признает под этим именем ребенка законным, наряду со старшими детьми – Каталиной Писарро и Мартином Кортесом. Кортес уже трижды смешал свою кровь с индейской: он обручился с Новым Светом.

Другой важный элемент процесса креолизации Мексики состоял в обращении индейцев в христианство. Но и в этом вопросе Кортес повел себя весьма оригинально. Даже не

помышляя о полном искоренении языческого прошлого, конкистадор очень скоро осознал, что не добьется христианизации Мексики, пока не захватит все святилища индейских культов. Поэтому первое время он не строил церквей в обычном понимании этого слова, *stricto sensu*, а просто приспосабливал для католических богослужений древние языческие храмы. Наблюдая, с какой скорбью взирали тотонаки на разрушение идолов главного святилища Семпоалы, он пришел к убеждению, что христианство не сможет пустить корней на этой земле, если не сольется с тысячелетними языческими традициями. Но для насаждения своего рода христианской формы идолопоклонства Кортесу требовались широко мыслящие служители культа.

Для Кортеса сила христианства заключалась в альтруизме и терпимости ко всем. Он был чужд инквизиторского мракобесия и отстаивал собственное гуманистическое и либеральное видение католицизма. Единственным требованием к индейцам, принимающим христианскую веру, был отказ от человеческих жертвоприношений. И дело не в самом духе жертвенности, а в его физическом воплощении. Христианство также принадлежит к жертвенным религиям, и месса представляет собой не что иное, как символическое воспроизведение жертвы Христа. Но именно этот переход от реальности к символу и воспринимался как культурное достижение, достижение цивилизации, и не могло быть и речи о возврате на три тысячи лет назад в эпоху, когда финикийцы приносили Ваалу человеческие жертвы, а иудеи забивали быков и баранов.

Кортес сумел подобрать достаточно церковнослужителей, интеллектуально готовых к обращению мексиканцев. И это не простое везение: Кортес принадлежал к оппозиционному движению, зародившемуся в Эстремадуре в начале XVI века, и его начинание получило широкую поддержку францисканцев. Благодаря личным и семейным связям Эрнан установил контакт с учениками брата Хуана Гваделупского, апостола монахов-реформаторов, призывавших вернуться к обету бедности, которым когда-то отличался этот орден, основанный Франциском Ассизским. Эти францисканцы-реформаторы обосновались в Эстремадуре, где они образовали сообщество, получившее название кустодии Святого Габриэля, которая позже будет преобразована в автономную провинцию. Не стоит и говорить, что все они крайне негативно относились к служителям официальной церкви, епископами которой становились вельможи, не уделявшие должного внимания духовным занятиям и не желавшие расставаться с богатством, которое считалось

нищенствующей братией несовместимым с проповедью слова Господня. Но эти монахи вовсе не были изолированной группировкой на интеллектуальной сцене того времени и располагали связями в высших эшелонах власти, как при дворе Карла V, так и в самом Ватикане. Поэтому по ходатайству Кортеса миссия обращения в христианство Новой Испании была официально доверена эстремадурским францисканцам из провинции Святого Габриэля. Буллой «*Exponi nobis fecisti*»[156] от 9 мая 1522 года папа Адриан VI, Адриан Утрехтский (тот самый, которого Мартин Кортес сумел убедить в обоснованности действий своего сына), предоставил им самые широкие полномочия. Другими словами, Адриан VI поручал друзьям Кортеса основать мексиканскую церковь.

Первая миссия, отправившаяся в Мексику, состояла из двенадцати монахов, очевидно, для имитации двенадцати апостолов Христа. Руководство осуществлял брат Мартин из Валенсии, один из вождей гваделупанистского движения. До назначения руководителем миссии он был настоятелем монастыря Святого Франциска в Белвисе. А Белвис – феод Монроев. Да и сам белвисский монастырь, ставший колыбелью францисканских диссидентов, основали в 1509 году Франсиско де Монрой, седьмой по счету сеньор Белвиса, и его супруга Франсиска Энрикес.[157] У Кортесов даже церковные дела попадали в разряд семейных.

В ноябре 1523 года двенадцать миссионеров собрались в Белвисе, откуда пешком направились в Севилью. 25 января 1524 года они сели на корабль в Санлукаре-де-Баррамеда.

По пути они надолго задержались в Санто-Доминго, где смогли оценить реалии колониальной жизни на островах. От местных францисканцев и светских властей они узнали о восстании Энрикильо, сына касика сьерры Баоруко.[158] В детстве Энрикильо воспитывался францисканцами Санто-Доминго, обучившими его читать и писать по-испански. Став касиком после смерти отца, он претерпел столько унижений от испанцев, что в конце концов поднял мятеж в 1519 году. Это восстание, ставшее лебединой песней племени морибондов, явилось для францисканцев серьезным испытанием. В основе организации миссий в Санто-Доминго лежала идея приобщения индейцев к христианству через обучение. Первые францисканцы обучали детей касиков читать и писать, но преподавание велось на испанском языке. Однако ненависть к испанцам побуждала туземцев отрицать не только язык, но и религию завоевателей. Поэтому у мексиканских миссионеров с самого начала созрела мысль, что они должны отмежеваться от испанцев во всем,

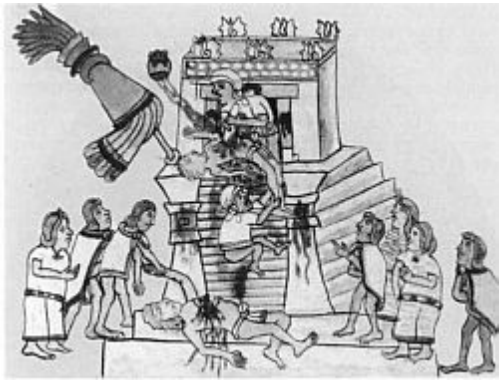
включая их язык. Двенадцать монахов будут проповедовать учение Христа индейцам на науатль, не вынуждая тех отрываться от культурных корней, забывая собственный язык.

13 мая 1524 года монахи высадились на мексиканском берегу в Сан-Хуан-де-Улуа и отправились пешком по дороге к Центральному плато. Эти странные испанцы, столь не похожие на прочих в своих простых грубых рясах, покрытых дорожной пылью, немедленно вызвали любопытство индейцев. До францисканцев то и дело долетало: «мотолиния, мотолиния». Брат Торидио де Бенавенте в конце концов поинтересовался, что значит это странное слово. Узнав, что на науатль оно означает – «бедный», монах тотчас поклялся носить прозвище до конца своих дней. Под этим туземным псевдонимом он прославился как один из самых первых летописцев индейской цивилизации Новой Испании.[159]

Прибытие францисканцев отвечало самым сокровенным планам Кортеса. Как только до него дошла весть об их приезде, он послал за ними эскорт и подготовил торжественную встречу. На центральной площади Мехико, рядом с которой возвышался Темпло Майор, тогда еще не снесенный, собралась вся ацтекская знать и толпа любопытных. Кортес с непокрытой головой приблизился к кортежу и, опустившись на одно колено, поцеловал руку Мартину из Валенсии. Военачальники и городские власти один за другим последовали примеру губернатора. Малинче объяснила ацтекам, почему все кланяются этим бедно одетым людям. Власть Бога выше власти земной, ибо природа ее иная.

Портрет Эрнана Кортеса, выполненный по заказу Карла V. Тициан (предположительно).

Человеческое жертвоприношение у ацтеков. Миниатюра из «Кодекса Мапьябеккьяно».

Большой храм Мехико.

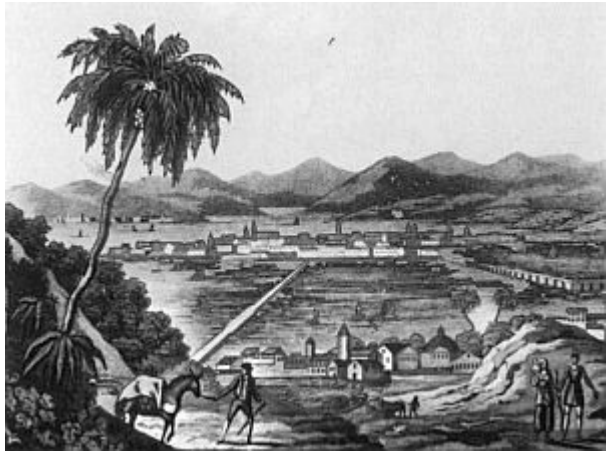
Монастырь в Теночтитлане.

Ацтекская скульптура. Национальный музей. Мехико.

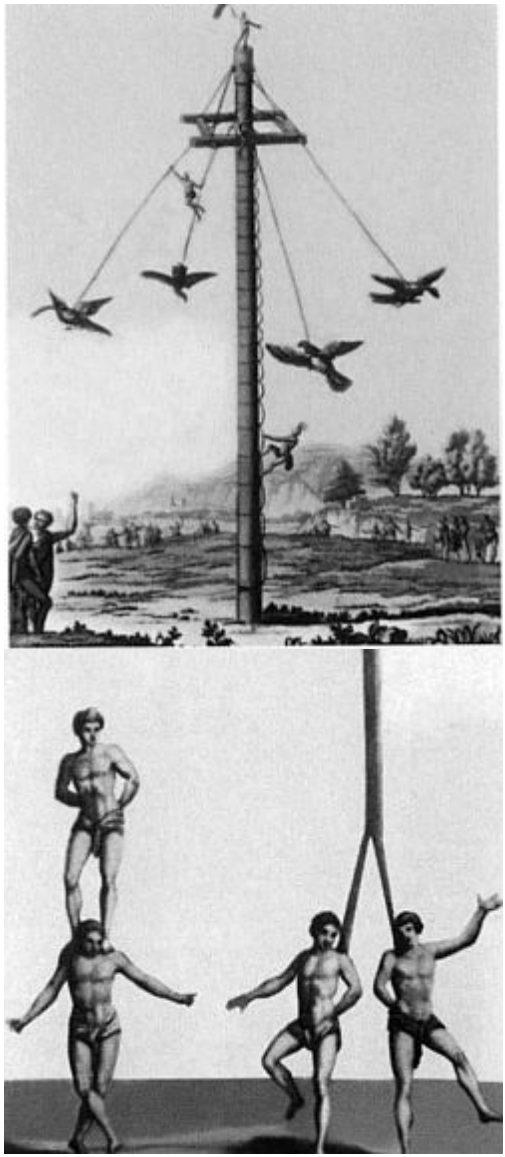
Ритуальный ацтекский нож из золота с эмалевым покрытием.

Теночтитлан.

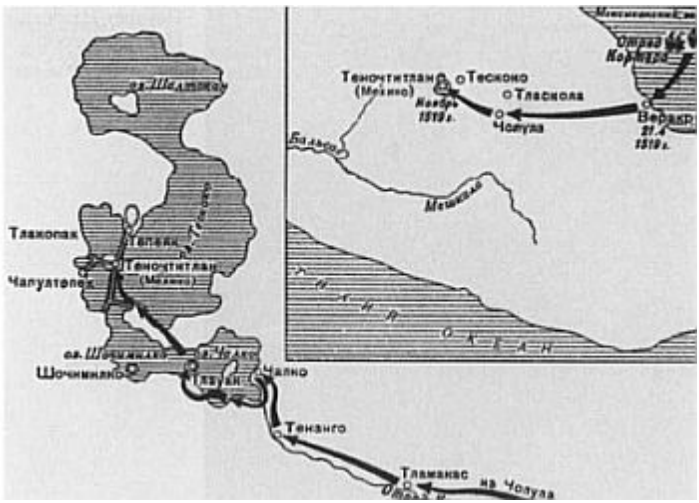
Ацтекская маска жреца бога ночи, которая надевалась во время церемонии в главном храме Мехико.

Типичные игры молодых ацтеков.

Кортес в облачении главнокомандующего.

Походы отряда Кортеса в долину Теночтитлана в 1519–1521 годах.

Меч Кортеса. Королевская оружейная палата. Мадрид.

Портрет Изабеллы Португальской. Тициан. 1548 г.

Портрет Карла V. Тициан. Около 1548 г.

Франсиско де лос Кобос, гофмейстер Карла V.

Толедо.

Кортес преподносит «Новую Испанию» Карлу V.

Антонио де Мендоса.

Франсиско Писарро.

Эрнан Кортес. Неизвестный художник. Оригинал портрета находится в Мехико.

Бог Кецалькоатль несет маис. Каменная ацтекская фигура. Музей Детройта, США.

Ацтекский бог войны, чье имя означает «летящая птица».

Дом, в котором умер Кортес.

Памятник Кортесу в Медельине.

В конце июня Кортес организовал первый теологический диспут Нового Света, на котором сам был председателем. Обмен мнениями между первыми двенадцатью францисканцами и вождями Мехико-Теночтитлана в ходе этих знаменитых Мексиканских коллоквиумов[160] известен нам благодаря Саагуну, который составил свой текст на основе более раннего текста протокола, хранившегося в архивах монастыря Святого Франциска в Мехико. Не говоря уже о патетической и

занимательной сторонах этой встречи, следует отметить оригинальный склад ума этих францисканцев, которые претворяли в жизнь концепцию обращения в христианство, разработанную Кортесом. К испанским францисканцам примкнули трое их фламандских собратьев, прибывших в Новую Испанию годом раньше. Среди последних находился некто Петер из Гента – Pedro de Gante, монах-прислужник, который сыграл особую роль в обращении индейцев в христианство.

Было бы утопией полагать, что пятнадцать францисканцев могли осуществить массовое обращение в католицизм пятнадцати миллионов индейцев Центрального плато. Главное то, что Кортес сумел убедить первых миссионеров в успехе его метода. Несмотря на неудачи первых шагов, история доказала правоту Эрнана. Индейцы приняли креольский католицизм, достаточно самобытный, чтобы устроить мексиканцев, и достаточно христианский, чтобы не навлечь на себя обвинения в схизме со стороны Ватикана.

Кортес, энкомьенда и рабство

Противники Кортеса с самого начала пытались приклеить к нему ярлык поработителя и феодала из-за его позиции в отношении дворянского поместья – энкомьенды (*encomienda*) и земельных наделов – репартимьентос (*repartimientos*). На этом вопросе необходимо остановиться, так как, не взирая на его остроту, он так никогда и не был рассмотрен со всей глубиной. Заметим сразу, что вопросы о рабстве и энкомьенде никак не связаны друг с другом и должны обсуждаться отдельно.

Начнем с рабства. В XVI веке вопреки всем законам морали рабство в Европе было узаконено и широко распространено. Рабов имели все состоятельные люди, будь то дворяне или купцы, короли или епископы, ремесленники или банкиры. Держать при себе домашних рабов было в то время так же естественно, как сегодня пользоваться услугами секретарши. Вместе с тем действовало «ограничение», состоявшее в запрете на обращение в рабство христиан. Рабов было два типа: военнопленные или осужденные повстанцы и купленные рабы, которые были порабощены еще в своих родных краях и затем были перепроданы.

В доиспанской Мексике рабство было также широко распространено, и Марине ли было этого не знать. Можно не сомневаться, что она красочно и захватывающе описала Кортесу картину жизни в Центральной Америке. Но оригинальность науа

заключалась в том, что рабство могло быть… добровольным. Любой, по своим сугубо личным мотивам, имел возможность продать свою свободу хозяину; получив деньги, он мог оставаться свободным, пока хватало вырученных средств; затем он заступал на службу хозяину; с этого момента он терял имя, то есть свою судьбу, чтобы отныне разделить судьбу своего владельца. Добровольное рабство в сущности было передачей обязанностей; раб (тлакотли) освобождался от всех обязанностей гражданина перед государством, чтобы ограничиться выполнением кабальных обязательств перед «частным собственником». Каким же суровым должен был быть государственный контроль, чтобы такая форма уклонения могла стать привлекательной! Но в Центральной Америке существовало также и рабство, близкое к тому, что было известно в Старом Свете: рабство военнопленных, обычно заканчивавших жизнь на жертвенном алтаре, и «коммерческое» рабство, основанное на принуждении, которое открывало широкую дорогу всяческим злоупотреблениям. Родители могли продать в рабство собственных детей как ради наживы, так и в счет уплаты налогов: вместо денег можно было откупиться рабочей силой.

А как Кортес относился к этим рабовладельческим традициям? Он принимал их, как принимал общественное устройство того времени. Но почему? Только не из слепого конформизма и нежелания нарушать установившийся порядок. Он хотел обратить Мексику в христианство, и не мог же он своими руками лишить себя столь мощного фактора успеха, как освобождение из рабства через крещение. Без лишней огласки Кортес предложил миссионерам решение: рабство индейцев само исчезнет, как только они примут христианство. В сохранении рабовладения в действительности заключался тайный стимул к обращению в новую религию, так что дело здесь вовсе не в моральной склонности Кортеса к рабству, которое тот никогда не защищал, впрочем, как никогда и не преследовал.

Проблема энкомьенды носит совсем другой характер. Она связана прежде всего с экономической организацией Новой Испании. Не стоит подходить к этому вопросу с этических позиций, поскольку он лежит исключительно в сфере политики. Нельзя упускать из вида, что Кортес никогда и в мыслях не имел превратить Мексику в испанскую колонию. Он занял простую и понятную позицию: чтобы избежать вымирания населения Новой Испании по катастрофическому сценарию Эспаньолы и Кубы, надо было сохранить на местах все традиционные социальные структуры, не касаясь экономико-политической архитектуры системы. Конкистадор благодаря Марине достаточно быстро

понял принципы функционирования экономической машины ацтеков, имеющей трехуровневую организацию: деревня, город и центральная власть. На каждом из этих уровней обеспечивалось направление индивидуального вклада на общее благо группы; сам вклад выражался в трудовом налоге, напоминающем средневековую барщину; это могли быть и сельскохозяйственные работы, строительство инфраструктур, охота и рыболовство, обработка сырья, производство ремесленных изделий, ткачество и пр. Другими словами, все жители Центральной Америки привыкли распределять плоды своего труда между личными и общественными нуждами. Поэтому Кортес ограничился тем, что занял место тлатоани, и повсюду заменил местных царьков своими соратниками по конкисте. Смещенные правители были приняты на содержание лично Кортесом, который разработал эффективную систему придворной службы.

Система энкомьенд, столь близкая всем испанским духовно-рыцарским орденам, теоретически могла вписаться в ацтекский мир, не вызвав ни малейших потрясений: вместо работы на науанского господина, индейцы точно так же трудились бы на заморского сеньора, вот и вся разница. Кортес убил бы одним выстрелом сразу двух зайцев: наградил бы соратников за участие в конкисте, превратив их в знатных сеньоров, и сохранил бы на месте население, не задев чувствительно его интересов. Система позволяла индейцам вести привычный образ жизни, а конкистадорам собирать доход. При этом Кортес не мог удержаться, чтобы не расширить свои собственные земельные наделы (*репартимьентос*) до старых границ владений прежних индейских правителей.

Кортес вел себя как настоящий король, что не могло не вызывать раздражения у испанской короны. Это так, но он пошел еще дальше. С апреля 1522 года губернатор Новой Испании присвоил себе право распределять все земли между испанскими владельцами по своему усмотрению. Причем далеко не каждый испанец мог получить надел, а только тот, кто участвовал в конкисте. Эрнан категорически отказывался давать землю не проживающим в Мексике испанцам и установил для колонистов планку в восемь лет пребывания в Новой Испании, что было больше срока, определенного когда-то Овандо в Санто-Доминго. Наконец, он законодательно ввел квоты обязательного производства ряда продуктов, таких как, например, виноград и пшеница, требовал сохранения традиционных культур – маиса, помидоров, стручкового перца или сладкого картофеля, при этом широко практиковал выращивание вывезенных из Испании сортов овощей и фруктов.[161] Если к этому добавить и заботу Кортеса о

выведении местных пород скота и лошадей, то конечную цель конкистадора нетрудно разгадать: он стремился к полной экономической самодостаточности.[162] Экономическая независимость от Испании – да это же антимодель колониальной системы! Но все прекрасно понимают, что там, где установилась независимость экономическая, в скором времени надо ждать и независимости политической. Многие при дворе Карла V стали проявлять беспокойство.

Хотя на бумаге система энкомьенд выглядела вполне безобидной для индейцев, Кортес проявлял осторожность. Он помнил, как вели себя колонисты в Санто-Доминго и на Кубе, и не доверял своим людям. Как мудрый администратор, он ввел три «предохранителя», призванных защитить коренное население.

Эрнан был сторонником нормирования и государственного регулирования, поэтому его первой заботой стало ограничение продолжительности рабочего дня для «крепостных» индейцев, то есть для тех, кто должен был отрабатывать барщину помещику-энкомендеро.[163] Прежде всего он запретил труд женщин и детей до двенадцати лет, установил десятичасовой рабочий день. Запрещалось заставлять индейцев работать до восхода солнца; полагался один час перерыва на обед; все работы должны были прекращаться за час до захода солнца.[164] Воскресенье объявлялось выходным днем. Если учесть, что в тропиках световой день составляет в среднем двенадцать часов, то рабочая неделя крепостного-энкомендадо не должна была превышать шестидесяти часов. Для сравнения: рабочая неделя в шестьдесят часов соответствовала трудовому кодексу, действовавшему во Франции в 1900 году! Кортес также обязал энкомендерос кормить своих рабочих, установив дневной рацион в один фунт лепешек «с солью и сладким перцем». Однако вместо того, чтобы вернуться к логике оплачиваемого труда, принятого в Европе, но совершенно нежизнеспособного в Центральной Америке, Кортес разработал систему свободного времени, что позволяло каждому вести нормальную личную жизнь. По его указу период работы на энкомендеро не мог превышать двадцати дней, что соответствовало ацтекскому месяцу, а затем должен был наступить период полной свободы в тридцать дней.

Говоря современным языком, на двадцать рабочих дней приходилось тридцать дней отпуска. Год можно разбить на семь циклов в пятьдесят дней плюс пятнадцать рабочих дней. Из общей суммы рабочих дней надо вычесть двадцать два воскресенья, падающих на двадцатидневные периоды работы на энкомендеро. Итого за год получается сто тридцать три рабочих дня и двести тридцать два дня отпуска. Если рассматривать дни отработки как

своего рода налог, то в процентном выражении сто тридцать три дня соответствуют совокупному налогу в 36,4 процента. Примечательно, что в 2000 году во Франции эта цифра в среднем достигала 46 процентов.

Очень удобно представлять Кортеса рабовладельцем и обличать крепостническую сущность энкомьенды, но что в таком случае прикажете думать о современных правительствах, отнимающих почти половину доходов граждан?

Второй «предохранитель» получил свое выражение в так называемой тразе (*traza*). За этим словом скрывается настоящая политика защиты прав индейцев. В Мехико, подвергшемся тотальной перестройке, испанцам выделялись участки под жилые кварталы (*solares*) с четко установленным периметром. За пределами этой территории, получившей название *traza*, испанцам проживать запрещалось. Точно так же Кортес запретил им находиться вне городов. К городам относились поселения с полноценной административной организацией. Кортес хотел тем самым предотвратить возникновение «диких» колоний, затерянных далеко в глуши и вне всякого контроля с его стороны. Осуществлялась своего рода сегрегация наоборот. Кортес пытался помешать распространению среди индейцев вредных моделей поведения. Как военачальник, он знал, чего стоят некоторые из его солдат, среди которых было немало отпетых негодяев, поэтому он стремился любой ценой оградить мексиканцев от дурного влияния. Немалое внимание он уделял и пресечению торговли телом, восстанавливавшей местное население против испанцев. Кортес был намерен предоставить коренному населению полное самоуправление в их селах и городских кварталах, где испанское присутствие ограничивалось бы только представителями власти, имеющими соответствующие полномочия. В этом же духе Кортес запретил испанцам всякую торговлю с туземцами, особенно обмен безделушек на золото и золотые предметы. Это ограничение было направлено против эксплуатации и обмана индейцев бессовестными торгашами, сводившими на нет все усилия конкистадора по созданию нового общества его мечты.

Помимо этого санитарного кордона Кортес делал ставку на деятельность нищенствующих орденов, которые по своему призванию часто вступали в контакты с индейцами. Хотя именно энкомендерос теоретически должны были в первую очередь способствовать христианизации индейцев, на этом поприще по замыслу Эрнана предполагалось сменить их служителям церкви. Кроме того, францисканцы должны были тайно надзирать за испанцами, оберегая коренное население от всякого произвола,

насилия и притеснения.

Таков был дух проекта Кортеса, который так и остался утопией, не понятой даже многими его современниками.

Кортес и Испания

Хотя в XVI веке этого слова и не существовало, Кортеса постоянно обвиняли в том, что сегодня принято называть «сепаратизмом». «Он возмущает землю», – говорили в то время или использовали перифразы наподобие «*alzar latierra*» или «*evantarse con la tierra*». Под «землей», естественно, понимались жители, которых Карл V требовал объявить его вассалами, а Кортес считал своими сподвижниками. Этот весьма спорный вопрос объединил всех противников Кортеса, да так, что они в своем неприятии конкистадора дошли до слепого преклонения перед политикой короны. Произволу со средневековым или феодальным оттенком противопоставлялась законность короля, пекущегося о благе своих подданных. Это нашло свое отражение не только в восхвалении принципа монархического управления и испанской колониальной системы, но и в демонизации Кортеса сторонниками короля, умело игравшими на контрасте. Поэтому, чтобы понять истинное отношение Кортеса к Испании, которое не стоит путать с отношениями с властью, нам следует проанализировать психологию завоевателя Мексики.

Отношения с родиной были, бесспорно, сложными и противоречивыми. Сам процесс креолизации, который стал главной направляющей всей политики Кортеса, уже с самого начала отдалял его от Родины-матери. И эта позиция, выразившаяся в политике смешения рас, без всякого сомнения, проистекала из глубокого разочарования в Старой Испании.

Эта нелюбовь обращена в первую очередь против испанцев как нации. «Показательно, – открыто пишет Кортес в своей четвертой реляции королю Карлу V, – что большинство испанцев, прибывающих сюда, суть люди грубые, невежественные и дурного нрава, погрязшие в пороке и грехе».[165] Вот какое мнение, лишенное иллюзий, сложилось у губернатора Новой Испании о своих соотечественниках! С тех же критических позиций он относился и к испанской церкви. Кортес оказывал всестороннее содействие нищенствующим орденам, выполнявшим апостолические функции в Мексике, и всеми силами противился установлению постоянной церкви. И объяснял почему: «Если у нас заведутся епископы и прочие прелаты, они не замедлят перенести к нам дурные привычки, свойственные им сегодня. Они

воспользуются церковным имуществом, дабы расточить его на роскошь и другие пороки; они пожалуют майораты своим детям и своим родственникам. И хуже всего: коренные жители этих мест знали в прежние времена священников, отправляющих культ и службы, и лица эти были честности и бескорыстия безукоризненного… Что подумают они, видя имущество церкви и службу Господу в руках каноников или прочих святейшеств, которые поведут жизнь невежд и предадутся свободно порокам, как сие вошло у них в привычку сегодня в наших королевствах? Тем преуменьшили бы нашу веру и учинили бы ей великую насмешку».[166]

Естественно, Кортес был против инквизиции. И не потому, что не принимал ее целей, – все-таки он был верующим христианином, – а потому что не мог примириться с ее методами и служителями. Позднее, когда произойдет конфликт с вице-королем Мендосой, одной из главных причин разногласий будет учреждение представителем испанского монарха трибунала инквизиции. Пока у власти стоял Кортес, Мексика не знала инквизиции.

Но принимал ли Кортес принципы монархической системы, олицетворенной Карлом V? Эрнандо несомненно чувствовал себя ближе к *comuneros* и францисканцам Саламанки, чем к этому «европейскому» императору, слабому представителю династии, ни в коей мере не воплощавшей в себе испанский дух. Не стоит превращать Кортеса в политического мыслителя или убежденного антимонархиста, но из его писем ясно видно, что вызывало в нем раздражение: его, солдата с передовой, выводили из себя бюрократия и засилье придворных шаркунов. Для него власть обретала законность в доблести и справедливости, способности правителей устроить жизнь общества в мирное время. Салонные маркизы, завистливые придворные, калифы на час и пустоголовые резонеры ничего не стоили в его глазах, поскольку все они принадлежали к призрачному миру власти, а он, Кортес, держал в своих руках власть реальную.

Дистанция, которую Кортес соблюдал в отношении своей родины, происходила еще и от сознания обратного характера зависимости. В отличие от островов, остававшихся всего лишь крохотными клочками суши, Мексика размерами намного превосходила Испанию. Даже в рамках территории, контролировавшейся ацтеками, Новая Испания по площади и плотности населения в три раза превосходила Кастилию и Арагон вместе взятые. Если принять в расчет всю территорию Центральной Америки, включая ареал майя, то это соотношение составит уже четыре к одному. Неизбежно вставал вопрос: имела

ли Испания силы и возможность поглотить страну большую, чем она сама? Надо признать, что все действующие лица тогдашней политической сцены оказались в ситуации столь же неудобной, сколь и неожиданной. Ответ не был очевиден, и в том, что чаша весов перевесит в пользу Испании, еще были все основания сомневаться.

В 1524 году никто не знал, чем закончится это столкновение (поскольку столкновение интересов все же имело место). Мексика была намного богаче Испании. Земли Центральной Америки таили в своих недрах золото, серебро и медь. Географическое положение Новой Испании с перемежающимися разными климатическими поясами позволяло выращивать все известные культуры. Тропические растения поднимались до тысячи ста пятидесяти метров над уровнем моря, а культуры умеренных широт превосходно чувствовали себя на высотах от тысячи ста до двух тысяч трехсот метров. Бескрайние пространства как нельзя лучше подходили для разведения скота, вывезенного из Европы. В Мексике было все, а Испания, не знавшая помидоров, фасоли и маиса, нередко голодала. Если Мексика сохранила бы свое население, разве нуждалась бы она в Испании? Кастилия установила контроль над Санто-Доминго и Кубой исключительно потому, что вырезала все коренное население и колонисты попали в зависимость от испанских поставок. Но в случае с Центральной Америкой все обстояло иначе.

К тому же было Южное море, которое тогда еще не называлось Тихим океаном, но которое уже бороздили испанские корабли. Надо помнить, что в тот момент, когда Кортес отдавал приказ уничтожить корабли в Веракрусе, Магеллан, португалец на испанской службе, выходил из Севильи в свое кругосветное плавание. Он погиб в апреле 1521 года на острове Зебу, на Филиппинах, когда Кортес осаждал Мехико, и его помощник Себастьян Элькано завершил первое в мире кругосветное плавание 6 сентября 1522 года, в то время как Кортес готовился принять титул губернатора Новой Испании.[167] Южное море стало реальностью, и 15 мая 1522 года Кортес лично известил Карла V о своем намерении исследовать его с мексиканского побережья.[168] С выходом к Тихому океану сообщение Новой Испании с Испанией через Атлантику утратило свое былое значение. Можно ли упрекать Кортеса в том, что Севилья стала казаться ему такой далекой?

Отчуждение было вызвано также и неприятием исключительно финансовой заинтересованности Испании в своих колониях, а Карл V порой вел себя как обыкновенный сборщик налогов. Если спокойно проанализировать эту ситуацию, то

испанский монарх оказывается не на высоте. Обратимся к фактам.

В конце 1523 года или в начале 1524-го Кортес получил от короля письмо с рядом указаний.[169] Хотя датировано оно было 26 июня 1523 года, документ не спешили отправлять, понимая, что он произведет эффект разорвавшейся бомбы. Если отбросить в сторону традиционные призывы к христианизации индейцев и бюрократические рекомендации, способные вызвать лишь усмешку (как, например, советы о наилучших местах для устройства портов), королевские инструкции противоречили всей политике Кортеса в Новой Испании, требуя расовой сегрегации, запрета смешанных браков, свободы передвижения испанцев на землях индейцев, разрешения торговли и обмена – другими словами, права обирать туземцев. Индейцам грозило повторение кубинского сценария!

Король резко осудил энкомьенды и потребовал от Кортеса упразднить поместья. Некоторые увидели в этом жест гуманизма и великодушия, но они поспешили. Карл V выступал не против самого принципа поместья-энкомьенды, его не устраивало то, что губернатор самолично раздавал энкомьенды; король сам хотел получить индейцев в свою личную собственность, которую можно было бы обменять на звонкую монету. То, что он запрещал Кортесу, он делал сам. Чуть позже он отдаст Венесуэлу на откуп Вельзерам в уплату своего долга этим финансистам, давшим денег на его избирательную кампанию. Страна был подвергнута тотальному разорению. Признаемся откровенно: судьба индейцев Карла V не волновала, золото Индий – вот о чем были его мечты. Король очень ясно выразил свою позицию в письме от 26 июня. Он нашел «справедливым и разумным, дабы уроженцы земель этих, сиречь индейцы, служили нам и платили нам дань, которую должны нам, поскольку они суть подданные наши и наши вассалы».[170] В заключение король добавил, что желал бы знать «о других путях получения ренты с вышеуказанной земли, будь то соляные копи, шахты, луга или иные угодья».

Король требовал обратного тому, о чем мечтал Кортес. Эрнан считал, что за исключением королевской квинты все богатства должны остаться в Мексике. Он намеревался создать эндогенную модель, при которой все средства вкладываются в местную экономику, в противоположность модели колониальной эксплуатации, предложенной Карлом V. Как мог Кортес найти взаимопонимание с королем, пожираемым алчностью?

В начале 1524 года в Веракрусе высадились четыре «королевских чиновника», назначенные Карлом V. Пусть их титул не вводит вас в заблуждение, это были обычные откупщики.

Первый, Алонсо де Эстрада, который, по слухам, был незаконорожденный сын Фердинанда Католика, являлся *tesorero* – казначеем; второй, Родриго де Альборнос, был *contador*– счетовод; должность третьего, Гонсало де Салазара, называлась *factor* – комиссионер; и последний в четверке, Пералминдес Чиринос, был *veedor* – инспектор. Но все эти мудреные названия имели только одну цель: взять под контроль Кортеса, чтобы ни одна крупица золота не утаилась от королевской казны. У Кортеса тогда, несомненно, были еще все полномочия, но Испания уже начинала об этом жалеть и пыталась установить границы, по крайней мере в том, что касалось финансов. Золото, одно только золото и ничего, кроме золота…

Отправляя своих инспекторов, Карл V написал из Вальядолида губернатору Новой Испании – без обиняков: «Вам следует знать о больших расходах, что нам приходится терпеть со времени нашего избрания императором и особенно с того момента, когда мы надели корону… Значительные суммы были затрачены на войну, что мы ведем с королем Франции… В этой связи мы требуем, чтобы вы, как только получите сей приказ, послали мне все, что в силах собрать из принадлежащего нам по праву нашей квинты и других сборов или из вашей доли или из того, что можно взять у других лиц. Вы должны приложить все силы, чтобы послать нам столько золота, сколько можно будет собрать. Знайте, что тем окажете нам самую ценную услугу».[171] Как будто ацтеки должны оплачивать манию величия заморского государя, живущего не по средствам!

Но маски сброшены, и точки над i расставлены. Короля интересует лишь мексиканское золото. Новая Испания для него – мощный источник доходов, и монарх не удовлетворится только пятой частью. Король приходил в ярость при мысли о том, что должен оставить на месте все это богатство, позволив с его помощью Кортесу и его приспешникам создать конкурирующее государство. Из далекой Испании потянулись нити колониальной паутины. Государственная машина должна была не только собрать средства для погашения долгов императора, но и помешать тому, чтобы в один прекрасный день мексиканцы отказались платить и пятую часть. В том и заключался парадокс: именно потому, что проект Кортеса с самого начала нес в себе идею независимости Мексики, эндогенная модель развития и креолизации заставили Испанию в ответ разработать настоящую стратегию колонизации, циничную и ориентированную на угнетение.

Письмо повергло Кортеса в смятение. Если бы Эрнан действительно был настроен против испанцев, то он поступил бы,

как Гонсало Герреро в Четумале: ушел бы партизанить в джунгли, открыто перейдя в другой лагерь, растворился бы среди индейцев и исчез бы с испанской сцены. Но Кортес не был Герреро, и его желание создать креольское общество исключало – пока еще – отказ от испанской составляющей общего корня. Он не последовал указаниям короля и объяснил в письме, почему он не исполнит их и впредь. Кортес настаивал на своем. Можно было бы говорить о философском диспуте, эпистолярной перепалке, если бы это не было смертельным поединком без пощады к побежденному. Кортес осмелился говорить с королем как равный с равным и даже читать тому нотации… не зная, как воспримут этот урок. На руках Марины спал маленький Мартин, десятилетняя Каталина ткала кечкемитль в дворике их дома. Семья Кортеса была здесь, в Мехико, но сражение, которое он начал, еще не было выиграно.

Поход на Лас-Гибуэрас (1524–1526)

Отказ от власти

В октябре 1524 года Кортес, обладая всей полнотой власти, решает оставить Мехико. Он вознамерился предпринять поход в земли майя – столь же опасный, сколь и дальний. В описываемое время судьба, казалось, благоволила конкистадору: он обладал богатством и властью; он достиг своей цели и мог реализовать самые заветные мечты; он мог и дальше жить в любимой им ацтекской столице, величием и красотой которой не уставал восхищаться… Но неожиданно он бросает все. Не часто случается, чтобы правитель на пике могущества сам отошел от власти. Этот эпизод жизни Кортеса скрывает дымка таинственности, и ни один биограф не мог его толком объяснить. Поступок конкистадора настолько иррационален, что многие исследователи прерывают описание его жизни 1524 годом, довольствуясь несколькими завершающими страницами о последних годах жизни Кортеса и его смерти. Однако можно попытаться проанализировать имевшие место противоречивые поступки и неожиданные повороты, обратившись к внутренним переживаниям нашего героя.

Провалился ли завоевательный поход Кортеса? Нет. В октябре 1524 года Эрнан контролировал полностью всю территорию, составлявшую некогда «империю» ацтеков. На северо-востоке он завладел районом гуацтеков, где его помощник Сандоваль основал испанский город Вилла-де-Сантистебан-дель-

Пуэрто возле индейского города Чипа в устье реки Пануко. Тотонаки с первого дня примкнули к конкистадорам, и на их землях испанцы основали два поселения – Веракрус и чуть подальше к югу – Медельин, названный так в память родного города своего предводителя. Северный берег перешейка Тегуантепек удерживался гарнизоном Эспириту-Санто, расположенного недалеко от Коацакоалько. Этот город был основан все тем же неутомимым Сандовалем, и в его окрестностях получил свою энкомьенду хронист Берналь Диас дель Кастильо. За равнинами Тласкалы солдатами Франсис – ко де Ороско в декабре 1521 года была захвачена Оаксака. К югу от Мехико вскоре были найдены богатые месторождения серебра и олова Такско. На востоке испанцы предприняли экспедицию в Мичоакан, который был жестоко завоеван Кристобалем де Олидом в июле 1522 года. От Мичоакана испанцы вышли на побережье Тихого океана, названного ими Южным морем. Конкистадоры основали первый порт на этом океане в Закатуле, в месте впадения реки Бальсас – на границе земель науа и тарасков. Из Мичоакана Кортес направил также экспедиции на запад, где опять-таки Сандоваль основал 25 июля 1523 года очередной город – Вилла-де-Колима. Затем в начале 1524 года Эрнан поручил одному из своих родственников, Франсиско Кортесу де Сан Буенавентуре, рекогносцировку южной части современных штатов Халиско и Найарит. К югу от Такско под контроль испанцев перешла территория йопи, и в подходящем местечке Акапулько был построен порт. На том же тихоокеанском побережье, но восточнее, Альварадо завладел землей микстеков и, пролив море индейской крови, взял город Тутепек, куда в марте 1522 года был перенесен (уже в третий раз) город Вилла-Сегура-де-ла-Фронтера, изначально основанный в Тепеаке. И наконец, закрепившись в Тегуантепеке к югу от одноименного перешейка, Кортес вышел на западную границу бывшей империи Мотекусомы.

В присутствии Кортеса на том или ином фронте не было стратегической необходимости, а стабильность в регионе позволяла ему строить планы по захвату всей доиспанской Центральной Америки, избрав новой целью земли майя, которые лежали восточнее Мексики. Кортес снарядил две экспедиции. Командование первой, морской, было доверено Кристобалю де Олиду. Под его началом были четыре сотни солдат с пушками и снарядами и восемь тысяч золотых песо для закупки на Кубе лошадей и провианта. Эскадра из шести кораблей вышла в море 11 января 1524 года. Сухопутной экспедицией командовал Педро де Альварадо, который выступил 6 декабря 1523 года на

Гваделупу, где 25 июля следующего года по своему обыкновению основал на крови город Сантьяго. Кортес в своем официальном отчете Карлу V посчитал нужным объяснить, что поход предпринят с целью отыскать знаменитый пролив из Северного моря в Южное. Впрочем, маловероятно, чтобы Кортес сам верил в этот географический миф, для этого он был слишком хорошо информирован. Кортес стремился подчинить себе весь комплекс древней Центральной Америки, которая, по его сведениям, простиралась до Коста-Рики, включая в себя практически всю современную Центральную Америку.

Если отказ Кортеса от власти был вызван не военными неудачами, то, может, стоит поискать причины морального плана? Не исключено, что Кортеса потрясли ограниченность и жестокость его солдат, разорявших завоеванные земли, но Эрнан был человеком своего сурового времени, хорошо знакомым с грязной стороной войны. Стоит подыскать другое объяснение.

Не деморализовало ли Кортеса дело Гарая? В том достопамятном 1524 году весь Мехико судачил о причастности Эрнана к скоропостижной смерти губернатора Ямайки. Обратимся к фактам. С 1519 года Франсиско де Гарай без устали посылал корабли в Мексиканский залив на поиски знаменитого пролива, выдуманного Колумбом. Того самого пролива, который, по мнению генуэзца, должен был вести прямиком в Китай. Гарай был ветераном Нового Света. Темная лошадка, человек без прошлого, появившийся из ниоткуда. Он стал свояком Христофора Колумба, женившись на португалке Анне Мониц, сестре жены первооткрывателя Фелиппы Перестрелло э Мониц. Войдя в клан Колумбов, Гарай принял участие в последней экспедиции генуэзца в 1493 году. Он проявил себя одним из самых алчных покорителей Санто-Доминго и быстро сколотил себе большое состояние. После назначения на пост губернатора Ямайки, он беспрестанно оспаривал у Кортеса его мексиканские завоевания. Получив снаряжение от епископа Фонсеки и губернатора Веласкеса, Гарай направил в начале 1523 года четвертую экспедицию, которая высадилась в районе Пануко. Солдаты Гарая разбрелись, беспокоя местное индейское население. Кортесу пришлось лично прибыть на место, чтобы восстановить порядок у гуацтеков. 25 июля 1523 года на севере Мексики высадился сам Франсиско де Гарай в компании с вернувшимся Хуаном де Грихальвой. Они ступили на берег в местечке Рио де лас Пальмас на севере Пануко. Гарай привел с собой внушительные силы – десяток кораблей и около тысячи человек.

Гарай чувствовал себя как дома, поскольку Пануко был

пожалован ему Фонсекой. Естественно, Кортес придерживался иного мнения. Между Кортесом и Гараем началась самая настоящая война, заложниками которой стали индейцы, склоняемые обеими враждующими партиями перейти на ту или иную сторону. Совесть Кортеса была спокойна, поскольку он располагал грамотой Карла V, предписывавшей Франсиско де Гараю не вмешиваться в мексиканские дела.[172] Королевский указ был подписан в Вальядолиде 24 апреля 1523 года, но, по всей видимости, Гарай не был знаком с его содержанием. В конце концов правитель Новой Испании пригласил Гарая в Мехико и принял с большим гостеприимством. По одному из преданий, подтвержденному самим Кортесом, два завоевателя решили поженить своих детей. Кортес обещал выдать за сына ямайского губернатора свою старшую дочь Каталину, кубинскую метиску. Проведя ночь на Рождество 1523 года в доме Кортеса, Гарай неожиданно скончался спустя всего несколько дней. Злые языки тотчас заговорили о злодейском отравлении.

Кортес выдвинул версию, что Гарай умер от огорчения, лишившись всего своего состояния в злосчастной панукской экспедиции.[173] Но Лопесу де Гомаре удалось выведать у двух лекарей, чьи имена он приводит, что Гарай умер от колик в боку, другими словами, от плеврита, спровоцированного переохлаждением во время полуночной рождественской мессы.[174] Но развязанная против него обвинительная кампания вряд ли могла поколебать позиции Кортеса. Гараю перевалило за шестьдесят, здоровье было подорвано, и смерть его могла наступить вполне естественным образом. Кроме того, Кортес располагал официальной королевской грамотой, отклонявшей все притязания Гарая. У Эрнана просто не было причин устранять губернатора Ямайки, который не представлял для его дела никакой угрозы, ни военной, ни политической. С этой стороны Кортес мог ничего не опасаться.

Зато известно, что в том же 1524 году на Эрнана наседали королевские чиновники, совавшие свои носы в счета конкистадора, и у него был вполне существенный повод для беспокойства. В необычном для него тоне Кортес пишет в своем Четвертом рапорте о деньгах, вернее о золоте. Губернатор Новой Испании не соглашался с расчетами контролеров и обвинял их в занижении понесенных им затрат на «умиротворение» края. Кортес выступал также против вмешательства уполномоченных короля в вопросы политического управления Новой Испании. Конфликт не нов: Кортес вложил все свое состояние в боевые операции, развитие и восстановление завоеванных территорий, а чиновники думали только о том, как вывезти побольше золота в

Испанию и наполнить пустую королевскую казну. Не исключено, что напряженность могла перерасти в настоящий кризис.

Кортес мог быть также удручен пожаром в ангарах Закатулы. Этот порт на тихоокеанском побережье был избран отправным пунктом исследовательских экспедиций в Южном море. Два года Кортес намеревался построить там несколько кораблей и заранее накапливал запасы парусины, канатов, пакли и смолы, а также якоря, которые доставили на своих спинах шестьсот индейцев-тарасков. Но в одну ночь все пошло прахом. Кроме якорей, конечно.[175] Этот инцидент был для Кортеса тем болезненнее, что пожар оказался умышленным и был вызван ревностью королевских чиновников к его политике исследования Тихого океана. Но могли ли все эти неприятности обескуражить человека, которым в течение десяти лет двигало страстное желание покорить Мексику?

В четвертой реляции, составленной в начале мая 1524 года для Карла V, нет и намека на намерение Кортеса отойти от власти. Да и сам рапорт не был послан немедленно: Кортес выжидал, пока накопится достаточно золота, чтобы дар королю соответствовал положению, которое он хотел занимать. Надо ли искать в «особом письме», написанном Кортесом незадолго до похода на Лас-Гибуэрас, причины, объясняющие отъезд, выглядевший как побег? В его обращении к Карлу V нет и тени пессимизма, напротив, тон послания самый что ни на есть боевой. «Решения, принимаемые издалека, добра не принесут, ибо им недостает понимания особенностей этой земли», – вызывающе пишет Кортес.[176] Чуть позже, объяснив королю, что не намерен исполнять его указаний, Кортес добавляет: «Я делал то, что считал благом для Вашего Величества, и поступить иначе, значило бы допустить опустошения; я призываю Ваше Величество подумать об этом и сообщить мне Ваше решение».[177]

Могла ли такая убежденность скрывать за собой пораженческие настроения? Воистину это исключено. И с этой абсолютной уверенностью в собственной правоте Кортес приводит свои аргументы, выступая против указаний Карла V. С хладнокровием, от которого перехватило бы дыхание не у одного придворного, Кортес не допустил свободного перемещения испанцев среди индейцев, чтобы защитить последних. Он не выполнил требования запретить репартимьентос в том виде, в каком он их устроил, поскольку, по его словам, они защищали свободу индейцев, позволяя при этом энкомендерос выжить. Он воспротивился вассальной подати, которую хотел установить король в свою пользу, посчитав ее невыносимым бременем для индейцев. Верный своей концепции передачи земли только тем,

кто на ней живет, Кортес категорически отказался уступить желанию короля получить в собственность частные владения в Новой Испании. «Я не считаю себя вправе придать ни единого крестьянина Вашему Величеству, – писал он с апломбом, – ни для услужения Вам, ни для выплаты Вам ренты; и так все принадлежит Вам», – объяснил он с присущей ему иронией.[178]

Кортес не стесняется подчеркивать нелогичность требований короля: тот хочет получить земельную собственность и при этом сохранить свободу индейцев, что означает оплату их труда как вольных работников. И он задает вопрос королю: а готов ли тот взять на себя эти расходы? В ответ на обвинение в самовольном назначении бургомистров и городских советников без проведения выборов он осмеливается преподать королю урок права и политической науки. Или монархия, или демократия. Смешение этих двух принципов невозможно. «Вы желаете ограничить мою власть, – пишет он испанскому государю, – но губернатор, каковым я являюсь, представляет вашу королевскую персону и ваши законы; права и свободы, которые вы хотите жаловать городам, не преминут подорвать вашу королевскую верховную власть, и вы не получите от этого никакой выгоды».[179] Наконец, Кортес очень откровенно выступает против власти золота и финансовых притязаний королевских чиновников, которые пытаются вмешиваться в управление Новой Испанией в погоне за большими барышами.

Это письмо, датированное Кортесом 15 октября 1524 года, написано накануне его отъезда в Лас-Гибуэрас. Надо признать, что оно не проливает свет на причины его демарша. Впрочем, его можно посчитать лебединой песней Кортеса. Конкистадор давал последний бой, понимая, что проиграл и будет повержен. Письмо явилось его политическим завещанием и было обращено скорее к Истории, нежели королю, чье отношение к индейцам не вызывало никаких иллюзий. На то, что донесение от 15 октября следует рассматривать как вызов Карлу V, помимо прочего, указывает и любопытный дар, его сопровождавший. Как всегда, вместе с рапортом Кортес послал королю его законную пятую часть добычи, добавив от себя несколько предметов искусства, которые должны были заменить похищенные французскими корсарами. Но на этот раз он отправил своему государю весьма необычный подарок – пушку, целиком отлитую из серебра. На кулеврине, весившей более тонны, Кортес приказал выгравировать рельефное изображение птицы Феникса, которое сопровождало посвящение:

Aquesta nacio sin par
Yo en serviros sin segundo

Vos sin igual en el mundo.
(Такой птицы второй не найти,
на службе вашей никто не бросит вызов мне,
как вам нет равных на земле.)

Историки, конечно, отметили претенциозный характер надписи под изображением феникса, но в самом подарке скрывалось нечто еще более вызывающее. Помимо двадцати двух с половиной бочонков серебра, стоивших, несомненно, целое состояние (королевский секретарь Франсиско де лос Кобос приказал переплавить кулеврину и получил из нее 20 тысяч дукатов), дар Кортеса был примечателен и тем, что речь шла о самой настоящей *туземной* пушке, отлитой индейцами-тарасками из металла, добытого в шахтах Мичоакана. Кортес хотел этим показать королю далекой Испании, что не Мексика нуждается в богатствах Кастилии, а скорее наоборот. Кортес указал на неравенство отношений между Старой и Новой Испаниями: американское золото уходило на ведение войн в Европе без какой-либо выгоды для тех, кто его добыл. Если Карлу V было что терять в случае разрыва, то Кортес находился в совершенно ином положении, хотя Мексике и мешало эмбарго на поставку лошадей и семян некоторых пищевых культур.

Но объясняет ли все это отказ Кортеса от власти в октябре 1524 года? Не предугадал ли он результат подсудно развивавшегося процесса? Ясность мысли всегда отличала конкистадора: не признавая своей отставки официально, он ушел сам, не дожидаясь, пока его отстранят. Могло бы показаться, что он посчитал свое дело проигранным. Но избрал бы побежденный своим прощальным подарком символ феникса, восставшего из пепла? Перед нами крайне сложная личность, настолько нетипичная, что приводит в замешательство. Рискнем выдвинуть еще одно предположение: Кортес просто не любил власть. Как и всякого завоевателя, его занимало само завоевание, цель и напряжение борьбы. Управление захваченной страной больше подходило человеку иного склада и не приносило ему никакой радости. К деньгам у него было такое же отношение: Кортес любил тратить деньги, не питая склонности к накопительству. Кортес был эстетом от власти: ему нравилось совершить невозможное, выиграть заведомо проигрышную партию и одержать победу над уже торжествовавшим врагом. Эрнан принадлежал к оригиналам, не боявшимся удивить свое окружение, поступить наперекор прогнозам и идти против ветра конформизма. Его уход в Лас-Гибуэрас, столь походивший на

бегство, мог оказаться не более чем взыгравшей тягой к свободе, неожиданным порывом к смене обстановки, которые сравнимы с зовом кочевников, заставляющим их в один прекрасный день снова пускаться в путь.

15 октября Кортес подписал свои послания: четвертую реляцию и письмо, адресованные Карлу V. Подведены итоги целого периода жизни. Кортесу скоро должно было исполниться тридцать девять. Времени, отпущенного ему природой, оставалось немного. Но там, где другие предпочли бы остановиться, он шел вперед. Навстречу приключениям.

Залив глубоких вод

«И посчитал я, что уже длительное время персона моя пребывает в праздности и не делает более ничего, что могло бы служить Вашему Величеству».[180] Так Кортес сам оправдывает свой отъезд в Лас-Гибуэрас. Немногословное объяснение! Но и причины кампании связаны с самыми сокровенными уголками души Кортеса.

Губернатор Новой Испании выдвинул официальное объяснение своих действий. Один из его командиров, Кристобаль де Олид, посланный захватить Гондурас с моря, поднял мятеж. Он заключил союз с заклятым врагом Кортеса – кубинским губернатором Диего Веласкесом, который и умирая продолжал строить козни. Надо сказать, что в то время Центральная Америка манила к себе и разжигала в испанцах необузданную алчность. Так, в 1519 году Педрариас Давила завладел Панамой, убив своего зятя Бальбоа – первооткрывателя Тихого океана. Он послал Франсиско Эрнандеса колонизировать Никарагуа; в 1523 году тот вернулся в Гондурас. В те же годы Гонсалес де Авила провозгласил себя «губернатором Гольфо Дульче»; его территория соответствовала примерно землям по берегам Гондурасского залива и озера Исабаль, охватывая южную часть Белиза, восточную часть Гватемалы и северо-восток Гондураса. Со своей стороны, Кортес желал включить эти территории в состав Новой Испании, что и послужило причиной экспедиций Альварадо и Олида. Но последний переметнулся в лагерь губернатора Кубы. Таким образом, возникло сразу четыре претендента на этот край, названный в то далекое время Лас-Гибуэрас – «земля калебасников» – и получивший впоследствии имя омывающего его моря – «гольфо де лас Гондурас», «залив глубоких вод».

Четыре соперника – это многовато, так что по законам природы неминуемо начался естественный отбор. Гонсалес де

Авила оттеснил Франсиско Эрнандеса в Никарагуа, затем Олид захватил в плен Гонсалеса де Авилу и решил действовать дальше на свой страх и риск. Этот мятеж якобы и подтолкнул Кортеса к походу в Центральную Америку. Но это ложное утверждение не выдерживает критики. Как только Кортеса достигли известия о восстании Олида, он немедленно направил пять кораблей под командованием своего кузена Франсиско де лас Касаса усмирить мятежников. Почти сразу после высадки в Гондурасе кузен Кортеса угодил в ловушку Олида и присоединился к Гонсалесу де Авиле. Но два узника объединились в борьбе с их общим врагом и сумели скрутить мятежника. Олид был предан суду и приговорен к смерти. Когда Кортес покидал Мехико, Олид уже был обезглавлен на главной площади индейского города Нако.[181]

В середине октября Кортес в парадном облачении выступил в поход. Его сопровождала многочисленная свита пажей, слуг и приближенных. С ним ехали камердинер, врач, хирург, сокольничие, музыканты и жонглеры. В обозе везли его кровать и посуду. За Кортесом следовал эскорт из всех принцев науа Мексиканской долины: Куаугтемок, бывший правитель Мехико, Коанакоч, правитель Текскоко и Тетлепанквецаль, правитель Тлакопана, а также два самых высокопоставленных сановника Тлателолько – Экацин и Темилоцин. В этот раз Кортес не возражал, чтобы в кортеже находились женщины. Завоеватель взял с собой своих жен и любовниц и нажитых с ними детей. Его окружали многие из командиров, в том числе верный Гонсало де Сандоваль; войско состояло из трехсот вооруженных испанцев и нескольких тысяч индейских воинов. При войске было полтораста лошадей и двое из четырех королевских чиновников – фактор Гонсало де Салазар и инспектор Перальминдес Чиринос.

Кортес оставил Мехико в руках двух других чиновников – казначея Алонсо де Эстраду и счетовода Родриго де Альборноса – с тайным тонким расчетом. Эрнан, конечно, не рассчитывал сохранить свою власть или править через уполномоченных. Он знал, что оставляет ее. Но, доверяя политическое управление Новой Испанией тандему Эстрада-Альборнос, он предполагал, что их раздоры и взаимные интриги нейтрализуют их зловредность. Впрочем, в муниципальный совет города Мехико Кортес внедрил верных людей под началом своего кузена Родриго де Паса. Наконец, заручившись поддержкой ученого юриста Алонсо Зуазо, давнего члена Аудиенции Санто-Доминго, который всегда к нему благоволил, Кортес назначил его мэром Мехико и одновременно соправителем Новой Испании вместе с Эстрадой и Альборносом. По замыслу конкистадора Зуазо и Пас должны были сводить на нет вредные начинания королевских чиновников. Движимый

присущей ему душевной чуткостью, Кортес просил франциканца Торибио де Мотолиниа не давать в обиду индейское население.

Пестрый как по составу, так и по разнообразию ярких одежд, кортеж медленно спускался к Веракрусу. В хвосте колонны гнали большое стадо свиней, которых Кортес намеревался разводить в Центральной Америке. Первое время марш больше походил на увеселительную прогулку: повсюду в городах и селах губернатора ожидал теплый и радостный прием. Но Кортес оставался равнодушен к пирушкам и обманчивой мишуре власти. Его мысли витали где-то далеко.

Первый удар грома прогремел недалеко от Оризаба, в маленьком городке Эль-Туэрто. Там, ко всеобщему удивлению, Кортес отметил свадьбу своей любовницы Марины с конкистадором Хуаном Харамильо. Как и почему Кортес решился разорвать свой неразделимый союз с Малинцин, матерью его старшего сына? Они и дальше останутся неразлучны, и во время похода, и много позже, вплоть до его отъезда в Испанию в 1528 году. Что произошло в голове Кортеса? Зачем устроил он этот поразительный брак всего через несколько дней после того, как оставил Мехико? Можно догадываться о его мотивах: Кортес выдал Малинцин замуж, чтобы создать ей положение и таким образом обеспечить будущее, а с собой взял ее, чтобы защитить и уберечь от опасностей, которым она могла подвергнуться, оставаясь в Мехико в его отсутствие. Был ли это сентиментальный порыв? Означал ли поход на Лас-Гибуэрас разрыв с прошлым? Хотя все, что связано с этой кампанией, остается великой загадкой, можно попытаться задуматься над вопросом: а питал ли Кортес вообще какую-нибудь надежду на возвращение? Не преследовала ли гордого покорителя Мексики тень приближающейся смерти? Кортес выступил в поход после того, как привел в порядок все свои дела, как будто отправлялся в самоубийственную миссию.

Для всего окружения поведение Кортеса оставалось необъяснимым. Двигаясь вдоль атлантического побережья, он проходил под триумфальными арками, возводимыми на входе в каждую деревню; присутствовал на спектаклях метисного театра, в котором смешивались тема противостояния христиан и мавров с индейскими хореографией и костюмами. Между тем то, что могло стать приятной прогулкой, по-видимому, все сильнее тяготило конкистадора. Королевские чиновники вели себя недостойно: от долгих маршей верхом у них ломило спину, днем было слишком жарко, ночью слишком холодно, от дорожной пыли першило в горле, одолевали комары, хотелось есть, и вообще весь этот поход – одна пустая трата казенных средств. Это

ли нытье побудило Кортеса избавиться от надоедливых спутников, то ли вести о беспорядках, возникших после его отъезда, но так или иначе фактор Салазар и инспектор Чиринос отправились обратно в Мехико. Если первоначальный план разделения королевских чиновников имел смысл, то возвращение в Мехико Чириноса и Салазара вносило определенную путаницу. Решившись на этот шаг, Эрнан подписал отказ от всяких попыток сохранить контроль над столицей Новой Испании.

Постояв лагерем под Вилла-дель-Эспириту-Санто и мобилизовав всех тамошних испанцев, Кортес пустился в рискованный переход через болотистые земли Табаско. Если он искал себе приключений, то был на верном пути. До него здесь точно не ступала нога человека. В этом краю, где через каждые сто метров вырастало непреодолимое препятствие: озеро, болото с крокодилами, река с предательскими течениями, без пироги приходилось нелегко. Огибая одну преграду за другой, колонна дробилась на группы и искала дорогу. Экспедиция тщетно искала спасительной суши.

Однако Кортес был не из тех, кто отступает. Раз брода нет, надо строить мосты. Индейцы превратились в дровосеков, плотников и саперов. Стояла удушливая жара. Крутом простиралась вода. Даже мангровые заросли, казалось, не цеплялись корнями за землю, а вырастали из заросшей тиной воды. Недели, серые и безрадостные, сменяли одна другую. При приближении Кортеса индейцы уходили из своих деревень; жители этих мест, называемые Берналем Диасом дель Кастильо масатеками, применяли тактику выжженной земли. Как посреди глухих джунглей прокормить тысячи людей? Кортес не желал забивать стадо свиней, которое тайно следовало за войском в четырех днях пути. Солдатам пришлось питаться кореньями, охотиться и ловить рыбу. Постепенно люди обессилели. Среди индейцев рос ропот недовольства. Здесь, среди лабиринта вечнозеленой растительности тропиков, которым бросали вызов испанцы, завершил свой путь Куаугтемок.

Экспедиция Кортеса добралась до провинции Акалан – «край пирог» на правом берегу реки Усумачинта между Баланканом и Тенозикой к югу от залива Терминос. Акалан был бывшей провинцией майя, возвращенной назад науа в XI веке, но ценой не прекращавшейся войны с лакандонами – группой майя, осевшей в верховье Усумачинты. Все деревни здесь были укреплены высокими палисадами и оборонительными рвами, прикрытыми ветками. Этот район был труднодоступен для испанской пехоты и для индейцев с Центрального плато.

В духоте зеленой ловушки снова взбунтовался Куаугтемок.

Ему не требовалось больших усилий, чтобы подтолкнуть к мятежу своих соотечественников: все войско роптало и проклинало эту абсурдную авантюру, в которой никто не видел ни смысла, ни конца. Кортес оказался в трудном положении. Движимый только одному ему понятной логикой, он потерял контакт со своими людьми, и угрозы вождей науа начали беспокоить его. Он слышал разговоры индейцев и знал, что готовится заговор с целью его уничтожения. Ему надо было выбирать: плыть по течению или взять ситуацию под контроль. Снова предстояло убить, чтобы не быть убитым.

Ранним утром 28 февраля 1525 года Кортес приказал арестовать всех индейских вождей и допросил их при помощи Малинцин. Никто не отрицал, что устал от этой безумной экспедиции, и в гневе высказывался против нее. Как верховный судья Новой Испании, Кортес приговорил Куаугтемока и Тетлепанквецаля к смертной казни, отпустив с миром остальных. Последний мексиканский тлатоани был повешен вместе с принцем Тлакопана на гигантской сейбе в чиапанекской сельве. «Мы восприняли эту смерть как большую несправедливость, и все, кто был там, глубоко осудили ее», – писал Диас дель Кастильо. [182]

Несколько дней спустя Кортес продолжил свое безрассудное предприятие. В этот раз путь конкистадорам преграждала плотная стена леса Петена, где каждый шаг приходилось прорубать шпагой. Люди двигались наугад. Зато Кортес, по-видимому, знал, куда направлялся. В Коацакоалько ему изготовили пиктографический документ, и он следовал указаниям этой «карты», которую ему расшифровывала Малинцин. Индейцы верили, что он шаман и может читать мысли при помощи таинственной иголки. Как и их товарищи-испанцы, могли ли они догадаться, что Кортес применяет буссоль[183] – изобретение науа? В системе индейского мировоззрения сила шамана, священника-целителя, основывалась на знании дороги в ад. Именно туда он должен был мысленно перенестись, чтобы отыскать души, отлетевшие от тел больных, и препроводить к владельцам, тем самым возвратив их к жизни. В символической космографии науа этот подземный ад находился на севере. Владея буссолью, Кортес знал дорогу на север, дорогу в Миктлан. Со своими иголкой и зеркалом он походил на шамана, путешествовавшего в ином мире. Естественно, Малинцин не преминула под секретом рассказать об этом индейцам, уважавшим чужеземного вождя, которого ничто не могло остановить и который один знал, куда шел.

«Лес был настолько густым, что видно было только, куда

ставишь ногу. И глазам не открывалось чистое небо, даже если задрать голову вверх. Высота деревьев была такова, что, забравшись на них, взгляд охватывал окрестность только на бросок камня».[184] Кортес начал сдавать. Как и его солдаты, он был на пределе сил. Он страдал от бессонницы, депрессии. В животе кишели паразиты, щеки ввалились. В часы самой сильной жары он был вынужден устраивать сиесту, вытянувшись на ковре.[185] Конкистадоров поглощал лес, в котором не было ни души, только изредка на испанцев нападали стаи визгливых обезьян, отстаивавших неприкосновенность своей территории.

Конец страданиям настал, когда экспедиция добралась до Тайясаля в самом сердце Петена, на берегах озера Флорес. Встреча с местным вождем майя по имени Канек была проникнута взаимной симпатией. Солдаты мылись, стирали и сушили одежду, отдыхали и залечивали раны. Индейцы племени ица вырубили в лесу просторные просеки, где испанцы могли устроить разминку для своих лошадей. После влажного леса этот островок цивилизации под открытым небом стал желанной гаванью, благословенной богами сельвы. Малинцин пришлось вспомнить язык майя, чтобы переводить беседы с Канеком и приобщать его к основам католической религии. Вождь ица был приглашен на мессу, прошедшую в музыкальном сопровождении свирелей и бамбуковых флейт. Можно представить себе звуки туземной *Kyrie*, поднимающиеся ввысь, к небу майя, плывущие над зелеными водами озера, и подхваченные несмолкающим шелестом зеленой листвы высоких вековых деревьев.

Черный жеребец Кортеса захромал, и тот оставил животное на попечение Канека, намереваясь забрать его на обратном пути. Но пройдет девяносто три года, прежде чем майя из Тайясаля увидят новых испанцев! Только в 1618 году два францисканских монаха Хуан де Орбита и Бартоломей де Фуенсалида проникли в чащи Петена для обращения индейцев в христианство. Каково же было их удивление, когда они увидели в первом ряду идолов главного храма Тайясаля… деревянную статую лошади в натуральную величину! Это был конь Кортеса, которого Канек пожелал увековечить, чтобы сделать приятное конкистадору, и который в конце концов пополнил собой местный пантеон.[186]

Получив проводников, Кортес продвигался на юг. Ему предстояло преодолеть двести километров через тропические леса, чтобы достичь берегов реки Дульче в дальней юго-восточной оконечности полуострова Юкатан. Преодолев две реки, экспедиция перевалила горный хребет гватемальских Кордильер. Люди двигались уже как автоматы. Ни у кого не осталось сил, чтобы говорить. Голод сводил желудки. Лихорадка косила даже

самых сильных. Стоял апрель, и на изнуренных и потрепанных конкистадоров с неба низвергались потоки дождевой воды. Кортесу удалось совершить первый переход через Юкатан. В конце тропы, окаймленной пальмами, засинело Карибское море, которого Эрнан не видел вот уже пять лет. Может, этот беспримерный переход и был главной победой? Не испытывал ли Кортес тайной радости при мысли о том, что он стал наследником индейских правителей, царствовавших на этих землях, омываемых двумя океанами? Привлекала ли его девственность этого враждебного человеку мира, с которым можно было помериться силами в схватке один на один? На берегу залива с глубокими водами Кортес торжествовал бесполезную победу над невозможным.

Тем временем в Мехико разгоралась борьба за власть. С самого отъезда Кортеса не прекращались раздоры между королевскими чиновниками Эстрадой и Альборносом, каждый из которых жаждал получить всю полноту власти. Отправляя Салазара и Чириноса обратно в Мехико, Кортес снабдил их письмами с ценными указаниями: в первом им передавалась вся власть в случае неразрешимого конфликта между Эстрадой и Альборносом; во втором объявлялось создание директории из всех четырех королевских чиновников и Зуазо. Не стоит и говорить, что, вернувшись в Мехико 29 декабря 1524 года, Салазар и Чиринос потрясали первым письмом, припрятав понадежнее второе. Эстрада и Альборнос отказались уступить свое место, что стоило им тюремного заточения. Зуазо освободил их и настоял на создании 25 февраля 1525 года четырехстороннего правительства.

На это индейцы, терпевшие обиды от королевских чиновников, ответили восстанием, которое Зуазо жестоко подавил, впервые применив в Мексике злых собак. 19 апреля Салазар и Чиринос изгнали из правительства Эстраду и Альборноса, применив физическое воздействие на членов муниципального совета и, в частности, на Родриго де Паса, личного представителя Кортеса, которого сначала арестовали, но потом отпустили. 23 мая напряжение возросло: алькальд Мехико Алонсо Зуазо был ночью арестован в собственном доме и немедленно выслан в кандалах на Кубу. Салазар и Чиринос даже не потрудились обосновать этот шаг. Чуть позже Эстрада и Альборнос попытались бежать из Мехико, прихватив «золото короля», но были задержаны спустя несколько часов в Тлальманалько и силой возвращены в Мехико, где их бросили в тюрьму.

Чтобы ни с кем не делить власть, Салазар отправил своего

соратника Чириноса подавлять новое восстание на земле запотеков и миксов. В августе Чиринос вернулся в Мехико, не столько устрашась ярости взбунтовавшихся индейцев, сколько опасаясь оставить без присмотра своего союзника-соперника Салазара.

19 августа 1525 года представители короля арестовали Родриго де Паса. Спустя три дня они объявили о гибели Кортеса и, применив запугивание, вынудили муниципальный совет Мехико признать их «помощниками губернатора». Одновременно с усилением испанского ига над несчастными индейцами достигла своего апогея травля сторонников Кортеса. Франсиско де Лас Касас и Гиль Гонсалес де Авила, возвратившись в столицу из карательного похода против Олида, воспротивились действиям Салазара. Оба были арестованы, преданы суду и приговорены к смерти. Чудом избежав казни, они были высланы в Кастилию.

Соратники Кортеса, которых Диас дель Кастильо называет «старыми конкистадорами», не видели для себя иного спасения, кроме как укрыться в стенах францисканского монастыря в Мехико. По случаю торжественной траурной церемонии в честь мнимого усопшего Салазар и Чиринос ворвались в обитель и захватили последний оплот его сторонников. Родриго де Пас был подвергнут пыткам. По примеру королевского казначея Альдерета, допрашивавшего Куаугтемока, они лили несчастному на ноги кипящее масло, выпытывая, где скрыты «сокровища Кортеса». К этой пытке был добавлен внушительный арсенал других, принятых в инквизиции мер воздействия. Салазар и Чиринос разграбили дома Кортеса и Паса. Они присвоили все имущество Кортеса и вдвое увеличили налог, взимаемый с индейцев. Чтобы избавиться от ненужного свидетеля, они казнили злосчастного кузена конкистадора. Он был повешен голым с осла. Такова была в то безжалостное время политика испанского короля в Мехико.

Вдали от всех этих напастей Кортес был встречен как мессия испанцами, которых он встретил в устье реки Дульче. Это были уцелевшие участники экспедиции Гонсалеса де Авилы, умиравшие от голода и печали в маленьком порту, который они окрестили Сан-Гиль-де-Буенависта. Сюда случайно зашел торговый корабль с Кубы, направлявшийся к Олиду. Возблагодарив Провидение, Кортес купил корабль со всем грузом и нанял команду. После стольких лишений его люди пировали и благодарили небеса.

Захолустное местечко Сан-Гиль, пропитавшееся болотными испарениями и запахом перезревших фруктов, не прельстило Кортеса, который решил не задерживаться здесь, а исследовать

внутренние озера бассейна реки Дульче. Он обнаружил, что в этих краях говорят на науатль, а пирамиды в индейских деревнях напоминают виденные им в Теночтитлане. Поднявшись вверх по реке Дульче до границы земель майя, он повернул назад, не преминув отметить, что страна богата маисом, какао, хлопком, обсидианом и нефритом.

Неутомимый Кортес все-таки устал: исследование побережья Гондураса он продолжил уже на корабле. 8 сентября 1525 года им был основан город Нативидад, названный так в честь праздника Рождества Богородицы, приходившегося на этот день. Теперь порт называется Пуэрто-Кортес. По поручению командора «заселять» внутренние земли к Зула, Нако и Квимистану отправился все тот же Сандоваль.

Затем Кортес снова поднял паруса и направился на восток. Спустя девять дней он достиг Трухильо, заселенного Франсиском де лас Касасом, но где также осели люди Олида. Кортес не без удовольствия принял заверения в почтении от бывших предателей. На горизонте показались три других корабля, на которых плыли купцы с Эспаньолы. Так Кортес обнаружил наличие налаженной сети обмена, за которую расплачивались жители Гуанакских островов и гондурасского побережья.[187] Кортес купил все суда и послал их на Кубу, Эспаньолу и Ямайку за продовольствием и снаряжением. Конкистадор явно вынашивал планы колонизации.

Отметим попутно финансовую состоятельность Кортеса, которая не перестает удивлять даже на краю света. Сундуки с золотом следовали за ним повсюду через джунгли и чащи, битвы и штормы. Везти казну с собой было подвигом не из последних: золото всегда пробуждает алчность и желание легкой наживы. К счастью, Кортеса окружали люди, преданность которых заслуживает восхищения.

Кортес занялся административным устройством территории. Он делегировал полномочия одному из своих бесчисленных кузенов Эрнандо де Сааведре, которого назначил «заместителем губернатора и главнокомандующим в городах Трухильо и Нативидад-де-Нуестра-Сеньора». Кортес издал указы по благоустройству этих двух городов. Удивительно, насколько конкистадора интересовали весьма и весьма конкретные вещи: планировка улиц, строительство бойни и мясной лавки, контроль рынков. Его распоряжения регламентировали качество выпечки хлеба, запрещая распространенную практику торговли умышленно плохо пропеченным хлебом, который содержал больше воды и, соответственно, больше весил. По декрету Кортеса плохо пропеченный хлеб или хлеб, цена которого не

соответствовала реальному весу, подлежал конфискации уполномоченным контролером; половина конфискованного передавалась беднякам при богадельне, а вторая половина доставалась самому контролеру.[188]

В этот период Кортес уделял также большое внимание свиноводству. Многие производители, вывезенные из Мехико, были подарены им индейцам Гуанакского архипелага, чтобы облегчить их существование на островах, опустошенных испанцами. И конечно же Кортес непрестанно исследовал новые земли, посылал своих представителей к туземным вождям в чащах леса, что тогда еще покрывал все побережье Гондураса. Он уверенно чувствовал себя в этом краю, населенном индейцами науа, разговаривавшими на том же языке, что и жители Мехико. Отныне он подписывается «Фернандо Кортес, главнокомандующий и губернатор Новой Испании и *ее провинций*». По его представлению, он держал в своих руках всю бывшую Месоамерику.

Из четырех отправленных им кораблей вернулся только один. Он доставил с Кубы письмо Алонсо Зуазо. Бывший бургомистр Мехико, низложенный королевскими чиновниками, сообщал ему о своих бедах и о том хаосе, что воцарился в столице Новой Испании. Несмотря на тревожные вести, Кортес еще колебался. Логика подсказывала возвращаться в Мехико и восстанавливать порядок, но та же тайная сила, что завела его в Гондурас, его там и удерживала. Более того, Кортес намеревался двигаться дальше на восток, к Никарагуа. Он даже начал переговоры по этому вопросу с Франсиско Эрнандесом – военачальником, занявшим эту провинцию от имени Педрариаса Давила. Кортес, несомненно, наметил себе рубеж по Коста-Рике – древней восточной границе Месо-америки. Больший индеец, чем сами индейцы, Эрнан намеревался восстановить во всем величии империю ацтеков, которую сам же и уничтожил. Он вошел в роль великого тлатоани и возвращал «исконные» земли одну за одной. Пребывая в размышлении и бездействии, Кортес заказывал мессы. В глубине души ему уже не хотелось куда-то идти. Он чувствовал себя хорошо под зеленой кроной тропического леса, поймавшего его в свой убаюкивающий плен. Жара, влага и испарения подавляли волю и расслабляли тело. С какой стати снова погружаться в пучину борьбы за власть, где каждый шаг сопряжен с насилием, коварством и жестокостью? Кортес нуждался в отдыхе и покое.

Но вскоре Кортес опять был бодр и полон энергии. Он решил возвращаться в Мехико. Войска под предводительством Гонсало де Сандоваля двигались пешим порядком по дороге вдоль

тихоокеанского побережья, которая более тридцати веков служила индейским купцам. Сам Кортес решил плыть в Веракрус на корабле. Но в декабре 1525 года все, казалось, было против него. Три раза обстоятельства вынуждали его отложить отъезд. Сначала в Трухильо начались волнения: поселенцы боялись оказаться брошенными на произвол судьбы. Затем на корабле треснула рея, а потом еще и рухнула мачта. Кортес задумался о смысле происшедших событий, явно противоречивших его решению вернуться. Он увидел в них знак судьбы, требовавший остаться. Снова служили мессы. Кортес отменил отъезд.

Вскоре после Рождества Кортес послал в Веракрус корабль с тайным гонцом: один из его слуг по имени Мартин Дорантес доставил письмо, написанное собственной рукой Кортеса. Во-первых, в нем говорилось, что известие о смерти губернатора, объявленное королевскими чиновниками, не соответствует действительности, а во-вторых, Франсиско де лас Касас назначался его полномочным представителем в Мехико. Кортес, естественно, не мог знать, что Лас Касас был арестован и в кандалах отправлен в Кастилию. Дорантес сел на корабль 3 января 1526 года. У Кортеса стало легко на душе. Пролетели три месяца. Исследователь Юкатана по-прежнему созерцал прозрачные воды Карибского моря в тени раскидистой сейбы. Дни сменяли дни. Кортес пребывал в задумчивом созерцании, вновь обретя дом в Новом Свете, в основанном им городке Трухильо.

В начале апреля вернулся корабль, посланный Кортесом в Веракрус с францисканцем Диего де Альтамирано. Неизвестно, какие доводы приводил Кортесу этот его дальний родственник, но ужасные новости, доставленные монахом, несомненно, подвигли главнокомандующего вернуться к своим обязанностям. Он вышел в море 25 апреля. После одиннадцати дней плавания встречные ветры и непогода вынудили его сделать остановку в Гаване. Буря изрядно потрепала корабль, и Кортес предпочел купить новый. 16 мая он снова вышел в море вместе с несколькими испанцами из ближайшего окружения, мексиканскими вождями и Мариной, беременной от нового мужа, Харамильо. По пути к Веракрусу на палубе корабля появилась на свет маленькая девочка, нареченная Марией.

Ночью 24 мая 1526 года Кортес высадился в Чалчигкуекане и тайно пробрался в Медельин. Он провел там одиннадцать дней, по официальной версии, для восстановления сил, но на самом деле для выяснения ситуации в стране. Там он узнал, что его эмиссар Дорантес прибыл в Мехико 29 января. С помощью францисканцев тому удалось опровергнуть ложь о гибели главнокомандующего. Спешно созванный муниципальный совет

Мехико констатировал отсутствие Франсиско де лас Касаса, которому Кортес передал свои полномочия, и низложил Салазара и Чириноса, заменив их другим тандемом – Эстрада – Альборнос. Салазара немедленно бросили в тюрьму, Чиринос был арестован в Тласкале и препровожден в Мехико, где также посажен за решетку. Эстрада и Альборнос осознали опасность и просили Кортеса вернуть на прежние посты всех сторонников конкистадора, оттесненных Салазаром и Чириносом: Франциско Давилу, Андреса де Тапиа, Родриго Рангеля и Хуана де Ортегу…

Центр тяжести Новой Испании снова переместился в ставку Кортеса, и крошечный Медельин стал центром напряженной дипломатической борьбы. Главнокомандующий выступил в поход на Мехико 4 июня. Его встречали как спасителя. Чтобы избежать возможных беспорядков, Кортес еще с первого дня своего возвращения на мексиканскую землю, 24 мая, подтвердил полномочия Эстрады и Альборноса, а также Хуана де Ортеги – алькальда Мехико. Вступление Кортеса в Теночтитлан стало блестящим реваншем: при виде Эстрады и Альборноса, распростершихся ниц у его ног, конкистадор должен был, наверное, испытать презрение к этой породе людей, что всегда держат нос по ветру, чутко реагируя на все падения и взлеты. Но осторожный Кортес не спешил праздновать победу. По прибытии в столицу он затворился в обители Святого Франциска, где жил среди своих друзей-монахов, которых величал «секретарями воли народа».[189] Рассказы братьев подготовили Кортеса. Теперь он знал, что ему предстоит сделать. 25 июня он вышел из монастыря и созвал муниципальный совет Мехико, объявив на заседании о возвращении к исполнению обязанностей губернатора. Незамедлительно были назначены новые городские советники и генеральный инспектор Новой Испании в лице Алонсо де Градо.

После перерыва безумной экспедиции в Гондурас Кортес снова стал хозяином Новой Испании. Но со стороны Кастилии ветер уже нагонял тучи, заволакивавшие мексиканский небосвод. В порту Веракруса бросил якорь корабль, доставивший следователя с поручением отстранить Кортеса. В несколько дней ситуация коренным образом изменилась, и вместо толпы сторонников и приближенных вокруг губернатора снова оказалась пустота. Давление нарастало. В этом возвращении из Лас-Гибуэрас, как в карикатуре, отразилась химера власти: интриги, вызов, клевета переплетались с завистью, ненавистью и жаждой реванша. Желал ли Кортес продолжать борьбу? Оставались ли у него силы? Да и можно ли было вырваться из железной хватки Старой Испании?

Снова интриги (1526–1528)

Непостоянство власти

Возвратясь в Мехико, Кортес вскрыл свою почту. Для него было два письма от Карла V, которые, по всей видимости, дожидались его уже давно, так как были подписаны в Толедо еще в ноябре 1525 года. В них король довольно сухо подтверждал получение его четвертой реляции и знаменитого прямого и открытого письма от 15 октября прошлого, 1524 года. Кортес, конечно, не ждал, что Карл напишет ему, мол, вы были правы, а я заблуждался. Король объявлял о начале расследования действий конкистадора и скором прибытии «судьи на постоянное жительство» в лице Луиса Понса де Леона. Учреждение института *juicio de residencia*, которое некоторые историки считают здравой мерой хорошего управления, в действительности оказалось достойной сожаления попыткой прикрыть фиговым листком псевдозаконности самоуправство и произвол и протолкнуть решения, спущенные сверху из альковов и приемных королевского дворца.

Отрицательный образ *juicio de residencia* дополняло их пристрастие к инквизиторским процессам. По сути дела, эти судьи представляли собой гражданский вариант инквизиции. Они поощряли доносительство, прибегали к ложным обвинениям и практиковали конфискацию имущества осужденных. Карл V показал себя великим мастером судебных расследований. Принцип простой, но действенный: я тебя назначаю на должность, ты богатеешь, я тебя отдаю под суд, снимаю с должности, забираю все нажитое имущество, нахожу новую жертву, и история повторяется. Казна полна, и все это без особых усилий, без жары и москитов тропиков!

Конечно, Карл V пытался действовать осторожно и потрудился над формулировками: «Как вы сами увидите, означенный Луис Понс де Леон не знает ничего об этих краях, равно как и не имеет понятия, что делать там надлежит… Полезно будет вам наставлять его, как сией землей управлять наилучшим образом следует».[190] Но Кортес не вчера родился и понимал, что это означало. Впрочем, план короля раскрывало второе письмо: Кортес отзывался в Кастилию, поскольку император хотел лично обсудить с ним вопросы Новой Испании. Эрнан понял, что, как только покинет Мехико, он будет лишен всех своих постов.

Но времени на размышления уже почти не оставалось. 23

июня Понс де Леон сошел на пристань Веракруса. Эрнан разыграл спектакль и радушно принял «справедливого судью, советы которого пойдут ему только на благо». Он распорядился оказать почести Понсу и дать эскорт в парадном облачении, который должен был сопровождать того до самого Мехико. Официально Кортес объяснил, что судья прибыл наказать Салазара и Чириноса и восстановить справедливость в отношении индейцев, пострадавших от злоупотреблений. Эстрада и Альборнос забеспокоились. Все, казалось бы, протекало по сценарию, который они сами изложили в своем письме секретным шифром, переданным им королевским секретарем Франсиско де лос Кобосом специально для сочинения тайных доносов. Они должны были разделаться с покорителем Мексики и продолжить свои злодеяния уже под прикрытием закона. Но от Кортеса всего можно ожидать. Он непредсказуем.

Ни Кортес, ни Эстрада не ошиблись в своих опасениях. 4 июля 1526 года, через два дня после прибытия, Луис Понс де Леон забрал у Кортеса судейские жезлы, принадлежавшие тому как верховному судье – *justicia mayor* – Новой Испании, но этим не ограничился и снял Эрнана с поста губернатора, по официальному объяснению – ради возможности беспрепятственно проводить судебное расследование манеры конкистадора служить королю. Кортес получил отставку.

Можно ли даже предположить, чтобы этот человек, превзойдя столько преград на пути к своей цели, позволил бы лишить себя власти, к которой вернулся всего неделю назад? Эрнан колебался, оставлял власть и даже сбежал в Гондурас, но теперь, когда он принял решение, уже просто не мог отступить.

Судья Понс де Леон неожиданно занемог. Кортес объяснил недуг переменой высот и усталостью после трудного путешествия и обеспечил больному комфортные условия. Свита судьи также испытывала трудности с адаптацией к местному климату. Тошнота, жар, угнетенное состояние духа. Загадочная эпидемия косила приближенных судьи. Понс де Леон преставился 20 июля. Титул губернатора Новой Испании не пошел старику на пользу. По странному совпадению вместе с ним на тот свет отправилось более тридцати его сторонников. Судья, назначенный де-юре, устранился де-факто. Кортес вернул себе титул и отдалил опасность расследования.

Но перед смертью Понс де Леон успел объявить свою последнюю волю, и 16 июля он передал свои полномочия некоему Маркосу де Агилару. Муниципальный совет Мехико не признал Агилара и обратился к Кортесу с просьбой взять управление в свои руки. Тот медлил с ответом, но в конце концов уступил

просьбам и снова стал губернатором, оставив судебные функции Агилару, которого назначил 1 августа верховным судьей.

Кортес даже под давлением держал свою линию и превосходно справлялся со своими функциями. В частности, он издал указы о хорошем обращении с индейцами и торжественно подтвердил принципы, установленные в 1524 году, еще сильнее ужесточив ограничения, налагаемые на кастильцев. Кортес настаивал на неприкосновенности индейских территорий, ограничивал на них свободу передвижения испанцев и запрещал коммерциализацию маиса, который оставался индейской пищевой культурой и должен был находиться в руках коренного населения. Кортес шел на риск и управлял, исходя не из того, что было более выгодно в сложившейся обстановке, а из своих убеждений. В августе 1526 года он считал, что враги еще могут остановить задуманный им процесс колонизации. Надо признать, что образ королевской власти, созданный ее представителями, был малопривлекателен. Тот самый Агилар, навязанный Понсом де Леон при сомнительных обстоятельствах, был больным стариком, страдавшим застарелым сифилисом в последней стадии. Из страха быть отравленным он питался исключительно молоком женщины![191] Но как инквизитор Индий он обладал некоторой властью. Кортес все же надеялся, что Агилар – это еще не Испания и мексиканцев могут уважать такими, какие они есть. Но он ошибался.

Агилар надоедал приступами гнева и капризами. Подталкиваемый противниками Кортеса, которые уже видели себя вырезанными индейцами, если только не победит группировка королевских чиновников,[192] он требовал себе полных полномочий. Осторожный Альборнос предпочел уехать из Мехико и вернуться в Кастилию. В этот момент Кортес мог одним ударом разрубить пуповину, связывавшую его с Испанией. Провозгласи он отделение в то лето 1526 года, Мексика никогда бы не стала испанской колонией. Погрязший в войнах с Францией и обуреваемый желанием заставить папу благословить его на троне Священной Римской империи, Карл V не имел средств на войну с Кортесом. Правитель Новой Испании, несомненно, думал об этом. Его обвиняли в ведении тайных переговоров с Францией о защите в случае разрыва с Испанией. Это невозможно проверить, но предположение вполне правдоподобно.

Впрочем, Кортес так и не решился сделать последний шаг. Он понимал, что стоял на пороге выбора, когда пути еще могли разойтись. Инквизиция, от которой он бежал двадцать два года назад, снова настигла его, воплотившись в гротескных чертах этого Агилара; король стал вмешиваться в управление Мексикой,

назначая напрямую членов муниципального совета Мехико, как это было в случае Эрнандеса де Проано, Кристобаля де Охеды, Луиса де Беррио и Бернардино Вацкеса де Тапиа, вступивших в свои должности в течение лета. Но время пока еще оставалось.

Загадочный Кортес выбрал лавирование. Если Агилар требует власти, он даст ее ему. Так, чтобы всем стало ясно, что этот изнеженный инквизитор, сосущий грудь кормилицы, есть представитель самого короля. И еще раз Кортес решает написать Карлу V, чтобы изложить ему свой образ мыслей.

3 сентября он завершил свою пятую реляцию, в которой описал поход в Лас-Гибуэрас, свое возвращение в Мехико и кончину Понса де Леона. Это было энергичное выступление в защиту своих действий, пронизанное едкой иронией, сквозь которую порой проступает внутреннее разочарование: чувствуется, что клевета придворных больно задевала Эрнана. «Ни Бог, ни Ваше Величество, кое его представляет, не допустят, чтобы злые языки, движимые завистью и алчностью, лишили меня чести. Ибо чести ради вынес я столько тягот и подвергся стольким опасностям».[193] Еше раз он требовал признать его заслуги и одобрить его политику, напоминая, какое впечатляющее количество золота им уже было добыто для Короны.

К пятой реляции – которая станет последней, – Кортес приложил два личных письма к Карлу V, в которых без обиняков изложил свою позицию… В первом он отмечает, что власть Агилара не имеет юридических оснований, но тем не менее он от имени короля передал в его ведение «вопросы гражданского и уголовного права». Он уведомляет монарха: «Обязанности капитан-генерала и управление индейцами остаются в моих руках вплоть до нового распоряжения».[194] Чтобы сильнее подчеркнуть юридический вакуум, созданный этой ситуацией, Кортес в тот же день – 11 сентября 1525 года – пишет королю другое письмо, в котором объясняет, что Агилар потребовал себе все полномочия, на что он пошел «с некоторыми возражениями».[195] Кортес еще добавил путаницы, выражаясь в будущем времени в нотариальном акте о передаче его полномочий губернатора Новой Испании.[196] Король поймет и из осторожности продолжит в своих письмах обращаться к нему как к главнокомандующему и губернатору Новой Испании!

Однако Кортес испытывал сильнейшую досаду и через несколько дней написал письмо отцу, Мартину Кортесу, умоляя заступиться за него перед королем: «Я нынче словно в чистилище, и ничто не помешало бы тому, чтобы открылись врата ада, если бы у меня не было надежды вырваться из него».[197]

1 марта 1527 года, несмотря на молоко кормилицы и все предосторожности, Агилар скончался от сифилиса. Кортес получил спасительную передышку. Путь к власти был открыт, и он протащил на ее вершину дуумвират из своего верного человека Гонсало де Сандоваля и королевского казначея Алонсо де Эстраду. Кортес снова мог вздохнуть свободно. Впрочем, ситуация нисколько не улучшилась: король назначил губернатором Пануко чудовищного типа – жестокого и кровожадного рабовладельца Нуньо Белтрана де Гусмана. Эксплуатация индейцев усиливалась день ото дня. Стараниями противников Кортеса коренное население в полной мере ощутило на себе все прелести «королевского ига».

Острова пряностей

В начале 1527 года Кортес вернулся к своему метисскому образу жизни. Он ввел в дом юную Изабель Текуичпо, дочь Мотекусомы, которая не расставалась с ним уже семь лет, несмотря на то, что в прошлом году Кортес выдал ее замуж за генерального инспектора новой Испании Алонсо де Градо. По случаю бракосочетания Кортес по примеру мексиканских тлатоани щедро одарил тогда жениха, пожаловав во владение Тлакопан. Но Алонсо де Градо умер, и Изабель осталась вдовой, молодой и соблазнительной. От Кортеса она родила в следующем году девочку, нареченную Леонорой в честь матери Эрнана. Это был четвертый ребенок Кортеса, рожденный индианкой. Придерживаясь своей стратегии полигамии, Кортес жил со многими мексиканскими принцессами. От одной из них, кузины Текуичпо, родился пятый ребенок-метис – девочка Мария. Диас дель Кастильо упоминает, что девочка была рождена с изъяном.[198]

Кортес по-прежнему очарован индейской культурой. Он ест, как мексиканец, живет, как мексиканец; подобно всем высокопоставленным лицам держит ягуаров – древний мезоамериканский символ военного могущества. Он, по-видимому, полностью пропитался духом индейских традиций и, отправляя в подарок отцу детеныша ягуара,[199] даже не задумался о нелепости такого подарка в Кастилии.

Поскольку политическая ситуация стабилизировалась, Кортес мог вернуться к одной из своих главных забот, а именно – исследованию Южного моря. Построив в Закатуле корабли, он направляет экспедицию к Молуккским островам. Испания и Португалия оспаривали друг у друга острова, богатые пряностями и называемые поэтому «островами пряностей». Гвоздика, корица,

шафран, кардамон, имбирь, перец, анис, мята, майоран и чабрец, а также ладан и мирра были редкими товарами и стоили больших денег. Но конфликт из-за контроля над островами пряностей получил особый юридический масштаб, явившийся следствием третейского решения, принятого папой в 1493 году.

Раздел морей, установленный папской буллой «*Inter caetera*»[200] и Тордесильясским договором, предусматривал разграничительный меридиан в трехстах шестидесяти морских милях к западу от Азорских островов. Этот меридиан должен был продлиться и в другом полушарии антимеридианом, пересекающим острова пряностей. Португальцы обосновались на Молуккских островах в 1511 году и считали их своей собственностью. В 1521 году Магеллан открыл Филиппины, которые Испания относила к своим владениям. Но Карл V был убежден, что по решению папы Молуккские острова также принадлежат ему. Можно было провести дискуссию экспертов и установить, проходит ли антимеридиан к востоку или к западу от границы в 130 градусов восточной долготы, но верный своим принципам Кортес находил, что прав тот, кто первым окажется на месте. Впрочем, эта мысль пришла раньше Карлу V, который отправил к островам пряностей небольшую флотилию под началом Жофра де Лоаиса, но шторм разметал и потопил корабли в Магеллановом проливе. Кортес подобрал на мексиканском побережье у Текуантепека экипаж одного из судов экспедиции. Губернатор Новой Испании посчитал, что завоевание Молуккских островов изменит соотношение сил в конфликте с испанским королем.

Кортес снарядил три корабля и передал их под командование одного из своих многочисленных кузенов Альваро де Сааведры Серона. Май прошел в подготовке экспедиции. Кортес передал своему капитану подробные инструкции; особое внимание уделялось поддержанию морали. Кортес наставлял о необходимости личного примера, настойчивости в достижении цели, уважении других, а также запрещал нахождение на борту женщин во избежание всяческих скандалов и происшествий. Он рекомендовал уделить самое большое внимание флоре и требовал от начальника экспедиции доставлять ему семена или растения, способные привиться в климате Новой Испании. Кортес снабдил капитана письмом к Себастьяну Каботу, который по высочайшему повелению Карла V должен был исследовать Китай и, значит, мог повстречаться экспедиции. Но Кабот так никогда и не получил этого письма, поскольку исследовал побережье Бразилии и центральную часть Аргентины, в которой задержался до 1530 года. Эрнан написал для Сааведры верительное письмо к

королю острова или земли, на которой тот должен был высадиться. И это письмо к неизвестному королю неведомой земли, написанное у подножия Попокатепетля на побережье Мексиканского залива, непостижимый Кортес начал словами из «Метафизики» Аристотеля: «Вселенское состояние человека побуждает его к знанию…» Кроме этого, были написаны более персонализированные письма к правителям Зебу и Тидора, которые радушно встретили экспедицию Магеллана. Все эти документы были составлены на испанском и латинском, учитывая, что последний был языком межнационального общения, а также то, что всегда и везде найдутся евреи, умеющие на нем читать и писать. Впрочем, Кортес предполагал, что к жителям островов пряностей лучше будет обращаться по-арабски. Хозяин Мехико подписывался: «Я, дон Эрнандо Кортес, главнокомандующий и губернатор Новой Испании» или просто: «Я, дон Эрнандо Кортес», как будто считал ненужным испанский титул для ведения колониальных дел.[201]

31 октября 1527 года три корабля вышли из Закатулы и собрались вместе в заливе Зигуатанехо, чуть дальше к востоку. На борту находилось сто десять человек. В конце января Сааведра, потеряв два корабля, добрался до Филиппин у острова Минданао. Оттуда он взял курс на юг к Молуккским островам, но там ждали португальцы, скорые на расправу. В конце марта испанцы достигли острова Тидор, где подобрали нескольких уцелевших соотечественников из экспедиции Лоаиса. 3 июня 1528 года, наполнив трюмы пряностями, Сааведра направился в обратный путь. На его «Флориде» находилось шестьдесят тонн гвоздики, но не более четырех десятков человек команды. Не сумев справиться со встречными ветрами и вернуться в Америку, Сааведра повернул назад. Через год он предпринял новую попытку, но также без успеха. В декабре 1529 года корабль вернулся на Тидор, но уже без капитана, скончавшегося в тщетной борьбе с ветром и течениями. Оставшиеся в живых участники экспедиции попытались добраться до Испании, плывя на запад. Но в Малакке они были схвачены португальцами и доставлены в Гоа, в Индию, откуда в 1534 году последним уцелевшим пяти или шести членам команды удалось попасть в Португалию, а оттуда – в Испанию.

Экспедиция, организованная Кортесом, завершилась полным провалом, но присутствие Сааведры на Филиппинах и Молукках в 1528 году ускорило процесс переговоров между Испанией и Португалией. Благодаря вмешательству Кортеса испанский король сумел получить во владение Филиппины в обмен на отказ от всех претензий на Молуккские острова. По договору от 22 апреля 1529 года каждая из морских держав получала свои

острова пряностей.

Отъезд в Испанию

22 августа 1527 года ситуация в Мехико резко ухудшилась. Алонсо де Эстрада, ободренный бог весть знает какими новостями из Испании, решил заставить силой муниципальный совет Мехико передать ему все полномочия. Переворот был шит белыми нитками. Алонсо вытащил на свет королевский указ от 16 марта 1527 года (то есть подписанный спустя шестнадцать дней после смерти Маркоса де Агилара), согласно которому усопший получал право назначить себе преемника! Кто мог отнестись всерьез к посмертному назначению? Тогда Эстрада поспешил предъявить загадочный документ, заверенный нотариусом 28 февраля, – на этот раз накануне смерти Агилара, – в котором последний назначал его своим преемником. Члены муниципального совета были совершенно сбиты с толку этими документами, а может, просто устали от дрязг, поэтому не препятствовали королевскому казначею.

Эстрада не замедлил выпустить из тюрьмы своих приспешников Салазара и Чириноса, а затем изгнал Кортеса из Мехико. Свергнутый губернатор укрылся сначала в Койоакане, затем бежал в Текскоко, а спустя некоторое время нашел убежище в Тласкале. Эстрада разослал по всей стране вооруженные отряды для сбора золота. По его приказу были вскрыты доиспанские захоронения: у живых уже не осталось золота, пришел черед умерших расстаться с золотыми украшениями. Диас дель Кастильо писал, что первым занялся грабежом могил запотеков некий капитан Фигуероа.[202] Положение становилось невыносимым.

На фоне этих событий до Кортеса дошла весть, что король запретил публикацию его произведений и приказал сжечь все напечатанные экземпляры его реляций. В апреле в Севилье, Толедо, Гранаде и других городах заплясали языки пламени костров, на которых сжигались книги Кортеса.[203] Совершалась явная несправедливость. Официально этого запрета добился несчастный Панфило де Нарваес, утверждавший, что Кортес в своих книгах его оклеветал. Но поползли слухи, что Кортес не боится Бога, что означало на языке инквизиции неблагонадежность.

Загнанный в угол Кортес решил вернуться в Испанию и лично объясниться с Карлом V. Тем более что он увидел знак одобрения со стороны монарха в том, что тот встал на его сторону в

финансовом конфликте с преемником Веласкеса на посту губернатора Кубы. Кроме того, Эрнан получил теплое письмо от председателя Совета Индий Гарсии де Лоаиса, также советовавшего возвращаться. С февраля 1528 года Кортес готовился к отъезду. Он приобрел два корабля, собрал запас золота, серебра и гору предметов искусства. В путешествие он брал с собой верных друзей, среди которых почетное место занимали Гонсало де Сандоваль и Андрес де Тапиа. Кортеса, естественно, сопровождал целый двор мексиканских вождей; и что любопытно, с ним отправлялись в путь танцовщики, музыканты, игроки в мяч, акробаты, жонглеры и всевозможные карлики, горбуны и прочие уродцы, без которых не мог обойтись ни один дом мексиканского тлатоани. Только в начале апреля, прибыв в Медельин на землю тотонаков, Кортес узнал о смерти отца. Перевернулась страница жизни. Эрнан враз утратил опору и ориентир. Сколько раз отец, этот ловкий адвокат, вытаскивал его из трудных ситуаций! Кортес стал сильнее сутулиться, глаза уже не горели прежним огнем.

Когда Кортес готовился выйти в море, он еще не знал, что в это самое время, 5 апреля, Карл V принял решение передать управление Новой Испанией Аудиенции – некоему подобию трибунала с функциями исполнительной власти. Аудиенция состояла из пяти членов, и председателем был… Нуньо де Гусман, жестокий губернатор Пануко. Итак, в Испанию возвращался Кортес, утративший дорогого человека, преданный королем, сраженный клеветой и уставший от жизни. 15 апреля его корабли подняли паруса, и после сорока двух дней безостановочного плавания Кортес прибыл в Палос. Когда в конце мая он ступил на пристань испанского города, исполнилось двадцать четыре года с тех пор, как он оставил родную землю, ставшую для него чужой.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
КОРОНА ПРОТИВ КОРТЕСА (1528–1547)

Первая Аудиенция: изгнание в Кастилию (1528–1530)

Пройдя с милю, Кортес очутился вместо шумной сутолоки набережных Палоса в тишине францисканского монастыря Ла Рабида. Некоторые биографы конкистадора преподносят его возвращение как триумфальный реванш амбициозного человека, четверть века назад отправившегося с этой же пристани искать счастья без гроша в кармане. На самом деле прибытие Кортеса в мае 1528 года было обставлено очень скромно. Да и отчего ему радоваться и торжествовать? Мексиканские владения отнял Эстрада, а отношение королевского двора походило на опалу. Почти сразу по прибытии в Испанию скончался в Палосе верный Сандоваль. Он прошел с Кортесом все битвы, делил все радости и невзгоды и вот теперь умирал в доме канатного мастера, где нашел свой последний приют, не имея сил двигаться дальше. Хозяин дома не постыдился украсть у умиравшего Гонсало тринадцать золотых слитков, составлявших все его богатство.[204]

Вокруг царили смерть и уныние, обитель Ла Рабида явилась утешением и убежищем.

Возврат к истокам

Этот знаменитый францисканский форпост, нацеленный на Новый Свет, принял Кортеса и его свиту в восемьдесят человек, с ягуарами, броненосцами, двуутробками и тропическими птицами. Эрнан нашел здесь поддержку и понимание. Как и всегда, когда ему было необходимо проанализировать события, он взялся за перо. Кортес писал императору, председателю Совета Индий Лоаисе, своим покровителям герцогу Бехару, герцогу Медины и Сидонии и графу д'Агилару; он мобилизовал родню, искал поддержки ордена францисканцев и, конечно, в первую очередь собирал информацию. Кортес узнал о заговоре, готовившемся против него, когда снаряжал корабли для отъезда в Испанию. Назначение первой Аудиенции 5 апреля 1528 года внешне не вызывало подозрений. Но цель короля была более чем прозрачна: хотя он сформулировал ее в инструкциях теоретически секретных, но подписанных в тот же день.[205] Карл V требовал от Нуньо де Гусмана, нового хозяина Новой Испании, перевести

владения Кортеса на его имя; само собой разумеется, чтобы прибрать к рукам собственность губернатора, того следовало убрать. Король предоставил Гусману на выбор два решения: убить Кортеса, если председатель Аудиенции сумеет его схватить, или прибегнуть к судебному процессу, средству более медленному, но верному. В оплату этой низости Карл V обещал закрыть глаза на работорговлю, организованную Гусманом с большим размахом на земле гуактеков, чьим губернатором он был формально назначен. [206] Эта сделка за счет индейцев наносила особенно тяжелый удар по Кортесу и его политике.

Как снова забраться на вершину власти? Кортес много думал об этом в тишине Ла Рабиды. Потерпев поражение, он решает восстановить силы в родной Эстремадуре. Направляясь со своим кортежем в Медельин, он с удивлением обнаружил, что одного его присутствия в Испании оказалось достаточно, чтобы перечеркнуть все планы короля. Несправедливая опала, которой подвергли Кортеса в апреле, два месяца спустя была представлена как досадное недоразумение. Сделав поворот на сто восемьдесят градусов, Карл V выразил радость по поводу возвращения на родину покорителя Мексики. Эрнан узнал, что крайне популярен среди дворянства и в кругах интеллектуалов; аутодафе его книг было встречено общественностью неодобрительно и любви народа королю не прибавило. У Кортеса вновь затеплилась надежда.

В Медельине Кортес встретился с матерью. Она была в трауре и печали. От нее он узнал, что золото, регулярно посылавшееся им для отца, не всегда доходило по назначению: иногда его конфисковывал король, иногда присваивал посредник. Эрнан побывал на могиле отца и распорядился установить надгробие в церкви городского монастыря Святого Франциска, где нашел последний приют Мартин Кортес.

Заманчиво предположить, что именно Кортес посадил при входе в замок Медельина кактус нопаль, вывезенный из Мексики, с тем чтобы подчеркнуть символическое родство Теночтитлана, «места, где много кактусов», с его родным городом.

Затем в сопровождении ацтекских вождей и своей свиты Кортес отправился в суровые горы Лас-Вильюэркас, где находился храм Святой Девы Гваделупской. В этом монастыре-крепости иеронимитов с середины XIV века хранилась почитаемая статуя Святой Девы из разноцветного дерева в римском стиле. Дева считалась покровительницей Эстремадуры. Святилище Божьей Матери Гваделупской, неразрывно связанное с Реконкистой и победами Альфонса XI Кастильского над маврами, было в XVI веке очень популярным местом паломничества; у конкистадоров

оно находилось в особом почете, так как те видели в нем символ воинствующей веры. Поэтому Кортес просто не мог не посетить Гваделупу и не почтить «национальную» покровительницу Эстремадуры. Но у него был и особый повод – обет: однажды его ужалил скорпион, яд которого был смертелен, и Эрнан воззвал к Святой Деве; пережив удушье, он остался жив. Он пообещал отблагодарить святую, спасшую ему жизнь.

Именно в этом уединенном месте, затерянном среди негостеприимных гор, ему вновь улыбнулась удача. Его жизненный путь снова пересекла женщина. Представьте себе сцену, достойную лучшего из рыцарских романов: сорокалетний Кортес в трауре, сопровождаемый нарядным кортежем индейцев, одетых в расшитые плащи и набедренные повязки, и тут появляются две молодые дамы, две сестры, окруженные многочисленной толпой мажордомов и служанок. Живой темперамент одной и красота второй взволновали конкистадора, в котором инстинктивно проснулся галантный кавалер. Сестры были очарованы рассказами Кортеса о Мексике, опасностях конкисты, великолепных городах науа, гигантских лесных деревьях, бурях и циклонах, красоте «Аве Марии» под свист бамбуковой свирели у подножия вулкана. Как можно устоять перед воинской доблестью и талантом рассказчика? Эрнан осыпал двух дам роскошными подарками. Конкистадор был вдов, образован, богат и занимал высокое положение. Чем не идеальная партия для младшей из сестер, еще незамужней? Старшую, которая была в восторге от Кортеса, звали Марией де Мендоса. Волей судьбы она оказалась женой Франсиско де лос Кобоса – всемогущего гофмейстера Карла V.

Кортес подарил Божьей Матери Гваделупской золотого скорпиона, инкрустированного драгоценными камнями, – благодарственное приношение, первый мексиканский дар Святой Деве, которая три года спустя явится индейцу на склонах холма в Тепейаке. Эрнан заказал службы, пожертвовал золото монастырю. Неизвестно, принесли ли сокровища Новой Испании ему покровителя на небесах, но поездка в Гваделупу ему точно обеспечила покровительницу на земле. Мария де Мендоса будет без устали рассыпать похвалы конкистадору перед своим могущественным супругом.

Однако Кортес не извлечет всей возможной выгоды из своего нежданного знакомства с супругой королевского секретаря. Та намеревалась женить впечатляющего завоевателя Мексики на своей младшей сестре Франческе, которую все находили очаровательной, но Эрнан уже был помолвлен. Его отец, Мартин, еще два года назад подготовил брачный союз с юной Хуаной де

Зунига. До сего времени Кортес упрямился и не соглашался на приезд девушки в Мексику.[207] Но, оказавшись в испанской среде, он последовал воле отца.

Почему же Мартин остановил свой выбор на дочери Карлоса Рамиреса де Ареллано, графа д'Агилар? Чтобы отдать должное старой семейной истории. Хуана была внучатой племянницей Хуана де Зунига, который стал последним великим магистром ордена Алькантары. Именно он сместил в 1479 году с этого поста Алонсо де Монроя, вынужденного отправиться в изгнание. Соединить снова семьи Монроев и Зунига было своего рода способом восстановить единство древнего духовно-рыцарского ордена, чьи владения всегда составляли богатства этих двух родов. Супруга, обещанная Кортесу, приходилась также племянницей Альвару де Зунига, герцогу Бехарскому, о котором говорили, что он седьмой по богатству человек в Кастилии.[208] Кроме того, герцог Бехарский и его зять граф д'Агилар занимали видное место при дворе и могли стать влиятельными покровителями Кортеса. Согласившись на брак с Хуаной, Эрнан выполнил свой долг в отношении отца и Монроев, а также обеспечил себе защиту, столь необходимую в грядущей борьбе.

Если бы Кортес был всего лишь карьеристом и приспособленцем, он бы воспользовался симпатией Марии де Мендоса и женился бы на ее сестре. Став свояком Франсиско де лос Кобоса, он получил бы все шансы добиться от короля назначения губернатором Новой Испании или, еще лучше, титула вице-короля. Таково мнение Берналя Диаса дель Кастильо, враждебно относившегося к Хуане де Зунига и, напротив, очарованного Франческой де Мендоса.[209] Но женившись на Хуане, Кортес вернулся к ценностям своей семьи.

Для конкистадора этот брак означал полный разрыв с мексиканским прошлым. Ему, с душой индейца, приходилось становиться заложником испанских корней. В Кастилии он не мог пройти к вершинам власти, демонстрируя свои симпатии к туземцам. Ему следовало скрывать недоверие к испанцам. Если он хотел вернуть себе управление Мексикой, у него не оставалось иного выбора, кроме как жениться и этим приобрести для себя могущественных покровителей.

Встреча с Карлом V

Хотя Кортес, вспоминая о пребывании в Испании в беседе с капелланом Лопесом де Гомарой, был весьма немногословен, тем не менее можно заключить, что ему пришлось прождать

несколько долгих недель, прежде чем добиться аудиенции у императора. Встреча состоялась в Толедо летом 1528 года, по-видимому, в сентябре, и только стараниями адмирала Кастилии, герцога Бехарского и графа д'Агилара, своего будущего тестя. Все трое присутствовали на приеме, равно как и Франсиско де лос Кобос, перешедший под давлением супруги в лагерь сторонников Кортеса. Вот, наконец, губернатор Новой Испании предстал перед императором. Кортес всегда был чужд раболепия и угодничества, но на этот раз он выполнил все требования протокола и склонился перед сувереном, став на колено. Встреча прошла в натянутой, напряженной атмосфере. Если Кортес был губернатором без власти, то и государь находился в нелучшем положении, переживая серьезнейшие затруднения.

Карл V не сумел воспользоваться оглушительной победой над Франциском I. 24 февраля 1525 года французы были разгромлены в битве при Павии недалеко от Милана, а их король взят в плен. В августе он был доставлен в Мадрид и заключен в тюрьму, где содержался в неподобающих его особе условиях. Подле французского короля, относившегося к войне как к рыцарскому поединку, Карл V показал себя коронованным карликом, лишенным величия духа. 14 января 1526 года он вынудил Франциска I подписать Мадридский договор, по которому французский король возвращал себе свободу в обмен на Артуа, Бургундию и выкуп в три миллиона экю. По требованию Карла V два младших ребенка Франциска становились заложниками соблюдения условий договора.

Бракосочетание Карла V с Изабеллой Португальской, состоявшееся в апреле того же года, ни в коей мере не могло компенсировать все свалившиеся на императора напасти. После поражения имперцев под Мохачем турки заполонили подвластную Фердинанду Венгрию. А 6 мая 1527 года ландскнехты Карла V вступили в Рим и подвергли город разорению. В длинном перечне богохульных и варварских злодеяний разграбление Рима занимает одно из первых мест. Почти целый год войска Карла V, не получавшие жалованья, мстили тем, что убивали, грабили, жгли и вымогали. Опьяненная безнаказанностью солдатня перешла к откровенному вандализму. Отбивали головы у статуй, рвали древние манускрипты, жгли картины прославленных мастеров. Папа и его кардиналы были взяты в заложники. Вся Европа объединилась против Карла V, виновного в поругании средоточия христианства.

22 января 1528 года Франциск I и английский король Генрих VIII объявили Испании войну. В отместку Карл V заточил в темницу детей Франциска, которых держали в Сеговии в

недостойных условиях. Этот акт вызвал всеобщее негодование. В довершение всего Карла свалил приступ подагры.

Кортес знал цену своему собеседнику. Король не гнушался захвата заложников, вел себя подобно главарю бандитской шайки. Как смел этот человек бросать ему обвинения в злоупотреблениях, которых к тому же он не совершал? Кортес смотрел королю прямо в глаза: конкистадор решился идти до конца. Он подготовил записку, в которой изложил все свои деяния и планы на будущее. Кортес ни на йоту не отошел от своих взглядов. В длинной речи он объяснил королю суть своей политики, выступая за сохранение традиционных индейских структур и христианизацию туземцев монахами нищенствующих орденов. Он еще раз пытался оправдать репартимьентос, защищая свое видение равновесия между сохранением индейцев и проживанием испанцев на этих землях. Он не произнес слова «смешение», но оно отчетливо прослеживалось во всех его предложениях. Король слушал, пытаясь прочесть в глазах своих советников то, что он должен был ответить, но слова Кортеса доходили до сердца без посредников. Даже если бы он не сказал ни слова, Карл V не смог бы устоять перед его страстным напором, убежденностью в собственной правоте. Но сама Америка, однако, оставалась для короля не более чем абстракцией.

Чтобы государь мог посмотреть на коренное население Новой Испании, Кортес представил ему свою свиту: индейцы танцевали под звуки тамбуров, жонглеры крутили на ногах деревянные чурки. Карл V мог подивиться на ягуаров в клетках из дерева, оценить яркую зелень перьев птички кецаль, полюбоваться круглыми щитами, инкрустированными золотом и серебром, дорогими плащами и оружием из обсидиана. Но Кортесу не удалось произвести впечатление на императора. Он вежливо выразил свое восхищение, но экзотика его сейчас не интересовала. Короля в этот момент больше беспокоила его подагра.

После первой встречи прошло еще несколько долгих недель, а от короля не было никаких вестей. Кортес заболел и слег в Толедо, где снимал дом. Поговаривали, что ему уже недолго осталось жить. Лос Кобос и Зунига убеждали короля посетить умирающего, благословить его в последний путь. Олицетворяя собой милость и всепрощение, император зашел проведать губернатора Новой Испании, которого сам же снял с должности несколько месяцев тому назад. О чем они говорили в этот раз, неизвестно, но только спустя восемь дней после этого визита Кортес вернулся к жизни. Теперь то, что король опрометчиво

обещал умирающему, приходилось даровать живому и здоровому. Глаза конкистадора засверкали прежним огнем.

А политика в отношении Новой Испании становилась тем временем не то чтобы гибкой, а скорее извилистой. Несмотря на то что опала Кортеса сменилась добрым расположением короля, 9 декабря 1528 года в управление краем вступила первая Аудиенция. Эта хунта из пяти человек очень скоро превратилась в триумвират: два аудитора были убиты после их приезда в Мехико, показав, насколько опасной была работа исполнительной власти в Новой Испании. Власть разделили Нуньо Белтран де Гусман, Хуан Ортис де Матиенсо и Диего Дельгадильо. Не зная об изменениях, происшедших во взаимоотношениях императора и прежнего губернатора, три аудитора немедленно возбудили судебное расследование деятельности Кортеса. Гусман собрал двадцать два свидетеля, готовых давать показания по злобе или из соблюдения субординации. Тяжесть десницы Аудиенции очень скоро почувствовали на себе и индейцы. Но наступление Гусмана могло иметь только временный успех.

На корабле, доставившем аудиторов в Новую Испанию, находился также брат Хуан де Зумаррага – первый епископ Мехико. Назначенный центральной властью «защитником индейцев», этот напористый францисканец дал яростный отпор происка Аудиенции. В Испании тем временем Кортесу, действовавшему среди францисканцев подобно умелому вербовщику рекрутов, удалось добиться от короля издания в Толедо указов о хорошем обращении с индейцами. Хотя они и не запрещали порабощение, эти указы явились настоящим прорывом, существенно ограничив эксплуатацию коренного населения. Цинику Гусману стало ясно, что его наступление превращалось в арьергардный бой.

Королевские милости

С 1522 года осторожный Карл V не переставал именовать Кортеса во всех документах титулами губернатора и главнокомандующего в Новой Испании, но очевидно, что с 5 апреля 1528 года они стали фикцией, поскольку реально власть была передана в руки Нуньо де Гусмана. Поэтому теперь, в начале 1529 года, Кортес ждал от Карла V морального и юридического признания правомочности всех своих действий. Конкистадор вел войну на два фронта: с одной стороны, он желал вернуть себе пост губернатора Новой Испании, с другой – добивался официального закрепления за ним земельной собственности,

захваченной им самовольно. Однако и король хотел того же: политической власти и доходов с земли Кортеса. Никто не знал, кто выйдет победителем из схватки. Это был поединок с непредсказуемым исходом. Обычно полагают, что власти нельзя долго противостоять, но расклад тайных сил иногда обманывает ожидания.

С марта 1529 года Кортес уже знал, что получит титул маркиза и права собственности на все захваченное недвижимое имущество. В отношении управления Новой Испанией вопрос еще не был решен, но Эрнан питал надежды. 1 апреля король написал Гусману письмо с целью урегулирования проблемы возмещения расходов на экспедицию к Молуккским островам и жаловал Кортеса двойным титулом маркиза и губернатора![210]

В начале апреля успокоенный Кортес обвенчался в Бехарском замке с юной Хуаной де Зунига. В этом орлином гнезде на вершине отвесной скалы Кортесу, наверное, было не по себе: клочок земли в тесном ошейнике злобно ощерившихся зубцами толстых стен старой крепости. Место как нельзя лучше подходило для этого брака: за конкистадором захлопнулась дверь клетки. Но Кортес ухватился за этот союз, как потерпевший кораблекрушение хватается за спасительный обломок мачты. Если бы он не женился, его ждала судьба беглеца, человека вне закона, за голову которого назначена награда, а теперь милостью Гименея он маркиз, губернатор и главнокомандующий. Спасительный шаг, но за него пришлось заплатить дорогой ценой.

Хотя бы потому, что Кортес никогда не говорил о своем новом браке, можно предположить, что этот союз не был для него счастливым. Не находилось у него и доброго или нежного слова для супруги по расчету, младше его почти на двадцать пять лет, которую он с трудом выносил, несмотря на ее свежесть и красоту. Чтобы не ударить в грязь лицом, он подарил ей к свадьбе пять чудесных изумрудов, вызвавших зависть у императрицы Изабеллы. «Никогда еще в Испании у женщины не было столь великолепных драгоценностей», – восхищался Лопес де Гомара.[211] Но украшения не могли сделать брак счастливым.

Незадолго до свадьбы Кортес направил послов к папе римскому. Один из его соратников по конкисте, Хуан де Геррада, в сопровождении двух индейцев доставил в Рим роскошные дары из предметов мексиканского искусства. Папа Климент VII – Джулио Медичи – благосклонно принял просьбу о признании законнорожденными трех первых детей-метисов Кортеса. Понтифик также благословил основание для индейцев приюта Иисуса-Младенца, который Кортес построил в самом центре Мехико на месте первой встречи с Мотекусомой. Не без тайного

умысла папа даровал Кортесу той же буллой от 16 апреля 1529 года право взимать десятину со своих владений для финансирования строительства и содержания госпиталя. Это было нарушением соглашения о патронаже, заключенного между испанской короной и Святым престолом во времена Изабеллы Католички. Но Климент VII еще не простил Карлу V своего плена, когда распоясавшаяся солдатня громила Рим, и ему доставило тайное наслаждение лишить испанского монарха его монополии! Этим шагом папа передавал Кортесу полномочия королевской власти.

Только 6 июля после четырех месяцев тяжелых словесных баталий Карл V подписал в Барселоне указы, предоставлявшие дону Эрнандо Кортесу все выторгованные милости. Конкистадор получил удовлетворение по всем пунктам, за исключением самого важного – губернаторства в Новой Испании, в котором король отказал. Пойти на эту уступку значило для Карла потерять лицо. «На благо будет, – писал Кортесу король, – и тому есть наша милость и воля, дабы с нынешнего дня вы носить могли титул маркиза долины именем Гуахака».[212] В трех приложениях к письму уточнялись границы первого маркграфства Америки.

Земли Кортеса составили огромное частное владение площадью от шести до семи миллионов гектаров и были географически разбиты на семь частей. Прежде всего он получал территории в бассейне Мехико: Койоакан, Такубайя, охотничьи угодья в Ксико и Тепеапулько к югу от залива, а также некоторые кварталы в Мехико-Теночтитлане. К владениям Кортеса практически полностью отошли Главная площадь и весь район между акведуком Чапультепека и Тлакопанской дамбой. Ненасытный Кортес пожелал получить еще и Текскоко, Отумбу, Уексоцинго и Чалько, но король не уступил его требованиям. Конкистадору и так отходили вся долина Толуки в сотне километров к западу от Мехико и обширное владение вокруг города Куэрнавака (бывший Каугнауак) – также в ста километрах от столицы, но только к югу. Дальше к востоку, к северу от Веракруса, Кортес получал великолепные земли на атлантическом склоне сьерры в окрестностях Ксалапы. Кроме того, была еще и долина Оахака, давшая имя всему маркграфству. Впрочем, Кортес всегда предпочитал именоваться «*el marques del Valle*» – маркиз долины, не уточняя, какой. В собственности Кортеса находились две области, представлявшие стратегическое значение, так как находились на севере и юге перешейка: соответственно район Тукстлы и район Тегуантепека. Кортесу пожаловали «двадцать три тысячи вассалов», над которыми он получал право гражданского и уголовного суда. Эти цифры были

получены, естественно, произвольно, так как в Старой Испании мало кто представлял истинные размеры Мексики. Королевские советники не отдавали себе отчета, какую бескрайнюю территорию они подарили Кортесу.

Хотя Эрнан и не получил титул губернатора, тем не менее он вернул себе функции главнокомандующего, которые исполнял с 1519 года. Конечно, никаких иллюзий на счет значимости этого военного звания в мирное время он не питал, но все-таки такой официальный статус обеспечивал ему признание и законное место в строю представителей власти в Новой Испании. Кортес особенно добивался и в конце концов получил право управления землями в Южном море. Карл V и не мог поступить иначе, поскольку через несколько дней после свадьбы Кортеса подписал с Португалией договор о Филиппинах; король знал, в какой степени обязан успехом переговоров с лузитанским соседом экспедиции, снаряженной конкистадором. Так Кортес был назначен «главнокомандующим в Новой Испании, побережья и провинции Южного моря». 27 октября 1529 года он получил должным образом оформленные капитуляции, дававшие ему право на исследование Тихого океана с мексиканского побережья. Именно в этой перспективе строил свои планы Кортес, добиваясь территорий, которые обеспечили бы ему контроль над Тегуантепекским перешейком: на юге, со стороны тихоокеанского побережья, и на севере, со стороны Атлантики. Рассчитывая прибыль или преимущества, которые он мог бы извлечь из торговли между Китаем и Кастилией с транзитом через Тегуантепек, он на пятьдесят лет предвосхитил рейс «манильского галиона».

По счастливому стечению обстоятельств Кортес оказался на Пиренейском полуострове в то же время, что и его кузен Франсиско Писарро. После высадки в Тумбезе и исследования северного побережья Перу в 1528 году Писарро также потребовалось вернуться в Испанию, чтобы получить от короля официальные документы, закреплявшие за ним сделанные открытия в южной части Тихого океана. Писарро прибыл в Севилью в ноябре 1528 года, был брошен в тюрьму из-за происков своего должника, но в конце концов сумел вырваться и прибыть ко двору Карла V в Толедо. С большой долей вероятности можно утверждать, что Кортес и Писарро жили в этом городе в одно и то же время – с января по март 1529 года. Как и Кортес, но только с меньшей помпой, Писарро явился с кортежем из перуанских индейцев и ламами, которые должны были поразить воображение Совета Индий. Хотя Франсиско Писарро и не добился аудиенции у короля, он тем не менее получил практически одновременно с

Кортесом капитуляции, подписанные королевой, «дабы открыть, покорить и населить провинцию *del Piru*». Кортес и Писарро снова встретятся в Севилье в январе 1530 года, отправляясь в Новый Свет. Можно не сомневаться, что кузены обсуждали новые перспективы, которые открывал морской контроль над тихоокеанским побережьем Америки.

Падение Нуньо де Гусмана

Карл V, столь же упрямый, сколь и ограниченный, желал только одного: чтобы папа благословил его как императора. Испанский король повел охоту на Климента VII, чтобы захватить его в плен и в обмен на свободу заставить понтифика возложить на него железную корону ломбардских королей и золотую корону Священной Римской империи. 27 июля 1529 года Карл V выступил в поход: в Барселоне он сел на корабль, доставивший его к берегам Италии. В Толедо править осталась императрица.

Утратив надежду вернуть себе пост губернатора Новой Испании, Кортес решил тем не менее убрать Нуньо де Гусмана с политической сцены. Надо сказать, что новости, приходившие из Мехико, были одна хуже другой. Три аудитора соревновались друг с другом в жестокости. Их жертвы делились на три категории: индейцы, друзья Кортеса и францисканцы. Какой бы безграничной ни была тирания представителей короля, испанцы все-таки имели средства постоять за себя, индейцы же были совершенно беззащитны и ежедневно сталкивались с унижениями и произволом. Коренное население подвергалось насилию, экспроприации имущества, принудительному труду, депортации или обращению в рабство. По счастью, Зумаррага, новый епископ Мехико, недаром звался защитником индейцев и неоднократно укрывал мексиканцев от гнева правителей. Борьба францисканцев за права индейцев вызывала ответные репрессии со стороны властей. Три деспота считали, что им все дозволено. Дельгадильо забил до смерти ногами касика городка Такубайя за отказ послать людей для отработки барщины. В отместку францисканцам Нуньо де Гусман приказал снести часовню Сан-Лазаро и лепрозорий, основанные Кортесом для индейцев в квартале Тлакспана. На их месте он возвел для себя одного великолепную виллу. На стройку насильно согнали индейцев, которым не заплатили за их труд ни гроша. Более того, в довершение всех беззаконий, их заставляли работать в воскресенья и религиозные праздники! Вот таких людей избрал Карл V для управления Мексикой!

Время от времени вести об этих злоупотреблениях Аудиенции просачивались сквозь жестокую цензуру. Так, достигли цели, например, письмо Франсиско де Терразаса, мажордома Кортеса, оставшегося в Мехико,[213] и достойный восхищения доклад Хуана де Зумарраги от 27 августа 1529 года, в котором Карлу V со всеми подробностями описывается гнетущая атмосфера, установившаяся в Новой Испании с отъездом Кортеса.[214] Вооружившись всеми этими свидетельствами, новоиспеченный «маркиз дель Балле» (маркиз долины) повел борьбу за роспуск Аудиенции.

Карл V находился в затруднительном положении. В 1520 году этот Нуньо де Гусман, уроженец Гвадалахары, вошел в состав личной гвардии короля, а 4 ноября 1525 года получил от него пост губернатора Пануко одновременно с назначением Понса де Леона следователем по делу Кортеса. Назначив преемника Франсиско де Гараю, король вмешался в вопросы территориального устройства Новой Испании. Он сделал это намеренно, чтобы вызвать волнения и ослабить позиции Кортеса. Отплыв из Санлукара-де-Баррамеда 14 мая 1526 года, Гусман сделал долгую остановку на семь месяцев в Санто-Доминго, за которой последовала и другая пауза, чуть менее продолжительная, на Кубе, так что до Пануко новый губернатор добрался только 24 мая 1527 года. Чем же он был занят все это время? Нуньо де Гусман налаживал торговлю рабами, чтобы снабдить обезлюдевшие Гаити и Кубу рабочей силой. Уже через месяц после приезда в Пануко он начал вывоз рабов в Санто-Доминго и на Кубу. В письме Карлу V епископ Зумаррага сообщает, что за два года более десяти тысяч рабов клеймили каленым железом и вывезли на острова. Для Карла V это была цена за голову Кортеса. Он желал подорвать власть конкистадора, а для этого все средства были хороши. Но теперь император оказался в сложном положении: как выдать верного слугу, исполнявшего его волю? Варварство Гусмана никоим образом не возмущало Карла V: он думал больше о том, как уберечь своего ставленника и тем сохранить свой престиж. Король покинул Испанию, не передав губернаторских полномочий Кортесу, а главное, не лишив их председателя первой Аудиенции.

Тем не менее Кортес был на подъеме. Он вернулся в политику, и его положение упрочилось. С октября он осаждал петициями императрицу в Мадриде, где теперь находилась и ее резиденция и где обосновался он сам. Гусман направил двух своих представителей ко двору с материалами следствия против Кортеса. Но ветер переменился. Накануне Рождества Нуньо де Гусман оставил Мехико. Во главе внушительного

экспедиционного корпуса он предпринял завоевательный поход в западную Мексику. Несомненно, он погнался за призраком золота, мечтой о сказочных неизведанных землях. Но вместе с тем это был способ сдать позиции; он бежал ввиду неизбежного, как он теперь уже хорошо понимал, возвращения Кортеса.

В начале 1530 года Кортес выехал со свитой в Севилью. Сопровождавших было более четырехсот человек, включая его жену Хуану и мать Каталину. Официально он намеревался уладить материальные вопросы, связанные с его возвращением в Новую Испанию. На самом же деле Кортес ждал подтверждений того, что выиграл партию у Нуньо де Гусмана. В начале марта у него появилась эта уверенность, и ничто более не препятствовало его возвращению. Писарро отплыл в Перу, Карл V был коронован папой императорской короной в Болонье 24 февраля, в Мехико должна была быть назначена новая Аудиенция из пяти членов под председательством епископа Санто-Доминго. Дела Кортеса шли неплохо.

Он вновь не без удовольствия испытал волнение далекой юности. Запах пристани на Гвадалквивире, бочки вина и масла в трюмах, скрип кораблей на якорях и покалывание у сердца перед отъездом навстречу приключениям, зов открытого моря. Снова ветер наполнял паруса. Корабли взяли курс на Гомеру, затем на Санто-Доминго – паломничество по местам славной боевой молодости.

Кортес провел длительное время на Эспаньоле. Он показал жене дом, в котором жил еще совсем мальчишкой. Город сильно изменился. Не осталось ни одного индейца. На центральной площади Санто-Доминго возвышался недостроенный собор. Францисканцы и доминиканцы возвели свои монастыри. Эрнандо и Хуана осмотрели госпиталь Святого Николая Барийского, встроенный Овандо, старый дом Франсиско де Гарая и дворец Диего Колумба. Кортес был не в силах сдержать наплыв ностальгических чувств. Из его старых друзей уже никого не осталось в живых.

Главнокомандующий долго беседовал с епископом Себастьяном Рамиресом де Фуенлеаль, назначенным председателем второй Аудиенции Новой Испании. Фуенлеаль, без особой радости принявший предложение Карла V, отнюдь не спешил отправляться в Мехико. Кортес намеревался прибыть в столицу вместе с председателем Аудиенции, но епископ не собирался покидать Санто-Доминго до Рождества. Кортес не мог ждать. Уже и так задержавшись, он сел на корабль вместе с четырьмя сотнями приближенных. 15 июля 1530 года он с волнением увидел на горизонте бухту Веракруса. Он был дома.

Эта земля – его.

Вторая Аудиенция: зов Южного моря (1530–1535)

Снова в Мексике. Кортеса переполняла радость. Он возвращался с высоко поднятой головой, богатый, осыпанный почестями, с престижными титулом и должностью. В глубине души он не верил, что когда-нибудь снова ступит на землю Новой Испании. Два года назад враги держали его за горло, и теперь он чувствовал себя победителем в тяжелой битве. Кортес снова взял ход событий под контроль и обрел утраченную внутреннюю уверенность. Он испытывал громадное удовлетворение при виде плодов своего труда на этой земле, чьи запахи и краски были ему так сладостно знакомы.

Неудачи

Эрнан представил муниципальному совету Веракруса свои верительные грамоты и объявил свой титул главнокомандующего. Спустя одиннадцать лет после его первой высадки эта формальность выглядела как дежавю. Алькальд письменно известил аудиторов о прибытии Кортеса. Со времени отъезда Гусмана в Мичоакан управление Новой Испанией осуществляли совместно Дельгадильо и Матиенсо. В сопровождении многочисленной свиты Кортес направился к городу Икскалпан – центру земель тотонаков, которые были пожалованы ему императором и составляли его маркграфство.

Кто мог подумать, что простое посещение своих владений будет преподнесено как проявление сепаратизма? Тем не менее именно так это было воспринято Аудиенцией. Алькальду Веракруса предписывалось взять Кортеса в Икскалпане, лишить его земель и вручить два королевских письма от 22 марта 1530 года, исходящих от Хуана де Самано, королевского секретаря.

Кортес спустился с небес на землю. Начало обоих писем не предвещало ничего дурного: императрица называла маркиза дель Валле «родственником». Супруга конкистадора Хуана Зунига действительно принадлежала к роду Энрикесов, семье адмирала Кастилии, являвшейся ветвью королевского древа: арагонская королева Хуана Энрикес была матерью Фердинанда Католика. Но продолжение письма, наверное, заставило Эрнана содрогнуться: в очень сухих выражениях он получал приказание не вступать в Мехико до прибытия второй Аудиенции и находиться от столицы на удалении в десять лье; нарушение запрета грозило штрафом в

10 тысяч кастельянос![215] Этот демарш был призван избежать кровавого столкновения и не был лишен здравого смысла. Но, отдав предпочтение низложенным правителям – пьянице и сутенеру, а не Кортесу, маркизу и главнокомандующему, корона выступала на стороне противников конкистадора. Было аморально дождаться, когда Кортес повернется спиной, и тотчас вонзить ему нож меж лопаток. Да и сама ли императрица написала письмо? Может, какой-нибудь налоговый чиновник давал указание главнокомандующему? Как будто Кортес был чувствителен к финансовым наказаниям! Помимо прочего, в письме Кортеса извещали, что новая Аудиенция расположится в Мехико в его собственном жилище – знаменитых *casas viejas* на месте дворца Мотекусомы, которые были пожалованы конкистадору актом, подписанным в Барселоне королем накануне своего отъезда в Италию.[216] Намек был вполне прозрачен: вторая Аудиенция не приходила на смену первой, она заменяла собой Кортеса. Но Эрнан еще не осознал всей силы направленного против него удара. То, что он скоро узнает, наполнит его гневом и печалью.

В январе 1529 года Нуньо де Гусман открыл обвинительный процесс против Кортеса. Пока конкистадор отсутствовал, он доверил свою защиту знающему и смелому юристу Гарсии де Льерену. Тот опроверг все обвинения в адрес Кортеса,[217] представив 12 октября 1529 года обширную докладную записку. Быть защитником главнокомандующего уже достаточно, чтобы навлечь на себя гнев членов Аудиенции. Вместе с другим сторонником Кортеса – Кристобалем де Ангуло – адвокат Льерена подвергся преследованиям и угрозам физической расправы, так что обоим пришлось искать убежища в францисканском монастыре Мехико. Не имея других претензий к Льерену кроме исполнения им своих обязанностей адвоката, члены Аудиенции оправдывали гонения еврейским происхождением защитника Кортеса. На основании того, что Ангуло и Льерена не были рукоположены в духовный сан и не могли воспользоваться правом убежища, Дельгадильо и Матиенсо взяли монастырь штурмом и арестовали обоих. Францисканцы, предводительствуемые епископом Зумаррагой, отправились выручать пленников и принялись ломать ворота тюрьмы. В последовавшей затем свалке епископ получил удар копьем лично от Дельгадильо. Зумаррага ультимативно потребовал освободить арестованных в течение трех дней. 7 марта по истечении срока ультиматума, который никто не собирался исполнять, заключенных подвергли зверским пыткам: Ангуло растянули на дыбе, а Льерену, избив его, отрубили ступню. Члены Аудиенции

были отлучены от церкви, и все церковные службы приостановлены. Так складывалась обстановка в Мехико в правление первой Аудиенции.

Эти вести,[218] добавившие еще одну печальную главу в длинную летопись злодеяний членов Аудиенции, вдвойне возмутили Кортеса: с одной стороны, он был глубоко уязвлен мучениями своих друзей, с другой – не мог без боли смотреть, как Испания сама представляет себя в столь варварском свете.

Как и во времена конкисты, Кортес нашел пристанище в Тласкале. Его возвращение было встречено с сердечной теплотой. Но это была лишь временная остановка. Как и в 1520 году, ему предстояло отправиться на штурм Мехико. Кортес следовал тем же путем, которым шел десять лет назад. В Текскоко он нашел францисканцев, оставивших Мехико после дела Льерена – Ангуло. Отчаявшиеся индейцы призывали Кортеса провозгласить в Текскоко вторую, альтернативную столицу, где было бы создано легальное контрправительство, способное противостоять членам Аудиенции. Дельгадильо и Матиенсо весьма серьезно отнеслись к такому повороту событий и начали разворачивать артиллерию, чтобы остановить возможное наступление на Мехико союзников Кортеса. Для успокоения ярости членов Аудиенции Кортес направил к ним парламентера епископа Тласкалы доминиканца Хулиана Гарцеса. Пушки вернулись в арсеналы, но два отставленных тирана издали декреты, запрещавшие индейцам оказывать даже малейшую поддержку Кортесу и его сторонникам. Так они намеревались выбить почву из-под ног соперника.

Можно спорить об эффективности этого демарша, предпринятого дискредитированным правительством несколько месяцев спустя после своей отставки. Но свита маркиза дель Валле тяжело переносила эту необъявленную войну и осадное положение. Впоследствии Кортес обвинял членов Аудиенции в гибели половины своих людей. Более двухсот человек не вынесли «голода и лишений». В любом случае прием, оказанный Кортесу, жестоко обманул ожидания его юной супруги и окружения. В октябре-ноябре 1530 года за время вынужденного затворничества в Текскоко конкистадор понес тяжелые утраты: скончалась его мать, так и не успевшая узнать и полюбить Мексику, умер первенец Хуаны, родившийся в этом индейском городе, сын Луис – шестой ребенок Кортеса. Младенцу было всего несколько недель. Он был похоронен подле своей бабки в францисканском монастыре Текскоко.

В довершение свалившихся на него напастей Кортес узнал по дороге в Тегуантепек, что пять построенных им в 1528 году и готовых к плаванию кораблей были уничтожены по приказу

Нуньо де Гусмана. Эта была тяжелая потеря как в финансовом, так и во временном плане. Сколько еще усилий потребуется приложить для того, чтобы проект исследования Южного моря из мечты стал реальностью?! Все приходилось начинать с нуля. И как Кортесу только удавалось сохранять присутствие духа, когда все, казалось бы, складывалось против него?

Претензии второй Аудиенции

9 января 1531 года в Мехико Дельгадильо и Матиенсо передали свои полномочия членам новой Аудиенции. Тех было четверо: Васко де Кирога, Франсиско Цейнос, Алонсо Мальдонадо и Хуан де Салмерон. Назначенный председателем епископ Санто-Доминго в очередной раз перенес дату своего приезда в Мексику. Но это не помешало членам новой Аудиенции приступить к исполнению своих обязанностей. Эти царедворцы знали ужасающую действительность и должны были восстановить престиж испанской короны.

Поначалу Кортес был рад решительности новых властей. Прежние тираны Дельгадильо и Матиенсо были заключены под стражу, и их ожидало судебное расследование. Впрочем, радоваться маркизу дель Балле оставалось недолго. Очень скоро, уже в конце января, он убедился, что имеет дело с людьми, не расположенными делить свою власть с кем бы то ни было, в том числе и с бывшим хозяином Новой Испании. Они, возможно, имели на сей счет вполне конкретные указания. Но нельзя исключать и то, что природа человека взяла свое и власть хмелем ударила в голову новых чиновников.

Первые сомнения закрались в душу Кортеса, когда через несколько дней после прибытия членов новой Аудиенции он передал в суд большое количество жалоб на Нуньо де Гусмана, но те, по-видимому, и не собирались начинать преследование беглого бывшего председателя, укрывшегося на северо-западе Мексики со значительными силами. Вопреки ожиданиям, варвар Нуньо де Гусман, черный ангел конкисты, пользовался покровительством власти на местах. Зато новая Аудиенция очень оперативно занялась детальным рассмотрением всех владений, пожалованных Кортесу год назад. Дело с домом Кортеса в Мехико было всего одной из засад, устроенных Аудиенцией на пути конкистадора. Вынужденный уступить свой дворец в Мехико новой команде, маркиз должен был еще и отстаивать свое право на компенсацию. Но проблема не относилась ни к недвижимости, ни к финансам: если членам Аудиенции и потребовалось занять

дом Кортеса, то лишь для того, чтобы выжить его из столицы Новой Испании, удалить от власти и не позволить препятствовать функционированию административной машины, насаждаемой Испанией.

Кортес все понял и примирился с мыслью оставить Мехико. Его выбор пал на Куэрнаваку, где для него был построен дворец по образцу замка Диего Колумба в Санто-Доминго. Своего рода дворец вице-короля, но парапет с бойницами на крыше напоминал, что это дом главнокомандующего. Кортес поселил Хуану в Куэрнаваке, сам изредка наезжал в Мехико, но никогда не останавливался там надолго. Мудрость, пришедшая с годами, – ему было уже сорок пять, – подсказывала жить ближе к природе, искать покоя в кругу семьи и друзей среди великолепия тропического леса, в царстве вечной весны. Он ни в чем не нуждался и был счастлив жить в Мексике, на земле, которую любил всем сердцем.

Но у членов Аудиенции был свой взгляд на вещи. Не довольствуясь устранением Кортеса с политической арены, они вознамерились лишить его поместий и доходов. С этой целью они начали подсчет пресловутых двадцати трех тысяч вассалов, которые были пожалованы конкистадору Карлом V «в знак доброго расположения и милости в полное и вечное владение». Учет вассалов, предпринятый с мая 1531 года, был не абсурдным бюрократизмом, как это иногда представляют, а самым настоящим покусительством на маркграфство Кортеса. И почему губернатор потребовал от короля даровать ему такую внушительную территорию? Конечно же с целью вывести ее из-под прямого подчинения короне. Он требовал себе право гражданского и уголовного суда над своими вассалами – жителями этих земель, чтобы иметь возможность развивать в своих владениях формы социальной и экономической организации, о которых не переставал мечтать. По замыслу Кортеса, его маркграфство должно было стать государством в государстве, и статус частной собственности, распространенный на поместья и крепостных, позволял ему основать, хотя и в меньшем масштабе, ту независимую Мексику, которую он не сумел создать на всей территории Новой Испании. Очевидно, что его тайные планы не укрылись ни от короля, ни от его советников. Но ответный удар был нанесен не сразу. Первый раунд выиграл Кортес. Он привел веские аргументы и в полной мере воспользовался поддержкой своих покровителей. Но стоило маркизу отбыть в Новую Испанию, двор немедленно приступил к процедуре изъятия всех пожалованных ему имений и поискам средств скрытого противодействия Кортесу. Корону и Эрнана по-

прежнему разделял железный занавес. Но на этот раз конкистадор уже был не в силах продолжить борьбу. Он предпочел бы отступить.

При создании маркграфства дворцовые службы занесли в реестр двадцать два индейских города – пуэблос. К каждому пуэбло приписывалась тысяча «вассалов». Вместе с Мехико, к которому придавалась дополнительная тысяча вассалов, пришли к дутой цифре в двадцать три тысячи. Естественно, эти расчеты были полностью лишены здравого смысла. По королевской дарственной от 6 июля 1529 года под юрисдикцию Кортеса переходило не меньше двух миллионов человек. В демографических масштабах Мексики что могли значить какие-то «двадцать три тысячи вассалов»? Вопрос о том, кого считать вассалом – всех жителей пожалованной губернатору территории, по мнению членов Аудиенции, или только глав семейств, плативших подати, как предлагал Кортес, – был надуманной проблемой. Если взять только глав семей в одном Куэрнаваке, их уже насчитали бы много больше двадцати трех тысяч. Сам подсчет индейцев на землях, пожалованных Кортесу, говорил о том, что корона хотела отнять у него левой рукой то, что сама подарила правой.

Нельзя отрицать того, что отношение новых членов Аудиенции к индейцам изменилось в лучшую сторону. Новое правительство Новой Испании с готовностью оказывало помощь и поддержку францисканцам в их миссионерской деятельности и защите коренного населения. Тем не менее неприкрытое преследование Кортеса стало генеральной линией политики, проводимой четверкой правителей, а затем и председателем Себастьяном Рамиресом де Фуенлеалем с самого дня его приезда в Мехико 31 сентября 1531 года. Эта политика приносила свои печальные плоды. Меры по удалению Кортеса были крайне враждебно восприняты индейскими вождями, для которых все испанцы разделились на две категории – друзья Кортеса, значит, и их друзья, и враги Кортеса, следовательно, и их враги. Корона решила уничтожить эту необъяснимую власть конкистадора над индейцами, его солидарность с мексиканским народом. Мысль о возможности союза Кортеса с пятнадцатью миллионами туземцев внушала страх испанскому королю.

Члены Аудиенции не пошли до конца в своей политике и удовольствовались временным компромиссом. В ожидании результатов своих демаршей они подтвердили юрисдикцию Кортеса на землях Куэрнаваки, Тегуантепека, Веракруса и Тукстлы. Из владений маркиза были исключены долина Толуки и южный берег озера Мехико. В отношении Оахаки, номинально

считавшейся сердцем маркграфства, поскольку оно называлось по имени этого города, Аудиенция проявила все свое коварство. В самом центре частного владения Кортеса был основан испанский город, получивший название Антеквера. Теоретически это был отличный способ отторгнуть у Кортеса его собственность, но чиновники недооценили воинственность конкистадора. После многих перепалок Кортес согласился примириться с существованием анклава Антекверы в обмен на признание его юрисдикции над пуэблос Куилапа, Оахака, Этла и Тлапакойя – «четырьмя городами маркиза».

Немного времени спустя, в марте 1532 года, началось дело о десятине. Знаменитая булла Климента VII о госпитале Младенца-Иисуса прекращала действие королевского патроната в Индиях. Члены Аудиенции активизировались, и король потребовал от Кортеса передать им оригинал буллы и все копии, чтобы устранить это покушение на монополию короны. Развязанная против него политико-административно-юридическая война ясно давала понять Эрнану, что ему самое время уносить ноги.

Калифорнийский мираж

Кортес, превращенный легендой в воителя, на самом деле был скорее предпринимателем. О его сельскохозяйственных опытах можно было бы написать целый агрономический трактат. Поместья Кортеса находились в разных климатических зонах, что давало ему великолепную возможность определить наилучшие условия для выращивания культур, доставленных из Европы или с островов. Сахарный тростник, завезенный с Канарских островов и уже прижившийся на Антильских, отлично рос под Куэрнавакой и Веракрусом. Виноград превосходно чувствовал себя на горном плато, при условии соблюдения соответствующей высоты лозы. В окрестностях Куэрнаваки и Оахаки разводили шелковичных червей, которых Кортес привез с собой из Испании. С 1532 года Кортес исследовал низины, на которых произрастала исконно месоамериканская культура – хлопок. Маркиз интересовался также животноводством, особенно разведением крупного рогатого скота и лошадей, сбором и обработкой овечьей шерсти, лесоразработкой. И конечно же главной слабостью Кортеса были все традиционные индейские продукты, такие как какао, большим любителем которого он был, табак или ваниль – нежная орхидея с согретых тропическим солнцем земель Веракруса.

Но больше всего его привлекали морские исследования. В 1532–1535 годах Кортес снарядил три экспедиции в Тихий океан.

Первая флотилия вышла из порта Акапулько 30 июня 1532 года; два шлюпа под началом еще одного кузена конкистадора, Диего Хуртадо де Мендоса, который в 1524 году руководил морской экспедицией к Лас-Гибуэрас, предпринятой для поимки Кристобаля де Олида. Следуя указаниям Кортеса, Хуртадо взял курс на север и исследовал побережья Мичоакана, Колимы, Халиско и Наярита. Но на пути к тогда еще неизвестной Калифорнии, вскоре после открытия островов Трес-Мариас, из-за нехватки продовольствия взбунтовалась команда. Хуртадо продолжил плавание на одном корабле, второй, мятежный, лег на обратный курс. Этот раскол, ставший следствием излишне поспешной подготовки, оказался для экспедиции фатальным. Корабль Хуртадо исчез без следа, и о его судьбе ничего не известно, бунтовщики же потерпели крушение в заливе Бандерас – современное название Пуэрто-Вальярта. Высадившихся на берег почти всех перебили местные индейцы. Только троим удалось спастись – одного взяли в плен люди Гусмана, а двое добрались до города Колима, контролируемого Кортесом. Десятка два мятежников предпочли высадиться в районе Кулиакана, откуда пешком двинулись на юг. Через сорок пять дней уцелевших захватили в плен солдаты все того же Гусмана. Экспедиция завершилась полным провалом.

В октябре 1532 года Хуана родила Кортесу сына. Их второй ребенок Каталина, родившийся в прошлом году, скончался в младенчестве. Эрнандо окрестил сына Мартином в честь отца. Так же звали и его первого сына-метиса от Малинче. Интересно отметить, что троим первым детям от Хуаны маркиз дал те же имена, что и детям-метисам: Мартин, Луис и Каталина. И эта тенденция получит продолжение: четвертый ребенок Хуаны, девочка, родившаяся в 1534 году, будет наречена Марией, как и одна из дочек-метисок, а для пятого ребенка от испанки, еще одной дочери, Кортес снова использует любимое имя Каталина. Только шестой и последний ребенок (дочка, родившаяся в Куэрнаваке около 1537 года) получит имя матери – Хуана.

Спустя месяц после рождения Мартина конкистадор решил перебраться на постоянное жительство в Тегуантепек. Он хотел лично следить за строительством кораблей, которые он намеревался послать в помощь Хуртадо. Он приказал соорудить для себя на берегу моря шалаш и полгода каждый вечер засыпал под убаюкивающий шум волн Тихого океана. Но Кортес отправился на побережье не загорать в гамаке. Он с головой ушел в работу. Эрнандо реорганизовал снабжение своего предприятия, обеспечив доставку необходимых материалов по воде. Товары доставлялись в Коацакоалько, грузились на пироги, на которых

следовали вверх по реке. Там, за добрую сотню километров, лодки разгружались, и носильщики на своих спинах доставляли материалы в Тегуантепек. Изгнанный из Мехико, Кортес вступил во владение своей землей в восточной части Центрального плато, заняв свободные и, главное, стратегически важные пространства вдали от неусыпного ока Аудиенции.

В июне 1533 года два корабля, построенные в Тегуантепеке под надзором Кортеса, вышли в море. Маркиз не отказал себе в удовольствии опробовать свои детища, которыми гордился и один из которых был водоизмещением в семьдесят брутто-тонн, а другой – в девяносто. Кортес проинспектировал морскую верфь в Акапулько, где велись работы над еще двумя судами, затем взял курс на Колиму и бросил якорь в Сантьяго в заливе Манзанилло. Отсюда 30 октября отправилась в путь вторая экспедиция. Капитаны кораблей получили разные приказы: Эрнандо де Грихальва должен был плыть в западном направлении, где, по слухам, находились таинственные жемчужные острова, тогда как Диего Бесерре де Мендоса (родственнику супруги Кортеса) поручалось двигаться на север в поисках следов шлюпа Хуртадо. Грихальва благополучно исследовал западное направление, открыв острова Ревилья-Хихедо, и в канун Рождества высадился на вулканическом острове Санто-Томас (в настоящее время Сокорро). Но скалистый берег был труднодоступен, и после охоты на птиц, не встречавшихся до того с человеком и ставших легкой добычей, он вернулся в Акапулько, а затем прибыл в Тегуантепек. За время похода не было обнаружено ни жемчуга, ни живой души. [219]

Бесерре не так повезло: северные экспедиции преследовал какой-то злой рок. История повторилась: посреди залива Бандерас команда взбунтовалась, только на сей раз причиной стала алчность. Испанцы не смогли договориться о разделе еще незахваченной добычи и принялись убивать друг друга, грезя о золотых слитках. Бесерра был убит шкипером, неким Хименесом. Захватив власть на корабле, он приказал высадить на побережье Халиско двух францисканцев, поддерживавших Бесерру, и взял курс на север. Хименес намеревался объявить своей собственностью все острова, которые бы ему довелось открыть. Он достиг Калифорнии, которую принял за Жемчужный остров, и высадился в чудесной бухте (Ла-Пас). Оставшихся на борту моряков перебили индейцы, сам мятежный шкипер также пал под их стрелами; уцелевшие члены экипажа, отбиваясь от наседавших дикарей, отступали вдоль мексиканского побережья. Корабль, оставленный на волю волн и ветров, в конце концов потерпел крушение в заливе Чаметлы и достался Гусману.

Кортес, как и всегда, не поддался унынию и решил лично возглавить следующую экспедицию. Эта новость привлекла многих добровольцев. К началу 1535 года маркизу удалось собрать триста человек команды и пятьдесят лошадей. Замысел этой третьей экспедиции был весьма оригинален: половина экспедиционного корпуса отбывала из Тегуантепека на трех кораблях, которые удалось подготовить к плаванию; вторая половина под командованием Кортеса и его верного помощника Андреса де Тапиа двигалась на запад по суше. Бросив вызов Гусману, Кортес без боя пересек территорию, находившуюся под контролем бывшего председателя Аудиенции, и 15 апреля вышел к Чаметле к северу от Наярита. Разграбленный корабль Бесерры восстановлению не подлежал, но корабли из Тегуантепека прибыли к месту встречи в назначенный срок. Они были слишком малы, чтобы принять на борт всех солдат, лошадей, пушки и снаряжение, поэтому им предстояло совершить челночные рейсы. На корабли погрузилась часть войска под началом Кортеса, а оставшиеся на берегу солдаты Тапии стали лагерем в ожидании второго захода. Но второго захода они, однако, так и не дождались.

Если до Калифорнии переход прошел без каких-либо сюрпризов, то обратный путь к Чаметле стал настоящим кошмаром. Поднявшаяся буря разметала корабли. Один был выброшен на рифы в заливе Матанчен, другой укрылся в неизвестной бухте, окрещенной Гуайябаль, а последний был вынужден три месяца спасаться от разбушевавшейся стихии в устье реки далеко к югу от Чаметлы. Его шкипер решил вернуться к Кортесу, не заходя за войсками Тапии, которые, впрочем, его уже не ждали и маршировали на север. В вынужденном бездействии время для Кортеса тянулось невыносимо долго. Он официально вступил во владение новой территорией, которую назвал Санта-Крус, поскольку ступил на калифорнийский берег 3 мая, в праздник Обретения Святого Креста.

Когда единственный уцелевший корабль вошел в бухту Санта-Круса, маркиз вместе с командой плотников отправился спасать два судна с грузом продовольствия. Один пришлось затопить, а второй был отремонтирован ценой титанических усилий. С полными трюмами Кортес поспешил обратно в Калифорнию, где его войско умирало с голоду, не сумев найти источники снабжения в диком краю, населенном воинственными кочевниками. Изобилие после долгого воздержания нанесло последний удар желудкам солдат, очень многие из которых не пережили этого испытания. Кортесу пришло время задуматься о дальнейших действиях. Он исследовал под парусом бескрайний

залив Санта-Круса, названный морем Кортеса, и обнаружил китов. По легенде, он окрестил новые земли Калифорнией по имени королевы Калафии, главного персонажа модного в то время рыцарского романа.[220] Но это название не фигурирует ни в одном документе, вышедшем из-под его пера, и сомнительно, чтобы он когда-либо его употреблял. Калифорния для христианина Кортеса всегда оставалась Землей Святого Креста.

На горизонте показался парус корабля, огибавшего мыс: это Франсиско де Уллоа нарушил летаргический сон этого мира, утонувшего в одиночестве бескрайних просторов. Он доставил письмо от Хуаны, которая, уже год не получая вестей от мужа, волновалась и требовала супруга домой. Гонец передал также и послание от новоприбывшего вице-короля Антонио де Мендосы, вступившего в должность в Мехико 14 ноября 1535 года. Вице-король Новой Испании желал видеть маркиза дель Валле. Кортес должен был возвращаться. Он доверил Уллоа обустройство испанского поселения в Санта-Крусе, оставил двадцать лошадей, запасы продовольствия на год и обещал скоро вернуться.

На обратном пути корабль пришлось снимать с мели. Кортесу встретились два судна, которые только недавно были спущены на воду в верфях Тегуантепека и теперь шли ему на помощь. Маленькая флотилия добралась до Сантьяго-де-Колима, а в апреле 1536 года вошла в гавань Акапулько. 5 июня Кортес вернулся в Куэрнаваку.[221]

Магия Тихого океана

Южное море – это те же Лас-Гибуэрас. Тот же всплеск нерастраченной энергии, невероятное упорство в завоевании бесполезного, готовность пожертвовать состоянием ради погони за миражем. Как десять лет назад бежал в джунгли Гондураса губернатор Новой Испании, так теперь бежал маркиз дель Валле. За эти годы Кортес ничуть не изменился. Ему все так же было необходимо куда-то устремляться, гнаться за мечтой.

На тихоокеанском побережье он был вдали от Хуаны. Кортес не был создан для жизни с испанкой. Его жена, юная изнеженная аристократка, не испытывала к Мексике и мексиканцам ничего, кроме презрения. У супругов не было общих точек соприкосновения. Пока Кортес пропадал на верфях Тегуантепека, жители Куэрнаваки засыпали Аудиенцию жалобами на плохое обращение. Если поток петиций и можно объяснить интригами, то только отчасти. Главной виновницей была надменная, бездушная и жестокая маркиза.

Одной из немногих радостей, доставленных Кортесу этим союзом, был сын Мартин. Именно он был объявлен наследником майората по достижении им возраста трех лет. Право старшинства не было общим правилом в Кастилии. Для того чтобы передать свой удел старшему сыну, требовалось разрешение короля. Кортес получил это право в июле 1529 года вместе с маркграфством. Но только в январе 1535 года под пальмами Колимы он нотариально оформил передачу майората Мартину, чтобы тем самым обеспечить на будущее единство своих мексиканских владений.

Отправляясь в поход в неизвестность по волнам Южного моря, Кортес избрал самый удаленный в то время от Испании уголок мира. И не случайно. Он чувствовал себя тем увереннее, чем дальше находился от своей исторической родины Кастилии. Забираясь в труднодоступные и неизведанные места, он избегал любого преследования властей.

Однако одна мысль не давала ему покоя. Кортес не мог допустить, что чудовищный произвол его врага Нуньо де Гусмана в 1528–1529 годах не был санкционирован короной. Кровавая эпопея в западной Мексике была щедро вознаграждена. За пытки и убийство мичоаканского касика Кальсонцина, за спровоцированные жестокостью и несправедливостью восстания индейцев, за бесконечную череду злодеяний в западных землях, которые он предложил назвать Большой Испанией – *la Mayor Espaca*, Гусман получил в 1531 году от короля титул губернатора «Галисии Новой Испании», которая в дальнейшем станет Новой Галисией. Области, включившие в себя земли Халиско, Наярита и Синалоа, составляли часть доиспанской Месоамерики науа. Кортес считал, что имеет моральное право на них. Гусман и его прихвостень Чиринос не только захватили эти земли, но и установили на них огнем и мечом жестокие порядки, вызывавшие отвращение у главнокомандующего. Поскольку Аудиенция была глуха к стонам Тонамы и Наурита, Кортес решил сыграть роль верховного судьи и восстановить справедливость, хотя больше и не имел на это прав. Вместе с францисканцами он вознамерился повергнуть в прах Нуньо де Гусмана и начать борьбу с произволом государства.

Калифорнийские экспедиции Кортеса в значительной степени объяснялись стремлением остановить экспансию Гусмана в северном направлении. Неудача Луиса де Кастильи, отправленного в 1531 году с сотней солдат в Новую Галисию и постыдным образом захваченного в плен Гусманом, несколько охладила Кортеса и вынудила отказаться от открытой военной кампании против рабовладельца из Пануко. Но само присутствие

его кораблей у берегов Новой Галисии оказывало психологическое давление на Гусмана, который не знал, что ждать от такого врага, как Кортес. Жажда справедливости нашла свое отражение в той настойчивости, с какой Эрнан добивался возобновления судебного процесса против бывшего председателя Аудиенции. Иск был удовлетворен в 1534 году, и его свидетели стали главными обвинителями.

Можно бы предположить, что, оставив Мехико и отправившись исследовать Южное море, Кортес тем самым успокоил испанские власти. Но ничего подобного. Вторая Аудиенция старалась воткнуть еще больше палок в колеса морского предприятия конкистадора. Возник неприятный вопрос о носильщиках. Епископ Фуенлеаль запретил маркизу дель Валле использовать индейцев-носильщиков для доставки на морские верфи в Акапулько необходимых материалов. И это в стране, где три тысячи лет грузы переносились главным образом на спинах! У конкистадоров-добровольцев, отправлявшихся к Южному морю, под разными предлогами власти конфисковали имущество. Кортесу то и дело приходилось бороться за отмену решений, продиктованных патологической ненавистью к нему и его делу. И тут вмешался король. 1 марта 1535 года он адресовал Кортесу дополнение к капитуляциям от 1529 года; в одностороннем порядке он извещал об изменении контракта.[222] Король поднимал тарифы; в случае открытия новых земель налог на движимое имущество (*rescate*) повышался до 33,33 процента: пятая часть становилась третью! Что касается недвижимого имущества, то есть самих покоренных земель, то аппетиты короля выросли до 60 процентов. Частный бизнес конкистадоров постепенно заменялся государственной монополией. Кортес искал и не мог найти себе новое место на шахматной доске ненасытной колониальной власти.

На берегу Тегуантепека, в бухте Акапулько и на пустынных просторах Калифорнии он забывал о несправедливости. Испания оставалась где-то там, далеко-далеко. А может, Кортес пытался убежать от самого себя. Его мечта рассеялась как дым. Он разочаровался в испанцах, которые грубели и мельчали душой слишком быстро. Что ни говори, но все социальные и политические отношения в Новой Испании были пронизаны глубоким презрением к коренному населению этой страны, и с этим ничего нельзя было поделать. Смешение рас выродилось в сексуальную эксплуатацию. У него у самого законной супругой стала испанка. Кортес уже вступал в противоречие с собственными убеждениями, и картины грядущего уже не виделись ему столь ясно, как прежде. Синие воды Тихого океана и

розовый свет утренней зари уносили его вдаль от печальных мыслей и были последней радостью в его жизни.

Зависть вице-короля Мендосы (1536–1539)

После долгих колебаний Карл V решил преобразовать Новую Испанию Кортеса в вице-королевство и сосредоточить всю власть в руках одного человека, своего рода монарха по доверенности, отвечавшего за административное управление краем, принятие и исполнение законов, юстицию и поддержание порядка. Несмотря на престиж, щедрое вознаграждение и прочие материальные блага, эта должность никого не привлекала. Получив три отказа от благородных идальго, король предложил занять новый пост своему камердинеру Антонио де Мендосе, который скрепя сердце дал согласие, но укладывал вещи в дорогу целых два года. Тем не менее 14 ноября 1535 года вице-король прибыл в свою столицу. Власть не только сменила своего представителя, но изменился сам ее характер. На этот раз на мексиканскую землю перенеслась Старая Испания. Кортес в это время укрывался в Калифорнии.

Роскошь и блеск

Мендоса прибыл в Новую Испанию с точными указаниями, которые можно выразить в трех словах: покончить с Кортесом. Ему поручалось провести подсчет вассалов, оставив только официальные двадцать три тысячи; а главное, у Мендосы было право лишить Кортеса должности генерал-капитана, «если он сочтет это полезным».[223] Попутно он обязывался положить конец независимости францисканцев, верных союзников Кортеса. Король требовал отменить право убежища в монастырях, следить, чтобы ни одна обитель не была основана без его одобрения; папская почта должна вскрываться. Это стремление установить над Мексикой полный контроль прослеживалось уже при второй Аудиенции с отзывом в Кастилию епископа Зумарраги, который подобно Кортесу был вынужден оправдываться при дворе. В апреле 1533 года он был рукоположен в Вальядолиде епископом Мехико, но угодливая испанская церковь придумала тысячи препятствий, чтобы задержать его в Кастилии. В конце концов епископ прибыл в Мехико в октябре 1534 года, но был вынужден принять от императора отравленный дар: его титул «протектора индейцев» был заменен на неэквивалентное звание «апостолического инквизитора»! Мендоса получил соответствующее указание не оставлять номинальным это

назначение и учредить в Мексике инквизицию. Францисканцы были загнаны в угол.

Встреча Кортеса с вице-королем Мендосой стала повторением аудиенции у Карла V. Перед лицом вице-короля, настроенного править полновластным хозяином, Эрнан показал себя настолько интересным, симпатичным и располагающим к себе человеком, что Мендоса не смог устоять перед его очарованием. И вместо того, чтобы вступить в смертельную схватку с первой же встречи, главнокомандующий и вице-король стали друзьями. Да и могло ли быть иначе в стране, где все было устроено Кортесом и где все молились на него?!

Но мог сыграть свою роль и другой фактор: Мендоса были союзниками Зунига, и в 1520 году многие родственники вице-короля приняли участие в восстании против Карла V, в частности, его родная сестра Мария Пачеко, жена Хуана де Падильа, который был одним из вдохновителей восстания комунерос. Поэтому Кортес мог видеть в лице Антонио де Мендосы своего естественного союзника, посланного самой судьбой.

Вице-король и маркиз договорились скрывать свое взаимное расположение, чтобы не давать поводов для всяких пересудов. Так, они выработали особый протокол приемов:[224] в своем дворце – бывшем доме Кортеса – вице-король не председательствовал, и они садились за стол напротив друг друга, зато в доме Кортеса вице-король занимал место председателя – во главе стола. На людях вице-король и маркиз показывались вместе: Кортес – слева, Мендоса – справа. Но как следовало это понимать: Кортес помещал вице-короля справа или же Мендоса ставил Кортеса слева?

Их часто видели вместе; приятели соперничали в великолепии праздников и спектаклей, которые в деталях описаны хронистом Диасом дель Кастильо.[225] Так, обращая внимание на ту пышность, с какой была отмечена встреча между Карлом V и Франциском I, можно заподозрить скрытый вызов Испании. В то время как императорская казна была пуста и повышение налогов спровоцировало восстание во Фландрии, Мендоса и Кортес демонстрировали свое могущество, устраивая балы, которым по роскоши просто не могло быть равных в Испании. В театральных постановках, впервые состоявшихся на центральной площади Мехико, участвовали несколько десятков тысяч человек.[226] Когда Старая Испания корчилась в конвульсиях, мексиканское вице-королевство пировало и веселилось.

Немалое удовлетворение Кортесу доставило и изменение политики властей в отношении Нуньо де Гусмана. Вернувшись из

калифорнийской экспедиции, он узнал о назначении нового губернатора Новой Галисии. 30 марта 1536 года в Наярит арестовывать Гусмана отправился Диего Перес де ла Торре. Но новый губернатор недолго пробыл на своем посту: всего через несколько недель он погиб в бою с восставшими индейцами, доведенными до отчаяния произволом людей Гусмана. Мендосе пришлось проявить чудеса изворотливости и хитроумной лжи, чтобы заманить Гусмана в Мехико. Он пообещал Нуньо прощение и почести и пригласил провести праздник Рождества 1536 года в одном из принадлежащих ему домов. Усыпив бдительность Гусмана, вице-король приказал его арестовать. 19 января Гусман был брошен в тюрьму, в общую камеру с осужденными преступниками. Образ действий Мендосы не вызвал у Кортеса никакого негодования. Маркиз тотчас занялся сбором материалов для судебного расследования, начатого в отношении бывшего председателя Аудиенции.

Перу

Избавившись от Гусмана, маркиз мог спокойно заняться дорогими его сердцу операциями в Южном море. Он отозвал из Калифорнии оставленный там отряд. Полученные из Перу новости заставили его переориентировать свои морские исследования. По возвращении из Санта-Круса конкистадор получил письмо от Франсиско Писарро, просившего о помощи. В Перу незамедлительно отправились два корабля под командованием Эрнандо де Грихальва. По свидетельству Лопеса де Гомара,[227] они доставили солдат, лошадей, провиант, пушки и оружие. От себя лично Кортес послал кузену шелковые одежды, меховой плащ, два трона, дорогие подушки, седла и сбруи. Писарро, хозяйничавший в Перу с 1533 года, с благодарностью принял помощь и подарки. Его плащ из опоссума произвел на всех большое впечатление и вошел в легенду. Корабли Кортеса возвращались в Мексику с перуанскими подарками от Писарро. В знак своей признательности он подобрал золотые украшения тонкой работы для донны Хуаны. Но только один из кораблей вернулся в Акапулько. Второй под началом Грихальвы отправился на запад исследовать Тихий океан на экваториальных широтах. Последовательный в своих начинаниях, Кортес все время пытался найти наилучший путь к Молуккам. Корабль маркиза достиг островов пряностей, но только без капитана, убитого взбунтовавшейся командой. Из экипажа уцелело всего семь человек, и роскошные дары Писарро окончили свой путь на

Молуккских островах, вероятно, в сундуках португальского капитана, подобравшего моряков Кортеса.

Столкнувшись со сложностями путешествия к островам пряностей, Эрнан решил установить коммерческую навигацию между Мексикой и Перу. Еще десять лет назад его родственник Франсиско Кортес, покоривший Колиму, обнаружил существование морской торговли индейцев Центральной Америки с жителями Анд вдоль всего тихоокеанского побережья. Верный своей стратегии преемственности, Кортес намеревался поддерживать и развивать межамериканские связи, существовавшие уже более двух тысяч лет.

Благодаря Франсиско Кортесу мы имеем довольно точное представление о характере доиспанской торговли. Из Анд экспортировали главным образом золото, серебро и медь в формах изделий или продуктов переработки: украшения, посуда, щипчики, брелки, листы золота, слитки серебра, медные пластины и стержни и пр. Из Колимы и Ксалико везли канаты из волокон магеи, ладан (копалли), выделанные шкуры животных (ягуара-оцелота, оленя), а также сушеные тропические фрукты, которые пользовались особенным спросом у перуанцев. Этот коммерческий путь и хотел взять под свой контроль Кортес, добавив к традиционным статьям экспорта товары, возникшие в результате испанского проникновения по обе стороны экватора. Впрочем, в первую очередь требовалось организовать пассажирские перевозки между Мексикой и Перу. Кортес избрал порт Гуатулько на побережье Оахака форпостом коммерческой линии до Перу. Его корабли делали остановку в Панаме, а затем уже шли в порт Каллао, расположенный недалеко от Лимы. С 1537 года этим маршрутом проходили два-три корабля в год. В Панаме и Лиме поселились его постоянные торговые агенты.

В 1536–1538 годах Кортес вел спокойную, мирную, вероятно, весьма приятную жизнь. Поскольку преследования индейцев прекратились, а францисканцы могли заниматься своей миссионерской деятельностью, он мог считать Мендосу своим союзником. 6 января 1536 года вице-король благословил торжественное открытие школы Святого Креста в Сантьяго-де-Тлателолько. Это учебное заведение было вершиной образовательной политики, проводимой Кортесом и францисканцами. Здесь юных науа учили на науатле и латыни, а не на испанском! Они изучали вселенскую природу слова Божия. Сами монахи взамен приобщались к индейской культуре, стремясь научиться лучше сохранять и оберегать ее. С первого дня основания в этом первом учебном заведении для индейцев преподавали француз Арно де База и знаменитый летописец

ацтекской цивилизации Бернардино де Саагун. Мендоса также дал согласие и на устройство францисканцами собственной типографии: это была великая победа свободы мысли и успеха христианизации, проводимой братьями-линоритами. Небо над Мексикой, казалось бы, прояснилось, и Кортес был уже уверен, что сумел разжать железную испанскую хватку, удушавшую эту землю. Он также полагал, что недосягаем для карающих молний короны, увязшей в европейских проблемах.

Разлад

Кризис зародился в течение 1538 года и, стремительно развиваясь, достиг своей высшей точки через год. Не в силах выносить власть Кортеса, которая не имела каких-либо законных оснований, Мендоса взбунтовался. Им овладела маниакальная зависть, и теперь он хотел для себя всего того, чем обладал Кортес. Не имея возможности получить желаемое, он был готов его уничтожить. Мендоса принялся вредить маркизу, как только мог. Основных причин для разногласий было четыре.

Первая в какой-то степени анекдотична, но она на самом деле не столь поверхностна, как можно было бы подумать. Речь идет о пресловутом деле тепуцкве. В силу большой удаленности от метрополии вице-король Новой Испании получил право чеканить монету, чтобы таким образом избежать перевозки фондов между Кастилией и Мексикой по морям, кишащим французскими корсарами. Из соображений мелочной экономии Мендоса решил, что для торговли с индейцами сгодятся и медные деньги (тепоцтли), а золото и серебро пойдет на расчеты с испанцами. Однако индейцам такой расклад не понравился, и они выбрасывали ничего не стоившие монеты в озера и реки. Мендоса был вынужден заменить медную монету-тепуцкве на серебряную. Но новые монеты были столь крошечными, что их едва можно было ухватить и удержать двумя пальцами. Индейцам они также пришлись не по вкусу: коренное население вернулось к доиспанской традиции расчетов в зернах какао. Экономическая сегрегация и раскол монетарной системы возмутили Кортеса. После периода эйфории он разглядел истинное лицо Мендосы. Дискриминационная политика вице-короля была тем более неприемлема, что вопрос о наличии души у индейцев и их пригодности для христианизации был окончательно решен буллой папы Павла III «*Sublimis Deus*», которая запрещала обращать американских индейцев в рабство и рассматривать их как людей низшей расы.[228]

Вторая проблема, вызвавшая у Кортеса серьезное беспокойство, заключалась в учреждении инквизиции в Мехико. Хотя Зумаррага, епископ и апостолический инквизитор, официально не объявил об организации трибунала в Новой Испании, он был вынужден под давлением Мендосы открыть процессы против индейцев. Незачем говорить об абсурдности преследования за идолопоклонство коренного населения, которому против воли навязали католицизм после трех тысяч лет существования их религии. Кортес пытался бороться с установлением в Мехико инквизиторских порядков и препятствовать распространению власти трибуналов на индейцев, но Мендоса вышел победителем из этой схватки. Перед инквизиторами предстали касики, не отступившиеся от многоженства, жрецы культа, уничтоженного с приходом христианства, и конечно же обычные мирные обыватели-науа, обвиненные соседями из зависти в том, что держали зарытыми в саду древних идолов или возносили молитвы ацтекским богам.

В 1539 году вице-король решил использовать инквизицию, чтобы разделаться с неугодными индейскими вождями, приведенными к власти Кортесом еще во времена конкисты. В архивах Мехико сохранился протокол показательного процесса над доном Карлосом Ометочцином, касиком Текскоко.[229] Кроме несправедливости самого процесса как такового, Кортес обличал его заказной политический характер. Дон Карлос был известной фигурой. Он стал одним из первых сыновей индейских вождей, прошедших обучение в францисканских монастырях. Юный Карлос рос в доме Кортеса, который уделял ему большое внимание, как и детям Мотекусомы. Жители Текскоко стали союзниками Кортеса с первых же дней конкисты, и потому он всегда к ним благоволил. При крещении правитель Икстлильксочитль принял имя Эрнандо Кортес Икстлильксочитль. После смерти в 1531 году ему наследовал его брат Карлос Ометочцин. В 1539 году дон Карлос был арестован по обвинению в многоженстве и идолопоклонстве и предстал перед судом инквизиции. У следствия не было на вождя Текскоко ничего. Он признался в содержании любовницы, но отверг все обвинения в идолопоклонстве, выдвинутые против него подкупленными или имевшими личный интерес свидетелями. Однако это не остановило инквизиторов, и после пяти месяцев дознания ими был вынесен смертный приговор. В воскресенье 30 ноября 1539 года дон Карлос был сожжен заживо в присутствии вице-короля Мендосы. Это было оскорблением для всего народа науа и пощечиной Кортесу, всегда отстаивавшему права индейцев, в том числе и на сохранение традиционных обрядов.

Мендоса продемонстрировал свою настоящую политику – политику репрессий. Хорошими индейцами считались только забитые создания, а высокообразованный диалектик и знаток латыни дон Карлос Ометочцин не мог устраивать испанские власти. Мендоса видел политическую угрозу возрождения индейского самосознания и хотел преподать всем наглядный урок. В воскресный день он принес христианскую человеческую жертву, покарав мнимого защитника жертвоприношений языческих.

Третьей причиной конфликта явилась ситуация в Новой Галисии. 23 июля 1532 года в Мехико прибыл некто Альвар Нуньес Кабеса де Вака, переживший невероятные приключения. В июне 1527 года он вышел в море в качестве казначея экспедиции Нарваеса к берегам Флориды. В этом гибельном походе нашли свою смерть почти все участники, кроме четырех моряков, среди которых был и Кабеса де Вака. Пережив бури и лишения, он пешком пересек американский континент от Флориды до северной Мексики. Спускаясь вдоль тихоокеанского побережья, он встретил наконец людей Гусмана, которые не поверили ни единому его слову, но препроводили тем не менее к Антонио де Мендосе. Вице-король, напротив, выслушал рассказ о восьми годах скитаний по неизведанному еще уголку Америки с неподдельным интересом.[230] Вероятно, чтобы придать себе вес, Кабеса де Вака приукрасил свою повесть, так понравившуюся вице-королю. Мендоса был так воодушевлен услышанным, что решил организовать экспедицию и покорить север Мексики, который в то время населяли воинственные индейцы.

По преданиям науа, именно на севере находились семь пещер, откуда вышли все месоамериканские народы. Эти мифические семь пещер (Чикомозток) породили у испанцев другую легенду, светящуюся манящим блеском драгоценных камней и серебра, – предание о сказочных семи городах Сиболы. Вице-король был в числе тех, кто верил в нее. Единственной целью завоевания севера были поиски знаменитых изобилующих серебром городов. Мендоса нашел себе компаньона в лице францисканца Маркоса де Ниса, недавно приехавшего из Перу. Отважный путешественник выступил в поход 7 марта 1539 года из Кулиакана на северо-западе Мексики, но уже через шесть месяцев вернулся в Мехико. Очевидно, что за столь короткий срок совершить описанную им одиссею было просто невозможно,[231] но его романтический рассказ, полный описаний вымышленных богатых городов, очаровал вице-короля. Мендоса отдал приказ Франсиско Васкесу де Коронадо, преемнику Гусмана и Переса де ля Торре на посту губернатора Новой Галисии, снарядить уже

настоящую экспедицию к Сиболе. В начале 1540 года Коронадо отправился исследовать неведомые земли севера.

Все это не могло понравиться Кортесу. Поскольку Новая Галисия входила в Новую Испанию, генерал-капитаном которой он являлся, то именно ему принадлежала монополия на все военные операции. Эрнан оспаривал законность экспедиции, которую Мендоса предпринял без его предварительного согласия. Сомнительно, чтобы в пятьдесят пять лет Кортес желал принять личное участие в завоевании северных чичимекских территорий, скорее это был вопрос принципа. Сибола открывала брешь в его империи и задевала его интересы. В действиях Мендосы чувствовалось нечто большее, чем простое пренебрежение формальностями.

Четвертая причина ссоры получила самое жестокое выражение. Завидуя морской империи Кортеса, Мендоса решил установить собственную монополию на тихоокеанскую навигацию. 8 июля 1539 года Кортес отправил в Калифорнию четвертую экспедицию. Из Акапулько вышли три корабля под командованием Франсиско де Уллоа с заданием продолжить исследование Калифорнии и найти Диего Хуртадо де Мендоса, пропавшего в 1532 году. Хотя один корабль, сильно потрепанный штормом, был вынужден повернуть назад, два других достигли Санта-Круса. Старый форт Кортеса сожгли индейцы. Уллоа тщательно исследовал весь Калифорнийский залив (сегодня море Кортеса) до устья Колорадо. Затем, обогнув мыс Сан-Лукас, он прошел вдоль западного побережья Нижней Калифорнии до Кедрового острова, на котором высадился 20 января 1540 года. Уллоа провозгласил присоединение всех открытых земель к испанской короне, и его шкипер нанес на бумагу первую в истории карту Калифорнии. Достигнув широты современного Сан-Диего, капитан повернул в обратный путь.

Пока Уллоа плавал, Мендоса нанес Кортесу неожиданный удар. В конце августа 1539 года без какого-либо позволения со стороны Карла V вице-король объявил об установлении собственной монополии на морское сообщение в Южном море и получении на этом основании в частное владение всех портов на побережье. Морские верфи Тегуантепека были секвестированы.

Всех людей Кортеса, работавших в порту, плотников и моряков арестовали, а корабли конфисковали. Это было не просто проявлением взыгравшей алчности, а настоящим объявлением войны маркизу. Мендоса вышел за пределы закона и продемонстрировал, что его власть основана исключительно на силе. Первое время Кортес надеялся уладить дело, послав эмиссаров ко двору. В октябре защищать его интересы перед

королем и Советом Индий отправились трое его доверенных лиц. Но кризис оказался серьезнее, чем предполагал Кортес, и в ноябре он решил вернуться в Испанию: ему снова предстояло объясняться с королем, который один только мог восстановить справедливость.

Когда флагманский корабль экспедиции Уллоа вернулся в Сантьяго-де-Колима, первого же матроса, ступившего на берег, немедленно арестовали. Экипаж снова вышел в море и попытался укрыться в Гуатулько, но и там порт захватили войска вице-короля, а команда была взята в плен. Кортесу нанесли невыносимое оскорбление. На этот раз душевные раны не могли затянуться.

Эрнан оставил донну Хуану в ее доме в Куэрнаваке вместе с дочерьми. С собой он взял двух сыновей – Луиса и Мартина. Старший сын остался при дворе еще в 1530 году, поступив на службу к принцу Филиппу. Кортеса, как и всегда, сопровождал Андрее де Тапиа. В этот раз его эскорт уже не был столь пышным, как в былые времена. Конечно же он путешествовал с достойной свитой, но внешний блеск уже не интересовал его. Время играло против него; Кортесом овладевало то бешенство, то глухое отчаяние.

Время разочарований (1540–1547)

В феврале 1540 года Кортес прибыл в Испанию. Страна находилась в глубоком кризисе. Император был в трауре: его супруга Изабелла Португальская скончалась от родов в Толедо 1 мая 1539 года. Самого Карла не было в стране: он воспользовался перемирием с Франциском I, чтобы подавить мятеж во Фландрии, пройдя по территории Франции. Даже его родной город Гент не избежал кровавых репрессий. Император был банкротом: несмотря на золото и серебро Перу, принявшей эстафету у Мексики, испанская казна снова оказалась пустой. Император был осажден со всех сторон: Венгрия подвергалась атакам Сулеймана, а турецкий флот угрожал навигации в Средиземном море.

Битва за честь

Маркиз вернулся в Испанию «богатым и со свитой, но скромнее, чем в прошлый раз», сообщает Лопес де Гомара.[232] Его приняли неплохо. Он был вхож в Совет Индий, куда его неоднократно приглашали объяснить положение дел. Кортес мог рассчитывать на дружбу председателя Совета Гарсии де Лоаиса,

кардинала Сигуэнцы. В Мадриде он жил в домах командора Кастилии. Франсиско де лос Кобос, королевский секретарь и муж красавицы Марии де Мендоса, был внимателен и даже предупредителен. Кортес составил жалобу, в которой изложил все обиды, нанесенные ему вице-королем Мендосой. Конфискация пяти кораблей в Тегуантепеке была уголовно наказуемой, так как являлась чистой воды воровством, но главное, что она нанесла чувствительный удар по финансам маркиза. Кортес вложил все свои средства в освоение Южного моря, и забрать его корабли значило лишить его состояния. Вместе с делом о двадцати трех тысячах вассалов и экспедициями к Сиболе материалов для расследования было предостаточно, о чем Кортес говорил спокойно, но твердо.

Но лицемерие не сказало еще своего последнего слова. Придворные шаркуны, обещая помощь, намекали, что его собственное дело еще не закрыто. Все знали, что его дело было сфабриковано и не подкреплялось надежными доказательствами. Можно ли всерьез подозревать Кортеса в поощрении каннибализма или уклонении от строительства церкви? Или обвинять в развязывании войны, ссоре с первой женой Каталиной Хуарес или противодействии экспедиции Нарваеса? Этот процесс был нужен, чтобы держать Кортеса на поводке и ослабить то влияние, которое он продолжал оказывать на всю Новую Испанию.

Как и ожидал маркиз, вскоре после его отъезда на северо-западе Мексики вспыхнуло восстание индейцев. Мятеж Микстона вынудил Мендосу обратиться к ветерану конкисты и специалисту по силовым действиям Педро де Альварадо. Но 24 июня 1541 года испанцы потерпели чувствительное поражение на севере Гвадалахары. Гватемальский аделантадо пал на поле брани,[233] и вице-королю пришлось самому отправляться на земли чичимеков во главе пятидесяти тысяч науа, призванных в войско по этому случаю. Бои велись полгода и нанесли тяжелый ущерб западным территориям.

Васкес де Коронадо со своей экспедицией до 1542 года колесил по северной Мексике и современному юго-западу Америки. Он открыл Скалистые горы, рио Колорадо, Большой каньон, Нью-Мексико и Аризону, вступил в контакт с индейцами Зуньи и Пуэбло. На своем пути он встречал только бескрайние пустыни, где гуляли ветер и стада бизонов. Сибола и Квивира оказались мифом.

Берберы

В то время как в Вальядолиде проходил знаменитый съезд юристов и теологов, решавший судьбу индейцев, Карл V решил вернуться из Германии, где он председательствовал на сейме в Регенсбурге. Но путь его лежал не в Испанию, а в Алжир, который он вознамерился отбить у турок. Испытывая тяжелые политические трудности, Карл, по-видимому, замыслил повторить успех покорения Туниса в 1535 году, который позволил ему предстать вождем христианского мира и вернуться на следующий год в Рим триумфатором. В условиях неослабевающего мусульманского давления Карл V решил провести демонстрацию силы. Он склонялся к этому охотно, так как его извечный соперник Франциск I разыгрывал прямо противоположную партию, ища союза с Сулейманом Великолепным. В сентябре 1541 года Карл V собрал на Балеарских островах гигантскую армаду из четырехсот пятидесяти боевых кораблей и шестидесяти пяти галер, на борту которых находилось двенадцать тысяч моряков и двадцать четыре тысячи солдат – немцев, итальянцев и испанцев. Король готовился штурмовать Алжир.

Адмирал Кастилии Энрике Энрикес предложил Кортесу принять участие в экспедиции. Как мог конкистадор отклонить такое предложение своего покровителя и к тому же родственника жены? Именно его стараниями Эрнан получил титул маркиза. Возможно, Энрикес обещал, что его участие будет отмечено императором и вернет ему расположение монарха. И Кортес с двумя сыновьями взошел на палубу адмиральской галеры, волею случая носившей имя «*Esperanza*» – надежда.

13 октября Карл V, расположившийся на галере главнокомандующего, высадился на Майорке. Погодные условия не обещали ничего хорошего, но король не желал слушать ничьих советов. 21-го армада вышла в море и взяла курс на Алжир. Два дня корабли трепала сильная буря, не давая высадиться. 24-го Карл V смог, наконец, ступить на сушу вместе со своими немецкими и итальянскими солдатами и осадить Алжир. Буря не унималась, вдобавок начался ливень, напоминавший прелюдию к Великому потопу. 26-го во время бури пираты под предводительством Рыжей Бороды контратаковали.[234] Итальянцы в панике разбежались, и Карл V был обязан своим спасением лишь беспримерному мужеству немецких ландскнехтов, оградивших его живой стеной; на рейде буря уничтожила сто пятьдесят кораблей; испанцы так и не смогли высадиться.

Первый штурм окончился неудачей, и испанский король заговорил об отступлении. Кортес онемел от удивления. Он,

взявший Мексику с шестью сотнями солдат и не раз выходивший победителем из гораздо более опасных ситуаций, не мог представить себе, что с тридцатью шестью тысячами человек и более чем пятьюстами кораблей нельзя захватить Алжир. Даже в бурю. Поэтому он предложил императору возглавить испанский отряд, еще не участвовавший в деле, и лично повести его на штурм города. Он чувствовал себя в силах разгромить воинство Рыжей Бороды.

Но Карл плохо переносил качку, он замерз и был подавлен неудачей. Он решил отступиться. Чтобы узаконить свое решение, король созвал военный совет, на который, естественно, не пригласил Кортеса, зная, что тот был способен убедить генералов продолжить осаду. Карл V отдал приказ отступать. Самая большая флотилия в мире отступала в полном беспорядке. Испугавшись трудностей, император лишился чести и славы. Кортес был уязвлен. В довершение всех бед, по сообщению Гомары, тоже участвовавшего в экспедиции, Кортес потерял в суматохе поспешной посадки на корабли свои знаменитые изумруды, стоившие более ста тысяч дукатов.[235] Это замечание капеллана Кортеса дает понять, что Эрнан разошелся с Хуаной. Тот факт, что, уезжая в Испанию, он забрал у жены свадебный подарок, говорит о разрыве. Отныне каждый жил своей жизнью. Парадоксальная получилась рокировка: Хуана осталась в Куэрнаваке с шестью дочерьми, Эрнандо вернулся в Испанию с тремя сыновьями.

Отречение и отъезд Карла V

Неудача Карла V у берегов Алжира во многом определила последние дни жизни Кортеса. В декабре, после трудного перехода, галера императора вошла в гавань Картахены. Король вернулся в Вальядолид в январе 1542 года. Известно, что уже с этого момента он решился оставить Испанию, и его действия в 1542 году можно рассматривать как улаживание дел перед окончательным отъездом.

Монарх решил очистить совесть, урегулировав индейский вопрос. Он прислушался к голосам доминиканцев Бартоломе де Лас Касаса и Франсиско де Витория, а также мексиканских францисканцев. В результате деятельности валья-долидской хунты на свет появились *Nuevas Leyes* – «новые законы», подписанные Карлом в Барселоне 20 ноября 1542 года. В продолжение буллы «*Sublimis Deus*» Павла III «новые законы» запрещали всякое обращение в рабство американских индейцев,

исключали возможность создания новых *encomiendas* и ограничивали существующие *repartimientos*. В них содержалось также множество других гуманных мер, например запрет на использование человека для перевозки грузов. Император сумел и здесь найти для себя выгоду: земли, отнятые у колонистов, поступали в собственность государства.

Кортеса часто представляют в виде теоретика антииндейской партии. Его выставляют другом и вдохновителем Гинеса де Сепульведы, автора спорного труда «Справедливые причины войны против индейцев».[236] Но это глубокое заблуждение. Кортес не занимал происпанских и антииндейских позиций. Немедленно по возвращении в Испанию в 1540 году он обратился к архиепископу Севильи с требованием не распространять на индейцев действие святой инквизиции. Жертва дона Карлоса Ометочцина была не напрасной: после 1540 года инквизиция прекратила преследования мексиканских индейцев. Об убеждениях Кортеса говорит его борьба на стороне францисканцев. Но зато с самого начала Кортес не принимал методов колонизации, применяемых короной. Именно поэтому он до конца отстаивал наследственные поместья-репартимиентос и с этой стороны мог показаться противником «новых законов».

На самом деле Кортес боролся за креолизацию. Он хотел создать в Мексике испанскую ветвь, прочно обосновавшуюся и культурно ассимилированную с коренным населением. Поэтому он стремился всячески поощрять первопроходцев-основателей, другими словами, первых конкистадоров. Он всегда был ярым противником «офшорной» спекуляции недвижимостью и всю свою жизнь отказывался выделять земли собственникам, не проживающим в Новой Испании. Кроме того, он защищал частную собственность как таковую, препятствуя попыткам «национализации», предпринимаемым короной. Так, в законах об Индиях от 1542 года предлагалось перевести репартимиентос в королевский домен, в котором государственная собственность сливалась с личной собственностью монарха.

И если теоретически крепостные индейцы номинально получали свободу, поскольку становились вассалами испанского короля, то в действительности они меняли одного помещика-энкомендеро на другого в лице коррегидора – королевского управляющего.[237] Личный контакт с постоянным владельцем земли заменялся косвенными связями через временно назначенного чиновника. Кортес считал, что коренное население от такого обмена больше теряет. Старого конкистадора не мог устроить и переход к национализации экономики, проводимый в том же 1542 году под прикрытием щедрых гуманных мер,

поскольку он разбивал давнюю мечту Эрнана о независимости. Проект Кортеса должен был ждать двести семьдесят девять лет, прежде чем обрести свою институционную форму.

Одновременно с запретом обращения в рабство индейцев Карл V передал все полномочия своим вице-королям в Мексике и Перу. Это был полный отказ от королевских прерогатив: император давал вице-королям право назначать любых колониальных должностных лиц и выполнять все функции по управлению подвластным краем. Поскольку Кортес не был вице-королем, он стал никем.

Отказавшись от власти над Индиями, Карл V отрекся от нее и в Испании. Указом 11 апреля 1543 года он передал управление королевством своему шестнадцатилетнему сыну Филиппу. Поскольку, овдовев, он лишился союза с Португалией, ему необходимо было его восстановить: наследнику трона предстояло обручиться со своей двоюродной сестрой юной Марией Португальской, дочерью португальского короля Жуана III и Катерины, младшей сестры Карла V. Император, который был не в силах провести похороны своей жены Изабеллы, не был расположен присутствовать и на свадебной церемонии своего сына, назначенной на ноябрь. 13 мая Карл покинул Испанию. Он вернется в нее лишь для того, чтобы умереть после своего отречения в 1556 году, будучи пораженным старческим слабоумием. Кортес лишился собеседника.

После алжирской катастрофы он понял, что король, не в силах справиться с гигантизмом собственной империи, оставит Испанию. Быть может, Карл сам ему об этом сказал, например, в Монсоне, где устроил пышный прием в честь Кортеса в знак благодарности за его участие в экспедиции против берберов.[238] До отъезда короля в марте 1543 года Кортес направил ему несколько жалоб. Эти письма и записки преследовали три цели: Эрнандо хотел получить от Мендосы компенсацию, восстановить свои права и, если возможно, добиться отставки вице-короля; он требовал прекратить несправедливый судебный процесс против него и вернуть себе доброе имя; и, наконец, он желал получить подтверждение, что может в полной мере пользоваться всеми милостями и благами, пожалованными ему в 1529 году.

В конце концов ему удалось удовлетворить наполовину свои требования: король согласился направить в Новую Испанию инспектора с поручением расследовать деятельность Мендосы. Инспектор Франсиско Тельо де Сандоваль отправился в дорогу с «вопросником» из тридцати девяти обвинений, которым его снабдил Кортес. Тельо прожил в Мехико с 1544 по 1547 год и составил отчет явно не в пользу Мендосы. Но вице-король мог не

беспокоиться. Он даже был переведен в Перу в 1550 году, что означало повышение. Кортес остался неотомщенным.

Два других вопроса, волновавших Кортеса, а именно процесс и подсчеты и пересчеты двадцати трех тысяч вассалов, так и не были улажены королем до отъезда. Кортес понял, что все кончено. Еще год он прожил при дворе, но как бы по инерции. Он обивал пороги, ходил на встречи, получал туманные обещания, присутствовал на свадебной церемонии будущего Филиппа II в Саламанке. Все тщетно.

Последнее письмо

3 февраля 1544 года Кортес взялся за свое самое страшное оружие – перо. Зимнее солнце осветило древнюю столицу кастильских королей, старый конкистадор в последний раз писал бросившему его королю, который так никогда и не прочтет этого письма.

«Ваше Святое и Августейшее Католическое Величество. Я полагал, что труды юности моей дают мне право на покой в старости. Сего ради провел я сорок лет, недосыпая и недоедая во все дни. Я жил, не расставаясь с мечом, я подвергал жизнь мою тысяче опасностей, я отдал состояние мое и жизнь мою служению Господу, дабы привести в овчарню овец, не ведающих Святого Писания вдали от нашего полушария. Я возвеличил имя моего короля, прирастил его владение, приведя под скипетр его обширные королевства чужеземных народов, покоренных мною, моими усилиями и на мои средства, без чьей-либо помощи. Напротив, вынужден был я преодолевать препятствия и преграды, возводимые завистниками, сосущими кровь мою, покуда их не разорвет, подобно пресытившейся пиявке.

За дни и ночи служения Богу я получил сполна, ибо он избрал меня для свершения Его воли…

За службу моему королю я был не менее вознагражден, ибо я имел радость видеть, что мои деяния были во благо самому великому и католическому государю, самому могущественному и величественному королю, коего имели когда-либо все королевства Испании, чьим сыном я являюсь. Ваше Величество, вспомните, что в первый раз, когда я поцеловал Вашу руку, передавая плоды службы моей, Вы проявили признательность и намерение отблагодарить меня. Вы словесно чествовали меня, но я отказался принять то, что Вы желали пожаловать мне, поскольку сие никоим образом не соответствовало моим заслугам.

Вы просили меня принять, объясняя, что сие есть всего лишь начало, первая милость, не имеющая связи с моими услугами, что Вы уподобились арбалетчику, давшему промах, и что в следующий раз Вы попадете в цель, вознаградив мои заслуги. То, что было подарено, было подарено, и Вы желали, чтобы я сие принял. Так мы расстались, и я целовал руки Вашего Величества.

Не успел я повернуться спиной, как Вы лишили меня всего, что подарили мне. Что до Ваших обещаний, Ваше Величество, то Вы никогда их не выполняли. То были всего лишь слова. Разве я не достоин? Несмотря на препятствия, я никогда не переставал служить Вам и приумножать Ваши королевства. Отчего Вы не сдержали Ваших обещаний и отчего Вы забрали у меня то, что я имел? Заметьте, я не знаю, не было бы лучше для меня не иметь ничего. Дороже и сложнее защищаться от Ваших тиунов, чем завоевывать землю врагов. По крайней мере, мои тяготы и труды доставили мне одно удовлетворение – удовлетворение исполненного долга, без которого я не знал бы покоя в старости…

Я еще раз обращаюсь к Вам, Ваше Величество, дабы просить Вашей доброй милости созвать судей Совета Индий и судей других Советов, коим доверяете Вы управление Вашими королевствами и Вашу королевскую совесть. Не будет неподобающим испросить их мнения о милости, оказанной Вашим Величеством вассалу, одной малой части всего, что досталось Вашей королевской особе без малейшего труда, малейшей опасности, малейшей тревоги и малейших затрат и что не приносит ничего, кроме чистого дохода…

Сие было бы для меня благом великим, если бы Вы ответили мне в скором времени, ибо всякая задержка мне наносит вред. Пришло время мне вернуться домой, не по летам мне более бродяжить по постоялым дворам, мне предстоит очиститься перед Богом и уладить мои с ним счета, а сие дело долгое. Мне остается мало времени на покаяние. Но знайте, что я предпочту лишиться имения моего, нежели души моей.

Да хранит наш Господь Бог королевскую особу Вашего Величества и да приумножит Ваши королевства и государство по Вашему желанию, как Вам того будет угодно.

Вальядолид, 3 февраля 1544 года. Маркиз дель Балле».

Хуан де Самано, секретарь регента, положил письмо на стол. Глубоко вздохнув, он поднялся посмотреть в окно. Он не спрашивал себя, почему он ощутил вдруг такую подавленность, почему сердце забилось чаще и стало тяжело дышать. Он знал, что это его совесть противоречит государственным интересам. Со вздохом он вернулся на свое место и в левом углу письма наискось вывел: «Отвечать нет оснований».[239]

Смерть

Летом 1547 года Кортес почувствовал приближение смерти. В январе скончался Генрих VIII, 31 марта преставился Франциск I. Европейская сцена опустела. Франсиско де лос Кобос, бессменный министр Карла V и один из последних влиятельных людей при дворе, на которых Кортес мог положиться, отдал Богу душу в мае после мучительной агонии. Конкистадор превозмогал разочарование своим величием духа. Но, устав от приливов горечи, он пожелал окончить свои дни в Мексике и решил готовиться к отъезду. В августе он выехал из Мадрида в Севилью. Из-за секвестра его владений в Новой Испании он был вынужден влезть в долги. Чтобы добыть денег для сына Луиса, сопровождавшего императора в Германию в качестве пажа, и для оплаты плавания в Веракрус даже с ограниченной свитой, Кортесу пришлось заложить ценные вещи. Корона добилась, чего хотела: удушить маркиза, разорив его. Гордыня бедных не трогает всемогущих.

Эрнан с десятком человек домочадцев и прислуги остановился в доме недалеко от церкви Святого Марка. Здоровье его начало сдавать. Он жил только надеждой вновь увидеть Мексику и оставленных там дочерей. Эрнан укорял себя, что не выдал трех старших замуж, и обещал немедленно исправить это по своему возвращению. 10 октября его свалили простуда и тяжелый приступ дизентерии. Он решил продиктовать свое завещание. Два последующих дня Кортес, «страшась смерти», составлял завещание с помощью севильского нотариуса. Последняя воля Эрнандо Кортеса была для обыкновенного человека далеко не ординарна. Она подводила итог целой жизни. [240]

Прежде всего Кортес потребовал, чтобы его похоронили в Новой Испании в его собственном владении в Койоакане, там, где он был счастлив когда-то с Мариной. Это был крик души. Он желал, чтобы его тело соединилось с землей Мексики, которая стала его навечно. Кортес также сообщил о своем желании перенести к его могиле прах матери и сына Луиса, похороненных в Текскоко, и дочери Каталины, упокоившейся во францисканском монастыре в Куаугнауаке. Он почтил память отца, похороненного в Медельине, поминальными службами. Даже при смерти Кортес думал о семье.

Он уделил большое внимание должному завершению строительства госпиталя Иисуса-Младенца, также известного под названием госпиталь Непорочного Зачатия Божьей Матери. В своем владении в Койоакане он завещал возвести монастырь

кларисс – который так и не будет построен, и университет, в котором бы изучали «теологию, каноническое право и право гражданское, дабы Новая Испания имела собственных мужей ученых».[241] Этот проект зачах, встретив противодействие вице-королей, но заставил корону учредить несколько лет спустя университеты в Лиме и Мехико.[242]

Кортес заботливо устроил будущее своих оставшихся в живых девятерых детей, не различая их по рождению. Он установил для второго Мартина, как наследника майората, значительные финансовые обязательства перед его двумя братьями и шестью сестрами, которым полагалось приданое к свадьбам. Можно отметить особую нежность к старшей кубинке Каталине, но общим тоном оставалось полное равноправие. Зато для жены, донны Хуаны, нашлось всего несколько дышащих холодом строк: ей возмещались десять тысяч дукатов приданого.

Кортес не забыл о долгах и с поразительной живостью памяти составил список обязательств своих наследников. Кортес проявил особую заботу о Франсиско Нуньесе, своем кузене из Саламанки, его верном и неутомимом защитнике. Адвокат скончался за несколько месяцев до того, не успев получить все гонорары. Помимо платы за труды умирающий признавал свой моральный долг и просил от наследников уплатить вдове и семье покойного заслуженное вознаграждение.

Кортес, как щедрый господин, не забыл своих друзей, домочадцев и слуг, всех этих доверенных лиц, управляющих, ключников, дуэний, пажей и лакеев.

Наконец, он очистил свою совесть в отношении принадлежащих ему рабов, заметив, что в наступившей эпохе более нет уверенности в моральной обоснованности рабства и что его наследнику пристало следовать развитию мысли и подумать об их освобождении. Не исключено, что его посещали мысли о возвращении некоторых земель их законным владельцам и возмещении части дани, которая по прошествии времени казалась завышенной. Кортес был конкистадором, но искренне верующим человеком. Он был во власти религиозного мышления того времени, породившего гуманизм во искупление греха конкисты.

Растратив последние силы на составление завещания, разберединившего старые раны и подтолкнувшего его к могиле, Кортес решил оставить город: он более не хотел никого принимать и желал умереть в тишине. Его друг и дальний родственник Хуан Алонсо Родригес де Медина предоставил в его распоряжение домик в Кастильеха-де-ла-Куэста в окрестностях Севильи по другую сторону Гвадалквивира.[243] Конец был близок. Кортес оставил при себе только двух слуг, врача и

сиделку-целительницу, которую он выписал из Вальядолида. Рядом находился наследник, юный Мартин, достигший возраста пятнадцати лет. У изголовья постели находились два священника: францисканец Диего Альтамирано, кузен и соратник по конкисте, и настоятель соседнего монастыря.

Вся жизнь проходила теперь перед его глазами. Улыбка Марины, вечные снега на вершинах потухших вулканов, волны Южного моря, духота девственного леса, полумрак дворца в Койоакане заслонили собой лязг оружия, пыль маршей, ярость сражений, пролитую кровь и крики побежденных… Кортес прожил жизнь, какую хотел прожить. Что еще мог он пожелать в этом мире?

В ночь на пятницу 2 декабря 1547 года Кортес умер от истощения сил, спокойно, без хрипов агонии, под тяжестью шестидесяти двух лет жизни, прожитой в воде и огне, верхом на коне на просторах двух миров. Никто так и не узнал, успел ли он уладить свои счеты с Богом. В общей сложности он прожил в Испании двадцать восемь лет и тридцать четыре года провел на американской земле: пятнадцать лет на островах и девятнадцать – в Мексике. Кортес не успел снова пересечь море-океан. Он окончил свой путь там, где началась его жизнь конкистадора, – в Севилье. Круг завершился в Испании, в году трех тростинок по индейскому календарю.

ЭПИЛОГ
Заговор трех братьев (1547–1571)

Даже после смерти Кортес остался изгоем, но изгоем парадоксальным, каким и был всю свою жизнь. Преследования со стороны властей не смогли побороть ни его популярности, ни влияния. Вся кастильская знать, все высшее духовенство, все ученые друзья, писатели и философы собрались на его похоронах в монастыре Святого Франциска Севильского 15 декабря 1547 года. Кортес удостоился королевской церемонии, но королевская месть продолжала над ним тяготеть.

Его капеллан последних лет отец Франсиско Лопес де Гомара составил «Историю завоевания Мексики», которая явилась, по сути, биографией конкистадора. Изданная в Сарагосе в 1552 году, эта книга тотчас получила немалый успех. Но после того как три испанских издания разошлись всего за год, последовал королевский запрет. 17 ноября 1553 года принц Филипп, регент королевства, подписал указ о запрете книги.[244] Отныне надо было быть французом, итальянцем или англичанином, чтобы иметь возможность оценить жизнь Кортеса через труд Гомары, который за пределами Испании был переведен на четыре языка и выдержал шестнадцать изданий за пятьдесят лет. В Кастилии Кортес оказался в черном списке и оставался там вплоть до 1808 года!

Миф о Кецалькоатле

Столь яростное преследование испанскими властями умершего могло бы сегодня показаться патологией. Но все не так просто! Шло генеральное сражение за будущее монархии, а исчезновение с арены борьбы маркиза дель Балле не решало проблемы управления американскими владениями. У конкистадора осталась многочисленная армия сторонников как в Мексике, так и в Испании, францисканцы заняли прочные позиции, а замученные индейцы в ответ на разрастание бюрократической и чуждой колониальной администрации начинали идеализировать времена Кортеса. В довершение всего «новые законы», ущемлявшие интересы конкистадоров, были приняты испанскими пионерами в штыки. В Перу дошло до того, что в 1546 году Гонсало Писарро разбил в бою вице-короля Бласко Нуньеса Вела и приказал отрубить тому голову. По ту

сторону Атлантического океана император еще не выиграл партию.

Карл V отрекся от испанского престола 16 января 1556 года, приняв постриг в монастыре иеронимитов в Юсте. Его сын взошел на трон 28 марта того же года под именем Филиппа II. Он всегда доходил до крайности в своей политике, направленной против индейцев. Филипп II стал теоретиком испанизации. По его концепции испанцы должны были «облагородить» Индии, другими словами, заселить их, не смешиваясь с индейцами. Эта политика сегрегации, естественно, противоречила убеждениям Кортеса.

По всей вероятности, уже где-то в начале 1560-х годов сыновья Кортеса встали в оппозицию политике, проводимой Филиппом II в Новой Испании. Неизвестно, кто задумал этот проект восстановления власти Кортеса через трех его сыновей. Это могли быть и францисканцы, и первые мексиканские креолы. Нет никаких указаний, позволяющих определить, от кого исходила инициатива этого демарша. Но дети конкистадора стали душой «заговора». Таковы факты.

К 1560 году вице-король Луис де Веласко, сменивший на этом посту Мендосу, оказался в затруднительном положении. Будучи воинствующим приверженцем «*Nuevas Leyes*», он поссорился с потомками первых конкистадоров. Кроме того, он настроил против себя и всех францисканцев, приняв сторону доминиканцев и их предводителя Монтуфара, сектантски настроенного нового епископа Мехико. Хотя вице-король и принимал меры по защите индейцев, они не испытывали к нему никакой признательности, ежедневно сталкиваясь с политикой испанизации, проводившейся Филиппом II. В условиях роста всеобщего недовольства, лишенный поддержки масс, Веласко стал объектом нападок членов Аудиенции, желчно доносивших о своей обеспокоенности Совету Индий. Король принял решение, что отныне делами Новой Испании вице-король и Аудиенция будут управлять совместно. С каждым днем страсти накалялись, и исполнительная власть была парализована.

При сложившихся обстоятельствах мексиканские оппозиционеры разработали сценарий выхода из кризиса. Если они являются духовными наследниками Кортеса, то почему бы им не обратиться к его потомственным наследникам и не захватить власть? Заговорщики распределили обязанности: францисканцы берут под контроль индейцев, креолы уговаривают Луиса и двух Мартинов вернуться в Мексику, а остальные занимаются поиском союзников в Совете Индий. Предполагалось с большой помпой встретить возвращение плоти от плоти Кортеса в Новой Испании.

Францисканцы приняли самое оригинальное участие в этом тщательно подготовленном заговоре. Они придали ему воистину божественный размах! Некоторые из монахов стали в силу обстоятельств большими знатоками древних идолов. Общаясь с индейцами, они в скором времени приобрели глубокие знания о верованиях, ритуалах и церемониях доиспанского периода. Среди главных этнографов цивилизации науа, встречавшихся с Кортесом, выделялись такие имена, как д'Ольмос, де Мотолиния и де Саагун. Возможно, именно последний «изобрел» знаменитый миф о возвращении Кецалькоатля, на который впоследствии было потрачено столько чернил.

В пантеоне ацтеков имелось любопытное божество Кецалькоатль – Змей с зелеными перьями. Этот Кецалькоатль ассоциировался с планетой Венерой, имеющей странный цикл: она видна вечером, затем исчезает, появляется на заре как утренняя звезда, снова исчезает и вновь появляется уже как ночная звезда. Этот цикл смерти и возрождения, эта смена дня и ночи придавали Кецалькоатлю цикличный характер, полный исчезновений и возвращений. Эти мифические черты и подсказали неизвестному толкователю мысль связать образ Кецалькоатля с Кортесом. Францисканцы применяли высокоэффективную практику едва прикрытого синкретизма. Так, в 1531 году Дева Мария заменила собой древнюю богиню Тонацин, «Нашу Мать», в соборе Божьей Матери Гваделупской в Тепейаке.

Поскольку в характере Змея с зелеными перьями было уезжать и возвращаться и по науанскому мифу в последний раз его видели на востоке, на берегу «небесной воды», не составляло никакого труда представить Кортеса, прибывшего морем со стороны восходящего солнца, реинкарнацией древнего индейского божества. Эта реконструкция мифа, видимо, была осуществлена спустя более сорока лет после конкисты, когда из ее участников в живых не оставалось уже почти никого! Обожествление Кортеса стало возможным, поскольку героические времена его Пребывания в Мексике относились теперь индейцами к очередному циклу.[245] Но на самом деле тайный труд францисканцев над мифом о Кецалькоатле был нацелен не столько на индейцев, сколько на креолов, нуждавшихся в легенде об их происхождении. Представить Кортеса воплощением ацтекского бога, пришедшего вернуть себе свои владения, значило узаконить присутствие первых испанцев. Кортес уже не был завоевателем-чужестранцем, уничтожившим исконную цивилизацию, а стал индейцем среди индейцев, вернувшимся к своему народу после долгих странствий. Переработанная версия

мифа, в которой личность Кортеса смешивалась с фигурой Кецалькоатля, имела такой успех, что и сейчас составляет неотъемлемую деталь примитивно-вульгарных рассказов о конкисте.

Путч креолов

В это время сыновья Эрнана Кортеса проживали в Испании. Неизвестно, при каких обстоятельствах они сумели объединиться, но с лета 1562 года три сводных брата – у всех были разные матери – делали общее дело. В середине августа они все вместе сели на корабль и отправились в страну, где появились на свет. Они довольно тщательно подготовили свою операцию. Братья располагали союзником в Совете Индий в лице Херонимо де Вальдеррама. Этот оборотистый человек добился собственного назначения контролером – визитадором в Новую Испанию для сбора налогов, которые задолжал вице-король Веласко. Перед отъездом Мартин, второй маркиз дель Валле, тайно отдал все необходимые распоряжения о доставке в Мексику гроба с прахом отца. Кортес был временно захоронен в личной нише герцога Медины Сидонии в церкви при монастыре Сан-Исидро-дель-Кампо маленького городка Сантипонса совсем недалеко от Севильи. Политическая ситуация в Новой Испании не позволяла сыну до той поры исполнить последнюю волю отца. Теперь он мог отдать свой последний долг.

Трое сыновей конкистадора росли при дворе и получили воспитание, достойное принцев крови. Старший, Мартин, сын Марины, прожил в Испании уже тридцать четыре года, там же женился, имел сына, названного Эрнандо. Луис и второй Мартин не были в Мексике с 1540 года. Маркиз женился на одной из своих двоюродных сестер Анне Рамирес де Арельяно, которая родила ему сына, тоже Эрнандо.

В начале октября корабль Кортесов бросил якорь в Кампече. Их тепло встретил Франсиско де Монтехо, сын соратника Кортеса по конкисте. Аделантадо Юкатана вместе с ними вспоминал о главнокомандующем, которого сопровождал в походе на Лас-Гибуэрас. Разговор велся вокруг ситуации в Новой Испании. В эти дни маркиза подарила мужу второго сына, Иеронимо.

Второй маркиз дель Балле вступил в Мехико 17 января 1563 года. Он повторил путь своего отца, следуя через Тласкалу и Чолулу. Идея восстановления власти Кортеса прельстила жителей столицы, и они собирались толпами вокруг трех братьев. После недолгого колебания Веласко начал войну. Снова зависть

затуманила разум вице-короля. Он добивался от Филиппа II запрета печати Мартина Кортеса, на которой тот всего лишь приказал выгравировать свой титул маркиза. Но над Веласко сгущались тучи: в июле 1563 года в Мехико прибыл визитадор Вальдеррама.

Братья отказались присоединиться к кортежу вице-короля. Выступив открыто против королевской политики, Мартин опередил Веласко и встретил Вальдерраму на дороге из Ицтапалапы со штандартом своего отца. Разгневанный Веласко оскорбил Мартина в присутствии визитадора. Он указал на то, что никто не смеет подменять герб и знамя короля и что он единственный законный представитель власти. В ответ Вальдеррама остановился в доме Мартина Кортеса. Тут и там индейцы поднимали восстания против королевской политики, как, например, престарелый правитель Тегуантепека Косихопии, принявший при крещении имя Хуан Кортес.

31 июля 1564 года скончался Луис де Веласко, отстраненный от должности Вальдеррамой. Власть временно перешла к Аудиенции. Спустя время, требовавшееся для соблюдения приличий, городской совет Мехико предложил испанскому королю в письме от 31 августа упразднить должность вице-короля и заменить ее двойственной структурой из губернатора и главнокомандующего. В этой петиции заключался отказ от самого принципа абсолютистского правления, установленного в 1542 году Карлом V, и явно выражалась поддержка маркизу дель Балле. На пост губернатора и верховного судьи члены городского совета Мехико предлагали кандидатуру Вальдеррамы, а должность главнокомандующего отводили Мартину Кортесу.

Возьмет ли Эрнан посмертный реванш? Его идеи могли вот-вот восторжествовать. Мексика поднималась против Испании, готовая к столкновению. В течение всего 1565 года шла борьба между Аудиенцией, преданной королю и враждебной индейцам, и сторонниками детей Кортеса, в рядах которых перемешались францисканцы, индейцы и креолы во главе с сыновьями Гиля Гонсалеса де Авилы. Вокруг лагеря Кортесов вились оппортунисты и вечные смутьяны. Все подталкивали Мартина взять власть в свои руки. Но сыну было далеко до отца. Он колебался, уклонялся и выжидал. Время шло. Заговорщики устали ждать. Некоторые с досады оставляли лагерь маркиза. Вальдеррама, сделавший все, чтобы открыть детям Кортеса путь к власти, был отозван и покинул Новую Испанию в январе 1566 года. Прах конкистадора, возвращение которого должно было возвестить о начале нового режима, по-прежнему оставался в Севилье. Тщательно разработанный план растворился в

растраченном времени, подвергая участников угрозе репрессий.

5 апреля сын Веласко письменно разоблачил заговор, но Аудиенция повела себя столь же нерешительно, как и Мартин; был назначен новый вице-король, а члены Аудиенции не могли решить, на чью сторону встать. В это время супруга Мартина родила двойню. Младший маркиз неосознанно отпраздновал крещение с отцовской пышностью: 30 июня собор Мехико стал сценой спектакля, поставленного с нарочитой роскошью. Сторонники Кортеса торжествовали победу. По крайней мере, им казалось, что они победили.

16 июля 1566 года Мартин был вызван на заседание правительства Новой Испании и был арестован Цейносом, председателем Аудиенции. Это было началом масштабной полицейской операции, в ходе которой были задержаны все оппозиционеры. Луис и Мартин, сын Марины, были брошены в тюрьму в тот же день. В камере к ним присоединились прочие видные заговорщики общим числом около шестидесяти. Суд был скорым, и приговора долго ждать не пришлось: смертная казнь для двух сыновей-метисов Кортеса и двух братьев Авила. 3 августа Гиль и Алонсо де Авила были обезглавлены на главной площади Мехико; их дома были разрушены, а земли засеяны солью. Имя Кортеса напоминало теперь лишь о проигранном деле.

Францисканцы дорого поплатились за участие в противостоянии с короной на стороне независимой и креольской Мексики. В 1565 году архиепископ Монтуфар лишил орден церковных привилегий, пожалованных братьям в 1522 году. Король запретил всякую деятельность монахов, направленную в защиту интересов коренного населения. Совет Индий воспрещал им печатать книги, имеющие отношение к индейцам. У францисканцев отняли смысл жизни.

Но история повторилась, как в хорошо поставленной трагедии наступает неожиданный театральный финал: 17 сентября 1566 года в Веракрусе высадился новый вице-король Гастон де Перальта. Едва ступив на берег, представитель испанского короля приостановил все судебные процессы. Он не спешил в Мехико, собирал информацию, изучал настроения. Месяц спустя прибыв в столицу Новой Испании, он отозвал войска, мобилизованные Аудиенцией, вернул пушки в арсеналы и отменил принятые ею параноидальные меры безопасности. Ко всеобщему удивлению, Перальта оказался сторонником Кортеса! Он воспротивился конфискации имущества маркиза, которой требовал Филипп II, достойный сын своего отца. Вице-король отменил смертный приговор двум старшим братьям, затем

отклонил обвинения следователей одно за другим. Но вице-король поддержал сыновей Кортеса только потому, что почувствовал ауру, все еще окружавшую конкистадора даже спустя двадцать лет после его кончины. Планы бюрократов и налоговые ожидания королевских казначеев столкнулись с реальностью: Мексика, такая, какой ее создал Кортес, не являлась ни копией, ни частью Испании. Это была совершенно другая страна, со своей самобытностью, своей территорией, жителями и цивилизацией с трехтысячелетней историей.

Конец утопии

Филиппом II овладел страх. Он даже послал наемных убийц. Но осторожный вице-король Перальта счел более правильным экстрадировать маркиза и его брата Луиса в Испанию, чем спас им жизнь. В апреле 1567 года братья оставили Мексику и вскоре предстали перед Советом Индий. Из трех назначенных королем визитадоров только двое добрались до Веракруса живыми: Алонсо Муньос и Луис Карильо. Прибыв в Мехико 11 ноября, они отстранили от должности вице-короля за его потворство сторонникам Кортеса и францисканцам. Опираясь на доминиканцев, аппарат инквизиции и королевских казначеев, Муньос повел себя как настоящий тиран. Он снова арестовал всех участников заговора и устроил над ними суд скорый и неправый. В январе 1568 года посыпались смертные приговоры, отличавшиеся только способом приведения в исполнение: повешение, обезглавливание, четвертование, колесование… 8 января сын Марины был подвергнут зверским пыткам и смог их вынести исключительно благодаря природному здоровью. Он был виноват только в том, что родился сыном Кортеса, и к тому же метисом. Муньос нашел меру воздействия против тех, кого не мог казнить: изгнание из Новой Испании. Перед высылкой в Кастилию они должны были уплатить штраф в звонкой монете, все их имущество конфисковывалось, как и у казненных. Метисы и креолы покидали Мексику, их владения переходили в новые руки, мечта Кортеса рассыпалась в прах.

Останки Эрнана Кортеса в конце концов достигли Новой Испании, но уже слишком поздно. В июле 1566 года, когда гроб с прахом конкистадора выгружали в Веракрусе, его трое сыновей томились в тюрьме. Событие, которым должно было стать это возвращение, уже не отвечало изменившейся обстановке.

Как и в 1530 году, когда Кортесу запретили находиться в Мехико и он был вынужден укрыться в Текскоко, его останки

также оказались изгнанными за ворота столицы. Его без лишней огласки похоронили во францисканском монастыре Текскоко рядом с матерью и безвременно усопшим сыном. Кортес оставался изгоем, а слава его была забыта.

Совет Индий выработал тот же подход, что и Муньос: память о Кортесе было необходимо искоренить. Мартин и Луис были отправлены воевать с берберами, маркграфство Кортеса конфисковали, а маркиза заставили выплатить сто пятьдесят тысяч дукатов «залога». Корона разорила наследников маркиза дель Валле, чтобы больше никто в Новой Испании не мог соперничать с королевской властью. Францисканцы напрасно возродили миф о Кецалькоатле: ни Кортес, ни пернатый Змей не пришли вернуть себе власть над Мексикой. Официальные запреты контрастировали с крепнувшей легендой. Память о конкистадоре ожила в двух новых летописях: хронике Франсиско Сервантеса де Салазара, составленной в Мехико в 1566 году, и труде Берналя Диаса дель Кастильо, начатом в Сантьяго в Гватемале и завершенном в 1568 году. Обе рукописи были тайно помещены в архив, как и все хроники францисканцев об индейцах. Труды д'Ольмоса, де Мотолинии и де Саагуна так и не были опубликованы. Хотя апостолические привилегии францисканцев были восстановлены папой Пием V в 1567 году, уже в 1572 году орден полностью утратил свою независимость. Монахи были наказаны за преданность индейцам, защиту языков коренного населения и интерес к доиспанской истории.

4 ноября 1571 года на торжественной мессе в кафедральном соборе Мехико собрались вице-король Энрикес, сменивший Перальту, члены Аудиенции, королевские чиновники, церковный клир, городские власти и толпа простых людей, как всегда, собиравшаяся по праздникам. Молодой священник зачитал с кафедры королевский указ о назначении Педро Мойя де Контрерас великим инквизитором Новой Испании. Эдикт требовал поклясться выдавать святой инквизиции всех лиц, заподозренных в ереси. Все поднялись, подняли правую руку и крикнули: «Клянусь!» Спустя полвека после конкисты на развалинах главного храма ацтеков обосновалась инквизиция. Она пролила реки крови на индейской земле, где практически все население составляли новообращенные. Король применил террор. Мечты францисканцев, метисская утопия Кортеса были уничтожены железной рукой. Потемнело небо над Мексикой Мотекусомы и Марины. В наступившей ночи светились холодным светом равнодушные звезды. Кортес стал не более чем легендой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Однажды в Мехико к Кортесу обратился отец Бартоломе де Лас Касас. Он укорил конкистадора за то, что тот захватил в плен Мотекусому и завладел его королевством. Кортес окинул взглядом священника и, смотря ему прямо в глаза, ответил: «Тот, кто не входит через дверь, есть вор и разбойник».[246]

В этой реплике весь Кортес. Его находчивость была всем известна, но он никогда ничего не говорил ради красного словца. Кортес намеренно ответил на латыни, разрушив тем приписываемый ему образ грубого и неотесанного солдафона. Обращаясь к священнику, он цитирует Священное Писание, в данном случае Евангелие от Иоанна. Эрудированность была мощным оружием Кортеса, умевшего найти общий язык с любым собеседником и вести игру на любой площадке, в том числе и на привычной для противника. По своему обыкновению, он играет в двух регистрах. Вне контекста эта фраза передает одновременно амбициозность и обезоруживающую прямоту, свойственные губернатору Новой Испании. Но она несет в себе и скрытый смысл, поскольку адресована тому, кто знает продолжение цитаты. Кортес недоговаривает вторую часть притчи святого пастыря: «Тот, кто входит через дверь, – добрый пастырь своим овцам… Я добрый пастырь, я знаю своих овец, и мои овцы знают меня». Так говорил Иисус. Так говорил Кортес, указывая на свою заботу об индейцах и взаимное понимание между ним и мексиканским народом.

Привязанность индейцев действительно поражает и сбивает с толку даже пять столетий спустя. Было бы намного проще представить два противостоящих лагеря. Хорошие и плохие. Побежденные и победители. Намного проще противопоставить созидательную культуру и разрушительную алчность, свободу и алчность, индейцев и испанцев. Но Кортес не укладывается в эти стереотипы. Кортес не был обыкновенным завоевателем. Перед нами психологически сложная, неординарная личность, мечтатель, опередивший свое время. Эрнан Кортес принадлежал сразу обеим противоборствующим сторонам. Всю жизнь и даже после смерти его будут преследовать обвинения из одного и другого лагеря в отсутствии приверженности ценностям группы. Но Кортес был создателем новой цивилизации. Его ответ Лас Касасу свидетельствует об уверенности в своей исторической правоте. Однако признание придет к нему еще не скоро.

В 1629 году отношение властей к Кортесу и его наследию, по-видимому, несколько смягчилось. 30 января в Мехико скончался,

не оставив потомства, дон Педро Кортес, правнук конкистадора и четвертый маркиз дель Валле. По этому случаю тогдашний вице-король[247] по договоренности с архиепископом Мехико решил захоронить останки Эрнандо Кортеса рядом с прахом его последнего потомка по прямой линии в церкви монастыря Святого Франциска в столице Новой Испании. Торжественность церемонии явилась в некотором роде данью уважения к памяти бывшего главнокомандующего, но вместе с тем и глубоким облегчением для испанских властей, уверенных, что теперь-то Кецалькоатль уже никогда не возродится. Полузабытый Кортес обрел покой в своем последнем пристанище.

Но в 1749 году конкистадор был вызван из небытия мадридским издателем, осмелившимся опубликовать три реляции – «*Cartas de relacion*», запрещенные в 1527[248] году. Естественно, их всего лишь тихой сапой включили в сборник статей, но впервые был нарушен официальный запрет. Затем пришлось ждать, чтобы отголоски французской революции докатились до Мексики. Тогда только в мышлении властей произошли наконец положительные изменения. Вероятно, вице-король Хуан Виченте де Гюйемес подпал под влияние просветителей, осознал архаичность колониальной системы, которую представлял, а может, сказалось еще и то, что он был родом из Гаваны, но так или иначе вице-король решил вернуть мексиканцам Кортеса. С конца 1789 года он трудился над проектом сооружения роскошного мавзолея, в котором бы упокоился прах мексиканского национального героя. Вице-король заказал памятник Кортесу у модного в то время архитектора. Бюст конкистадора должен был изваять знаменитый скульптор Мануэль Тольса, директор Академии Сан-Карлос. По распоряжению вице-короля для хранения праха Кортеса была изготовлена хрустальная урна. Гюйемес желал устроить мавзолей в церкви, примыкавшей к госпиталю Иисуса, построенному точно на том самом месте, где произошла первая встреча Кортеса и Мотекусомы. Если забыть о Койоакане, это место лучше всего отвечало духу завещания Кортеса.

8 ноября 1794 года весь Мехико собрался на торжественной реингумации Кортеса. Как ацтеки после смерти возвращались путем, проделанным их предками на заре времен, так и Кортес продолжил свое посмертное путешествие, в котором, как в зеркале, отразились его странствия при жизни. Склепы Севильи, Текскоко и монастыря Святого Франциска стали последними остановками его кочевой жизни, линия которой прошла через Медельин, Санто-Доминго, Сантьяго, Веракрус, Мехико, Лас-Гибуэрас, Куэрнаваку и Калифорнию.

Вице-король Гюйемес понял суть жизни Кортеса и устроил праздник в честь встречи двух миров. Он отменил празднование *Pendon de San Hipolito*, отмечавшегося ежегодно 13 августа в память о падении Теночтитлана и победы испанцев. Церемония открытия мавзолея при госпитале Иисуса началась с клятвы брата Сервандо Тереза де Мьер, ставшей первой официальной речью в честь символа независимости.[249]

В 1808 году Пиренейский полуостров наводнили войска Наполеона и королем Испании был провозглашен Жозеф Бонапарт. Его первым шагом было упразднение инквизиции. 16 сентября 1810 года в Долорес кюре Идальго бросил грито – призыв к восстанию против испанского присутствия. Началась борьба за независимость Мексики. Она была официально провозглашена в 1821 году, вызвав волну освободительного движения по всей Америке. Казалось, что настал час славы Кортеса. Но по капризу судьбы, непредсказуемому повороту событий его снова ожидали гонения. Молодая Мексиканская республика решила доказать свою самостийность, демонстрируя враждебность всему испанскому. Кортес как самый первый испанский завоеватель был обвинен во всех грехах. Его выставляли символом позорного подчинения, агентом ненавистной колонизации. Двойственность имеет свои минусы. В то неспокойное время многогранность конкистадора заслонили накалившиеся страсти. Кортеса занесли в список обвиняемых. Некоторые депутаты требовали снести мавзолей. На 16 сентября 1823 года, в день национального праздника, намечалось разграбление могилы и сожжение останков Кортеса на площади в Сан-Лазаро. После книг настал черед костей. Последняя вспышка угасавшей инквизиции.

Но, как и всегда, Кортеса выручила поддержка высокопоставленных покровителей. Лукас Аламан, первый из трех министров правительства той поры, ночью 15 сентября тайно заперся в церкви госпиталя Иисуса. В вырытой на скорую руку яме под главным алтарем он спрятал урну с прахом Кортеса. Деревянная кафедра скрыла следы ингумации. Министр Аламан захватил с собой бронзовый позолоченный бюст Кортеса, который скульптор наградил профилем римского императора, и снял герб конкистадора. На следующий день мавзолей был разрушен. Бюст министр отправил в Палермо, где жил герцог де Терранова, последний дальний потомок Эрнана Кортеса. Поговаривали, что в Италии оказалась и урна с прахом.

Но Кортес покоился в Мехико, перейдя на нелегальное положение. В 1836 году Мексика установила с Испанией дипломатические отношения. Аламан, единственный, кто знал

секрет могилы конкистадора, в строжайшей тайне провел перезахоронение. Временную могилу, отрытую наспех в сырой земле церкви, сменила открытая ниша в стене хоров на высоте глаз человека, с левой стороны от алтаря. Министр приказал запечатать нишу так, чтобы она была невидна. Четыре свидетеля этой операции поклялись хранить все в тайне.

Аламан все же проявил осмотрительность, зафиксировав точное месторасположение захоронения в нотариальном акте.[250] По-видимому, он передал копии этого документа всем членам нового испанского посольства в Мексике. Этот документ, составленный в 1836 году, вновь вышел на свет только сто десять лет спустя при темных обстоятельствах. Ученые проверили записи протокола, составленного Аламаном. Останки Кортеса не покидали тайной ниши. 9 июля 1947 года после анализа они были захоронены в том же месте. Рядом с нишей была помещена простая бронзовая табличка[251] с полуиспанским, полунауанским гербом Кортеса над его именем и годы жизни: «1485–1547».

Во времена своего величия ацтеки усыпали пол главного храма дорогими дарами, которые скрепляли их союз с землей и демонстрировали их власть над страной. Вот так же и история упокоила завоевателя Мексики, завершившего свою одиссею в двух мирах, рядом с правителями Анауака, в тишине церкви, сложенной из камней древней пирамиды.

БИБЛИОГРАФИЯ

Acosta, Joseph de. Historia natural y moral de las Indias (1590). Vexico, Fondo de cultura económica, 1962.

Aguilar, Francisco de. Relación breve de la conquista de la Nueva España (1565). Mexico, UNAM, 1977.

Amez Prieto, Hipólito. La provincial de San Gabriel de la Descalcez franciscana extremeña. Guadalupe, Ediciones Guadalupe, 1999.

Anales de Tlatelolco. Mexico Antigua Librería Robredo. 1948.

Anglería, Pedro Mártir de. Décadas del Nuevo mundo (1508–1526). Santo Domingo, Sociedad dominicana de bibliófilos, 1989, 2 t.

Argensola, Bartolomé Leonardo de. La conquista de México (1663). Edition de Joaquín Ramírez Cabanas, México, Ed. Pedro Robredo, 1940.

Arregui, Domingo Lázaro de. Descripción de la Nueva Galicia. Guadalajara, Gobierno del Estado de Jalisco, 1980.

Ayala Martínez, Carlos de. Las órdenes militares en la Edad Media. Madrid, Arco Libros, 1998.

Baudot, Georges. Utopie et histoire au Mexique. Les premiers chroniqueurs de la civilization mexicane (¡520—1565., Toulouse, Privât, 1977.

Benitez, Fernando. La ruta de Hernán Cortés. Mexico, Fondo de cultura económica, 1950.

Bernard, Carmen, et Gruzinski, Serge. Histoire du Nouveau Monde, Paris, Fayard, t. I, 1991; t. II, 1993.

Blázquez, Adrián, et Calvo, Thomas. Guadalajara y el Nuevo mundo. Ñuño Beltrán de Guzmán: semblanza de un conquistador. Guadalajara, Institución provincial de cultura «Marqués de Santillana», 1992.

Borah, Woodrow et Cook, Sherburne F. The Aboriginal Population of Central Mexico on the Eve of the Spanish Conquest. Berkeley, The University of California Press, 1963.

Borgia Steck, Francisko. El primer colegio de América. Santa Cruz de Tlatelolco. Mexico, Centro de estudios históricos franciscanos, 1944.

Cabeza de Vaca, Alvar Núñez. Naufragios y relación de la jornada que hizo a la Florida (1552), Madrid, Ediciones Atlas, Biblioteca de autores españoles, t. XXII, 1946; Naufrages et Commentaires. Paris, Fayard, 1980.

Cadenas y Vicent, Vívente de. Carlos I de Castilla, señor de las Indias. Madrid, Hidalguía, 1988.

Cantón Navarro, José. Historia de Cuba. La Habana, Editorial SI-

MAR, 1996.

Casas, Fray Bartolomé de las. Tradados (1552–1553), Mexico, Fondo de cultura económica, 1965–1966, 2 tomes.

Casas, Fray Bartolomé de las. Apologética Historia Sumaria. Mexico, UNAM, Instituto de Investigaciones Históricas, 1967, 2 tomes.

Casas, Fray Bartolomé de las. Historia de las Indias (1561). Mexico, Fondo de cultura económica, 1951, 3 t.

Cervantes de Solazar, Francisco. Crónica de la Nueva España (1559–1566). Mexico, Porrúa, 1985.

Chaunu, Pierre. Conquête et exploitation des nouveaux mondes. Paris, PUF, 1969.

Chaunu, Pierre, et Escamilla, Michèle. Charles Quint. Paris, Fayard, 2000.

Chevalier, François. La Formation des grands domaines au Mexique. Terre et société aux XVIe et XVIIe siècles. Paris, Institut d'ethnologie, 1952.

Chimalpahin Cuauhtlehuanitzin. Don Francisco de San Antón Muñón, Relaciones originales de Chalco Amaquemecan. Mexico, Fondo de cultura económica, 1965.

Clavjero, Francisco Javier, historia Antigua de México, Mexico, Porrúa, 1979.

Códice Chimalpopoca. Содержит Anales de Cuauhtitlan и Leyenda de los Soles. Перевод с науатля на испанский язык, вступление и примечания Primo Feliciano Velazquez. Mexico: Unam, 1975.

Colón, Hernando. Vida del Almirante don Cristóbal Colón. Редакция, пролог и примечания Ramón Iglesia, Mexico, Fondo de cultura economic, 1947.

Conquistador anonyme, Le. Перевод Jean Rose, México, IFAL, 1970.

Cook, Sherburne F., et Borah, Woodrow. The Indian Population of Central México. 1531–1610, Berkeley and Los Angeles, The University of California Press, 1960.

Cortés Hernán. Cartas y documentos. Mexico, Porrúa, 1963.

Cortés Hernán. Cartas de relación. Mexico, Porrúa, 1976.

De rebus gestis Ferdinandi Cortesii. Текст на латыни и перевод на испанский язык Joaquín García Icazbalceta. Colleción de documentos para la historia de México. Mexico, Porrúa, 1971, t. I, p. 309–357.

Díaz, Juan. Itinerario de Grijalva. (1518). Перевод с итальянского Joaquín García Icazbalceta, Colleción de documentos para la historia de México, Mexico, Porrúa, 1971, t. I, p. 281–308.

Díaz del Castillo, Bemal. Historia verdadera de la conquista de la Nueva España (1568). Вступление и примечания Joaquín Ramírez

Cabanas, Mexico, Porrúa, 1980.

Dobal, Carlos. Santiago en los albores del siglo XVI. Santo Domingo, UCMM, 1985.

Documentos cortesianos. México, UNAM-Fondo de cultura económica, 1990–1992, 4 tomes.

Duran, Fray Diego. Historia de las Indias de Nueva España e Islas de la Tierra Firme (1581). Под редакцией Angel María Garibay K., Mexico, Porrúa, 1967, 2 т.

Duverger, Christian. La Fleur létale. Economie du sacrifice aztèque. Paris, Ed. du Seuil, 1979.

Duverger, Christian. L'Origine des Aztèques. Paris. Ed. du Seuil, 1983.

Duverger, Christian. La Conversion des Indiens de Nouvelle-Espagne. Paris. Ed. du Seuil, 1987.

Feest, Christian F. Vienna's Mexican Treasures. Vienne, Museum fur Volkerkunde, 1990.

Florescano, Enrique. Memoria mexicana. Mexico, Joaquín Mortiz, 1987.

Florentine Codex. General History of the Things of the New Spain. Fray Bernardino de Sahagún, текст на нагуатле и перевод на английский язык Charles E. Dibble и Arthur J.O.Anderson, Santa Fe, New México, University of Utah and School of American Research, 1950–1974, 13. т.

Fuentes Mares, José. Cortés, el hombre. Mexico, Grijalvo, 1981.

García Icazbalceta, Joaquín. Bibliografía mexicana del siglo XVI. Catálogo razonado de libros impresos en México de 1539 a 1600. Mexico, Fondo de cultura económica, 1954.

García Icazbalceta, Joaquín. Don Fray Juan de Zumárraga, primer obispo y arzobispo de México (1881). Mexico, Porrúa, 1947, 4 т.

García Icazbalceta, Joaquín. Colección de documentos para la historia de México (1858–1866). Mexico, Porrúa, 1971, 2 т.

García Icazbalceta, Joaquín. Nueva Colección de documentos para la historia de México (1886–1892). Mexico, Chaves Hayhoe, 1941–1944, 5 т.

García Sánchez, Francisco. El Medellín extremeño en América. Medellín, 1992.

García Sánchez, Francisco. La condesa de Medellín, Doña Beatriz de Pacheco. Medellín, 1997.

García Sánchez, Francisco. El castillo de Medellínn. Medellín, 2000.

Garcilaso de la Vega, Inca. Commentaires royaux sur le Pérou des Incas (1609–1617). Paris, Maspero, 1982, 3 т.

Gomara, Francisco López de. Historia de la conquista de México (1552). Mexico, Porrúa, 1997.

Gonzáles Aparicio, Luis. Plano reconstructivo de la région de Tenochtitlan. Mexico, INAH, 1980.

Graulich, Michel. Montezuma. Paris, Fayard, 1994.

Gutiérrez Contreras, Francisco. Hernán Cortés. Barcelona, Salvat, 1986.

Gutiérrez Escudero, Antonio. América: descubrimiento de un mundo nuevo. Madrid, Ediciones Istmo, 1990.

Heers, Jacqques. Cristophe Colomb. Paris, Hachette, 1981.

Herrera, Antonio de. Historia general de los hechos de los castellanos en las islas y tierra firme del mar Océano (1601–1615). Décadas II a V. Madrid, Academia Real de la Historia, 1935.

Hosotte, Paul. La Noche Triste. (1520), Paris, Económica, 1993.

Hosotte, Paul. Le Siège de México (1521). Paris, Económica, 1993.

Ixtlixochitl, Fernando de Alva. Obras históricas. México, UNAM, 1975, 2 т.

Lamb, Ursula. Frey Nicolas de Ovando, gobernador de las Indias, Madrid, 1956.

Landa, Fray Diego de. Relación de las cosas de Yucatán (1566), introduction de A.M. Garibay, Mexico, Porrúa, 1966.

Lévine, Daniel (dir.). Amérique, continent imprévu, Paris, Bordas, 1992.

Lévine Danier. Le Grand Temple de México, du mythe à la realité: l'histoire des Aztèques entre 1325 et 1521. Paris, Ed. Artcom', 1997.

Lienzo de Tlaxcala, édition d'Alfredo Chavero (1892); rééd., Mexico, Editorial Cosmos, 1979.

Madariaga, Salvador de. Hernán Cortés. Paris, Calmann-Levy, 1953.

Marineo Sículo, Lucio de. Don Fernando Cortés marqués del Valle (1530), редакция и вступление Miguel Leon-Portilla in Historia 16, Madrid, апрель 1985, № 19, стр. 95—104.

Martínez, José Luis. Hernán Cortés. Mexico, Unam-Fondo de cultura económica, 1990.

Mártir, PedroxM. Angleria.

Matos Moctezuma, Eduardo. Vida y muerte en el templo Mayor. Mexico, Ed. Océano, 1986.

Matrícula de tributos. Cod. 35–52 du Musée-nationale d'anthropologie et d'histoire de México, Graz, Akademische Druck– u. Verlagsanstalt, 1980.

Mendieta, Fray Gerónimo de. Historia eclesiástica indiana. Mexico, Porrúa, 1980.

Motolinia, Fray Torbio de Benavente. Historia de los Indios de la Nueva España, подготовлено к печати Edmundo O'Gorman, Mexico, Porrúa, 1979.

Muñoz Camargo, Diego. Historia de Tlaxcala (1576). Mexico, Editorial Innovación, 1978.

Orozco y Bierra, Manuel. Historia antigua y de la conquista de México. Mexico, Porrúa, 1960, 4 т.

Oviedo y Valdes, Gonzalo Fernández de. Historia general y natural de las Indias y tierra firme del maro Océano (1535–1556). Madrid, Ediciones Atlas, 1959.

Pereyra, Carlos. Hernán Cortés (1931); Mexico, Porrúa, 1971. Pomar, Juan Bautista. Relación de Tezcoco. Mexico, Salvador Chavez Hayhoe, 1941.

Porras Muñoz, Guillermo. El gobierno de la ciudad de México en el siglo XVI. Mexico, UNAM, 1982.

Prescott, William H. Historia de la conquista de México. Publicaciones del Archivo general y público de la Nación. V. I. P. 1910.

Puga, Vasco de, Cédulario. Provisiones, cédulas, instrucciones de Su Majestad, ordenanzas de difuntos y audiencia para la buena expedición de los negocios y administración de justica y governación de esta Nueva España, y para el buen tratamiento y conservación de los indios desde el ano de 1525 hasta este presente de 63, Mexico, Ed. El sistema postal, 1879.

Quiroga, Vasco de. La Utopía en América (Ecrits 1531–1565). Madrid, Historia 16, 1992.

Relación de la salida que don Hernando Cortés hizo de España para las Indias la primera vez, в Documentos cortesianos, México, UNAM-FCE, 1992. V. IV, P. 433–438.

Relación de Michoacán, Madrid, Historia 16, 1989.

Ricard, Robert. La «Conquête spirituelle» du Mexique. Paris, Institut d'ethnologie, 1933.

Rios Mazcarelle, Manuel. Isabel I de Castilla. La reina católica. Madrid, Alderaban, 1996.

Riva Palacio, Vicente. México a travers de los siglos. México, Compañía general de ediciones, 1952.

Sahagún, Fray Bemardino de. Historia general de las cosas de Nueva España. Mexico, Porrúa, 1975.

Sepúlveda, Juan Gínes de. Tratado sobre las justas causas de la guerra contre los indios, Mexico, Fondo de cultura económica, 1979.

Solís, Antonio de. Historia de la conquista de México (1684). Mexico, Editorial Cosmos, 1977.

Sotomayor, Arturo. Cortés según Cortés. Mexico, Editorial Extemporáneos, 1986.

Soustelle, Jacques. La Vie quotidienne des Aztèques à la veille de la conquête espagnole. Paris, Hachette, 1955.

Suárez de Peralta, Juan. Tratado del descubrimiento de las Indias

(1589). Mexico, SEP, 1949.

Tapia, Andrés de. Relación de algunas cosas de las que acaecieron al muy ilustre señor don Hernando Cortés, включено в La conquista de Tenochtitlan. Madrid, Historia 16, Crónicas de América. 1988.

Tello, Fray Antonio. Crónica miscelánea de la Sancta Provincia de Xalisco. Libro segundo. Guadalajara, Instituto Jalisciense de Antropología e Historia, 1968–1984.

Temaux-Compans, Henri. Voyages, relations et mémoires originaux pour servir à l'histoire de la découverte de l'Amérique. Paris, Arthus Bertrand, 1837–1841.

Tezozomoc, Fernando Alvarado. Crónica mexicayotl. México, UNAM, Instituto de Investigaciones Históricas, 1975.

Tezozomoc, Hernando Alvarado. Crónica mexicana. Mexico, Pornía, 1975.

Thomas, Hugh. La conquista de México. Barcelona, Planeta, 2000.

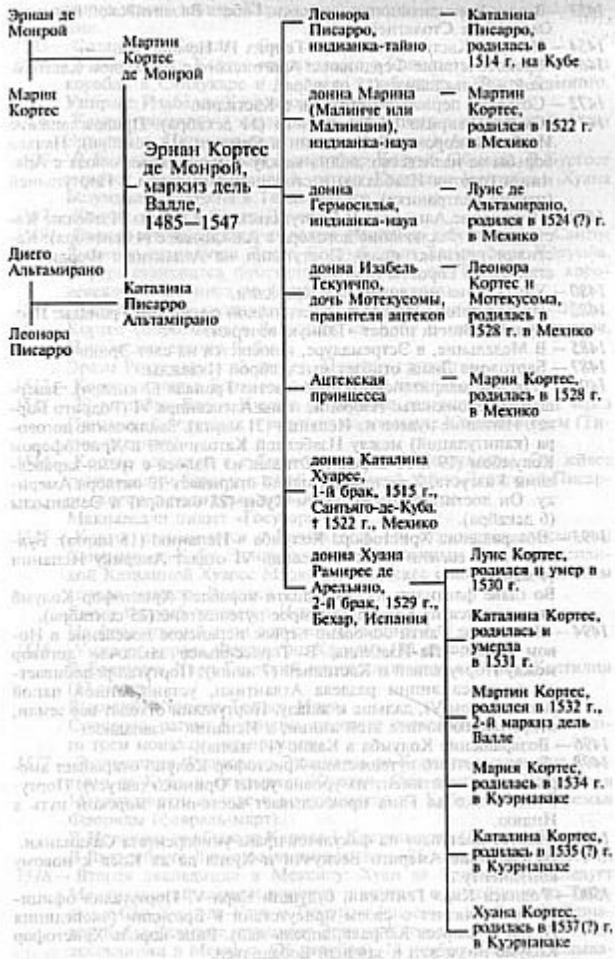
Torquemada, Fray Jyan de. Monarquía indiana. Mexico, Porrúa, 1975.

Villagutierre, Juan de. Historia de la conquista de Itzá (1701). Madrid, Historia 16, 1985.

Zavala, Silvio. La filosofía política en la conquista de América. Mexico, Fondo de cultura económica, 1977.

Zorita, Alonso de. Los señores de la Nueva España (Breve y sumaria relación de). Mexico, UNAM, 1963.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО КОРТЕСА

Эрнан де Монрой
Мартин Кортес де Монрой
Мария Кортес
Эрнан Кортес де Монрой, маркиз дель Валле, 1485—1547
Диего Альтамирано
Каталина Писарро Альтамирано
Леонора Писарро
Леонора Писарро, индианка-тайно
Каталина Писарро, родилась в 1514 г. на Кубе
донна Марина (Малинче или Малинцин), индианка-науа
Мартин Кортес, родился в 1522 г. в Мехико
донна Гермосилья, индианка-науа
Луис де Альтамирано, родился в 1524 (?) г. в Мехико
донна Изабель Текуичпо, дочь Мотекусомы, правителя ацтеков
Леонора Кортес и Мотекусома, родилась в 1528 г. в Мехико
Ацтекская принцесса
Мария Кортес, родилась в 1528 г. в Мехико
донна Каталина Хуарес, 1-й брак, 1515 г., Сантьяго-де-Куба. † 1522 г., Мехико
донна Хуана Рамирес де Арельяно, 2-й брак, 1529 г., Бехар, Испания
Луис Кортес, родился и умер в 1530 г.
Каталина Кортес, родилась и умерла в 1531 г.
Мартин Кортес, родился в 1532 г., 2-й маркиз дель Валле
Мария Кортес, родилась в 1534 г. в Куэрнаваке
Каталина Кортес, родилась в 1535 (?) г. в Куэрнаваке
Хуана Кортес, родилась в 1537 (?) г. в Куэрнаваке

ХРОНОЛОГИЯ

1453 – Взятие Константинополя турками. Гибель Византийской империи. Окончание Столетней войны.

1454 – На трон Кастилии восходит Генрих IV Немощный.

1469 – Бракосочетание Фердинанда Арагонского с Изабеллой Кастильской в Вальядолиде (18 октября).

1472 – Создание первой типографии в Кастилии.

1474 – Смерть Генриха IV Немощного (11 декабря). Провозглашение Изабеллы королевой Кастилии в Сеговии (13 декабря). Начало борьбы за наследство: война между сторонниками союза с Арагоном (партия Изабеллы) и сторонниками союза с Португалией (партия Белтранихи).

1479 – Поражение Альфонса V Португальского и победа Изабеллы Кастильской. Заключение договора в Алькасовасе (4 сентября): Кастилия признает права Португалии на Атлантику. Фердинанд становится королем Арагона.

1480 – Учреждение инквизиции в Кастилии.

1482 – Начало войны Изабеллы Кастильской с маврами Гранады. Леонардо да Винчи пишет «Тайную вечерю». 1485 – В Медельине, в Эстремадуре, появляется на свет Эрнан Кортес.

1487 – Бартоломе Диаш огибает мыс Доброй Надежды.

1492 – Падение мавританского королевства Гранада (2 января). Завершение Реконкисты. Избрание папы Александра VI (Родриго Борха). Изгнание иудеев из Испании (31 марта). Заключение договора (капитуляций) между Изабеллой Католичкой и Христофором Колумбом (19 и 30 апреля). Отплыв из Палоса с тремя каравеллами 3 августа, Христофор Колумб открывает 12 октября Америку. Он достигает Лукай, затем Кубы (28 октября) и Эспаньолы (6 декабря).

1493 – Возвращение Христофора Колумба в Испанию (15 марта). Буллой «*Inier caetera*» папа Александр VI отдает Америку Испании (4 мая).

Во главе флотилии из семнадцати кораблей Христофор Колумб отправляется из Кадиса во второе путешествие (25 сентября).

1494 – На острове Гаити основано первое испанское поселение в Новом Свете – Ла-Изабелла. В Тордесильясе заключен договор между Португалией и Кастилией (7 июня): Португалия добивается переноса линии раздела Атлантики, установленной папой Александром VI, дальше к западу. Португалии отходят все земли, открытые восточнее этой линии, а Испании – западнее.

1496 – Возвращение Колумба в Кадис (И июня).

1498 – В ходе третьего путешествия Христофор Колумб открывает американский континент на уровне устья Ориноко (август). Португалец Васко да Гама прокладывает восточный морской путь в Индию.

1499 – Кортес поступает на факультет права университета Саламанки. Путешествие Америго Веспуччи и Хуана де ла Коса к новому континенту.

1500 – Родился Карл Гентский, будущий Карл V. Португалия официально объявляет о своем присутствии в Бразилии (экспедиция Педро Альвареса Кабрала, апрель-май). Вице-король Христофор Колумб низложен и заменен Бобадильей.

1501 – Получив степень бакалавра, Кортес уезжает из Саламанки.

1502 – В Санто-Доминго отплывает Николас де Овандо, назначенный новым губернатором Индий. Несмотря на первоначальное намерение уехать с ним, Кортес отказывается от участия в экспедиции.

1503 – Создание в Севилье «Casa de contración».

1504 – В начале года Кортес отправляется в Севилью; затем садится на корабль в Санлукаре и 6 апреля прибывает в Санто-Доминго. Умирает Изабелла Католичка (26 ноября). 1505 – Кортес участвует в карательных операциях против индейцев на Эспаньоле. Получает должность «*escribano*» в Асуа.

1506 – В Вальядолиде умирает Христофор Колумб (20 мая). В Бургосе умирает Филипп Красивый, регент Кастилии (сентябрь). Хуана Безумная заключена в Тордесильясе.

1507 – Кортес живет в Санто-Доминго.

1509 – Овандо отозван; вице-королем Индий и губернатором Санто-Доминго становится Диего Колумб, сын Христофора Колумба. Кортес становится помощником Мигеля де Пассамонте, королевского чиновника по финансовым вопросам.

1511 – Диего Колумб назначает Диего Веласкеса губернатором Кубы. Кортес сопровождает Веласкеса на Кубу в качестве секретаря. Начало завоевания Кубы.

Эразм Роттердамский издает «Похвалу глупости».

1512 – Кортес живет в Баракоа, в восточной части Кубы.

1513 – 29 сентября Васко Нуньес де Бальбоа завершает переход через Панамский перешеек и вступает во владение Южным морем (Тихим океаном).

1514 – Кортес ссорится с губернатором Диего Веласкесом. Он живет гражданским браком с юной индианкой-тайно Леонорой Писарро, которая родит ему дочь Каталину Писарро. Макиавелли пишет «Государь».

1515 – Кортес примиряется с Веласкесом. Он становится

алькальдом Сантьяго-де-Куба. Эрнан сочетается законным браком с испанкой Каталиной Хуарес Маркаида. Веласкес становится крестным дочери-метиски Кортеса. Диего Колумб отозван в Испанию. На французский трон вступает Франциск I (1 января).

1516 – Умирает король Фердинанд Католик (23 января).

В Брюсселе Карл Гентский провозглашается королем Кастилии (13 марта).

Выходит «Утопия» Томаса Мора.

Сиснерос, регент Кастилии, передает управление Санто-Доминго трем монахам-иеронимитам.

1517 – Экспедиция Франсиско Эрнандеса де Кордова выходит из Сантьяго-де-Куба и открывает Юкатан. Она достигает Кампече в Мексиканском заливе и возвращается на Кубу вдоль побережья Флориды (февраль-март).

В Испанию прибывает Карлос I Кастильский (17 сентября).

В Виттенберге Лютер вывешивает свои «95 тезисов» (31 октября).

1518 – Вторая экспедиция в Мексику: Хуан де Грихальва исследует Мексиканский залив и вступает в контакт с индейцами из Табаско в Сан-Хуан-де-Улуа и Тукспане (апрель – ноябрь). Губернатор Кубы Веласкес назначает Эрнана Кортеса капитаном третьей экспедиции в Мексику (23 октября). 18 ноября Кортес отплывает из Сантьяго. Он останавливается в городе Тринидаде, чтобы завершить подготовку к экспедиции.

1519 – 10 февраля Кортес отплывает с Кубы во главе флотилии из десяти кораблей. Он вступает во владение Мексикой в Сентле, в Табаско (март). Эрнан встречает Марину (Малинче). Экспедиция следует дальше до Сан-Хуан-де-Улуа. 22 апреля конкистадоры высаживаются на берег. Послы Мотекусомы присутствуют на пасхальной мессе (24 апреля). Основание Веракруса (май). Союз с тотонаками из Семпоалы (июнь). Первая реляция – «Carla de relaciyn» (10 июля). Кортес приказывает затопить корабли на рейде Веракруса. Марш на Мехико. Союз с Тласкалой (сентябрь). Резня в Чолуле (18 октября). Вступление Кортеса в Мехико-Теночтитлан (8 ноября). Мотекусома взят в заложники (14 ноября).

Карлос I Кастильский становится императором Священной Римской империи под именем Карла V (28 июня).

1520 – Прибытие экспедиции Нарваеса в Веракрус (начало мая). Резня в Темпло Майор в Мехико (середина мая). Ацтеки забрасывают камнями Мотекусому (28 июня). Поражение испанцев в «Ночь Печали»: Кортес вынужден оставить Мехико (30 июня). Испанцы отступают в Тласкалу (июль). В Тепеаке Кортес пишет вторую реляцию (30 октября). Гибельная эпидемия оспы

(октябрь-декабрь).

Карл V уезжает из Испании в Германию (20 мая). Восстание комунерос в Кастилии (июнь). Во главе Оттоманской империи становится Сулейман Великолепный (сентябрь). 1521 – Кортес переносит свою ставку в Текскоко и начинает водную осаду Мехико (30 мая). 13 августа испанцы берут штурмом столицу ацтеков. Последний ацтекский правитель Куаугтемок взят в плен. Кортес, новый хозяин Мексики, переезжает в Койоакан. Комунерос разбиты под Вильяларом (21 апреля). Лютер отлучен от церкви. Магеллан открывает Филиппины и там погибает (27 апреля).

1522 – В Койоакане Кортес пишет третью реляцию (15 мая). Возвращение в Испанию Карла V (16 июля). Эрнан Кортес назначается губернатором, генерал-капитаном и верховным судьей Новой Испании (15 октября). Вскоре после своего приезда с Кубы в Койоакане умирает Каталина Хуарес, законная супруга Кортеса (1 ноября). Издание в Севилье второй реляции (8 ноября). Адриен Утрехтский, бывший духовник Карла V, избирается папой под именем Адриана VI.

1523 – Кортес усмиряет гуацтеков в Пануко (январь). В конце июля в Пануко высаживается Франциско де Гарай, губернатор Ямайки. Де Гарай отправляется в Мехико, где умирает 29 декабря. Педро де Альварадо отправляется завоевывать Гватемалу (декабрь).

В Севилье выходит третья реляция.

1524 – Кортес посылает Кристобаля де Олида в Гондурас морем (январь). Прибытие в Мексику двенадцати францисканцев (июнь). Мятеж Кристобаля де Олида в Гондурасе (июнь). 15 октября Кортес подписывает в Теночтитлане четвертую реляцию и личное письмо к Карлу V. В тот же день он выступает в поход на Лас-Гибуэрас.

1525 – Посреди земель майя, в глуши провинции Акалан, Кортес приказывает повесить Куауттемока (28 февраля). Кортес продолжает путь через Юкатан вдоль Тайсаля (озера Петен-Ица) и достигает в июне Гондурасского залива.

В отсутствие Кортеса в Мехико начинаются беспорядки. Губернатором Пануко назначается Нуньо Белтран де Гусман (4 ноября). Издание четвертой реляции в Толедо.

1526 – Кортес выходит из Трухильо в Гондурасе и возвращается морем в Веракрус (24 мая). 25 июня Кортес возвращается к управлению Новой Испанией. Уполномоченный короля Луис Понс де Леон снимает Кортеса с должностей губернатора и верховного судьи (2 июля). 20 июля Понс де Леон умирает. Пятая и последняя реляция (3 сентября).

1527 – Эстрада, налоговый инспектор Карла V, захватывает власть (22 августа) и изгоняет Кортеса из Мехико. Кортес посылает три корабля исследовать Молуккские острова (31 октября). Умирает Мартин Кортес, отец Эрнана.

Карл V приказывает сжечь все книги, написанные Кортесом (март).

Разграбление Рима войсками императора (с 6 мая). 1528 – В середине апреля Кортес уезжает из Веракруса в Испанию. В конце мая он сходит на берег в Палосе. Прежде чем предстать перед королем в Толедо, Кортес отправляется в Медельин и монастырь в Гваделупе. Аудиенция у короля в Толедо (сентябрь) и частное посещение Кортеса королем в его доме (декабрь). Прибытие в Мехико брата Хуана де Зумаррага, первого епископа Мехико (6 декабря).

1529 – Кортес женится в Бехаре на донне Хуане де Зунига, дочери графа д'Агилара (апрель). Кортес получает титул маркиза дель Балле; его титул генерал-капитана подтвержден, но пост губернатора Новой Испании ему не возвращают (6 июля). Нуньо де Гусман, назначенный председателем первой Аудиенции, сеет страх по всей Мексике.

Заключен договор, по которому Молуккские острова отходят к Португалии, а Филиппины – к Испании (22 апреля). Карл V покидает Испанию (27 июля).

1530 – Кортес возвращается в Мексику; после продолжительной остановки в Санто-Доминго он высаживается в Веракрусе (15 июля). Кортесу запрещают въезжать в Мехико. Он живет в изгнании в Текскоко вместе с четырьмя сотнями слуг и домочадцев. В Текскоко умирает его мать Каталина Писарро.

1531 – Прибытие второй Аудиенции (9 января). Кортес живет в Куэрнаваке с женой Хуаной.

1532 – 30 июня из Акапулько отправляется первая экспедиция, снаряженная Кортесом для исследования мексиканского тихоокеанского побережья. Начиная с ноября, он лично следит за работами на морских верфях в Тегуантепеке.

В Перу Франсиско Писарро вступает в Кахамарку (15 ноября). 1533 – Из Сантьяго-де-Колима отправляется вторая морская экспедиция в Тихий океан (30 октября).

В Перу испанцы захватывают Куско (15 ноября): Писарро становится новым хозяином империи инков. 1535 – Третья морская тихоокеанская экспедиция под командованием самого Кортеса. 3 мая Кортес вступает во владение Калифорнией в заливе Санта-Крус. В Мехико прибыл вице-король Мендоса (14 ноября).

Карл V захватывает Тунис (14 июля).

1536 – Кортес возвращается из калифорнийской экспедиции (апрель). Он посылает в Перу подкрепления для Писарро. Установление морской торговли между Мексикой и Перу. Торжественное открытие школы в Санта-Крус-де-Тлателолько, предназначенной для обучения индейцев (6 января).

1537 – Нуньо де Гусман заключен в тюрьму в Мехико (19 января). Булла «Sublimis Deus» папы Павла III о свободе индейцев (2 июня).

1539 – Из Акапулько в Калифорнию отплыла четвертая экспедиция (8 июля). Вице-король устанавливает свою монополию на морскую торговлю в Тихом океане (24 августа). Путешествие Маркоса де Ниса в Сиболу. Зумаррага издает первую печатную книгу на американском континенте – катехизис на науатле. 30 ноября на центральной площади Мехико по приговору инквизиции сжигают касика Текскоко дона Карлоса. Восстание во Фландрии.

1540 – Кортес отплывает в Испанию с сыновьями, оставляя в Куэрнаваке жену Хуану и дочерей. Васкес де Коронадо исследует северную часть Мексики.

1541 – Кортес принимает участие в морском походе против берберийских пиратов. Катастрофа в Алжире (25 октября).

В Сикстинской капелле Микеланджело завершает свой «Судный день».

1542 – Карл V устраивает в Монсоне прием в честь Кортеса. Император издает в Вальядолиде «новые законы» (20 ноября).

1543 – 13 мая Карл V уезжает из Испании, передав регентство своему шестнадцатилетнему сыну Филиппу.

1544 – Кортес в Вальядолиде. 3 февраля он пишет свое последнее письмо к императору.

В Севилье Лас Касас посвящен в епископы Чьяпаса.

1547 – 10 и 11 октября в Севилье Кортес диктует свое завещание. 2 декабря в Кастильехе-де-ла-Куэста, в окрестностях Севильи, умирает Эрнан Кортес. 4 декабря его хоронят в часовне герцогов Медины Сидонии в монастыре Сан-Исидро-дель-Кампо в Сантипонсе, недалеко от Севильи. 17 декабря в монастыре Святого Франциска в Севилье проходит траурная церемония.

1548 – Умирает Зумаррага, архиепископ Мехико.

1553 – Запрет биографии Кортеса, написанной Лопесом де Гомарой.

1558 – Умирает Карл V (21 сентября). Ему наследует сын Филипп II.

1562 – Трое сыновей Кортеса, проживавшие в Испании, уезжают в Мексику. В октябре они достигают Кампече и проводят три месяца на Юкатане.

1563 – В Мехико вступает Мартин Кортес, второй маркиз дель Валле (17 января).

1564 – 31 июля умирает Луис де Веласко, вице-король Новой Испании.

С помощью ревизора Херонимо Вальдеррамы креолы предпринимают попытку передать власть трем братьям Кортесам.

1565 – Несмотря на многочисленные просьбы, Мартин Кортес колеблется принять решение и взять власть в свои руки. 1566 – Братья арестованы и брошены в тюрьму по обвинению в заговоре.

1567 – Второй маркиз дель Валле и его брат Луис высылаются из Мексики и предстают перед Советом Индий в Испании. В июле в Мексику доставляют останки Кортеса и тайно хоронят в монастыре Текскоко.

Попытка восстановления кортезианского управления завершается провалом.

1571 – В Новой Испании учреждается инквизиция.

1629 – Перенос останков Кортеса в монастырь Святого Франциска в Мехико (февраль).

1794 – Строительство мавзолея Кортеса в церкви при госпитале Иисуса-Младенца в Мехико. Торжественное перезахоронение Кортеса 8 ноября.

1823 – Разрушение мавзолея Кортеса.

1836 – Перезахоронение останков Кортеса в потайной нише в стене церкви при госпитале Иисуса-Младенца. Там Кортес покоится по сей день.

notes

Примечания

1

Берберы (самоназв. – амахаг) – группа народов, коренное население Северной Африки, Центрального и Западного Судана.

2

Francisco López de Gómara. Historia de la conquista de México, México, Ed. Porrúa. 1997.

3

Relación de la salida que don Hernando Cortés hizo de España par alas Indias la primera vez. Рукопись № 3020 из Национальной библиотеки Мадрида. Некоторые исследователи склонны приписывать текст Лопесу де Гомаре. Опубликован в Documentos Cortesianos, México, UNAM-FCE, 1992. V. IV. P. 433.

4

Nació año de mlcccv en fin del mes de julio.

5

Gerónimo de Mendieta. Historia eclesiástica indiana. *Juan de Torquemad.* Monarquía indiana.

6

«Aquí estuvo la habitación donde nació Hernán Cortés en 1481». *Arturo Sotomayor,* «Cortés según Cortés». Extemporáneos. México. 1986. к. XII. Монумент на самом деле представляет собой надгробный камень, заказанный Кортесом в Медельине в 1530 году для могилы своего отца Мартина, похороненного в городском францисканском монастыре. На камне выбит герб Кортесов. Надпись сделана значительно позже и, очевидно, не слишком давно (около 1920 года). К доске добавлен каменный ригель с полустертой надписью – все, что осталось от дома, где родился Кортес.

7

Bemal Díaz del Castillo. Historia verdadera de la conquista de la Nueva España, México. Ed. Porrúa, 1980. P. 515.

8

В то время допускалось написание и «hijodalgo», то есть «сын такого-то».

9

De rebus gestis Ferdinandi Cortésii, in Colección de documentos para la historia de México, publicada por Joaquín García Icazbalceta. México, Ed. Porrúa. 1971, V. I. P. 310.

10

Relación de la salida. P. 433.

11

Как, например, Сервантес де Салазар в посвящении 1546 года, а позже и д'Аргенсола.

12

Hijo de un escudero que yo cognoscí, harto pobre y humilde, aunque cristiano Viejo y dicen que hidalgo. *B. de las Casas.* Historia de las Indias. México, Fondo de cultura económica, 1965, т. II. P. 528.

13

«Tenían poca hacienda, emperor mucha honra».

14

Celestino Vega. La hacienda de Hernán Cortés en Medellín, Revista de estudios extremeños. Badajos, 1948. Автор был врачом-офтальмологом в городе Дон Бенито, расположенном недалеко от Медельина.

15

Заявления, сделанные в Трухильо 2 июня 1525 года тремя жителями Медельина: отцом Диего Лопесом, Хуаном де Монтойя и Хуаном Нуньесом де Прадо в рамках рассмотрения вопроса о вступлении Кортеса в военный орден Сантьяго. Documentos cortesianos. V. I. P. 336–343.

16

Escribano de Nuestro Señor el Rey y notario público en su Corte. См. также: документ 1473 года, приведенный Франсиско Гарсиа Санчесом в его «La condesa de Medellín, Doña Beatriz de Pacheco». Medellín, 1997. P. 49.

17

Родовой замок Альтамирано еще и сегодня можно увидеть в Орельяне, в сорока километрах к востоку от Медельина.

18

Некоторые исследователи даже склонны утверждать, что в XV веке 90 процентов земель в Кастилии управлялись духовно-рыцарскими орденами. См.: *Francisco Gutiérrez Contereras.* Hernán Cortés. Barcelone, Salvat, 1986, P. 21.

19

См.: De rebus gestis… P. 310.

20

Documentos Cortesianos. V. I. P. 104.

21

«De rebus gestis…» P. 310–311. В ордене Алькантары ключник *(clavero),* то есть хранитель имущества, был помощником или заместителем великого магистра. Алонсо де Монрой занимал этот пост в течение многих лет, пока сам не стал гроссмейстером ордена. Он так и вошел в историю с прозвищем «el Clavero».

22

По данным Гомары, речь идет о Марии де Эстебан из Оливы. Хотя Эрнан был единственным сыном своих родителей, не исключено, что он мог иметь сводных братьев или сестер. Его отец Мартин Кортес вполне мог завести внебрачных детей, что в то время считалось обычным делом: сам король Фердинанд успел до брака с Изабеллой Католичкой обзавестись двумя бастардами. Косвенное подтверждение содержится в доносе нотариуса Диего де Оканьи: в сентябре 1526 года этот тип донес на двух помощников *(tenientes)* шефа безопасности *(alguacil mayor)* Мехико неких Бласко Эрнандеса и Диего Валадеса, сообщив, что они доводятся «сводными братьями означенному Эрнандо Кортесу» (cucados del dicho Hernando Cortes). Это вполне правдоподобно, учитывая, что Кортес всегда предпочитал ставить на полицейские должности в Мехико своих родственников и земляков, как, например, Гонсало де Сандоваля, уроженца Медельина, и своего кузена Родриго де Паса. Письмо Оканьи включено в Documentos cortesianos. V. I. P. 400.

23

См.: *Francisco García Sánchez.* El Castillo de Medellín. Medellín, Badajoz, 2000. P. 25. Римляне часто довольствовались захватом и перестройкой старых кельтских поселений. Это хорошо видно в Трухильо (Тургалиуме римлян), где у подножия замковых укреплений сохранился древний дольмен.

Стоит отметить, что облик города старались сохранить и не были разрушены даже синагога и главная мечеть. Примечательно и то, что обе церкви, построенные в Медельине в XIII веке после Реконкисты, возведены за пределами собственно города: церковь Сантьяго Матаморос построили на сцене бывшего римского театра, у склона холма, а церковь Святого Мартина, на въезде в город, возвышается на месте бывшего храма Плутона. Церкви Святой Сесилии, что стоит в самом центре города, на момент рождения Кортеса еще не существовало; ее построили на месте синагоги в начале XVI века. Эрнана крестили в церкви Святого Мартина в 1485 году; и сегодня там еще можно увидеть сохранившуюся купель.

25

Hugh Thomas. La conquista de México. Barcelona, Planeta, 2000. P. 154.

26

Место, выбранное Хуаном Пачеко, достаточно известно. Быки Гвизандо южнее Авилы на самом деле представляют собой гранитных кабанов, оставшихся с кельтских времен. Этот выбор места встречи с наследницей престола можно воспринять как напоминание о тысячелетней истории Кастилии, вросшей в эту землю.

27

Стремясь упрочить свое положение при короле Генрихе IV, маркиз добился обещания выдать Изабеллу замуж за его брата Педро Гирона, Великого магистра ордена Калатравы. Четырнадцатилетней Изабелле претила мысль о браке с этим грубым человеком, старше ее почти на тридцать лет. С помощью своей подруги Беатрисы де Бобадилья ей удалось отравить претендента на ее руку по дороге из Альмагро в Мадрид (1465 г.).

28

Francisco García Sanche., La condesa de Medellín. P. 72–77, 98—105. Беатриса Пачеко, графиня Медельинская, принадлежала к той породе знатных дам, что просто удивляют на редкость тяжелым характером. Она вошла в историю не только благодаря неутихавшей вражде с Изабеллой Католичкой, но из-за того, что пять лет продержала старшего сына в заточении в темнице своего замка. По смерти мужа, Родриго Портокарреро, графа Медельинского, она захотела присвоить его титул и владения, устранив собственного сына Хуана, который на законных основаниях требовал отцовского наследства. Медельинцы были настолько возмущены выходками графини, что в конце концов силой освободили заключенного, пробив в толстой стене замка дыру, которая сохранилась до сих пор. Эта история вдохновила Кальдерона де ля Барка на его знаменитую драму «Жизнь – это сон».

29

Хуан II Арагонский, он же Неверующий, взошел на арагонский трон в 1458 году. Он был женат дважды. Первый раз на Бланке, королеве Наваррской, от которой родился сын Карлос де Виана; второй – на Хуане Энрикес, принадлежавшей к кастильскому королевскому дому, которая родила Фердинанда в 1452 году. Увлеченный молодой женой король объявил наследником сына от второго брака в ущерб правам первенца Карлоса.

Все эти оценки весьма спорны и время от времени пересматриваются. Я привожу последние цифры по Пьеру Шоню. См.: Charles Quint. Paris, Fayard, 2000. P. 63–64, 88. Хосе Луис Мартинес, ссылаясь на данные Антонио Домингеса Ортиса (1980 г.), предлагает более высокие оценки: 15–20 миллионов жителей во Франции, восемь миллионов – в Испании и четыре миллиона – в Англии. См.: *J.L.Martinez.* Hernán Cortés. México, Ed. Porrúa. 1990. P. 52–56.

31

Мориски (исп. moriscos, от moro – мавр) – мусульманское население, оставшееся в Испании после падения эмирата Гранады, насильственно обращенной в христианство, но в своем большинстве продолжавшее тайно исповедовать ислам.

32

Население Канарских островов, берберского происхождения, оказало сопротивление попыткам колонизации, предпринятым в XIV веке Испанией и Португалией. Только французская экспедиция Жана де Бетанкура сумела добиться успеха. В 1402 году он захватил «Счастливые острова» (Ланзарот, Фуэртэвентура, Гомера, позже Хиерро); но финансируемый кастильским королем Бетанкур признал себя его вассалом и принес свои завоевания в дар кастильской короне.

33

De las islas de Canaria para bajo contra Guinea. См. текст Алькасоваского договора в части мореплавания. *Antonio Gutiérrez Escudero.* América: descubrimiento de un mundo nuevo. Madrid, Ed. Istmo 1990 P. 135–139.

34

Алькасовасский договор был подписан 4 сентября 1479 года и ратифицирован вместе с дополнительными главами по Гвинее и Канарским островам Изабеллой и Фердинандом 6 марта 1480 года в Толедо и Альфонсом V и его сыном принцем Хуаном 8 сентября того же года в Эворе.

35

Ахтерштевень (от голл. achtersteven) – нижняя кормовая часть судна в виде открытой или закрытой рамы, служащая продолжением киля.

36

Практически все хронисты XVI века допускают открытие Америки до Колумба. К ним относятся и Бартоломе де Лас Касас, и Франсиско Лопес де Гомара, и Гонсало Фернандес де Овиедо. Генуэзцу, возможно, просто посчастливилось поговорить с единственным уцелевшим участником экспедиции, который вскоре скончался, но успел перед смертью раскрыть секрет обратной дороги с Антильских островов. Перуанский хронист Гарсиласо де ла Вега, сын идальго из Эстремадуры и инкской принцессы, единственный из всех, кто приводит даже имя информатора «первооткрывателя» Америки: Алонсо Санчес де Гуэльва (Alonso Sánchez de Huelva). Вероятнее всего, это был португальский шкипер.

37

Текст приведен по Антонио Гутиерресу Эскудеро. С. 91–93.

38

Жена Колумба, португалка, мать Диего, умерла, и в 1492 году он снова считался свободным, хотя и жил с женщиной из Корду, которая родила ему сына Фернандо. Вторично Колумб в брак не вступал, и было выдвинуто предположение, что на этот предмет мог существовать тайный уговор между ним и Изабеллой, которая таким образом гарантировала себе положение первой дамы Америки.

39

«Святая Мария» потерпела крушение 25 декабря 1492 года, налетев на прибрежные коралловые рифы. Колумб высадил тридцать девять человек команды, построив для них временный форт, названный «Навидад» («Рождество»), Эти люди были убиты индейцами-тайнос.

Gerónimo de Mendieta, Historia eclesiástica Indiana. (1596), México Ed. Porrúa, 1980. P. 20.

Gutiérrez Escudero. P. 121.

42

См.: De rebus gestis. P. 311.

43

Уильям Прескотт, написавший в 1843 году «Историю завоевания Мексики», выдвинул предположение, что ученая степень была присвоена Эрнану университетом Саламанки постфактум, то есть после конкисты, «чтобы с гордостью включить Кортеса в число своих питомцев». Думать так – значит плохо знать университетские обычаи того времени. См.: *IV. Prescott,* Historia de la conquista de México. Ed. Porrúa, 1976. P. 111.

44

Las Casas. Op. cit. V. II. P. 528 (кн. III, гл. 27); Díaz del Castillo. Op. cit. P. 557, гл. 204.

De rebus gestis. P. 312.

См.: *Ursula Lamb,* Frey Nicolás de Ovando, gobernador de las Indias. Madrid, 1956; *Carlos Dobal,* Santiago en los albores del siglo XVI, Santo Domingo, UCMM, 1985. P. 233–237.

De rebus gestis. P. 312.

48

Обет безбрачия изначально распространялся на всех членов духовно-рыцарских орденов, как монахов, так и рыцарей. Но к XV веку он уже не был обязателен для светских рыцарей. Вспомним, что дворянство – *hidalguia* – передавалось в Кастилии от отца ко всем детям мужского пола, независимо от того, были ли они рождены в законном браке или же нажиты на стороне.

См.: *Documentos cortesianos V.* IV. P. 499.

50

Все детали этого путешествия 1504 года приводятся у Лопеса де Гомары и в De rebus gestis. P. 312–317.

51

О тайнос информацию можно почерпнуть, например, в следующих статьях и книгах: *C. Duverger,* Art taïno. Paris; Connaissance des Arts, H.S., № 50, 1994; и *D. Levine.* Les Américains de la première rencontre. «Amérique, continent imprévu», Paris, Bordas, 1992. P. 28–54.

Данные меры применялись с мая 1495 года.

53

Золото украшений тайнос обыкновенно даже не являлось золотом как таковым, а представляло собой сплав золота и меди, называвшийся «тумбага» на языке чибча и «гуани» на тайно.

Колумб сам признал это в знаменитом «Письме к кормилице», датированном 1500 годом. *Jacques Heers.* Cristophe Colomb. Paris, Hachette, 1981. P. 540.

См.: *De rebus gestis.* P. 318.

Relación de la salida. P. 434.

57

В 1980-х годах по инициативе президента Хоакина Балагера этот дом на пересечении улиц Эль-Конде и Лас-Дамас был реставрирован в рамках проекта восстановления колониального города Санто-Доминго. Здание было сдано в аренду Франции, власти которой организовали там культурный центр в 1989 году. С 2001 года там расположилось французское посольство, поэтому сегодня дом Кортеса известен как *Casa de Francia.*

См.: *Díaz del Castillo.* Op. cit. P. 556–557.

F. García Sánchez. El Medellín extremeño en América. Medellín, 1992. P. 105–114.

60

Диего Колумб родился в Фуншале на Мадейре в 1479 году от донны Фелиппы Перестрелло э Монис, жены-португалки Колумба, которая скончается в 1485 году в Лиссабоне.

61

Сын Колумба Фернандо писал: «Адмирал всегда находил короля настроенным крайне враждебно к нему и к его предприятиям». См.: *Fernando Colon.* Vida del Almirante. México, Fondo de cultura económica, 1947. P. 331.

62

Николас де Овандо скончается спустя два года в Севилье, в мае 1511 года, и будет предан земле в Алькантаре. После долгих лет покоя в приходской церкви его останки будут перезахоронены в 1998 году в незаконченной церкви великолепного монастыря Сан-Бенито, построенного в конце XV – начале XVI века, в эпоху расцвета ордена.

63

De rebus gestis. P. 318.

См.: *Cervantez de Solazar.* Op. cit. P 98.

См.: *Las Casas.* Op. cit. V. II. P. 505–506.

Этот крест из оливкового дерева существует и поныне. Он хранится в приходской церкви Баракоа.

67

Лас Касас (кн. III, гл. 27) дает понять, что конфликт между Диего Веласкесом и капитаном Франциско де Моралесом касался степени зависимости или независимости, которую надо было бы соблюдать в отношении Диего Колумба.

См.: *Las Casas.* Op. cit. V. III. P. 221.

Documentos cortesianos. V. IV. P. 500.

Díaz del Castillo. Op. cit. P. 556.

Las Casas. Op. cit V. II. P. 530.

72

См. буллу Климента VII от 16 апреля 1529 года в Documentos cortesianos. P. 40.

73

В 1514 году Диего Веласкес основал семь городов: Баракоа, порт на восточном побережье; Сантьяго, порт на юго-восточном побережье; Байамо, во внутренней части острова, в ста двадцати километрах к западу от Сантьяго; Пуэрте-дель-Принсипе, названный так в честь будущего Карла V, на месте современного Нуэвитаса на северо-восточном побережье; Тринидад, порт в центре южного побережья; Санкти-Спиритус, город-спутник Тринидада, на семьдесят километров в глубь острова; Сан-Кристобаль-де-ла-Гавана, порт на юго-западном побережье. Этот последний город был перенесен на его современное место расположения, на северное побережье, в

74

Официально город Успения Пресвятой Богородицы Баракоасской был просто перенесен на место Сантьяго. Это объясняет тот факт, что в период 1514–1519 годов по причинам юридического характера новый город назывался Сантьяго-де-Баракоа. В 1519 году Вилла де Баракоа получил новый статус; с этого времени Сантьяго более не нуждался в двойном имени, став отдельным независимым образованием. Очевидно, что Кортес с 1514 года был мэром Сантьяго, а не Баракоа.

Тремя иеронимитами были Алонсо де Санто-Доминго, Луис де Фигуэроа и Бернардино де Манзанедо. К ним примкнул еще один иеронимит Хуан де Сальватьерра. Лас Касас первоначально разделял их позицию, но очень скоро с ними рассорился.

76

В течение всего XVI столетия Америку продолжали называть «Мидиями», поддерживая фантазии Колумба с упорством, выходящим за пределы разумного. Выражение «Новый Свет» *(«Mundus novus»)* впервые применил в 1503 году флорентийский мореплаватель Америго Веспуччи. Повествуя о своем плавании вместе с Алонсо де Охедой и Хуаном де ла Коса вдоль берегов залива Пария (дельта Ореноко), Веспуччи слукавил о времени этого путешествия, чтобы приписать себе славу открытия нового континента. Его экспедиция состоялась не в 1497 году, как он утверждал, а в 1499-м, то есть спустя год после третьего путешествия Колумба. Не исключено, что именно эта ложь подтолкнула лотарингского космографа из Сент-Дье Гилакомилуса Вальдземюллера окрестить в 1507 году неизвестный континент именем Америка в честь Америго Веспуччи, его мнимого первооткрывателя. Но это название прижилось очень и очень нескоро.

77

Неведомая земля (лат.).

Diaz del Castillo. Op. cit. P. 5.

Ibid.

Las Casas. Op. cit. V. III. P. 157.

81

Francisco Cervantez de Solazar. Crónica de la Nueva España. México, Ed. Porrúa, 1985. P. 61.

82

Франсиско Эрнандес де Кордова, по всей вероятности, доводился родственником Гонсало Эрнандесу де Кордове, прославленному «Великому капитану» итальянских войн, который в 1491 году вел переговоры о сдаче Гранады.

С этой целью Веласкес направил в Европу двух эмиссаров: своего друга Гонсало де Гусмана и капеллана брата Бенито Мартина.

Наиболее ценное свидетельство принадлежит священнику Хуану Диасу, капеллану Грихальвы, который оставил после себя труд «Itinerario de la armada del rey catélico a la isla de Yucatan, en la India, en el año 1518, en la que fue por comandante y capitán general Juan de Grijalva». Этот текст, дошедший до нас в итальянском переводе 1520 года, опубликован в сборнике Colección de documentos, García Icazbalceta, México, Ed. Porrúa, 1971. V. I. P. 281–308.

Díaz del Castillo. Op. cit. P. 17.

86

Gonzalo Fernández de Oviedo. Historia general y natural de Indias. Madrid, Ed. Atlas, 1959. V. *И*. P. 122.

Díaz del Castillo. Op. cit. P. 19.

Cervantes de Solazar. Op. cit. P. 80–81.

Díaz del Castillo. Op. cit. P. 32.

Juan Díaz. Op. cit. P. 306.

De rebus gestis. P. 548.

«Под этим знаменем победишь» (лат.).

Andrés de Tapia. Relaciyn. P. 67.

Нотариусами (*escribanos del rey*) были Диего де Годой, Фернан Санчес де Агилар и Джеронимо де Аланис. Священники были представлены отцом Хуаном Диасом, священником и ветераном экспедиции Грихальвы, и братом Бартоломе де Ольмедо.

Gomara. Op. cit. P. 17.

Díaz del Castillo. Op. cit. P. 39.

Эти пушки были примитивными «ломбардами», разработанными в XIV веке в Ломбардии. Во Франции прозвище этих орудий было искажено и превратилось во всем известную «бомбарду».

Diaz del Castillo. Op. cit. P. 42.

Las Casas. Op. cit. V. III. P. 173–174.

100

Следуя обычаю, позаимствованному у амазонских индейцев, майя отмечали центр своих городов гигантским деревом яксче *(ceiba pentandra),* которое живет до пятисот лет и может достигать шестидесятиметровой высоты.

Diaz del Castillo. Op. cit. P. 58–62.

102

Muñoz Camargo. Historia de Tlaxcala. México, Ed. Innovación, 1978. P. 173.

103

См.: Sahagún, Historia general de las cosas de Nueva España, Mexico, Ed. Porrúa. 1975. P. 723–724.

104

О том, что *«teules»* является испанской транскрипцией ацтекского слова *«текутли»,* свидетельствует письмо Карла V к Кортесу от 26 июня 1523 года, в котором испанский король по обычаю того времени называет индейских вождей *«teules y señores principales».* См.: Documentos cortesianos, V. I. P. 267.

105

Об основании Веракрус. См.: Díaz *del Castillo.* P. 71–74. *López de Gomara.* P. 47–50; *Cervantes de Solazar,* P. 153–159.

106

См.: *Joseph Pérez.* La Révolution des «comunidades» de Castille (1520–1521), Bordeaux, 1970. P. 139; *Pierre Chaunu.* Charles Quint. Paris, Fayard, 2000. P. 124, 145.

107

Лас Касас передает тон послания в своей Historia de las Indias. P. 256–259.

Ibid. P. 257.

109

Рукопись письма была найдена в 1777 году Уильямом Робертсоном в Императорской библиотеке в Вене. Она была включена во все современные издания Cartas de relación Кортеса.

Cortés. Cartas de relación. México, Ed. Porrúa, 1976. P. 19.

Ibid. P. 23.

112

Даже спустя пятьдесят лет Диас дель Кастильо не мог примириться с тем, что его дорогой Кортес присвоил себе эту королевскую привилегию: «И хуже всего, что мы позволили ему взять пятую часть всего золота, что отыскали после того, как собрали королевскую квинту».

Cortés. Op. cit. P. 38.

Díaz del Castillo. Op. cit. P. 131.

Diego Muñoz Camargo. Historia de Tlaxcala. P. 191.

Cortés. Seconde Relation. P. 41.

Díaz del Castillo. Op. cit. P. 159.

Cortés. Op. cit. P. 52.

Ibid. P. 62.

120

Образ жизни (лат.).

121

О высадке Нарваеса имеется множество письменных свидетельств. См.: *Cervantes de Solazar.* P. 383–443, *Cortés.* P. 69–77; *López de Gomara.* P. 137–145; *Tapia.* P. 113–119; *Díaz del Castillo.* P. 211–247; *Francisco de Aguilar.* Relación breve de la conquista de la Nueva España, México, UNAM, 1967. P. 83–85.

Есть и другие версии, более лестные для Кортеса. Диас дель Кастильо, непосредственный участник тех событий, утверждает, что вождей-заложников взяли с собой и те погибли на дамбе во время ночного боя.

123

López de Gomara. P. 157.

Cortés. Op. cit. P. 85.

125

У этого «чуда» может быть объяснение. Не исключено, что «возвышение», на котором находился «киуакоатль», было главной пирамидой Теотиуакана, которая, несмотря на разрушения, все еще сохраняла для ацтеков свое священное значение. Взяв пирамиду штурмом и захватив мексиканского вице-императора, Кортес захватил власть над мифическим городом, в котором по бытовавшим верованиям был создан мир ацтеков благодаря первому жертвоприношению. Кортес одержал не столько военную, сколько психологическую и религиозную победу. Понимание менталитета противника всегда выделяло Кортеса из ряда других завоевателей. «Битва при Отумбе», которой более подошло бы название «битва при Теотиуакане», подробно описана хронистами. Используются разные варианты названия места: как Отумба, так и Отомпан. См.: *Diaz del Castillo.* P. 259–260; *Cortés.* P. 85; *López de Gomara.* P. 157–158; Historia de Tlaxcala. P. 225–229.

126

Документ датирован 3 сентября 1520 года. Он приводится в Documentos cortesianos. V. I. P. 114–128.

127

Документ от 28 сентября 1520 года. Ibid. P. 129–147.

128

Документ от 4 октября 1520 года. Ibid. P. 148–155.

129

Октябрь 1520 года. Ibid. P. 156–163.

130

Вторая реляция вышла из типографии Якоба Кромбергера 8 ноября 1522 года в Севилье. В следующем году реляция была переиздана в Сарагосе. В 1524 году она вышла на латинском языке в Нюрнберге в типографии Фридриха Рейпуса вместе со знаменитым планом Теночтитлана, который был заказан Кортесом у мексиканского «тлакуило» и послан императору в 1521 году.

131

См.: *Cortés.* P. 96.

José Luis Martínez. Hernán Cortés. P. 187.

Cervantes de Salazar. Op. cit. P. 445.

См.: Historia de la conquista de México. México, Ed. Porrúa, 1976. 634. *Tezozomoc,* Crónica mexicayotl. México. UNAM, 1975.

135

Фьеф (фр. fief) – в странах Западной Европы в Средние века земельное владение или фиксированный доход (в деньгах или в натуре), пожалованные сюзереном своему вассалу в наследственное владение под условием несения последним в пользу первого феодальных служб.

136

В октябре 1520 года в Веракрус прибыли в весьма плачевном состоянии шестьдесят уцелевших участников экспедиции, направленной в Мексиканский залив Гараем под началом Диего Камарго. В начале ноября пришел корабль Мигеля Диаса де Аукса, которого Гарай послал на поиски Альвареса Пинеды и Диего Камарго. В начале декабря показался еще один корабль под командованием Рамиреса эль Вьехо, разыскивавшего уже Диаса де Аукса. По замечанию Диаса дель Кастильо, у первых была «кишка тонка» – «зеленый живот» *(«panciverdetes»),* а у последних – «крепкая спина» *(«lomos recios»),* то есть они «крепко стояли на ногах».

Martin Luther. Oeuvres. Labor et Fides, 1966. V. II. P. 316.

138

Реляция Кортеса о взятии Теночтитлана пестрит фразами, преисполненными сочувствия: «Большая жалость видеть все это». «То, что мы делали, причиняло мне боль и страдание». «Ничто в мире не было жалостнее вида этих женщин и детей, обездоленных и умирающих от голода». *Cortés.* Troisième Relation. P. 155–157.

139

Эти «сведения Диего Веласкеса против Эрнана Кортеса» опубликованы в Documentos cortesianos. V. I. P. 170–209.

Diaz del Castillo. P. 374.

141

López de Gomara. P. 208.

Díaz del Castillo. P. 375.

143

См.: *Diaz del Castillo.* P. 379–380; *Lopez de Gomara.* P. 213–214; *«provision»* Кристобаля де Тапии воспроизведена в «Documentos cortesianos». V. I. P. 210–218.

144

Подробности поручения Гаттинары описаны у Лопеса де Гомара и Диаса дель Кастильо. Последний, впрочем, допустил ошибки в датах.

145

Опись, переданная Антонио де Киноньесу и Алонсо де Авиле в июле 1522 года, приводится в двух текстах, которые были нотариально заверены в Койоакане 19 мая 1522 года. Documentos cortesianos. V. I. P. 232–238, 242–249. Мы также располагаем описью, составленной в Севилье при получении груза с корабля «Santa Maria de la Rabida», которому единственному удалось ускользнуть от французских корсаров и добраться до Испании. *Ibid.* P. 239–241.

Documentos cortesianos. V. I. P. 250.

147

Sahagún. Op. cit. P. 719–720, пролог к книге XII.

Díaz del Castillo. Op. cit. P. 185.

149

Письмо, направленное в Мадрид 7 марта 1525 года. Текст приводится у Франсиско Гарсии Санчеса в «El Medellín extremeño en América». Medellín, 1992. P. 310–313.

Также возможно, что цвета кварталов имели смысловое значение в доиспанской символике.

Diaz del Castillo. P. 371.

152

Имеется бесчисленное количество описаний у Берналя Диаса дель Кастильо. См. также: *López de Gomara.* Op. cit. P. 336.

Diaz del Castillo. P. 394.

154

В книге мексиканского историка Гиллермо Поррас Муньос «El gobierno de la ciudad de México en el siglo XVI» (México, UNAM, 1982. P. 207–208) приводятся показания Луиса Кортеса, взятые в 1565 году, в которых он утверждает, что ему тридцать восемь лет. Таким образом, он мог родиться в 1527 году.

155

Diaz del Castillo. P. 556. Все исследователи бездумно повторяли вслед за Гомарой, что эта донья Эрмосилья была испанкой. Но это маловероятно в обстановке того времени, и мне не удалось найти доказательств этого утверждения. Поскольку Кортес повыдавал всех своих индейских сожительниц замуж за испанцев, не исключено, что мать Луиса известна нам только под именем, принятым при бракосочетании. Но носить испанское имя еще не значит быть испанкой. И надо отметить, что Диас дель Кастильо нигде ни одним словом не обмолвился, что мать Луиса была кастильянкой.

«Было нам сообщено тобою» (лат.).

157

Об основании Белвисской обители и истории францисканцев-реформаторов провинции Святого Гавриила можно узнать из книги Прието. *Hipólito Amez Prieto,* OFM, La Provincia de San Gabriel de la Descalcez franciscana extremeña, Guadelupe, Ediciones Guadalupe, 1999.

158

История восстания Энрикильо подробно изложена у Лас Касаса.

159

Он напишет свою «Historia de los Indios de la Nueva España» между 1536 и 1540 годами.

См.: *Christian Duverger*. La Conversion des Indiens de Nouvelle-Espagne. Paris, Seuil, 1987.

161

См.: Cartas y documentos. México, Ed. Porrúa, 1963. P. 347–353.

162

Кортес показательно отказался даже от ввоза пороха из Испании, наладив местное производство. Серу приходилось добывать из кратера вулкана Попокатепетля более 5400 метров высотой!

163

См.: Cartas y documentos. P. 353–356.

Ibid. P. 355.

165

См.: *Cortés.* Cartas de relación. P. 210.

Ibid. P. 203.

167

Из 238 членов экспедиции Магеллана в живых осталось только 18. В плачевном состоянии путешественники сумели добраться до Санлукара-де-Баррамеда на борту единственного уцелевшего судна «La Victoria».

Cortés. P. 163.

169

Текст этих «указаний», подписанных Франсиском де лос Кобосом в Вальядолиде в июне 1523 года, приводится в «Documentos cortesianos». V. I. P. 265–271.

Ibid. P. 267.

171

Грамота Карла V Эрнану Кортесу от 10 декабря 1523 года. *Ibid.* P. 276.

172

См. текст грамоты в «Documentos cortesianos». V. I. P. 262–264. Этот документ был официально вручен Кортесу эмиссаром короля в присутствии Диего де Окампо, главного алькальда Мехико, 3 сентября 1523 года.

Cortes. P. 190–191.

Gomara. P. 219.

Cortes. P. 195.

176

Cartas y documentos. P. 443.

177

Ibid. P. 450.

Ibid. P. 448.

Ibid. P. 449.

Cortes. Cartas de relacion. P. 221.

Diaz del Castillo. P. 457.

Ibid. P. 470.

183

Буссоль – инструмент для измерения магнитного азимута направлений на местности.

Cortes. P. 230.

Diaz del Castillo. P. 559.

186

Этот исторический факт приведен францисканским хронистом Бернардо де Лисаной (Bernardo de Lizana) в его «Historia de Yucatan» (1633 г.) и повторен затем Хуаном де Виллагутьерре (Juan de Villagutierre) в 1701 году в его «Historia de la conquista de la provincial de Itza» (кн. II, гл. 4). Широкую известность этому эпизоду принесла новелла Б. Травена (B. Traven).

187

За этой торговлей, обличенной Кортесом в его пятой реляции, стоял некто Педро Морено, подозрительный тип, впрочем, вхожий в Аудиенцию Санто-Доминго.

Его распоряжения приведены в «Documentos cortesianos». V. I. P. 347–356.

189

«Los frailes, como secretaries de las voluntades del pueblo». Письмо Кортеса к Аудиенции Санто-Доминго от 13 мая 1526 года. Включено в Documentos cortesianos. V. I. P. 365.

190

Письмо Карла V к Эрнану Кортесу от 4 ноября 1525 года. См. Documentos cortesianos. V. I. P. 344–345.

191

См.: *Díaz del Castillo.* P. 511.

192

«Те, кто показал себя слугами короля, полагали быть принесенными в жертву по обычаю индейцев, если кандидат [Агилар] отрешится от власти». V. I. P. 396.

193

Cortés. P. 277.

194

См.: первое письмо Кортеса королю Карлу V от 11 сентября 1526 года. Documentos cortesianos. V. I. P. 404.

195

Второе письмо Кортеса к Карлу V от 11 сентября 1526 года. Documentos cortesianos. V. I. P. 411.

196

См.: *«Mandamiento de Marcos de Aguilar»,* 5 сентября 1526 года. Documentos cortesianos. V. I. P. 387–390.

197

Письмо Эрнана Кортеса к своему отцу Мартину Кортесу от 26 сентября 1526 года. Documentos cortesianos. V. I. P. 417.

Díaz del Castillo. P. 556.

199

Письмо Эрнана Кортеса к своему отцу от 23 сентября 1527 года. Documentas cortesianos. V. I. P. 480.

200

Среди прочего (лат.).

201

Все эти документы от 27 и 28 мая 1527 года, относящиеся к экспедиции на Молуккские острова, приведены в Documentos cortesianos. V. I. P. 439–464.

Díaz del Castillo. P. 518.

203

Имеются в виду все так называемые «готические» издания реляций Кортеса. Вторая реляция издавалась дважды: Кромбергером в ноябре 1522 года в Севилье и Коси Алеманом в январе 1523 года в Сарагосе; третья реляция была напечатана также Кромбергером в марте 1523 года в Севилье; четвертая реляция выдержала два издания: 1525 года Гаспара де Авила, Толедо и 1526 года Хорге Костильи, Валенсия. Запрет объясняет величайшую редкость этих изданий. Кортес протестовал против этой меры через своего адвоката Франсиско Нуньеса. Реакция властей была довольно странной: запрет не был снят, но вместо этого были уничтожены все оригиналы запрещающего указа!

Diaz del Castillo. P. 522–523.

205

См. одну из тайных инструкций в Documentos cortesianos. V. III. P. 13–15.

206

В письме к императору от января 1531 года Гусман оправдывает работорговлю, заявляя: «Если я и дозволил вывозить рабов из провинции Пануко… то потому только, что не ведал воли Вашего Величества сего не делать ни из указа, ни из грамоты». Joaquín arcia Icazbalceta, *«Don fray Juan de Zumárraga»,* México, Ed. Porrúa, 1947. V. I. P. 46. «Si licencia ha dado de sacar esclavos de la provincial de Panuco… púdelo hacer no tengo mandamiento de V.M. para que no se hiciese, nip or instrucción ni cédula…».

207

Например, в одном из своих последних писем к отцу, датированном 26 сентября 1526 года, он сообщал: «О том, что касается прибытия донны Хуаны, я не хочу говорить, поскольку предпочел бы сам приехать, нежели доставить ей эту хлопоту». Documentos cortesianos. V. I. P. 417.

См.: *Hugh Thomas.* P. 655.

Díaz del Castillo. P. 524.

210

См. грамоту Карла V от 1 апреля 1529 года, отправленную из Сарагосы. Documentos cortesianos. V. III. P. 38.

López de Gomara. P. 273.

212

Грамота от 6 июля 1529 года. Воспроизведена в Documentos cortesianos. V. III. P. 53.

213

См.: Documentos cortesianos. V. III. P. 63–75.

См.: *Joaquín García Icazbalceta.* Don fray Juan de Zumárraga. V. II. P. 169–245.

215

Эти две грамоты, выданные в Торрелагуне, к северу от Мадрида, приведены в Documentos cortesianos. V. III. P. 113–115. Они ошибочно приписываются королеве Хуане Безумной, которая, находясь взаперти в своей резиденции-тюрьме в Тордесильясе, утратила всякое политическое значение после поражения комунерос.

Ibid. P. 59–61.

Ibid. V. II. P. 145–197.

См.: Documentos cortesianos. V. II. P. 198.

219

См.: Documentos cortesianos. V. IV. P. 51–59.

220

Речь идет о романе «Las sergas de Esplandián» Гарсии Ордоньеса де Монтальво (Garci Ordonez de Montalvo), вышедшем в 1510 году как весьма вольное продолжение «Amadis de Gaula». Название «Калифорния» распространилось очень быстро. Оно встречается уже у Гомары в 1552 году.

221

Об исследовании Калифорнии Кортесом см.: *López de Gomara.* P. 276–280; *Díaz del Castillo.* P. 539–544.

222

Грамота Карла V, пожалованная Эрнану Кортесу (Мадрид, 1 марта 1535 года), приведена в Documentos cortesianos. V. IV. P. 142.

223

Грамота Карла V (Барселона, 17 апреля 1535 года). См.: Documentos cortesianos. V. IV. P. 145.

Juan Suárez de Peralta. Tratado del descubrimiento de las Indias (1589), México, SEP, 1949. P. 81–82.

Díaz del Castillo. P. 544–550.

Christian Duverger. Le théâtre des Indiens de Nouvelle-Espagne, Cahiers de la Comédie-Française, Paris, POL, № 3, 1992. P. 7—21.

López de Gomara. P. 280.

228

Текст буллы «Sublimis Deus» от 2 июня 1537 года. См.: Christian Duverger, La Conversion des Indiens de Nouvelle-Espagne, Paris, Ed. Du Seuil, 1987. P. 265–266.

229

Proceso inquisitorial del cacique de Tetzcoco. Mexico, Publicaciones de la comisión reorganizadora del archivo general y público de la nación. V. I. 1910.

Эта одиссея от Флориды до Найярита описана Кабесой де Вакой в хронике, известной под названием «Naufragios». См.: *Alvar Núñez Cabeza de Vaca, Naufrages et Commentaires.* Paris, Fayard, 1980.

231

Донесение Маркоса де Нисы (Marcos de Niza) было опубликовано впервые в 1556 году, в Венеции, в итальянском переводе, войдя в том III «Navigationi e Viaggi» Джованни Батисты Рамузио (Giovanni Battista Ramusio).

López de Gomara. P. 335.

233

Альварадо скончался в возрасте пятидесяти шести лет, раздавленный собственной лошадью. Луису де Кастилья на вопрос: «Что болит?» – он ответил: «Душа».

234

Было два брата Барбаросса (Рыжая Борода). Эти пираты были сыновьями греческого ренегата, то есть христианина, перешедшего в ислам, и союзниками турок. Они держали на Средиземном море флот из сорока галер. В 1516 году они захватили Алжир, затем Бизерту и Тунис. Противником Карла V в данном случае выступал второй брат Барбаросса, Хайр эд-Дин, скончавшийся в Константинополе в 1546 году.

López de Gomara. P. 337.

236

После съезда в Вальядолиде Хуан Гиннес де Сепульведа (Juan Ginés de Sepúlveda) написал на латыни в 1544 году трактат в форме Сократова диалога о законности испанских завоеваний в Америке. Его «Democrates alter» был переведен на испанский под названием «Tratado sobre las justas causas de la guerra contra los indios». Трактат переиздан Фондом экономической культуры (Fondo de cultura económica, México, 1979).

237

См.: Documentos cortesianos. V. IV. P. 176–180; 271–273.

238

Бартоломе де Лас Касас упоминает этот прием в книге «Historia de las Indias». V. III. P. 226.

239

Это письмо хранится в «Archivo general de Indias» в Севилье. См.: Documentos cortesianos. V. IV. P. 267–270.

240

Ibid. V. IV. P. 313–341. К завещанию от 11–12 декабря сделана приписка от 2 декабря, которая не имела большого значения и главным образом выражала раздражение Кортеса поведением его сына Луиса.

Ibid. P. 319.

242

Университеты Лимы и Мехико учреждены королевским указом, подписанным 21 сентября 1551 года в Вальядолиде. Университет Мехико был официально открыт два года спустя, 25 января 1553 года.

243

Этот дом сохранился и находится на главной улице *Castillejade-la-Cuesta,* бывшей Королевской улице. В 1854 году он был куплен отпрысками королевского дома, которые установили в память конкистадора мемориальную доску.

См.: *Cervantes de Solazar.* Op. cit.

245

Ацтеки исчисляли время циклами в пятьдесят два года. Смена циклов отмечалась особой церемонией нового огня. Последнее празднование этого события в доиспанский период состоялось в 1507 году. Соответственно, новый цикл начался в 1559 году.

Las Casas. V. III. P. 227.

247

Речь идет о Родриго Пачеко де Осорио, маркизе де Серральво (Rodrigo Pacheco de Osorio, marqués de Cerralvo).

Вторая, третья и четвертая реляции содержатся в томе II «Historiadores primitivos de las Indias occidentals», изданном Андресом Гонсалесом де Барсия (Andrés González de Barcia) в 1749 году в Мадриде.

249

Брат Тереза де Мьер (Teresa de Mier) был вынужден повторить клятву месяц спустя, 12 декабря 1794 года, на праздник Богоматери Гваделупской, также избранной сепаратистами своим символом. Его отлучили от церкви и посадили в испанскую тюрьму, но монах сумел бежать и принял участие в войнах за независимость.

250

Этот документ 1836 года был опубликован Альберто Марией Каррено. См.: *Alberto María Carreño.* Hernán Cortés y el descubrimiento de sus restos. Memorias de la Academia mexicana de la Historia, México, oct.-déc. 1947 г. V. VI. № 4. P. 301–403.

251

Мы не располагаем ни одним портретом Кортеса, написанным с натуры. Эрнан ни разу не согласился позировать. Все его портреты были выполнены после его смерти. Чуждый самолюбования Кортес желал, чтобы о нем судили только по его делам.